Альманах Народного литобъединения «Заполярье»

№ 19, 2019 год
Юбилейный выпуск
12+

ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа»

Народное литературное объединение «Заполярье»

Выпускающий редактор:

Е.И. Вергунова

Над номером работали:

И.М. Селиверстова
Л.Ю. Широкая
М.В. Измайлова

Фотографии из открытых источников и архива ЛитО «Заполярье»

© ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа», 2019
© Все авторы, текст, 2019
© И.М. Селиверстова, Л.Ю. Широкая, макет, составление, 2019

Издание финансировано в рамках государственной программы Ненецкого автономного округа «Развитие культуры и туризма»

Уважаемые литераторы и читатели!

23 января 2019 года исполнилось 85 лет со дня создания Народного литературного объединения «Заполярье» – старейшего на Севере России. Уникальная история объединения неразрывно связана со становлением и развитием Ненецкого автономного округа, которому в 2019 году исполняется 90 лет.

Мы поздравляем вас с этими знаменательными датами и желаем увлекательного путешествия по страницам нашего специального выпуска альманаха. Уверены: вы получите большое удовольствие, откроете для себя новые имена, встретитесь с уже полюбившимися авторами, узнаете интересные факты из истории округа, познакомитесь с культурой и традициями коренного ненецкого народа.

Желаем вам приятного чтения!

Народное литературное объединение «Заполярье»
Об альманахе

История Народного литературного объединения «Заполярье», сокращённо ЛитО, началась с первого заседания литературного кружка в редакции окружной газеты «Няръяна вындер» 23 января 1934 года. Инициаторами создания объединения считаются журналисты газеты Георгий Иванович Суфтин и Иван Николаевич Меньшиков.

Основной вклад этого объединения – формирование литературы Ненецкого автономного округа, в том числе на ненецком языке. Занятия в кружке стимулировали к литературному творчеству, познанию его основ, вовлекали в писательскую деятельность местную молодёжь, нацеливали на сбор и сохранение фольклорного материала.

С 2004 года ЛитО «Заполярье» действует на базе ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа». В 2009 году ему присвоено звание «Народный самодеятельный коллектив».

В 2019 году в Народном литературном объединении «Заполярье» состоит 47 авторов.

Альманах № 1 – сборник произведений ЛитО «Заполярье» – вышел в 1935 году. Он стал первой «книгой», выпущенной в нашем округе. Второй сборник увидел свет в 1936 году. Великая Отечественная война прервала деятельность объединения. Следующие выпуски были изданы в 1959, 1988 и далее с 2004 года по настоящее время ежегодно.

В истории альманаха есть свои интересные страницы. Выпуски 1935 и 1936 годов содержали материалы совершенно разные по литературному уровню, но это были первые шаги местных авторов в искусстве поэзии и прозы. Альманах № 3 1959 года содержит материалы, больше напоминающие сводки, газетные информационные статьи, агитационные заметки. Альманах № 4 существует в двух видах: на страницах газеты «Няръяна вындер» в 1988 году и в сборнике, выпущенном в 2004 году под редакцией Любови Царьковой, которая до 2019 года и занималась сбором, редакцией материалов для журнала.

С 2004 года в истории альманаха определилась новая, но перекликающаяся с первыми выпусками концепция: лояльность подхода к отбору материалов, общность интересов и взглядов, сохранение и развитие ненецкого языка, сосуществование в едином коллективе опытных и начинающих авторов.

Альманах – литературная летопись нашего округа, стартовая площадка для молодых авторов, возможность поделиться своими мыслями и опытом. Пусть он таким и остаётся.

В альманахе № 19 размещена подборка поэзии и прозы из 18 альманахов, начиная с 1935 года, за исключением журнала в газете. Представлены многие авторы, особенно из числа тех, кто жил и живёт в округе, посвятил своё творчество нашему краю, внёс значительный вклад в сохранение и развитие литературы Ненецкого автономного округа. К сожалению, далеко не все авторы публиковались в альманахах, их число заметно превышает количество опубликованных в номере. Также не у всех авторов удалось восстановить имена и найти фотографию. Мы будем благодарны, если среди читателей найдутся те, кто пополнит архив «Заполярья» новыми материалами, как литературно-художественного, так и исторического содержания.

Георгий Суфтин
Геолог

Грузно накреняясь на левый борт,
Входит «Воронеж» в Печорский порт.
Ночь беззакатная. В сизом тумане
Пристань качается, как на экране.
Новые стройки блестят желтизной
В этот полярный полуночный зной.
Дышат здоровым смолистым загаром
Свежие срубы домов Нарьян-Мара.
Город не город, село не село…
Что тебя в эти края занесло?
Как тебе имя? Какого ты рода?
Юноша светлобородый.
Будешь бродить по лаптам комариным.
Вложишь в масштаб тундровые равнины.
Цейсом глазастым проверишь особо
Профиль веками приглаженных сопок.
Тонким прощупаешь буравом
Мёрзлых пластов вековечный излом.
Там, у скалистых отрогов Пай-Хоя
Может быть нам повстречаться с тобою
В лёгкой палатке под солнечный вечер.
Здравствуй, товарищ разведчик!
Вместе нам слушать утиные стоны,
Вместе разгадывать тундры законы.
Тысячелетья для нас сберегли
Клады богатые в недрах земли.
Слово твоё эти клады откроет,
Люди подземные ходы пророют,
Люди проложат глубокие штреки…
И потекут рудоносные реки.
Городом станет вчерашний посёлок…
Руку, товарищ геолог!

Альманах № 2, 1936 год

Иван Меньшиков
В горах Пай-Хоя
Фрагмент рассказа

Над тундрой низкое белёсое небо.

Никул не замечает холодного сверкания звёзд. У него кружится голова. Дрожат руки, сжимающие винтовку с массивным стволом. На дне долины, разрывая копытами хрусткий снег, пасутся олени. По бокам стада деловито тявкают коренастые широкоскулые собаки, похожие на волков. По временам они тихо скулят. Важенки поднимают головы и влажными трепетными ноздрями нюхают сухой морозный ветер. Затем тревожно хоркают.

Стадо настораживается.

Тогда Никул, стряхнув приступ лихорадки, пытливо всматривается в смутный горизонт. Зелёные огоньки волчьих глаз мелькают среди кустов яры. Стадо испуганно шарахается к сопке. Никул нажимает гашетку винтовки. Эхо выстрела путается в горах. Зелёные огоньки тухнут. Стадо боязливо спускается в долину, а Никулу продолжает лихорадить.

Пытаясь на время забыть о болезни, пастух находит Полярную звезду. Она сначала сверкает ярким бирюзовым светом, но вскоре начинает бледнеть. Небо вспыхивает синей полосой северного сияния. Подобием богатой завесы закутывается небо. Нежноголубым, палевым и оранжевым светом переливается бесконечность его.

Никул заряжает винтовку. Лают собаки. Шарахаются олени. Крадутся волки. Пастух не смыкает век. Ему невыразимо хочется спать. Свалиться в снег и уснуть. Снег пушист и тёпл, как шкура песца. Снег пахнет оленьими следами.

Тепло.

Никул сонно улыбнулся. Закрывает глаза. Ему кажется, что он едет в город по болотной тундровой низине. Задрав головы с мягкими, чёрными отростками рогов, олени мчатся мимо озёр, заполненными крикливыми выводками гусей, уток, лебедей.

Он вынимает винтовку и целится в большого лебедя, но олени начинают тревожно хоркать. Никул стряхивает дремоту как снег. Поднимает с нарт винтовку и проверяет горизонт. В трёх местах горят огоньки. Они мелькают всё ближе, ближе. Сбив оленей в тесное стадо, собаки боязливо воют.

Серые тени бесшумно крадутся меж кустов к стаду, стелются по снегу.

Никул прицеливается в ближнего. Толчок отдачи в плечо, и зверь ползёт в кусты издыхать.

Никул садится на нарты. Балансируя хореем, он гонит стадо к горам.

Альманах № 2, 1936 год

Ф. Дмитриев
Деревянная сопка
Фрагменты рассказа

***

Среди сопок выросла новая, ещё не виданная в тундре, деревянная сопка – дом. Большой, многооконный, утеплённый. Пусть теперь шаман и кулак скажет, что дом ненцу в тундре не нужен.

А дело было так.

Отдельные колхозники «Ядэйвада», как и в других колхозах, давно были не против перехода на полуоседлый образ жизни. Кочевая жизнь нужна для оленей, а для этого не надо таскать с собой всю семью и всё, накопившееся годами, имущество. Ведь уходят же на путину рыбаки из русских колхозов и не таскают с собой свои семьи. А вот колхоз «Ядэйвада», как и все тундровые колхозы, таскал с собой положительно всё. И надо посмотреть, какой большой обоз – няпой требуется при ямданьи, чтобы понять, как невыгодно возить с собой вещи, которые может быть потребуются через год, возить и старых и малых членов семьи. А почему тесно в чуме? Потому, что в нём нетрудоспособных больше, чем трудоспособных…

***

Весеннее солнце растопило ледяное одеяло Болванской губы, а ветер погнал остатки льда в открытое море. Степан Тайбарей и Марья Петровна выехали на берег и вторые сутки смотрят в сторону Нарьян-Мара.

- Идёт! – кричит дежуривший Тайбарей.

Кооперативный бот пришёл с полным грузом стройматериалов. За пять рейсов, предварительно срубленный в Нарьян-Маре, дом был перевезён. Колхоз выделил бригаду по перевозке стройматериалов к месту постройки. Трудна была перевозка: одно бревно еле тащила запряжка в пять оленей. Люди помогали оленям.

Дети колхозников таскали на себе лёгкие предметы. Приехавшие плотники принялись за складку. Всю чёрную работу выполняли сами колхозники. Рос дом – деревянная сопка – росла радость колхозников…

***

Ночь. Волком воет ветер в трубе. Но крепко прибита крыша, хорошо проконопачены стены, обмазаны рамы. Не страшен ветер, не беда, что пурга.

В доме не спят: в столовой громкоговоритель. Учитель Поспелов уж так умеет подкрутить эти штучки, что каждый вечер слушателей полно. Ведь чего бы деду не полёживать на кровати, так нет – сам идёт «чародея из тундры» послушать и старуху свою сманит – тоже старая сидит тут и туфли доделывает.

А ребята? Ну, разве удержишь их в комнатах, если учитель в столовой! Вот Иван Павлович Выучейский обещал, уезжая в Ленинград, обязательно сказать по радио несколько ненецких слов. Ой, как надо не прозевать – не просидеть этой минуты в своей комнате.

Приехали из стада сменившиеся сегодня пастухи. Они будут неделю отдыхать, вернее не отдыхать, а учиться грамоте вместе со своими жёнами, сёстрами, братьями, а то и с детьми. Так изменилась кочевая жизнь колхоза «Ядэйвада». Кончилось таскание по тундре грудных ребятишек, нетрудоспособных стариков и больных. Задымят, скоро задымят в тундре десятки колхозных домов, как большие морские пароходы.

Альманах № 1, 1935 год

Семён Ноготысый
Путь в город

Вьюга бушует над тундрой,
На улице трудно дышать,
Прощай же ты, тундра холмистая,
Мне долго теперь не бывать.

Сажусь я на лёгкие сани,
Быстро олени бегут,
Гонится ветер за нами,
Дерзок, порывист и крут.

Вот приезжаю я в город:
Дома-великаны стоят,
Ясными стёклами окон
В полуночном мраке горят.

Знаю: не зря я проделал
Далёкий и радостный путь.
Ехал я, чтоб научиться
Отсталую тундру встряхнуть.

Альманах № 1, 1935 год

Пые Хуба
Тынзей

Я был свидетелем второго рождения человека... Перед выходом оленеводов на зимовки оленьи стада прогоняли для учета по узкой горной тропе. Ненцы справляли День оленя. Перед чумом устроили пирушку над свежеразделанной тушей менурея. Потом начались национальные игры. Игры эти носят спортивный характер. Прыжки в длину хорея. Метание топора. Борьба.

Но особое место занимает метание тынзея. Тынзей – символ владычества человека над природой, над оленьим стадом – основой существования в тундре. Поэтому метание тынзея любимая игра ненцев. Поэтому тынзей считается священным.

Игру начала молодежь. Взрослые мужчины степенно наблюдали, сидя на расставленных полукругом нартах. Женщины расположились поодаль на разостланных шкурах.

Илько сматывает тынзей аккуратным кольцом и, крепко прижав ладонью гладкую костяшку, размахивается. Упругой спиралью развивается ременная веревка. Ровная петля обхватывает передок нарт. Илько торжествует. Об этом говорит показное равнодушие, с которым он отдергивает конец веревки, ловко повернувшись на пятке. Ребята смотрят восхищенно. Пожилые одобрительно крякают. Не понять – они довольны умелым броском или крепкой понюшкой из медной табакерки. Хуня, по-утиному раскачиваясь, отмеривает шаги.

– Юр самлянг.

Сто пять шагов! На такое расстояние не всякий так метко и ровно набросит петлю тынзея на передок нарт. Среди молодёжи Илько слывёт лучшим имальщиком. Подходит Холиманко.

– Далеко мечешь, Илько. Верная твоя рука. Дай мне.

Илько неуверенно передаёт конец. Холиманко мотает верёвку не ровным кругом, а постепенно суживая петли. Последний моток он кладёт на перекрест. Носком тобока выбивает ямку на снегу. Кладёт скрученный тынзей. Вдевает в петлю правую ногу. Левую отставляет назад, откинувшись всем корпусом. Потом раскачивается, закидывая левую ногу далеко вперёд. Снова откидывается назад. И, покачнувшись, бросает тынзей носком правой ноги.

- От, так-так! – ликует молодёжь. А Илько хмурится, но не хочет сдаваться. Он повторяет приём Холиманко, но тынзей путается и летит в сторону. Тогда поднимается лучший имальщик, непревзойдённый метатель тынзея старый Тарей. Он берёт у своего сына Илько конец верёвки и велит ему принести другой тынзей. Зрители ждут занимательного зрелища. Тарей, не торопясь, сматывает тынзей.

– Тальма, принеси табак из чума, – говорит дочери Холиманко. Чтобы передать табак отцу, Тальме нужно или обойти тынзей, который сматывает Тарей, или, подняв верёвку, перекинуть через себя. Вековой закон тундры говорит: «Женщине нельзя переступить через тынзей». Но ведь Тальма – комсомолка. Она не хочет считаться с законами, о которых говорят тадибеи. Тальма спокойно перешагивает тынзей и подаёт табак отцу. Старики хмурятся. Женщины с любопытством ждут, чем закончится дерзость девчонки. А Тарей молчит, только мутнеет загар на обветренных скулах.

Так же, как и Холиманко, Тарей хочет метать тынзей ногой. Только не одной правой. Обоими ногами мастер метать Тарей. А ещё бывало три тынзея зараз метал в молодости.

Напряжение растёт с каждой минутой. Тарей начинает раскачиваться туловищем…

Может быть в этом виноват переломившийся под ногой наст, а может быть и старость тому виной. Но тынзеи запутались, и Тарей, не устояв на ногах, свалился на снег.

– А, матя, матя, мать…

– Ой, беда, беда, беда…

– Тяжелы ноги у тебя, Тарей, стали…

– Девка виновата, проучи девку, Холиманко…

Холиманко, грузно переваливаясь, направился к дочери. Илько изменился в лице. Шагнув наперерез, он задержал руку, протянутую к косам Тальмы.

– Не тронь, Холиманко. Не дам бить…

– Как смеет парень заступаться за чужую девку…

– Отец проучить хочет – нельзя мешать…

– Нум велит наказать. Холиманко знает обычай тундры.

Скулы Холиманко наливаются кровью.

– Уйди, Илько, молод мешаться в чужие дела…

Илько загораживает Тальму собой. Сейчас произойдёт схватка. Разве можно Холиманко на глазах у всех постыдно отступить – разве может старый ненец оставить безнаказанным дерзкий поступок дочери! Возбуждение охватывает всех.

– Не уступай, Илько. Нет таких законов, чтобы бить…

– Ой, беда. Отец над дочерью не волен стал…

– Тарей, твой сын тебе позор несёт… Проучи...

Рука Тарея ложится на грудь Илько.

– Так, так. Пусть знает и он обычай тундры…

–Уйди, Илько, – отстраняет Тарей сына, – А ты, Холиманко, оставь девку. На, бей мою ногу, которая проступилась в снегу… Вот…

Тарею было шесть десятков лет. И он впервые пошёл против обычаев, хранимых тадибеем. Это было второе рождение человека.

Альманах № 1, 1935 год

Егор Талеев

Встреча

Пэти помнит, как несколько лет тому назад он встречал морские и речные пароходы, останавливавшиеся против пустынного берега, на котором была одна избёнка, вросшая в землю. Недалеко от неё на горке высился двухэтажный дом. Отсюда было видать далёкую дымку тундры. И кругом больше ничего, кромеяры, болотной грязи в низинах и песку на прибрежных возвышенностях. А зимой однотонно белел утрамбованный ветрами снег. Может быть от этого местность и получила прозвище Белая щель, Белощелье…

Тихо и безлюдно здесь было зимой. Лишь изредка возчики приезжали с подводами к пристани. Они на лошадях увозили товары во все концы: вверх и вниз по реке Печоре.

На лето пристань оживала. К прибытию морских пароходов сюда с окрестных деревень крестьяне привозили на лодках молоко, рыбу, мясо и меховые пошивки, променивая матросам на табак и вино.

Пэти был здесь не раз. Теперь он приехал на собрание. Его посадили близко к столу, где президиум.

Народу было много.

В малице, в добротных пимах с липтами Пэти страдал от духоты. Струйки пота, стекая по спине, неприятно щекотали. Даже чёрные, как смола, подстриженные кружком волосы, в которых запутались оленьи шерстинки, были мокры от пота, но он не снял с себя излюбленной тундровой одежды. Только скинул сюму у малицы и беспрестанно вытирал лицо рукавом маличной рубахи. Не раздевался Пэти потому, что под малицей у него было голое тело.

Пэти исподлобья осматривался, теребил реденькую бородку, и на широком скуластом лице отражалось удивление: откуда столько народу…

Вскоре началось собрание.

Пэти сидел тихо и внимательно слушал докладчика. Тот говорил на русском малопонятном для ненца языке. Из всего доклада Пэти понял немного. Но и этого ему было достаточно.

- Значит, в тундре Совет делать надо. На эту работу ненцев садить.

Собрание стало выбирать Совет. И первым кандидатом был он, Пэти.

- Кто за то, чтобы товарища Пэти избрать в Совет, прошу поднять руку.

Подняли руки все. Глядя на других, и Пэти поднял руку…

Шли годы. На месте старого Белощелья вырос посёлок. Пароходы уже не останавливались на якоре посреди шара, а приставали к высокой деревянной стенке морской пристани.

Посёлок получил имя – Няръяна Мар. Это звучит по-нашему, по-ненецки. Няръяна Мар – Красный город вырос в тундре. Вместе с ним вырос и изменился Пэти. Теперь о Белощелье редко даже и вспоминают. Да и Пэти забыл, как он когда-то сам за себя поднимал руку на первом большом собрании.

***

Сэвся приехал к Калюшу, в изумлении остановил оленей:

- Откуда столько домов?.. Какие большие…

В центр города он не поехал. Олени Сэвси и сам он привыкли к тишине. От того сейчас олени неспокойны. Они бьются и рвут упряжь. Сэвся всех их по одному распряг и привязал к столбам. Хорошо, что попался знакомый русский, который увёл Сэвсю к себе, а то бы он не знал, куда идти.

После чаю Сэвся задумал выйти на улицу. А выход-то и забыл. Он долго бродил по коридору. Отчаявшись, Сэвся продолжал открывать каждую дверь по порядку и неожиданно попал в комнату Пэти.

Вошёл и встал у порога. Комната была пуста.

Сэвся рассматривал на стенах портреты вождей: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Потрогал шкапик в углу, наполненный книгами. Подошёл к столу и пальцем покружил диск у открытого патефона,обратил внимание на радиоприёмник. Ему, как ребёнку, захотелось покрутить блестящий чёрный кружочек со стрелкой. Осторожно и опасливо он дотронулся до него. Ничего. Крутнул…

Раздался треск и кто-то басовито, громко заорал на всю комнату.

- …в исполнении артиста Большого…

Сэвся без оглядки бросился к двери.

На пороге он столкнулся с Пэти.

- Куда? Зачем? – удивлённо отступил Пэти.

- На улицу… Пусти… Там кто-то кричит…

Только тогда Пэти понял, в чём дело, и громко расхохотался.

- Не бегай. Чудак, ведь это радио. Заходи, давай – гостем будешь…

Сэвся немножко оправился от испуга, он долго смотрел на усмехающееся лицо Пэти, на его городской костюм, на галстук, на остроносые лаковые ботинки и соображал: по одежде – чужой человек, русак, а вот по лицу как будто ненец. Ой, беда, да ведь это он – Пэти, только волосы подстрижены как-то чудно и зачёсаны назад.

- Ну, что – узнал? Давно мы с тобой, Сэвся, не видались, - усадил хозяин Сэвсю на стул.

- Сиди, не бегай, смотри. Сейчас схожу за самоваром – чай пить будем.

За чаем старые друзья толковали долго: и об оленях, и о копытке, и об отоваривании за пушнину, и о колхозах, обо всём.

Пэти показал все свои городские достопримечательности: прокрутил на патефоне весь запас пластинок, десяток раз выключал и включал электрический свет, показывал картинки в журнале «СССР на стройке», прочёл статейку из ненецкого букваря. Но больше всего Сэвся интересовался радиоприёмником.

Пэти терпеливо и подробно, как мог, объяснял его устройство, учил Сэвсю настраиваться. И, наконец, Сэвся научился включать накал, как искренне радовался Сэвся, когда первый раз самостоятельно заставил грохотать музыкой репродуктор на стене.

Надевая пальто, Пэти спросил:

- Ты со мной пойдёшь? В кино…

- А это чего будет?

- Пойдём. Увидишь…

На завтра, уезжая, Сэвся чувствовал в груди радость. Радовался он, сам хорошенько не зная чему. Наверное, больше всего был рад тому, что встретил здесь хорошего старого друга. Сэвся стоял на крыльце и долго смотрел на город.

И он уже не пугал Сэвсю, не казался чужим, незнакомым. Город был близок и понятен, потому, что в нём жил Пэти, один из больших людей в городе, давнишний друг Сэвси. Потому, что Пэти вышел провожать Сэвсю, как почётного гостя и когда подошёл к саням, он помог запрячь оленей. Сэвся взял в руки возжу и хорей. Олени повернули головы.

- Ну, прости, лакомбой!

Олени дружно бросились вперёд. Позади упряжки закрутилась снежная пыль. Увёз Сэвся с собой в тундру много, много…

Альманах № 1, 1935 год

А. Кулаков
Письмо

Третий день бушует пурга. Снег и ветер, что растравленный зверь с яростью бросается на наше жилище и затихает. Через короткий промежуток снова скрипят чумовые шесты под напором…

Выйдешь из чума, пурга до боли хлещет в лицо. Снежная пелена закрывает не только горизонт, а даже аргиши саней и видишь только себя да чум, за который держишься.

Николай – заготовительный агент, изредка щёлкает косточками счёт, благоговейно шелестит листками книги.

Звонким лаем залились собаки.

В чум снежной глыбой заполз человек, за ним ещё двое. По седой бороде в одном из пришедших я узнал весёлого старика и лучшего охотника – Степана Степановича.

Весело потрескивала сырая яра на костре, и красно-жёлтые язычки пламени ласкали чайник. Степаныч стащил совик. Все трое сильными ударами палки очищали налипший снег.

Вошёл Михаил с большим куском мяса. Разрубил на мелкие куски и сложил костром на столик.

Николая разбирает любопытство. Он послюнил карандаш и, священнодействуя над книгой, приготовился заполнить её графы сведениями о привезённой Степанычем пушнине. Николай нетерпеливо ждал, когда кончится чаепитие. Где тут. Доведись до кого угодно ехать в такую погоду – все силы измотает. Пей, старик, твоя поездка геройская… Степаныч торопливо отхлёбывал с блюдечка густо парящую жидкость.

Наконец-то кончил. Облегчённо вздохнул Николай и разгладил ласково своё пушнозаготовительное «евангелье». Но старик и не думал говорить о цели приезда, а вытащил неразлучную табакерку и стал со свистом втягивать в ноздри ароматную табачную копоть. Не выдержал Николай, поднялся и пересел ближе к Степанычу.

- Хороший охотник и в такую погоду бывает счастлив.

Степаныч даже не обратил внимания.

- Я к тебе, - обратился он к хозяину, шаря рукой в боковом кармане. Лицо Николая даже вытянулось от горя.

- Вот, письмо получил от сына - почитай.

Малоразборчивые слова на русском языке я читал с трудом.

«Здравствуй, Степан Степаныч и Катерина Михайловна. Шлёт письмо ваш сын Алексей. Я учусь хорошо. Жива ли авка, которую мы с Улькой кормили? Нас много, ненцев, учится. И живём мы все хорошо. Нас хорошо кормят и одевают. Я хожу в кино и на спектакли. Если у суки Хали есть щенки, который лучше – будет мой. Пришлите денег рублей триста или пятьсот: здесь много товару и деньги расходовать можно». Слушал письмо от сына Степан Степаныч и в паузы делал восклицания:

-Вот. Вот, шельмец! Году не прошло, а пишет, с испокон веков не было в нашем роду грамотных. Так ли хоть буквы-то ставит?

- Всё так.

- Вот беда, беда…

Третий день бушует пурга. Скрипят чумовые шесты под напором ветра.

Альманах № 1, 1935 год

Тарсовей Харючи
Большая земля

Холодная тундра. Большая Земля!
От моря – до гор за холмами
Под снегом твои моховые поля
Сверкают в жемчужном тумане.
В метельном кольце,за широкой рекой
До дальних отрогов Пай-Хоя,
Где дик человек, где мороз и покой—
Ползутаргиши и няпои.
Там всяк за себя: и угрюм и хитер
Старается тундры широкий простор
Занять на обиду соседу;
Задобрить богов, увеличить стада
И знать – «бык мой сыт – миновала беда...»
Там в пензер колотит лукавый шаман,
Там рыскает волк, да ревет океан.

***

Так было веками, но так ли теперь?
По-прежнему ль замкнута тяжкая дверь?
По-прежнему ль вьюга, мороз и туман
От гор до лапты где ревёт океан,
Решают судьбу и как сумрачный сон,
Под пензера рокот творят свой закон?
По-новому. Сломана тяжкая дверь.
И там, где скитался разлогами зверь,
Где правил шаман, где кулак, как песец,
Готовил соседу голодный конец…

Соседу – кто вечно, и ночью и днём,
Бродил по капканам, скитался с ружьём,
Кто в реках холодных тянул невода,
Кто пас не свои, а чужие стада –
Соседа, чьё имя всесветно – бедняк,
Его промыслами живился кулак,
Его омулями грузил аргиши,
Считая доходы в угрюмой тиши.

***

Теперь по-иному: не лечит шаман,
И в дальнюю тундру сквозь шторм и туман
На помощь отряд медицинский идёт.
Здоровье и бодрость пустились в поход!

…А в школах, где каждому новому рады
Читают по строчкам букварь «Ядей Вада»:
«Родные слова и близки и понятны!» –
Кричат со страницы от пальчиков пятна.
Не в пятнах беда, но, чтоб впредь не забыть,
Постановляем: руки всем мыть.
Про это написано в новый букварь.
Хоть мы не большие, но знаем, что встарь
Всё шло по-иному на нашей лапте.
Букварь говорит: «Времена уж не те».

Альманах № 1, 1935 год

Анатолий Рожин
Печорский комбинат

Веками мёрзлая земля,
(Как будто ждя другого строя,
Со строем – нового героя),
С полярным холодом скуля,
Хранила тщательно внутри
Неизмеримые богатства.
Не знали «хлебные цари»,
Как за добычу их приняться…

…Но вот явился большевик.
Преград не знал. С трудом знаком.
Вчера в руках – победный штык.
Сегодня – план, кирка и лом.
В стремленьях крут, движенья метки.
На Север острый взор метнул,
В размахе первой пятилетки
Полярный круг перешагнул.
Впились железные кроты
В мерзлоту, глубже норы роя,
На антрацитные пласты
Наткнулись, радостно завоя…

А возбуждённая земля
Веками жданного героя
Помимо залежей угля
Дарила нефтью и рудою…
Смеялся весело простор,
Встречая узников мерзлоты,
И направлял героя взор
На торф в нетронутых болотах…

***

Большевики открыли клад,
Дремотный клад тысячелетий.
И вот, Печорский комбинат
Мы строим в новой пятилетке.

Альманах № 1, 1935 год

Пётр Тайбарей

Нока Тетако

Нока Тетако в чуме живет. Семьи у него нет, хозяйство большое: сорок быков, да в сторонке лабаз для хранения еды и зверя стоит. Рядом десять чумов стоят, в них его товарищи живут. Нока Тетако работать не хочет. Товарищей промышлять пошлет, сядет на лабаз, да ножками болтает, смотрит, где быки ходят.

Товарищи промысел привезут, под сарайчик сложат. Нока Тетако, не торопясь, слезет и начинает промысел делить – ногами раскидывает.

Жили так немного. Опять посылает Нока Тетако товарищей промышлять, а сам на лабаз залезает. Сидит, ногами болтает, не смотрит, где у него быки ходят. Хватился – нет быков. Делать нечего, слез с сарайчика и побежал. День бежит – нет быков; ночь бежит – нет нигде. Другой день бежит, видит: все олени на горб уходят. Побежал, никак догнать не может. Ночь настала. Темно, ничего не видно. Все бежит. Утром выбежал на сопку, видит: два тунгуса его быков гонят.

- Эх! – думает он, – убьют меня!

Испугался. Побежал обратно. Вдруг началась сильная пурга. Заблудился Нока Тетако. Неделю ходил без еды. Наконец, увидал чей-то чум. В чуме Тасу со старухой и с дочерью живет. Тасу спрашивает: «Кто ты?» Нока Тетако отвечает: «Я – Нока Тетако. Я заблудился, чум ищу. Быков у меня тунгусы угнали».

Накормили его, чаем напоили. ПотомТасу говорит своей старухе: «Дочь-то у нас без мужа живет. Женим НокаТетако. Пусть будет он нашим зятем».

Так и сделали. Тасу ходит на промысел, но промысел плохой, ничего добыть не может. А зять около чума ходит, ничего делать не хочет.

Еды не стало, голодные живут. Тасу говорит старухе: «Убить надо зятя, ленится, ничего не делает». Старуха отговаривает, а сама потихоньку сказала зятю: «Бежать тебе надо, а то Тасу тебя убьёт. Беги!»

Как только Тасу захрапел, Нока Тетако на лыжи встал и побежал. Всю ночь бежит. Наутро речку увидал. Мороз сильный, а речка не замерзла – очень быстрая. Хотел на лыжах через речку перескочить, да концом лыжи воду плеснул и рыбу на берег выбросил. Как увидал Нока Тетако рыбку – обрадовался. Снял лыжи и давай ими рыбу из речки на берег выкидывать. Рыбы в речке было много, и скоро он большую кучу накидал.Только сел отдохнуть – Тасу идет. Испугался Нока Тетако. АТасу и говорит:

– Я тебя впереди караулил, да не мог дождаться. Ты что тут делаешь?

– Рыбу ловлю!

–А для чего она?

– Еда хорошая будет.

– Дайкось я попробую! – сказал Тасу. Попробовал и говорит:

- Хорошо, дайкось я выплескивать буду, а ты отдохни.

Взял лыжу и начал бросать. Тасу большой, сильный. Рыба за десять-пятнадцать сажень летит. А Нока Тетако хитрый:

– Я от тебя не хотел убежать. Я эту речку знал и за рыбой сюда побежал.

Скоро в реке рыбы не стало: всю Тасу на берег выбросал.

– Ты, – говорит он зятю, – собирай здесь рыбу, а я за чумом пойду.

Не успел Нока Тетако рыбу собрать, а сильный Тасу обратно идет, чум с женой и дочерью на санях тащит.

– Куда чум поставить?

Решили поставить на кучу с рыбой – за едой не надо будет из чума выходить.

Жили так немного времени – опять еда кончилась: вся рыба вышла. Опять голодать начали.

Тасу с зятем пошли промышлять. День ходили – нет ничего. Второй ходили - тоже ничего не добыли. Тасу говорит старухе: «Промысел не попадает, опят голодать придётся! Давай убьём зятя?» Старуха отвечает: «Подожди, может быть что и попадёт!»

Тасу не слушается старухи: «Как промышлять пойдём, он устанет, спать ляжет, я его убью».

А зять в это время на улице всё слышал. Как легли спать, жена ему говорит: «Отец тебя убить хочет на охоте. Ты возьми тот камень, на котором мы кости колем, с собой и на грудь его положи!»

Ноко Тетако так и сделал. Камень гладкий, на каравай хлеба похож, его под малицей и незаметно.

Долго ходили Тасу с зятем, никакого промысла не нашли. Зять устал. «Давай, – говорит, – ляжем, отдохнём».

Легли. Зять нарочно захрапел. Тогда Тасу встал и говорит про себя: «Сейчас я его убью!» Вынул нож, наставил на то место, где сердце должно быть, и ударил рукой сверху. У ножа носок отломился.

Испугался Тасу: «Вот, – думает, – какое у него сердце, даже нож сломался. Нока Тетако встал и говорит: «Ты мое сердце хотел попробовать? У меня сердце каменное! Дайкось я твое сердце попробую».

Тасу еще сильнее испугался: «Нет! – говорит, – не пробуй, а то убьешь меня, жить хочу. Живи хозяином, а я на тебя работать буду».

Снова Нока Тетако ничего не делает, а тесть Тасу на него работает.

Альманах № 1, 1935 год

Игорь Добротворский
Молодость

Посвящается *Лидии Добротворской*

В бессоннице утра, в ночной синеве
Скользили шаги по росистой траве.
Шмелиным полётом и птичьим пеньем
Отмечено время твоих наблюдений.
На ровной площадке, где белые будки
Пчелиными ульями ярко блестели,
Где солнечный луч мимолётною шуткой
Играл на твоём загорелом теле,
Термометры воткнутыми мечами
Смиряли почвенный холод и зной,
И флюгер качался, как челн на причале,
И небо в глазах цвело голубизной,
Барограф вычерчивал схему давленья
С полудня до вечера и до утра,
И ждали приборы твоих появлений
И были покорны тебе, как вчера.
Все их колебанья, все тайны погоды
Записаны были в твои блокноты,
Листки шелестели дыханьем природы,
Значками пестрели и пели, как ноты.
Сентябрь раскидал щедро охру и сурик,
По лужам рассыпал обломки слюды,
И парень в пальто, молчаливый и хмурый,
Галошами стёр лёгких туфель следы.
Исчезла русая «роза ветров»…
Полярный октябрь как айсберг суров.
К далёкому порту Ненэцкой земли,
Скрипя и качаясь, плывут корабли,
Им Белое море промолвит «пока»,
Ударив волной под крутые бока,
И осень растрёпана, простоволоса
Взвихрится штормами у Канина Носа.
Швартовы туги, как басовые струны,
Нырнул в воду якорь, и вертится шпиль.
В толпе пассажиров походкою юной
Сошла ты на гладкий досчатый настил…
На кальке прозрачной твои чертежи,
Мусюров высоты и рек виражи,
Пространства морей, очертания суши
Размечены точно, расцвечены тушью.
Тебя не смущала таинственность мест,
Ты тундру брала под домашний арест.
И делались близкими сопки и ягель,
Знакомы извивы седой Седу Яги,
Зыбкость ерсеев и рек разветвленья…
Я жизнь изучал и привычки оленей,
Где ветер неистов, морозы люты.
От Тобыса-нюр до крутой Неруты…
Делили мы радость с тобой и печали,
Нас пурги хлестали, и волны качали.
И юность осталась на южном вокзале,
Мы молодость с Арктикой крепко связали…

Об этом песня тебе сложена,
Мой друг, мой товарищ, моя жена.
Наш путь интересен, и век будет долог,
Детей ты вырастишь нас сильней,
Мать, чертёжница, метеоролог –
Женщина наших дней.

Зверобой

Настойчив, смел и толков
Пастух Михаил Ледков,
Без промаха бьёт зверей,
Зря не бросает тынзей.

И если наказ ему дан,
Его не задержит туман,
Не остановит река,
Хоть будет она глубока.
В пургу, или в дождь, или в зной,
Всегда у него с собой
За пазухой синий кисет.
В кармане – партийный билет.

Мы вечером вместе сидим,
Махорочный вьётся дым,
И сучья в костре горят
За чумом бушует хад.

– Послушай, – сказал Михаил, –
Как нерпу я бить ходил,
Как ветры рвались в полёт,
Как сердце смерзалось в лёд.

Годы, как гуси летят –
Много родилось телят.
Двадцать семь раз с тех пор
Гонялся осенью хор.

Сопки высоки, круты
В устье реки Неруты.
Посредине зимы
Наши там встали чумы.

Ночи длиннее ворг,
Северный ветер строг,
Солнце, как бурый тюлень,
Долго светить ему лень.

Вышло нас трое на лёд,
Вышло нас трое в поход,
Мы все полыньи обошли,
Но мало нерпы нашли.

Пока гремел ружей удар,
Краснела в полыньях вода,
Ветра окреп полёт,
И оторвался лёд.

Обратно пошли. Беда!
Сколь видно, темнеет вода…
Туманная серая мгла
Оленьей шерстью легла.

Ночами нам светил харп,
Был месяц, как медный шар,
Вкруг льдины вода черна,
И в ней не отыщешь дна.

Часами я нерп сторожил.
И мы айбурдали жир,
И пили горячую кровь,
Чтоб тело согрелось вновь.

Нас десять суток носило.
Ушли и бодрость и силы,
Мороз держал крепко в зубах,
И кончился весь табак.

Тогда мне пало в ум,
Что больше не видеть чум,
Но ветер с полночи встал
И к берегу льдину прижал.

Тогда мы могли пропасть,
Но нынче другая власть,
Родная, рабочая власть
Любую осилит напасть.

И если лёд оторвёт.
Как чайка взлетит самолёт…
Дела и люди сильны
У нашей большой страны.

Рапорт

Лежит месяц в светлом кругу,
Как нож на фарфоровом блюде;
Чай стынет в стеклянной посуде,
Колышет ветер шесты.
И, чум обегая, мчится
Туда, где синеют хребты.
А ночь – темносизая птица –
Слетевшая с дальней лапты,
Парит над уснувшей Печорой,
Угрюмой, холодной и чёрной,
И звоном неясных речей
Журчит незамёрзший ручей.
Как быстрые серые тени
Спускаются в узкие ляги,
Почуяв ненастье, олени.
Летит на подсанных пастух.
Он полон задорной отваги,
Его не смущают овраги
И холод, рождающий слёзы,
Ведь в чуме огонь не потух,
И чай ожидает с мороза.

(Да, в чуме ещё не уснули)
Он едет сегодня с забоя.
Узнают теперь на Пембое:
Недаром работал колхоз,
Как надо боролись за стадо,
Продукцию сдали, что надо,
Тринадцать процентов прирост.
Полна голова добрых дум,
Олени бегут через кочи
Навстречу темнеющей ночи
Несут вести славные в чум.

Альманах № 2, 1936 год

Павел Усов

Кольцо

Фрагмент

Сорвавшись с гребней холодного моря, с воем и свистом ветер распластался по тундре. Поднимая седые снежные космы, он рвал их и, раскидывая, мчался дальше. Ветер пропитался снежною пылью.

Сэроко сидел около пылающего костра и, поминутно звякая крышкой табакерки, прислушивался к завыванию ветра в макодане. В котле над пылающим огнем бурлил жирный суп. Вскипая, он скрывал дразнящую аппетит жирную белую кость. В такие моменты лохматый пес, чмокая по-человечьи, облизывался.

Морщины на лице старого Сэроко расположились так, что оно и в горе и в беде всегда оставалось улыбающимся. Имея меньше сотни оленей, Сэроко много видел нужды, но эта морщинистая улыбка, точно издеваясь, не сходила с его лица. Сэроко покачнулся и в тон завыванию ветра затянул песню. Ее неожиданно прервал отчаянный лай лохматого пса. С ворвавшимся проснеженным ветром в чум залез человек, похожий на снежный ком.

– Здравствуйте, – простуженным голосом прохрипел он, опускаясь у входа. – Заблудился, потому вашим гостем стал, – хрипло отвечал он на вопрос Сэроко. – Я сын Хосея – Сяско. Ноги мои на ветру превратились в льдины, я не могу раздеться.

Сэроко знал Хосея, в стаде которого не бывало больше двухсот оленей. Но Хосей давно умер, а сыновей он не знал. Нумгы – дочь Сэроко, проворно стянув с Сяско малицу и пимы, снегом растирала его побелевшие ноги. Сяско с любовью и благодарностью смотрел на девушку.

Помогая ей, он, как бы нечаянно, поймал её руку и крепко пожал. Нумгы бросила торопливый взгляд на Сяско. Лицо его, раскрасневшееся на морозе, точно горело, в пронзительно чёрных глазах переливались отблески огня. Когда взгляд этих глаз упал на Нумгы, она смущённо потупилась и, отбросив назад чёрные тяжёлые косы, торопливо подала Сяско тёплые новые липты.

Сяско спал каменным тяжёлым сном. Только Нумгы, ворочаясь на мягких тёплых шкурах, далеко вслед за быстрым ветром гнала волнующие девичьи думы.

Воющая струна ветра, натянутая до предела, внезапно оборвалась. Вместе с ней оборвались и думы Нумгы. Мягко вздохнув, она вылезла из-под балагана. Было уже светло и тихо, только морозный ветерок клубил позёмку.

Чай пили молча. Горячие взгляды Нумгы для Сяско были понятнее слов. А в чёрных, блестящих щёлочках глаз его Нумгы находила ответы на свои молчаливые вопросы.

Когда Сэроко ушёл в стадо, Сяско тихонько подвинулся к девушке, склонившейся над шитьём.

– Твои глаза – звёзды, – тихо заговорил он.– Кожа лица твоего прекрасна и нежна, как корочка молодой берёзки.

Нумгы ниже склонилась над шитьём и, волнуясь, отвечала:

– Твои горячие взгляды согревают меня пуще солнца. Искры твоих глаз упали на моё сердце, и оно вспыхнуло, как порох.

– Мы будем любить друг друга! – вскричал Сяско, хватая горячие руки Нумгы.

Потрескивая, вспыхнула шерсть шкуры, уроненной на огонь.

Не улеглась ещё снежная пыль по следу умчавшегосяСяско, как Сэроко увидел на соседнем холме две упряжки. Он издали узнал белых, летящих как лебеди, оленей.

***

…С бубенцами, с цветными развивающимися кистями на оленьих рогах подлетел Ного и, на полном ходу остановив оленей, раскланялся с хозяином.

На почётное место усадив жениха и свата, Сэроко положил перед ними жирную лопатку яловой важенки. Первый отрезанный кусок жених подал ему. Медленно, потягивая ароматный, крепкий чай, Сэроко смотрел на дочь.

– Нумгы, дочь моя, – тихо заговорил он, – я тебя кормил, я заботился о тебе. Ты была ещё маленькой, как пыжик, когда я тебе нашёл хорошего мужа. Твой муж здесь, – и он указал на Ного.

Руки Нумгы вздрогнули, она уронила чайник. Вода захлестнула огонь. Головни, сердито шипя, угасли. К макодану потянулся густой пар.

По щекам девушки катились крупные слёзы. Сэроко позеленевшими глазами посмотрел на дочь. Улыбающееся морщинами лицо побагровело. Ного торопливо сунул свёрток.

– Твой отец умный ненец, – ласково говорил сват, развёртывая свёрток перед плачущей девушкой. – Он хочет видеть тебя женой Ного. Ты должна выполнить его волю. Одень это кольцо и храни его, как сердце, – оно будет сердцем жениха. Одень этот платок, он будет беречь и защищать тебя.

Отвернувшись, молчала Нумгы.

***

…– Я сам нашёл жену, – упрямо повторял Сяско.

Брат, стукнув кулаком, крикнул:

– Жену тебе нашёл отец. Другой жены у тебя не будет.

– Нарушишь закон, мы проклянём тебя, прогоним из чума. Злые духи замучают тебя, – плакала мать.

Сяско, намотав вожжу на руку, выбежал из чума.

…В снежном вихре, с хореем наперевес примчался Сяско.

– Едешь, точно за тобой тысячи волков гонятся, – пошутил Выучи. Он собирался ехать в стадо но, завидя Сяско, привязал оленей и, задорно улыбаясь безусым, молодым лицом, подошёл к нему. – Зачем приехал?

Сяско, волнуясь, рассказал обо всём.

– Отец мог выбрать для меня малицу, но жену…

– Ты не знаешь моей девушки, – блеснули глаза Сяско. – Я сам нашёл её и не могу больше любить другую. Поедем со мной сватом.

– Твой ум ладно идёт, – сказал Выучи. – Ты женишься на любимой девушке. Я еду с тобой.

…Нумгы в чуме была одна. Лишь только вошёл Сяско, она с радостным восклицанием бросилась к нему на шею. Чувствуя близость её крепкого, горячего тела, Сяско смутился и дрожащими руками, неловко гладил густые чёрные волосы.

– Где отец? – спросил он, оглядывая чум.

– Отец уехал…Уехал к жениху, – громко зарыдала Нумгы. Сяско растерянно опустил руки и, часто мигая, непонимающе смотрел на неё.

– Ного оставил мне кольцо, – сквозь рыдания рассказывала Нумгы о приезде жениха. – Он сказал, что это его сердце… Я не могу теперь выйти замуж за другого…

Сяско сидел с опущенной головой.Глаза Выучи, после минуты молчания, блеснули смехом.

– Дай мне подарки, я их свезу Ного, – сказал он. Нумгы недоверчиво посмотрела на него, потом на Сяско и торопливо достала платок.

– Кольцо тут, в узелке, – подавая, сказала она.

Нумгы уже не плакала. Оставшись одни, как тогда, в первый раз, они, молча, смотрели в глаза друг другу…

…– Дохлый ушкан! Позорить меня, мой чум, – залезая, прохрипел Сэроко. Улыбающееся морщинами лицо было страшно. Выкаченные глаза дико блуждали. Не успев что-либо сообразить, Сяско полетел к выходу.

…Проваливаясь по пояс в сугробах, Нумгы пошла от чума. Обжигающий снег лез в пимы. Ветер леденил лицо и путался в полах паницы. Чум остался где-то позади.Нумгы, тяжело дыша, двигалась медленно. Завязнув в сугробе, она обессилела и, покачнувшись, упала лицом в рыхлый душащий снег...

Выучи нашел ее полузамёрзшей. Возвращаясь от жениха, Выучи заехал в чум к Сэроко известить Нумгы о возвращенных подарках. Подъёзжая к чуму, он услыхал нечеловеческие мучительные стоны и завывания. Торопливо забежав в чум, Выучи увидал волнующую картину. Среди раскиданной в беспорядке утвари Сэроко качался точно пьяный. В руках его была детская люлька. Крепко прижимая её к груди, он плакал протяжно со стоном. Старый пёс, задравши морду, подвывал хозяину жалобно, с особенною собачьей тоской. Выучи был не в силах пошевелиться, пока не подошел к нему Сэроко.

– Тут была маленькая, как куропаточка в гнезде, – роняя редкие слёзы, проговорил он, заглядывая в люльку, – Нет ее, прогонил... – и, не договорив, он уронил из дрожащих рук люльку.

…Растерев обмороженное лицо и руки девушки, Выучи быстро повёз её в свой чум. А в чуме, пока раздевали Нумгы, раскладывали костёр, приготовляли чай, молчал Выучи, и Сяско внутренне проклинал его за эту молчаливость. Потом уж, когда в чум собралось много народу, Выучи рассказал обо всём подробно.

…Гул негодования заглушил слова Выучи.

– К себе молодых возьмём...

– Оленей дать надо…

– Законам конец…

– По-новому жить надо.

Вошедший в чум человек в заиндевевшей малице прервал выкрики. Нумгы и Выучи узнали в вошедшем свата Ного.

– Кольца нет, – сказал он, обращаясь к Выучи. – Вы потеряли кольцо, – добавил он, усаживаясь у входа.

Нумгы побледнела, Сяско торопливо посмотрел на Выучи, который неопределённо хмыкал. Волнуясь, Сяско рассказал о подарках, возвращённых жениху. Долго думали молча колхозники.

– Деньги собрать, новое купить надо, – первым крикнул Лаптандер и, пошарив в карманах, подал Сяско пять рублей.

– Да, да…

– Купить надо… – кричали все разом, и все торопливо совали деньги. Нумгы, улыбаясь, смотрела на Сяско, держащего пригоршни денег.

Выучи, лукаво посматривая на всех, посмеивался.

– Нашёл, нашёл кольцо, – неожиданно крикнул он и, потрясая рукой, показал блестящий ободок.

– Жениху скажи: путь больше колец не дарит, – посоветовал он, передавая кольцо свату. Смущённый сват, под дружный смех, торопливо вылез из чума.

– А деньги отдай Тайбарею, – захлёбываясь смехом, сказал Выучи Сяско. – Отданное кольцо его… Он мне его тихонько сунул.

На шершавом пальце Тайбарея действительно не было кольца. Новый взрыв смеха потряс чумовые нюки. Тайбарей виновато улыбнулся и, смутившись, опустил седую голову.

Альманах № 2, 1936 год

Павел Негодяев
Проверка дежурства

Хоть мечется с воем
Сердитый буран,
Привычным
уверенным взглядом,
Поднявшись на сопку,
Старик Вынукан
Следит неустанно за стадом.
И слышится, будто
За воем пурги –
Вон там, от яры издалека
Слежавшийся снег
Разминают шаги,
Чужие шаги – человека.
Собака, как вихрь,
А за нею – старик.
Дробовка – с свинцовым
зарядом.
И выстрел ответил
На шорох яры.
Но вот появляется рядом
В надёжном и тёплом
Седом совике,
Чтоб не прохватило метелью,
Завьюженный снегом,
С винтовкой в руке
Семён – председатель артели.
– Ты зорко, ты крепко
За стадом следишь,
А я, понимаешь, подумал:
В такую погоду
Ты, может быть, спишь,
Проверить приехал из чума.
Старик, бородёнку
Свою теребя,
Смотрел на него и не верил.
– Какая беда…
Подстрелил бы тебя…
Я стреливал метко по цели.
Семён улыбнулся
И скрылся в кустах,
В бушующей мути бурана.
Охрана оленей
В хороших руках,
В надёжных руках Вынукана.

Альманах № 2, 1936 год

Стеша Ардеева
Учительница

Прощание было трогательным. Взволнованный Алексей Иванович, как с дочерью, уезжающей навсегда в далёкие края, простился с Раей. Ребята старались улыбаться, но это им не совсем удавалось. Девчата втихомолку плакали. Им было жаль, но чего? Они сами, наверно, этого не знали.

Расстроился даже старый физик Раевич. Он был брюзга и страшно недоверчивый человек. И даже вот сейчас, когда все радовались или тихо грустили по ушедшим в прошлое студенческим дням, он недоверчиво пожал плечами. Он спросил Раю:

– Ну как теперь?

Рая не поняла вопроса. Раевич продолжал:

– Вот теперь у тебя большой отпуск. Ты, конечно, отдохнёшь в Крыму, если тебе не надоест жара. Ненцы ведь жары боятся. Ну, а потом учиться в Москву.

– Я так и думаю, – весело ответила Рая.

– Я это знаю, – с горечью подтвердил Раевич, – я это знаю… Этого только не знают неграмотные ненцы, которые послали тебя учиться. Они зря ждут своих учителей, родившихся в тундре и проживших в тундре всё своё детство. Зря ждут. Мне жаль твоих соотечественников. Знай я ненецкий язык, я бы сам поехал в тундру. Понимаешь, сам…

Раевич замолк. Точно стыдясь своей откровенности, он неловко подал Рае руку и попробовал улыбнуться.

- Вы знаете, не сердитесь на старика. Я вам приготовил на прощанье подарок, но забыл дома. Ведь в этом выпуске семнадцать моих питомцев. Это большая радость.

Гудок парохода прервал его разговор. Провожающие быстро сбежали по трапу на пристань. Раевич шёл последним, и матрос недовольно говорил:

– Побыстрее, гражданин…

Раевич смешался с толпой, потом вырвался из неё с большим портфелем в руках и, передавая его только что пришедшему убирать трап матросу, сказал:

– Передайте, пожалуйста, Раисе Лаптандер. Она учительница. Выпускница…

– Хорошо, гражданин, – ответил матрос и при помощи товарища втащил трап.

Пароход дал прощальный гудок и, затрепетав мелкой машинной дрожью, вышел на рейд. С палубы кричали, плакали и смеялись пассажиры. Тем же отвечали провожающие. Только Раевич, вытерев вспотевшее лицо, грустно произнёс:

– Разве это она поймёт? И все они…

Разговор с Раевичем расстроил Раю Лаптандер. Ей сначала казалось, что старый учитель хотел нарочно над ней поиздеваться. Но потом, подумав, поняла, что физик прав. Ей надо ехать в тундру и сейчас, когда особенно нужны учителя…

…Тёмно-зелёные волны Баренцева моря раскачивают морской пароход. Тёмными, тяжёлыми тучами покрылось небо. Солёные барашки на гребнях волн хлещутся о борта. Ветер свистит и путается в антеннах. Начинается шторм.

И похожие на шторм, осаждают мысли первую ненецкую учительницу Раю Лаптандер. Она всё ещё не может решить, прав или не прав Раевич. На коленях у неё портфель. Его ей передал какой-то матрос. Что в нём? Наверное, брошюры о прививке или книги.

К утру шторм утих. Рая, умывшись, отыскала товарищей и спросила их, прав ли Раевич. Они ответили, что не прав, потому что Раевич видел Москву и Крым, а они не видели. Раевич учился в институте, а они не учились.

Но в обед показалась Индига, и Рая резко заявила товарищам:

– Раевич прав и даже очень прав, – и решительно сошла с парохода, помахивая портфелем и маленьким сундучком.

Вслед за ней один из товарищей тоже решил, что «Раевич прав». Он собрал вещи и вышел на берег. На берегу стоял председатель тундрового совета. Он восторженно цокал и нюхал табак. Он не знал, что ненцев после техникума могут послать в тундру. Теперь пойдут дела. А то на всю тундру один красночумовец.

Утром весёлыйаргиш мчался вглубь Канинской тундры. Мимо озёр, наполненных криклиными стаями уток и гагар. Мимо речек, убегающих к морю.

К вечеру за сопками услышали лай собак и недалеко за синеватой дымкой на склоне холма увидали стада оленей…

…В портфеле лежали в замечательных переплётах книги Горького, Шолохова, Чехова, стихи Пушкина и других поэтов.

В книгах лежало письмо. Прочитав, Рая улыбнулась и положила его в книги. Ответ уже был послан. Радостью наполненные лица ребят заставили её тепло вспомнить о старом физике.

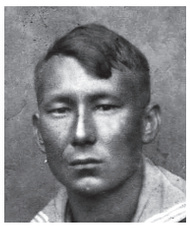
...Через несколько дней директор техникума получил письмо от двух выпускников из тундры.

«Дорогой Алексей Иванович!

Мы решили не пользоваться льготой и проработать год-два в тундре. Передайте привет тов. Раевичу и устройте на одну из посылаемых нами в этом письме путёвок отдых ему в Крыму. Заработался, устал старик.

Ефим Вылка, Рая Лаптандер. Канинская тундра»

Альманах № 2, 1936 год



Ефим Соболев
В тундре

Зимой

Ветер носит космы снега
По застуженной земле.
Засыпая нарты с кладью,
Ветер воет в серой мгле.
Чумовой костёр заносит
Снежной пылью из щелей.
Налетая, отступая,
Рвётся ветер на людей.
А пастух в оленьем стаде
Не боится снежных бурь.
Будь в метель, колхозник, зорок,
Добросовестно дежурь.
…Ветер стих. Я еду в тундре.
Сколько мыслей, сколько дум.
За холмом маячит гордо
Наш любимый Красный чум.
На тундровые просторы
Синь морозная, ложись.
Здравствуй, Родина! Мы сами
Строим радостную жизнь.

Студентке

У синих хребтов Вангурея
Ты слезла с заснеженных нарт…
Чумы. Нялукуев быстрее
Ребята навстречу бежат.
И тут председатель колхоза, –
Как будто нашёл флюорит –
Встречая желанную гостью,
Широкой улыбкой дарит.
Не выдержав радости жаркой,
Он, бодрствуя ночь напролёт,
Расскажет о дальних ямданках,
Расспросит про сталинский слёт.
Ты, быстро освоившись в чуме,
Под визг разухабистыйхад
Научишь волнующим думам
Смышлёных ненецких ребят.
Расскажешь им про трамваи…
Умея творить и мечтать,
Ты всех пастухов Вангурея
Научишь газеты читать.
Привет тебе, девушка! Скоро
На нартах, чрез виски и гать,
Оставив бревенчатый город,
Приеду тебе помогать.

Брату

В мороз, в жару, в глухие ночи
Мой старший брат, оленевод,
С бригадой пастухов надёжно
Оленье стадо стережёт.
А вечерами на досуге
Сестре и матери моей
Он долго по складам читает
Газет нашу – «Ясовей».
Мою заметку там увидит
И, брата вспомнив, перед сном
О жизни нашего колхоза
Напишет в город мне письмо.
Спасибо, брат, за весть из тундры.
Когда начнёт крепчать мороз,
Я сам по молодому насту
Вернусь учителем в колхоз.

Альманах № 2, 1936 год

М. Тетеревлёв
Мечта, которая сбудется

Её привезут
С далёкого юга,
Оттуда, где жил
И работал Мичурин.
В пути от Мичуринска
Встретится вьюга.
Встретятся яблоне
Снежные бури.
Яблоню посадят
В прелую землю –
В чёрную, как сажа,
В мягкую, как пух.
Буйно закурчавится
Яркая зелень,
По ветру развеется
Яблонный дух.
Годы проходят
Поступью громкой…
Яблоня наша
Растёт и растёт.
Умер Мичурин –
Великий учёный,
Великий ботаник,
Большой садовод.
Но даже в Заполярье
Красуется зелёное
Дерево яблони
И розовый плод.
Пусть ветер бушует,
На яблоню злится,
Снежная буря
Заносит порошей.
Всё равно – летом
Яблоня гнётся
Под грузом яблок
Сочных, хороших…
Так будет: ударник,
Ненец - садовник
Выйдет в весёлый
Волнующий сад,
Осмотрит дерево –
Нет ли поломок –
И улыбнётся, яблоне рад.

Альманах № 2, 1936 год

Вл. Ершов
Ненецкая сказка

На большой земле, близ моря,
Что Баренцевым зовётся
Лишь недавно, а как раньше
Называлось, мы не знаем,
Жили трое: сын – Иванко,
Стеша – мать, отец – Никула.
Рос Иванко, и пятнадцать
Лет исполнилось парнишке,
Как пришёл Тэта богатый,
Застрелил отца из лука.
Мать забрал, на сани бросил
И увёз с собой от сына.
Вот живёт один Иванко,
У него лишь пять оленей.
Он не двигается с места.
Ждёт, – а может мать вернётся.
Год прошёл, прошло два года.
Третий год уж наисходе.
Нет от матери известий,
Дорогая не приходит.
«Что же, – думает Иванко, –
Я оленей съел последних.
Мать сама-то не вернётся,
Выручать, пожалуй, надо».
И пошёл пешком по тундре,
Бросив чум, котёл и сани.
Вот идёт он по болотам,
Через речки переходит,
Лезет на большие сопки,
Опускается в овраги.
День идёт, другой день тоже,
И четвёртый, и десятый.
Он подтягивает пояс –
Голодать, не привыкать – стать.

На тринадцатый день видит:
Чум стоит, дымок струится.
К чуму он подкрался тихо,
Смотрит – там его родная,
Дорогая, краше солнца.
На огонь свой взор уставив,
Мать сидит – скучает, видно.
«Здравствуй, мать!» – Иванко молвил.
«Здравствуй, Ваня, – молодой сын!» –
Изумившись,мать сказала.
Обнимались, целовались.
А потом спросил Иванко:
«Как убить Тэта-злодея,
Как тебя отсюда вырвать?»
Мать сказала: «Раньше спрячься,
А зайдёт, ножом попробуй».
Встал у выхода Иванко.
Он за паркой схоронился.
Длинный ножик приготовил,
Лезвие из лунной стали.
Вдруг он слышит крик сердитый:
«Кто к моей жене явился?
От меня не убежишь ты!
Носом я тебя почуял!»
Вслед за криком Тэта входит.
Размахнулся тут Иванко,
Нож всадил между лопаток
В тело толстого злодея.
И Тэта упал, не охнув.
А Иванко наклонился.

За ноги труп взял как ветку
И в огонь поспешно бросил.
(Так велела мать, иначе
Ожил бы Тэта проклятый).
Но богач не загорелся,
Злой огнём не вспыхнул сразу,
С дымом он взвился на небо,
Через макодан поднялся,
Белым лебедем взлетел он.
С поднебесья вниз он крикнул:
«Зря, Иванко, караулишь,
На огне меня уж нету!»
И тогда Иванко в небо
Сизым соколом метнулся.
Выше облаков поднялся,
Сверху цель свою приметил
И упал, сложив вдруг крылья.
Он впился в Тэта когтями
И в огонь вторично бросил.
Перья белые занялись,
Пламем вспыхнуло обличье.
Закричал Тэта, запрыгал
И сгорел теперь навеки,
Так погиб богач-оленщик,
Бедняков злой враг так умер.
А Иван свою родную,
Дорогую, краше солнца,
Мать за руку взял и молвил:
«Наши все теперь олени,
В тундре выпасы все наши».

Альманах № 2, 1936 год

Сосновский
В тундре

Далеко в безлесной тундре,
Средь снегов глубоких,
На оленях быстроногих
Еду одинокий…

Гладь равнинная пустынна…
Изредка пушистый
Промелькнёт песец пугливый
В дали серебристой…

Отбежит и обернётся,
Глядя на оленей…
Из винтовки жадно-меткой
Целюсь я с колена…

Прозвенит короткий выстрел
В воздухе морозном,
Белый снег окрасит кровью
Зверь неосторожный…

И в чуму у ненца-деда,
Дымном и убогом,
Я повешу сохнуть шкуру –
Сам опять в дорогу.

Через тундру и озёра
До границ Урала –
Где пороги бурной Кары
Крепко льдом сковало…

Подъезжаю к побережью
Карского залива –
Он сверкает в бликах солнца
Искристо-игриво…

И кругом в пустынной тундре
Только снег белеет
Да Уральские отроги
Вдалеке синеют…

Альманах № 2, 1936 год

Владимир Михайловский
Молодые голоса

Ненецкий национальный округ один из самых молодых в составе национальной Родины. Здесь молоды националистическая промышленность и сельское хозяйство, наука и просвещение, литература и искусство. Ещё полвека назад огромная территория от полуострова Канин до отрогов Уральского хребта оставалась «белым пятном». Забытая всеми, заброшенная, жестоко эксплуатируемая национальными кулаками - оленщиками и шаманами, русскими купцами и царскими сатрапами, небольшая народность ненцев была обречена на вымирание. Дикий гнёт, безысходная нужда и нищета доводили кочевников да отчаяния и гибели.

Яркий свет свободы принесла в тундру Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством выпестованной великим Лениным Коммунистической партии. Живительные лучи Октября проникли в чум оленевода и в избушку рыбака, счастьем и радостью наполнили сердце забитого и обездоленного труженика тундры.

Немногим более четверти века назад был создан Ненецкий национальный округ. Исторический срок небольшой, но как изменилась жизнь! «Белое безмолвие» ненецкий тундры нарушалось. На её просторах возникли десятки рыбацких посёлков и баз оседлости оленеводов, новой жизнью зажили печорские деревни и села, на пустырях Белощелья вырос крупный экономический, административный и культурный центр округа – город Нарьян-Мар.

В округе работают Печорский, Канинский, Индигский рыбообрабатывающие заводы, возникли цементные и кирпичные производства, Печорская моторно-рыболовная и Ненецкая лугомелиоративная станция. В молодом рабочем посёлке Хальмер-Ю совсем недавно первенец ненецкой горнодобывающей промышленности стал выдавать на-гора каменный уголь. Нарьян-Мар располагает механизированными причалами морского и речного портов.

Многочисленные ненецкие оленеводческие, рыболовецкие и животноводческие артели дают ежегодно государству на сотни миллионов рублей рыбы, мяса, молока, масла, кож и шерсти, а промысловики округа – меха и пушнину.

Вместе с советской властью в ненецкую тундру пришла культура. Некогда пустынный край покрылся сетью клубов, изб-читален, библиотек, радиоузлов, электростанций и кинотеатров. Ненецкий народ обрел свою письменность. У ненцев имеется многие десятки начальных и средних школ с интернатами, педагогическое училище и сельскохозяйственная школа. Ныне в округе издаются окружная и две районных газеты. В высших и средних учебных заведениях страны учатся сотни ненцев.

Братская помощь великого русского народа из всех народов нашей Отчизны создали в невиданно короткие сроки все условия и возможности для превращения оленевода-кочевника в сознательного строителя социализма, творца своей счастливой и радостной жизни. Подъем экономики и культуры ненецкого народа, величайшее преобразование в тундре создают богатейшие условия для развития национальной по форме и социалистической по содержанию литературы.

Литературные силы Ненецкого национального округа начали формироваться вокруг окружной газеты «Наръяна вындер» в 1934 году. Ещё тогда по инициативе коллектива редакции была создана окружная литературная группа. Вдохновителями её были молодые литературные сотрудники окружной газеты Георгий Иванович Суфтин и Иван Николаевич Меньшиков.

Литературная группа газеты «Наръяна вындер» в 1935, а затем в 1936 году издала два литературно-художественных сборника. В них наряду с произведениями русских товарищей были опубликованы произведения ненцев: рассказ Егора Талеева «Встреча», стихотворение Семена Ноготысого «Путь в город», рассказы Стеши Ардеевой «Учительница» и «Дочь», стихотворение Ефима Соболева «Рождение», «Студентке», «Дорога».

Эти первые литературные альманахи получили хорошую оценку газеты «Правда» и журнала Архангельского областного отделения Союза писателей «Звезда Севера». Широкому разбору литературного творчества начинающих писателей и поэтов Ненецкого национального округа, достоинств и недостатков первых двух сборников «Заполярье» посвятил редакционную статью журнал «Литературное учёба», выходивший под редакцией Алексея Максимовича Горького.

Годы Великой Отечественной войны надолго прекратили деятельность ненецкой литературной группы, но её активные члены и многие творческие сотрудники газеты «Наръяна вындер» не бросили начатого дела.

Достойное место в советской литературе о Крайнем Севере занял талантливый писатель Иван Николаевич Меньшиков. Его первая книга «Полуночное солнце», сборники повестей и рассказов «Человек не хочет умирать», «Друзья из далёкого стойбища», «Человек ищет счастья» и другие выдержали многочисленные издания и разошлись большими тиражами.Они глубоко оптимистичны, насыщены лирической теплотой, любовью к суровому краю.

В предисловии к сборнику «Человек ищет счастья» издательство «Советский писатель» отмечало: «28 апреля 1943 года Иван Меньшиков погиб при выполнении своего великого долга под Мозырем. Ему не суждено было допеть свою песню о тундре. Советская литература потеряла талантливого художника. Произведение его живут потому, что он сказал весомое, яркое, правдивое слово о людях Севера, о победном шествии коммунизма в самых отдалённых, некогда глухих уголках страны...»

Большое, взволнованное слово о людях ненецкой тундры и седой Печоры, о беспросветном прошлом и радостном настоящем сказали в советской литературе Маремьяна Романовна Голубкова и Николай Павлович Леонтьев.

Печорская сказительница Маремьяна Голубкова и литературный сотрудник окружной газеты «Наръяна вындер» встретились двадцать лет назад. Молодой одарённый литератор, всем сердцем полюбивший и воспевавший в своих стихах, очерках и рассказах суровый и прекрасный край, Николай Леонтьев сумел подметить в Маремьяне Голубковой недюжинный талант песенницы и незаурядный рассказчицы. Этим было положено начало многолетнего творческого содружества народной сказительницы и молодого писателя, в результате которого на свет появились повести «Два века в полвека», «Оленьи края», «Мать Печора», а также многочисленные сборники сказок, песен, бывальщин.

Тёплую, чуткую любовь к Ненецкому национальному округу и его труженикам сохранил Георгий Иванович Суфтин, много лет проработавший в газете «Наръяна вындер». Начав свое творчество в первых номерах литературно-художественного сборника «Заполярье» стихами «Хосей», «Богатый жених», «История рода Пырерки», «Песцовый загон», «Урок географии», «Поездка», «Геолог», «О спирте», Георгий Суфтин получил тогда высокую оценку «Литературной учёбы». В 1957 году вышла в свет повесть Г. Суфтина «Сын Хосея», посвященная жизни ненецкого народа.

В тяжелую годину Великой Отечественной войны молодая писательская организация Ненецкого округа потеряла много начинающих, но одарённых поэтов и прозаиков. После войны литературная жизнь в округе снова оживилась. Появились молодые поэты-ненцы, студенты Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена Алексей Ильич Пичков и Василий Николаевич Ледков. Их стихотворения на родном и русском языках печатаются в газетах, альманахах, журналах. Некоторые из этих стихотворений вошли в настоящий сборник.

Тесную связь с литературным объединением газеты «Наръяна вындер» держит рабочий строительного управления Хальмер-Ю ненец Александр Фёдорович Канюков. Его рассказ «Подарок» и очерк «Так приходит опыт», написанные в содружестве с техником лова Печорской моторно-рыболовной станции Валентином Додом, опубликованные в окружной газете, встретили одобрение читателей и общественности.

С первыми рассказами «Поединок» и «Побеждённая неправда» выступили в окружной газете ненцы Василий Митрофанович Ледков и Ким Тимофеевич Хатанзейский. Продолжает творчески трудиться один из первых участников сборников «Заполярье» коми Ефим Соболев. Пробуют свои силы в литературе ненцы Юз Хыльма, Николай Тайбарей, Владимир Ледков, Ян Хыльма и другие начинающие поэты и прозаики.

В третьем номере сборника «Заполярье» публикуются лучшие произведения русских товарищей: заведующего отделом партийной жизни газеты «Наръяна вындер» Александра Тунгусова, слушателя Ленинградской партийной школы Андрея Кокшарова, директора Ненецкой сельскохозяйственной школы Василия Скробова, учительницы из Большеземельской тундры Александры Корепановой, секретаря Канино-Тиманской районной газеты «Социалистическое Заполярье» Бориса Котачева и некоторых других.

Третий сборник «Заполярье» посвящается 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В нём шире, чем в двух предыдущих, представлено творчество ненецких и русских начинающих писателей и поэтов. Конечно, некоторые стихи, рассказы и очерки не лишены недостатков. Но само проявление молодых творческих сил – радостное явление в нашей литературной жизни. Мы надеемся, что писатели и поэты Ненецкого национального округа с помощью Архангельской литературной организации будут расти от произведения к произведению, от сборника к сборнику.

Альманах № 3, 1959 год

Анатолий Рожин
Родное слово

С незапамятных времён по бескрайним просторам тундры от Белого моря до великой сибирской реки Енисей кочуют со стадами оленей коренные жители Севера – ненцы. Откуда они пришли сюда: с верховьев ли Енисея в далекие времена войн и походов в Средней Азии или со Скандинавского полуострова, – еще пока достаточно не выяснено. Ясно одно: ненцы – представители древнейших племен, обитавших на Крайнем Севере нашей Родины.

Несмотря на жестокую колонизаторскую политику царского самодержавия, позволявшую местным богачам безжалостно экс¬плуатировать ненцев и обирать их налогами и сборами, несмот¬ря на территориальную разбросанность и разобщенность, ненцы сохранили свою самобытность и свой язык, сохранили себя как народность.

Необычен для русского человека ненецкий язык. Много оригинального, своеобразного для современных языков находят в нем языковеды. Еще не найден среди ныне существующих языков народов Европы и Азии такой язык, с которым можно было бы поставить ненецкий в прямое родство. Лишь его общий грамматический строй и мелодии поющихся на ненецком языке песен и былин напоминают что-то восточное и приближают его к Туве, к Саянам, где, кстати сказать, сохранилось немало географических названий, вполне осмысливающихся на ненецком языке, как и само слово Саяны идет в сопоставление с ненецким соя – «родиться».

Ненецкий язык непревзойден в деле обслуживания процесса оленеводства. Здесь он и получил свое развитие. Ни на каком другом языке, даже и на таком богатом, как русский, нельзя ска¬зать об олене и тундре так кратко, точно и звучно, как на ненецком. И не случайно русские печорские жители, общаясь на русском языке с оленеводами-ненцами, вынуждены были пополнить словарный состав своей речи многочисленными заимствованиями из ненецкого языка. Вот несколько таких слов: нултать – «становить оленей в загоне», юрковать – «связывать оленей на аркан или веревку», ямдать– «перекочевывать на новую стоянку», тынзей – «аркан для ловли оленей», нялуку – «годовалый олень», утица – «нарта для шестов», са – «тяги, постромки», пячей – «блок в упряжи» и многое другое. Некоторые ненецкие слова, такие как пимы, малица, совик, хорей и ряд других вошли и в русский литературный язык.

На протяжении всей своей истории ненецкий язык использовался лишь для устного общения. О создании письменности ни этом языке в условиях царской России не могло быть и речи. Эта возможность появилась лишь с приходом Советской власти, которая сделала ненцев равноправными со всеми другими народами и поставила их на путь культурного и хозяйственного развития.

В 1929 году был образован Ненецкий национальный округ. И вскоре создалось еще два национальных округа, населяемых ненцами, – Ямало-Ненецкий и Таймырский (Долгано-Ненецкий). Ненцам было предоставлено право создавать письменность на своем языке.

Выход в свет в 1932 году первого ненецкого букваря «Ядэй вада» – «Новое слово», составленного исследователем ненецкого языка Г.Н. Прокофьевым, положило начало ненецкой письменности. Свидетели тех лет хорошо помнят то искреннее восхищение, с каким слушали ненцы первое печатное слово на родном языке, то и дело прерывая чтение возгласами: «Вот как хорошо!», «Буквы по-ненецки заговорили!»

Первым художественным произведением на ненецком языке был рассказ Георгия Ивановича Суфтина «Нярьяна нумгы» – «Красная звезда», переведенный с русского языка группой ненцев во главе с Иваном Павловичем Выучейским.

Особенно бурно начала развиваться ненецкая письменность в конце 30-х годов, когда из среды ненцев выдвинулось много грамотной молодежи. Первый ученый лингвист из ненцев Антон Петрович Пырерко талантливо перевел с русского и составил на родном языке очень много рассказов для детей, которые и поныне не сходят со страниц школьных хрестоматий, являясь классическим образцом художественного слова на ненецком языке. В этот период были созданы и первые учебники на ненецком языке для учащихся начальной школы. Ненецкие дети стали обучаться на родном языке.

В настоящее время на ненецком языке изданы десятки книг детской художественной литературы, в которые вошли лучше произведения русских классиков и современных детских писателей. После Великой Отечественной войны с участием авторских строк заново созданы учебники ненецкого языка для всех классов начальной школы. Ненецкие дети получили широкие воз¬можности приобретать первоначальные знания на родном языке, пополнять и расширять их через самостоятельное чтение книг.

В окружной газете «Няръяна вындер» периодически помещаются материалы о жизни страны и округа на ненецком языке, над оформлением которых любовно трудится Евдокия Васильевна Ноготысая, хорошо знающая ненецкий язык. В Ямало-Ненецком национальном округе на ненецком языке издается газета «Нярьяна Нгэрм» – «Красный Север». Ненцы имеют возможность на родном языке узнавать из газет, как живут и трудятся их сородичи за Уралом, каких успехов добиваются на производстве и в сельском хозяйстве рабочие и колхозники мно¬гонационального Советского Союза.

За годы Советской власти изменился и сам ненецкий язык. Сохранив в целости свой грамматический строй и основной сло¬варный фонд, он богато пополнился словами, заимствованными из русского языка. Иначе не могло и быть. В наше время ненцы занимаются не только оленеводством, но и оседлым животноводством, звероводством и даже земледелием. Мало ли надо дополнительных слов для обозначения всех тех многочисленных новых понятий, которые возникают в связи с этими новыми ви¬дами хозяйственной деятельности ненцев!

А социальная, политическая и научная терминология? Если прежде ненцы знали только, что там где-то есть царь – парэнгода, и что в тундру приезжают его начальники – ерв' и торговцы – тэмдорта', а также слыхали краем уха о том, что кроме России на земле есть еще и другие страны, то сейчас ненцы слушают и говорят на родном языке в полном объеме обо всем.

Конечно, приходится сожалеть, что в наших красных чумах еще мало работников, хорошо владеющих ненецким языком; зато в оленеводческих бригадах и на базах оседлости стало много грамотной молодежи, которая успешно ведет агитационную работу на родном языке. А что может быть доходчивей, чем родное слово!

Ненецкий язык живет и непрерывно развивается, не отставая от жизни. Родное ненецкое слово играет и должно играть важную роль в деле их культурного развития, в деле воспитания ненцев в духе идей коммунизма.

Альманах № 3, 1959 год

Александр Канюков, Валентин Дод

Рыбацкий бригадир

Еще в школьные годы Ефиму Чупрову не раз приходилось во время летних каникул выходить на промысел. В ту пору рыбацкое дело увлекало его своей романтикой. Эта романтика виденного искусно переплеталась в сознании с романтикой книг о сильных людях. Увлекали и рассказы отца, полные практической сметки и смелости.

Позднее, когда Ефим уже сам стал рыбаком, путина не потеряла для него своей притягательной силы. Но теперь другая романтика привлекала его. Он обязательно хотел стать большим мастером в рыбацком деле. Ему приходилось учиться, прислушиваться к разговорам опытных рыбаков, вызывать их на беседу, наконец, учиться из книг, газет, журналов.

...День, когда Ефима Чупрова назначили бригадиром, был поистине знаменательным для него. Но вместе с тем он был полон непредвиденных огорчений и даже обид. Чье сердце останется холодным, когда в тебя поверили! Но бригада Чупрова была скомплектована почти сплошь из женщин, и это его не на шутку обидело.

Бывает пора молодой неопытности, когда легко подпадаешь под распространенное мнение, даже если это мнение граничит с предрассудком. Вспомнишь потом – и улыбнешься. Но тогда злая обида сжимала грудь, к тому же в других, мужских бригадах не преминули подразнить, называя его «бабьим командиром». Признаться, порою Ефим подумывал отказаться от бригадирства.

Но все недоразумение разрешилось как-то само собой. Совместная подготовка к подледному лову не оставила и следа от его пренебрежительного отношения к членам своей бригады. Оказа¬лось, что эти уже не молодые женщины умели делать все неторопливо, хорошо и, главное, наверняка.

– Золотые у женщин руки, – со сдержанным восхищением отзывался о них Ефим.

Такие рыбачки, как Шишелова, Вокуева, Чупрова, да и все остальные не только мастерски насаживали рюжи, сшивали открылки, оснащали их грузом и плавом, но и сумели подойти к молодому, еще малоопытному бригадиру с такой теплотой и чуткостью, что Ефим не мог не почувствовать к ним расположения.

Молодой бригадир внимательно присматривался к другим бригадирам и часто с ними не соглашался. Не криком, не видом насупленных бровей надо было поддерживать дисциплину в кол¬лективе. Гораздо важнее было найти свой, особый ключ к серд¬цу каждого из членов бригады. Может быть, поэтому так срав¬нительно легко сработался он с людьми, и еще задолго до ледостава все подготовительные работы к зимней путине в его бригаде были завершены.

Иные бригадиры после этого распускают своих людей до крепкого льда по домам. Ефим решил поступить иначе. Своими соображениями он поделился с председателем колхоза Каневым, с бригадиром Семеновым, превосходно знающим рыбацкое дело, и выставил закольные рюжи. Но, не успокоившись и на этом, он стал выходить на лов с закидным неводом. И тут он убедился в еще одном хорошем качестве членов своей бригады: подход рыбы был плохой, но люди работали дружно, не проявляли и тени недовольства.

Между тем зима запаздывала. Люди, просыпаясь по утрам, торопились на берег, всматривались вдаль, толковали о ветрах, предсказывали погоду на будущее. А Ефим Чупров, как всегда беспокойный, чего-то ищущий, уже ходил по непрочному льду, вслушивался в его трески, сердился на ветер, который, словно заколдованный, все дул и дул с «горы», принося остатки материкового тепла.

Наконец, в ноябрьские праздники ветер резко изменил направление. С трескучими породами пришел «север», и уже девятого ноября вереница розвальней впервые сошла на лед. В голове колонны ехал Ефим, под подковами кололся прозрачный лёд. Иногда лошади оступались в трещины, весь обоз останавливался, а люди сбегались вытаскивать оступившееся животное.

Это был опасный поход за навагой. Спереди и с боков зеркальными гранями поблескивали торосы, где-то за ними был припай...

Теперь, когда была достигнута первая цель, перед Ефимом встала другая трудная задача – правильно расставить членов бригады. Для других, бывалых бригадиров, это, может быть, казалось самым простым делом. Но Ефим, всегда самостоятельный, и здесь решил сделать по-своему.

Часто бригада из восьми-девяти человек успевала за рабочий день выставить только три-четыре рюжи. Такую слабую производительность Ефим объяснял неумением некоторых бригадиров распоряжаться людьми.

Чупров пошел по иному пути. После того, как было выбрано место для тира, вырублена прорубь, проверен грунт, определено направление течения и проведена разметка, он переключил часть людей на подготовку нового места для рюжи. Оставшиеся три-четыре человека ставили в это время первую рюжу. Закончив, они переходили уже к подготовленному для следующей рюжи месту. Получалось быстро и хорошо.

Выезжали на губу затемно, возвращались в вечерние сумерки. Работать приходилось много и всюду надо было поспевать.

По вторникам, прихватив тетради и книги, Чупров спешил на политзанятия, а на обратном пути забегал в библиотеку обме¬нять книги. Здесь нередко затевался увлекательный разговор о новинках литературы, об интересных газетных статьях, о постановлении июльского Пленума ЦК КПСС, главы которого изучали на политзанятиях. И Ефим не замечал, как минуты склады¬ваются в часы. Были загружены и все остальные дни недели: тут комсомольское собрание о выполнении плана добычи рыбы, там – репетиция.

Случались и такие уплотненные дни, что никак не доходили до книг руки. Эти дни Ефим считал потерянными. Молодой и полный дерзновенных исканий, он и книги любил о сильных, закаленных людях. Он подолгу мог спорить об образе Оскара Клявы.

– Очень уж мне нравятся книги Лациса, а «Сына рыбака» готов перечитывать еще и еще...

Часто можно видеть Ефима Чупрова за беседой со специалистами.

– Интересно, очень интересно... Значит, такие же рюжи, как наши, есть и на Черном море, и на Волге, и на Балтике? Гм... – и он задумчиво смотрит на собеседника. – Но ведь у них, веро¬ятно, имеются и какие-то различия?

– Да, да, – говорит техник лова, – в конструкции тех рюж есть немалые различия... И с присущей специалисту обстоятельностью объясняет особенности конструкций, вызванных специфическими условиями лова, и название орудий лова. А предусмотрительный Ефим в это время делает пометку в записной книжке: «котцы» – на Волге, «вентеря» – на Азове...

Дела же в бригаде не всегда ладились.

Дни были уловистыми, а лошадей для перевозки рыбы на пункте не хватало. Оставить рыбу на льду около прорубей – попортится, станет ниже сортность. Оставался выход – вытря¬хивать ровно столько рюж, сколько рыбы можно было вывезти. Конечно, лучше всего увеличить число лошадей, но где их взять? Ведь колхоз лишними лошадьми не располагает...

В такое трудное положение попадали многие бригады. Где же выход?

План у бригады немалый – 340 центнеров, а выполнить его надо во что бы то ни стало. Сверх того надо выполнить и социалистическое обязательство.

– Что же, раз лошадей не хватает, будем осматривать часть рюж, – объявил Ефим бригаде, а сам сокрушенно подумал: «Это не выход из положения».

Результаты не замедлили сказаться: порою было грустно, но чаще пусто.

И все-таки Ефим не терял надежды на другой, лучший исход. Он ходил от тира к тиру, многих расспрашивал, но оказывалось, что и у них дела обстоят отнюдь не лучше. Но решение нашлось и, что удивительно, довольно простое.

На совещании рыбаков, собранном представителями Печорской МРС, попросили поделиться своим опытом бригадира Семенова. Оказалось, что в его бригаде ежедневный осмотр всех рюж считался обязательным. Ту же рыбу, которая на пункт сразу не вывозилась за недостатком транспортных средств, оставляли на специально оборудованной ледяной площадке в буртах, а в дни, когда улов был маленький, постепенно вывозили ее.

Вскоре по количественным показателям бригада Ефима Чупрова догнала бригаду Семенова. Но Ефим видел, что по качественным показателям его бригада еще очень отстает. Сортность оставалась низкой: первыми сортами шло двадцать пять – тридцать процентов. «Как же делает Семенов? – задавался он вопросом. Правда, как-то Семенов говорил, что борьбу за сортность нужно начинать не на приемном пункте, а около прорубей». Ефим эти слова знал, но до сих пор не придавал им особого значения. Теперь же он старался до конца осмыслить их.

Опять его видели на тирах других бригад, внимательно приглядывавшимся ко всему процессу осмотра рюж. И вот, веселый, он спешил к своей бригаде, чтобы показать, как нужно подбрасывать рыбу на лед, когда только что зачерпнешь ее сачком из проруби. Во многом помогла и ледяная площадка; дело пошло лучше. Теперь его бригада больше половины рыбы стала сдавать первыми сортами.

В напряженном творческом труде прошел весь квартал. И если вспомнить все эти прожитые дни, то тем они и хороши, что были насыщены исканиями. А искания всегда увенчиваются успехом.

Альманах № 3, 1959 год

Алексей Пичков
Василий Ледков
Олень

Выходит солнце из-за сопок,
Оно сияет в двух шагах.
Олень, красавец быстроногий,
Его выносит на рогах.

Стоит олень перед тобою,
Глядит доверчиво, как друг.
А на рогах его ветвистых
Пылает солнца алый круг.

Альманах № 3, 1959 год

Ада Рыбачук

Друзья из тундры

...Дружба с Иваном Николаевичем Ардеевым и его дочерью завязалась у нас еще на пароходе. Судно было переполнено, и мы уступили им свои места. Старик был очень тронут. В знак признательности он пригласил нас к себе в тундру, в чум, и мы с радостью согласились. Еще бы! – не на факторию, а в самую глубь тундры, к людям, всегда там живущим. Два дня мы провели на фактории, а на третий Иван Николаевич прислал за нами своих сыновей и три упряжки оленей – для нас и нашего груза.

Первым ощущением, когда Ионка и Гриша заботливо увязали наш груз и тронули оленей характерным звуком «кс, кш, кш», была радость.

Трудно объяснить, почему мне всегда хотелось поехать на Север, но хотелось мне это еще и школе – и вот эта мечта сбылась! Я – в тундре: оленьи упряжки, вдали сверкающее море...

Встречала нас тундра приветливо. Неправы те, которые го¬ворят, что тундра «скучный, унылый край!» Это неверно. Тундра полна своей незабываемой прелести и своеобразной красоты. Это – край солнечных ночей и непуганых птиц. И будто в награду за такие мысли, в первую же мою поездку тундра развернула свою неподражаемую красоту. Вот оранжево-красные массивы морошки, среди которых так контрастно выделяются густоко¬ричневые заболоченные места, яркая зелень вокруг голубых, чистых озер.

Солнце стояло низко, освещая теплым светом далекие просторы озерного края, лиловато-серые пески поймы Бугрянки, далекие сопки. А на горизонте все так же сверкало море, и в тишине далеко слышались крики чаек.

Оленья дорога в тундре разнообразна: то болото, где по брюхо вязнут олени, с хлюпаньем вытаскивая копыта из вязкого месива; то вдруг плоскогорье, покрытое травкой, похожей на ковыль и сразу напомнившей мне южные степи; то спуски с бугров, и Ионка заботливо бежит впереди упряжки, чтобы олени не понесли. А дальше дорога в затененном коридоре, между сопок. На темном фоне их красиво и нежно выделяются белые оленьи упряжки. И снова бугор, с которого далеко видна эта полярная степь, с оврагами, озерами, разнообразная, безмолвная, и с коричневой бархатистой полоской на ней – оленья дорога. А у горизонта, вдали, бежит еще одна упряжка, ее не видно, только на фоне светлого неба четко вырисовываются рога оленей.

На высоком плоскогорье след теряется – оно каменистое: мелкие камни, песок, редкая сухая травка, а вот и большой белый камень, покрытый узором – кружевом черно-зеленого мха. И дальше освещенная солнцем, разнообразная, манящая далью голубых сопок тундра.

Переехали речку Бугрянку. Олени пьют и фыркают; застывши, смотрят вдоль реки. Поднимаемся на сопку и неожиданно останавливаемся уже у чума. Разминаем затекшие ноги, вначале чувствуем себя немного неловко. Но неловкость сразу же проходит, как только хозяйка Анна Михайловна приветливо приглашает нас в чум.

С удивлением оглядываемся, где же олени, стадо. Неожиданно – «щелкающий» шум (позднее мы уже издалека узнавали его). Это пригнал стадо Иван Николаевич, хозяин. Встречаем, как старого друга. Все больше осваиваемся...

По часам – поздно, по солнцу – нет. Приглашают отдохнуть на шкурах.

После сытного ужина, приготовленного специально в честь нашего приезда, засыпаю – в солнечную ночь!

С утра следующего дня распаковываем краски, карандаши – в общем, все «хозяйство». С этих пор не хочется терять ни минуты времени. Рисуем все: тундру, оленей, собак. В первые дни делаем наброски с людей – к холстам еще не приступаем. Неожиданно обнаруживаем коллегу – младший сын хозяина, Хортей – Гриша. Он очень способный мальчик. Все время убеждаю его ехать учиться в Ленинград, в художественную школу.

Это может показаться странным, а для меня он был хорошим примером: нельзя, например, рисовать, когда дождь кропит на бумагу, а мальчик говорит: можно! Рисует на мокрой бумаге, осторожно. Она мокрая, рвется, но рисует. Рисует в любую погоду. Я с тех пор всегда его вспоминаю: работать всегда, в любых условиях!

Постепенно собираются наброски сцен быта – «Обеда ждут», «С охоты», «Игра в шахматы»... Вечерами нам рассказывают старые ненецкие сказки, а рядом, завернутые в шкуру, лежат: «Тихий Дон», «Витя Малеев в школе и дома», «Маугли», «Мартин Иден», томик Пушкина...

Постепенно приходят образы портретов – Ниночка и Гриша – дети тундры. Ионка с собаками идет ловить оленей в упряжку.

Относятся к нам хорошо. Когда кончился у меня клей, предложили варить из оленьих рогов. Всей семьей сидели вокруг котелка и пробовали на палец: клеится или еще варить?

Иногда с севера ветер нагонял туман, густой и мокрый, и держался он неделю, а то и две. Все мокрое, влажное. Работать можно только в чуме. С неунывающим оптимизмом смеются обитатели чума над тем, как не разгорается у меня костер из сырых – нет, мокрых – дров. Вздыхая, Иван Николаевич говорит мне:

– Упрямый муж у тебя будет.

А когда все становится уже совсем мокрым, он, не теряя бодрости духа, продолжает:

– Ничего, солнце выйдет – все высушит!

Постепенно раскрывался характер этих людей – бодрых и жизнерадостных, чистосердечных, как дети.

Был однажды такой разговор. Я уж не помню, какого числа открывался сезон охоты на птиц. Перед этим числом готовятся к охоте.

– А почему раньше не охотились? – спрашиваем.

– Так сезон завтра!

– Ну, говорим, а кто в тундре знал бы?

С подкупающей непосредственностью и даже удивлением на такой вопрос, говорят:

– Так мы ведь знаем!..

По субботам Ионка едет в библиотеку в Бугрино менять книги. И в одну из суббот, когда дождило уже дней десять, он отвозит нас на факторию, где мы обосновываемся, чтобы сумми¬ровать свои впечатления и начать новый этап практики – на фактории.

Возвращались в дождь. Заботливо уложены еще не совсем просохшие холсты, рисунки. Мне, в знак внимания, на нарты по¬ложили белую шкуру. Вместе с нами уезжала и дочь хозяина – Ниночка в Нарьян-Мар, учиться.

Тундра в дождливый день тоже хороша. Дождь усиливался, и тогда совсем не видно сопок, которые вновь были впереди (мы переехали вглубь тундры, далеко за их голубую гряду), не видно было и «стен» – сопок, между которыми, как в коридоре, бежали олени. В этот раз тундра – серебриста, яркие краски уже поблекли, и только еще «ржавеют» поля морошки.

Делаем отдых. Дождь уменьшился. На кочках – спелая, спелая морошка. Иван Николаевич шутит: «Как на блюде, садись и кушай! Вместо киселя!»

Вот переехали Бугрянку, уже засверкало вдали море и видны вытянувшиеся в шеренгу пять домиков, перешедших на оседлость жителей острова.

В Бугрино к нам сразу пришло жюри – береговые жители. Пересмотрели все рисунки, выражая свое отношение, критикуя. Особенно похож оказался маленький портрет Гриши, он с Ниночкой на санях.

В Бугрино мы в основном занимались завершением начатых работ, сделанных в тундре.

Надо сказать, что когда мы впервые приехали на остров на боте «Колгуевец», мне бросились в глаза два очень своеобразные лица: юноши и очень красивое – девушки. Она, румяная, в аккуратно и не без щегольства сшитой паница и пимах, с белым бантом, привлекала всеобщее внимание. Чистое скуластое лицо так и притягивало к себе все взгляды. А у него – раскосые ка¬рие глаза, и очень темные брови, крупные, слегка выпяченные губы. Медлительный, тяжеловатый, он стоял почти неподвижно на носу бота. И вот теперь, в Бугрино, мне удалось написать обоих – рыбака Афанасия и Федору. Афанасий – очень добродушный, веселый, терпеливый, иногда приходил позировать прямо с лова в три часа утра. Хорошо, что светло было – я согласна была писать его во всякое время. Жалела только, что из-за дождей нельзя было писать его на улице, где-нибудь на причале, с чайками. Это было бы больше в его характере: он иногда выходил в море, когда другие не решались.

А Федора позировала тоже терпеливо, но менее охотно. С го¬раздо большей охотой слушала она наши рассказы о далекой Украине, о больших городах. Мы все звали ее с собой, и она бы поехала, да видно была уж у нее причина остаться – Гаврила...

Теперь они пишут нам, рассказывают о нехитрых новостях тундры. Но в письмах мы чувствуем большее, чем эти новости, в них – хорошее чувство дружбы...

Еще в Бугрино нам удалось сделать несколько этюдов моря, которые, очевидно, со временем можно будет использовать.

...Провожало нас на «Юшар» очень много жителей острова. Трогательное прощание. И уже отчалил бот от «Юшара», а все еще слышно:

– Приезжайте! Ада, приезжай, кончай учиться и приезжай!

– В любой чум повезем, по всей тундре!

И я, конечно, приеду. Быть может, не на Колгуев, быть может, в другое место тундры. Насколько хватит у меня мастерства, умения и способностей, я постараюсь рассказать об этом далеком, молчаливом студеном крае и о его хороших людях.

Альманах № 3, 1959 год

Василий Скробов
Чёртово озеро

Пять усталых от долгой езды оленей медленно тащат нашу нарту по серой весенней тундре. Ненец Аристарх Талеев, сидящий впереди меня, то и дело погоняет их длинным хореем и громко вскрикивает: «У-у-эээ». Олени пробегают немного ленивой рысцой и опять плетутся шагом.

Аристарху около шестидесяти лет. Темное, обветренное тундровыми ветрами лицо обрамлено редкими седоватыми волосами и реденькой бородкой. Карие, слегка раскосые живые глаза еще хорошо различают самые мелкие детали тундры, на кото¬рые и не обратит внимания глаз непривычного человека. Ему знакомы здесь любая неровность и болотце, и малозаметный ручеек, и мельчайший овражек. Справа на севере поблескивают сотни тундровых озер.

За ними видна покрытая дымкой гладь Колоколковской губы – небольшой части моря Баренца. Слева – темная тундра с едва различимыми неровностями Коровинского хребта.

Смотришь на тундру, и кажется, что сплошному однообразию нет конца.

Но вот впереди вырисовывается большое, почти круглое озеро.

– Это Черт-то, – объяснил мне Аристарх.

Озеро с пологими песчаными берегами, окаймленными редкой осокой и бедным, едва зеленеющим из-под воды тростником. Спокойная гладь его то здесь, то там нарушается всплесками играющих рыб, стаи уток мирно плавают на прозрачной воде.

– Должно быть, много здесь рыбы! – восклицаю я и, очаро¬ванный открывшимся видом, вскакиваю с нарт. Но Аристарх продолжает сидеть, озирая недоверчиво гладь воды.

– Худое это озеро, шибко худое, говорит он, хмуря поседевшие брови. – Боятся его наши ненцы и рыбу здесь никогда не ловят.

– А почему его «Чертовым» называют и рыбу не ловят? – спрашиваю я.

– Э-э-э...– тянет он, – не хотелось бы и вспоминать про это, да уж расскажу, если хочешь...

И старик поведал мне одну из многих легенд, сложенных жителями тундры в прежние времена.

– Давно это было, так давно, что мой дед еще не родился на свет, а нитка пеньковая, которую привозили чердынские купцы, ценилась дороже пороху, – начал свой рассказ Аристарх. – Бедно, шибко бедно жили ненцы в ту пору.

Решили как-то три малооленных бедняка невод себе сплести, чтобы рыбу ловить в тундровых озерах. Выменяли у чердынских купцов на последних песцов пеньковых ниток и сплели невод. Когда он был готов, подъехали они к этому самому озеру (названия у него еще тогда не было), посмотрели, а рыба в нем так и плещется.

– Давай закинем здесь невод, – говорит один.

Закинули. Тащат, а рыба кругом пуще прежнего играет. Вытащили они невод, а в нем ни одной даже мелкой рыбешки на уху не оказалось.

– Давайте забросим еще раз, – говорит второй. Закинули, да прямо туда, где рыба «ключом била». Тащили, тащили, а рыбы опять нет.

– Закинемте невод еще раз, а если и в этой тоне не будет улова, я уж придумал этому озеру название! – со злостью и с досадой говорит третий.

Закинули бедняки невод и в третий раз. Тянут его к берегу, а невод их – в воду. Сначала по колено затянул, потом по пояс, а когда вода по грудь оказалась, и сил больше не стало, бросили они невод да скорее на берег. А невод вместе с поплавками в озере скрылся.

Жалко им было невода и трудов своих. А тут еще о наступа¬ющей голодной и холодной зиме вспомнили. Полились ручьями от обиды слезы из глаз бедняков. Да делать было нечего. Поплелись несчастные, понуря головы, в свой чум. Нерадостно встретили своих мужей и отцов голодные жены и дети. Худо спали они в ту ночь, каждый думал о случившейся беде.

Следующим летом бедняки вновь возвратились сюда. Они нашли свой невод в воде у берега, гнилой, запутанный и изорванный. С этого времени озеро и стали называть Черт-то – Чертово озеро. Страх и недобрую славу вызывало оно у ненцев, живущих в этой тундре.

Аристарх, закончив свой рассказ, умолк. Было видно, что сам он верит в эту старинную легенду малоземельских оленеводов.

...Несколько лет спустя довелось мне вновь побывать в этих местах с Аристархом.

– Земля эта теперь наша, колхозная, вместе с озерами нам советской властью отдана, – рассказывал поседевший как лунь Аристарх. – А колхоз наш миллионер, на выставке в Москве по¬казан. Хорошо ненцы жить стали.

– Следующую остановку у Черт-то будем делать. Там мой младший сын бригадиром рыбаков работает,– объявил вдруг Аристарх.

– Как, разве в нем ловится рыба? – спросил я.

– Ловится, да еще какая! Чиры, пеляди отборные, сами скоро ужо посмотрим...

Среди тундры показались очертания знакомого озера. На берегу виднелась большая палатка, а гладь озера бороздила мотодора. Артель выметывала невод. Через несколько минут под дружными усилиями рыбаков у берега показались крылья невода, а затем стал приближаться и матафан.

– Смотри, смотри! Рыба-то в мотне, что в котле кипит! – восхищался Аристарх.

В мутной воде поблескивали бока крупных пелядей и чиров. Они бились и метались, ударяясь друг о друга, обивая чешую, упруго подпрыгивали вверх, загибая хвосты.

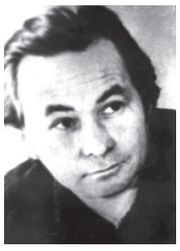
– Хорош улов, центнера четыре будет! – определил старик.

Выбрав добычу из невода, рыбаки пригласили нас на уху.

– А куда же черти-то из озера девались? – спросил я Аристарха за обедом.

– Испугались черти! Не под силу им с колхозниками шутить стало, подохли видно,– ответил, улыбаясь, старик под дружный хохот рыбаков.

Альманах № 3, 1959 год



Александр Канюков
Отец

Нара обошел разбредшееся по речке стадо и довольным поднялся на кустистый мысок. Подстелив под себя суконный совик, он устало опустился на него. Захлестнутые прибоем душистой зелени, олени паслись спокойно, не двигаясь, и, казалось, были приворожены к месту.

Теперь, пожалуй, можно было на время позабыть пастуху об оленьих делах и пораскинуть умом о другом. Ведь не сегодня – завтра должен прибыть на каникулы сын. Вчера пастух Яков Выучейский, будучи в бригаде проездом, рассказывал, что, возвращаясь с колхозной базы, видел в дороге двух пешеходов в русской одежде, но приблизиться к ним не смог, потому что сильно измучились подсаночные.

– Кому же быть? – гадали мужчины в бригаде. Нара не присоединился к их разговору, но всю ночь спал неспокойно. Просыпаясь, он выходил на улицу и с саней подолгу разглядывал горизонт и ждал...

Вот и сейчас, хотя пальцы по привычке крутили цигарку, но глаза, озабоченные и вдруг взгрустнувшие, уже кружили по окрестным рощам и тропам. Порою на тундру спускались тени – и тогда угасал блеск озер, хмурились травы, глуше слышались голоса птиц, стойбище, которое находилось в стороне через низину, словно пряталось под землю. Но вот облака наверху раздвинулись, залучилось снова солнце, зажглись озера, чумы вырисовывались отчетливее, засветилась на них береста...

Наре никакого труда не стоило представить, чем сейчас заняты на стойбище, но, приглядевшись, он, по-видимому, не нашел там ничего примечательного и отвернулся. И, может, потому вслух засетовал на погоду.

– Вот беда, лето, – ворчал он, – вчера был туман: едешь, и рога передового теряются. Сегодня дождь собирается... Я гово¬рил бригадиру: к вечеру дождь придет. Кирила не поверил. Во¬ображает парень, думает, раз он бригадир, то его и небо должно слушаться. И смеется, еще: мол, из небесной канцелярии, что ли, передали сводку. А что думаешь – может, и оттуда сообщили... Как будто бы и оленевод неплохой, от рождения все в тундре живет, а природа для него – закрытая книга. С утра ведь видно было: друг к дружке тучи бегут, пухнут, к солнцу подбираются...

Откуда-то сверху прилетали одиночные дождевые капли и звонко разбивались на лице пастуха. Нара начинал неторопливо отмахиваться от них, как от комаров, и новая складка тревоги и горести прибавлялась на переносице. Но вдруг он легко вскочил на ноги и замахал вскинутыми над головой руками.

– Э-э-эй!.. – протяжно и радостно закричал он навстречу разбежавшемуся ветру.

В ответ ему наверху в тучах раскатисто загромыхало. Вздрогнула под ногами земля, колыхнулся зеленый мир. Олени было сгрудились, потом побежали, но сразу же остановились. Они вскинули рога и с великим удивлением стали поглядывать то вверх – на ожившее небо, то на своего хозяина, который, казалось, решил поспорить со стихией.

Порывисто налетал ветер, дождь хлынул ливнем и перестал, там и тут блеснули молнии, еще миг – и небо раскололось...

Когда Нара опомнился, туча уже пронеслась. Он стоял весь мокрый. На откинутом капюшоне малицы собралась лужица, и оттуда за ворот по всему телу сочились теплые струнки.

– Ладно, – во все лицо заулыбался пастух и, глядя на видневшиеся впереди две черные точки, уже не без лукавства про¬должал:

– Пусть, пусть немножко помочит, наверно, изнежился там в городе-то...

Буйная полоса дождя накрыла двух путников, которые были уже недалеко. Нара очарованно смотрел на их еле видимые фигуры и шептал:

– Пусть, пусть...

А душа ликовала: «Сын твой... Эй, Нара, это твой Алексей идет на побывку»...

В северной половине неба снова собирались тучи, предвещая сильный, затяжной дождь. Время от времени рокотал гром, с каждым разом удары его слышались все ближе и грознее. Извилистые, как брошенный кем-то аркан, молнии, блеснув, гасли, воткнувшись в вершины сопок. Но теперь уже ничто не могло смутить пастуха. Шутливо погрозив в сторону надвигающегося дождя, размотав тынзей, он быстро спустился к стаду. Поймав пять смирных быков, Нара подвел их к саням и стал запрягать.

...После окончания десятилетки сын поехал учиться на геолога и с тех пор в каждом письме обещал приехать на летние каникулы. Но вот подходила пора, и Алексей просил у отца прощения: его звали куда-то поехать с геологической партией, и он не может отказаться... Нара обижался: разве так уж беден родной край, что нечего в нем делать Алексею?..

Но что же это? Снова захлестал злой, колючий дождь, молния полыхнула над самыми рогами подсаночных, те дико шарахнулись и в следующий момент, словно оглашенные, вскачь закружились вместе с санями и седоком.

В это время в кирзовых сапогах, в отяжелевшей, вытянувшейся до колен фуфайке, еле-еле передвигая ноги, поднимался по склону холма Алексей.

– Алеша, сын мой... – шептал отец, не в силах подняться ему навстречу.

Да, это был его сын. Вот он остановился перед ним в двух шагах и, казалось, сейчас же упадет и заснет на месте. Но глаза Нары вдруг забегали, ища кого-то, лицо больно сжалось. Вскочив на ноги, он схватил сына за обмякшие плечи и, заикаясь, сквозь зубы процедил:

– Где?.. Товарищ твой где, спрашиваю?..

Нара круто дернул сына за локоть, затащил на сани и, сунув ему в руки хорей и вожжи, сердито проговорил:

– Здесь буду ждать. Ну!..

...Тучи растаяли, и поток света и тепла хлынул на землю.

...Нара долго ходил вокруг стада. Олени паслись спокойно, и он снова возвращался к «мальчишкам», как их окрестил в уме. А «мальчишки» спали неподалеку от саней, широко разбросавшим, на суконном совике.

Нара подходил к ним со всех сторон, и каждый раз ему казалось, что спать им очень неудобно. Он свернул свою малицу и бережно подложил под головы ребят. Мокрые ребячьи фуфайки он повесил на сани, на кочках раскинул портянки, а сапоги выставил голенищами на ветер. Потом Нара сел у изголовья «мальчишек» и не мог удержаться, чтобы не взглянуть на них ещё раз.

Альманах № 3, 1959 год

Борис Котачев
Попутчик

I

Завтра – конец зимних каникул, и Иван Васильевич Кузин, рыбак колхоза «Заря Севера», то и дело понукал коня, чтобы успеть хотя бы ночью довезти сына до школы.

В оленеводческом совхозе, неподалеку от родного становища, можно было взять и оленей, на них доехали бы быстрей. Но Кузин считал, что лучше сидеть на сене в удобных санях, чем трястись на узких и легких нартах. Да и Леня в дороге любил подремать. Не привязывать же парня к нартам!

Подкрались сумерки. До районного села было еще не близко, а конь устал, да и Кузин с сыном не то чтобы замерзли, а чувствовали озноб – то неприятное ощущение, когда под теплую одежду к самой коже воровски пробираются струйки холодного воздуха. Едва ощутимые вначале, нежные, словно робкие поцелуи прохладных губ, эти струйки постепенно усиливаются и заставляют седоков глубже прятать ноги в рыхлое сено, вбирать голову в плечи, плотнее прижимать согнутые в локтях руки к туловищу, а потом выскакивать из саней на дорогу и бежать за лошадью до тех пор, пока ноги не устанут, а все тело не охватит приятная теплота.

Иван Васильевич так и делал всякий раз, когда чувствовал, что пальцы ног начинают мерзнуть.

Скоро должен показаться последний поселок, от которого останется всего тридцать километров пути.

– Покормим Ворона, сами чайку попьем и часика через три будем в школе, – сказал отец, ободряя сына.

Леня после очередной «проминки» согрелся. Усевшись поудобнее в сани, он подтянул ноги под подол малицы, отвернулся от встречного ветра и задумался. Конечно, жаль было расставаться с родителями. Леня даже всплакнул, когда мать, провожая, крепко поцеловала и порывисто прижала его голову к своей смуглой горячей щеке. Но сейчас, за долгие часы езды, горечь расставания исчезла, растаяла, мальчику хотелось скорее доехать до интерната. Еще бы! Хотя на далеком рыбацком становище, где жили отец и мать, было хорошо, но Лене не хватало ребят-сверстников. Играть же с двумя пятилетними карапузами из соседних домов ему не хотелось. То ли дело интернат! «Вот бы Алешу к нам! – думал он, закрывая глаза. – Уж у нас бы его никто не обидел!»

Леня все еще жил под впечатлением повести Горького «Детство». Ему было мало тех отрывков, которые читали на уроках, перед отъездом из дому он прочитал всю книгу. Сейчас, улетая детскими мыслями в далекое, непонятное прошлое, он снова почувствовал, как чудесная простота этой повести целиком овладела всем его существом. Ему казалось, что кто-то сильный и мудрый взял ласково его, беспомощного и глупого, за руку и повел, показывая то, что было скрыто от него временем. И не было сил оторваться от этого яркого и вместе с тем страшного зрелища.

«Смотри, – говорила книга, – как сложно и чудно устроена была жизнь, о которой рассказывал на моих страницах человек, живший до тебя!» Леня чувствовал именно это, хотя и не сумел бы передать словами все то, что нашептывала ему книга. Он читал, и сильнее билось сердце, хотелось, будь он на месте Алеши, поднять бунт против жадности, беспощадной жестокости тех, кто обижал мальчика.

– А почему? – вслух спросил Леня. – Почему так было?

– Ты про что? – повернулся к нему отец.

– Так... про Алешу опять вспомнил.

Сын читал эту книгу вслух, Иван Васильевич хорошо знал ее содержание. Книга и ему понравилась своей простотой и жестокой правдой.

– Брось, не думай, – ласково попросил он Леню.

– Нет, папа! – не унимался тот. – Зачем его

дедушка бил? Почему его так обижали? Зачем взрослые дрались?

– Жизнь такая была, – пояснил отец. – Не могли по-иному жить. Понимать надо!

Он дернул вожжами, лошадь перешла на рысь.

– В наживе было дело, в деньгах, – медленно заговорил отец после короткого раздумья. – Я так понял... Грызлись, как волки, из-за денег-то, душу друг другу уродовали.

Оба замолчали. «Да что и говорить? – думал Иван Васильевич. – Ему двенадцать, а мне скоро пятьдесят, что он поймет?!»

– Папа, – вдруг снова спросил Леня. – А у нас сейчас есть такие жадные на деньги?

– У нас? – как эхо, откликнулся отец. Вопрос застал его врасплох. Он долго молчал, потом серьезно глянул на сына и ответил, – Пожалуй, встречаются... – потом вдруг ласково потре¬пал сына по голове и добавил, – только держаться им не за что, почва не та!..

II

Из поселка дальше ехали уже втроем. Здесь к ним в попутчики до районного села попросился человек лет сорока. «Ладно, – решил про себя Иван Васильевич, колхозу тридцать рублей – не шутка. Повезу».

Того, кто просился ехать вместе, Леня успел хорошо рассмотреть. «Сильный», – подумал он про дяденьку. Совик, натянутый на могучие плечи, готов был вот-вот лопнуть, шапка была заломлена на затылок, полное пухлое лицо с румяными щеками было гладко выбрито, в небольших серых глазах то и дело вспыхивали лукавые искорки.

– В командировку ездил, – пояснил он свою просьбу. – Пора обратно.

Он уплатил деньги, и перед тем, как спрятать в бумажник справку об уплате за проезд, которую сам же и написал по просьбе Ивана Васильевича, внимательно ее рассмотрел.

– Для отчета подойдет! – пояснил он и почему-то весело подмигнул Ивану Васильевичу.

Пассажир оказался словоохотливым. Не прошло и пяти ми¬нут, как он уже спрашивал:

– Давно ездишь, папаша?

«Папаша», который был всего на шесть-семь лет старше его, сердито буркнул:

– Всю жизнь тут...

– Как всю жизнь?

– Да вот так: родился – и живу тут.

– Работаешь?

– А что же по тундре на вороных катаюсь?

Собеседник был навеселе, и его не обескуражили резкие, краткие ответы.

– А как с заработком?– вновь спросил тот, поправляя на голове шапку.

Иван Васильевич не ответил. Он только крепче натянул вожжи, сдерживая лошадь на крутом спуске к ручью.

– Что же ты молчишь, папаша? – не унимался командировочный. В голосе его не было обиды.

– А что мне говорить?! – откликнулся все же Иван Васильевич. Он вообще был не словоохотлив, особенно в тех случаях, когда его под видом беседы словно допрашивали. Хвастаться высоким заработком на рыбной путине да достатком в доме он не любил. «Трудись – и жить хорошо будешь. Зачем еще спрашивать?» Такие вопросы казались ему просто обидными. «Лезет к душу, – сердито думал он про надоедливого толстяка, – будто с улицы в чужое окно заглядывает!»

Леня между тем, разомлев от горячего, ароматного чая и комнатного тепла сразу же начал дремать и, как только переехали ручей, крепко уснул.

– Да, тяжелая у тебя работа, – шумно вздохнул командировочный.

– А что тут тяжелого?! – недовольно спросил Иван Васильевич.

– Да вот везти, мерзнуть... Разве это легко?

– Я привык, – сухо ответил ему рыбак.

– Да! Привычка – дело великое! Я вот никак не могу привыкнуть к таким дорогам. То ли дело на поезде! А здесь скучно... Едешь, едешь – конца-края не видно. – В его рокочущем басе послышалось что-то действительно похожее на жалобу. – А пейзаж, – уныло продолжал он, – одна чушь какая-то, глаза сты¬нут.

– Так вы бы другие места поискали, – зло посоветовал Иван Васильевич.

– Да я всего-то здесь третий месяц, – не обращая внимания на тон собеседника, продолжал командировочный. – Правда, оклад здесь неплохой, пожить можно!

– А вы кто по специальности? – решил осведомиться, наконец, Иван Васильевич.

Кажется, ему впервые изменила привычка молчать в дороге с незнакомым человеком. Произошло это, скорей всего, потому, что сейчас пришлось отвечать не ему, а попутчику. Это для Ивана Васильевича становилось забавным.

– Я зоотехник...

– В тундру, значит, ездили, к оленям?

– Да нет! – сочно рассмеялся тот. – Там другие есть! Я лошадей осматривал, четыре дня жил.

– Четыре? – удивился рыбак. – Да тут и всего-то три лошади!

– Ну и что? – снисходительно, как маленькому, улыбнулся зоотехник. – Конечно, дела было на час...

– И три дня зря здесь пропадали? – снова удивился Иван Васильевич. – Почта, что ли, не ездила?

– Да нет, все в порядке! – весело ответил собеседник. Он выскочил из саней и потрусил за ними, разминая затекшие от неудобного сидения ноги. Потом на ходу неуклюже прыгнул в сани, повозился немного и извлек из-под сена свой чемоданчик.

– Выпить, папаша, не желаешь? В дороге это полезно! У меня все тут, даже стакан, – весело зарокотал зоотехник, раскрывая чемодан. – А торопиться мне некуда. Это семейного человека поскорей домой тянет, а мне что? Я уж полгода, как с женой развелся! Зарплата же идет.

Да за эти три дня получу командировочные, суточные и квартирные. О дороге я уже и не говорю, ее тоже оплатят...

– А пили-ели на квартире бесплатно? За ночлег с вас хозяйка тоже не взяла?– с плохо скрываемой неприязнью спросил Иван Васильевич.

– Конечно! – самодовольно заявил зоотехник, нарезая тонкими ломтиками семгу на внутренней стороне крышки раскрытого чемодана. – Но я время зря не тратил. В лес с ребятишками ходил, смотрел, как они куропаток в силки ловят, навагу удил. В общем, знал кое-что о Севере! – Он поднял пластмассовый стаканчик и одним духом осушил его содержимое. Левой рукой зоотехник взял закуску, а правой бутылку, чтобы налить и для извозчика. Иван Васильевич вдруг натянул вожжи. Ворон остановился.

– Вот что, гражданин хороший,– с трудом сдерживаясь, сказал он пассажиру, – забирай-ка свой багаж и катись отсюда своим ходом!

– Что? – не понял опешивший зоотехник.

– То, что слышишь, – тем же тоном пояснил рыбак. Пошарив руками под малицей, он достал три скомканные десятирублевки, бросил их в чемодан пассажира и захлопнул крышку. – Вот ваши деньги. А теперь – ступайте! – и выбросил чемодан в снег.

– То есть, как ступайте?! Куда? – возмутился пассажир. Он, наконец-то, понял, что извозчик не шутит.

– А мы недалеко и отъехали, – отрезал Иван Васильевич, гася в себе гнев. — До поселка и пяти километров не будет. Дорога одна. Н-но! – крикнул он, едва пассажир вышел из саней, чтобы взять чемодан. Ворон, повинуясь воле хозяина, рванул.

– Я... Я! – пассажир даже задохнулся. – Я тебе это припомню!..

Но его крика никто не слышал. За белыми струйками снега, гонимыми западным ветром, в темноте ночи скрылась черная точка саней. Тундра поглотила их.

Впереди, куда неслись сани, бесформенной полосой, возвышаясь над дорогой, едва заметно чернел лес. За ним, с северо-восточной стороны, лежало долгожданное село.

– Пьяница! – возмущался Иван Васильевич. – Командировочный!..– Он, может быть, еще долго ругался про себя. Но в это время заворочался Леня. Лошадь уже въехала в лес. Сразу стало тихо и еще темнее, только заметно белела узкая лента дороги.

– Не спишь?

– Нет, – тихо ответил сын, – проснулся...

– Папа, – вдруг встрепенулся он, – а пассажир где?

– Попутчик-то?! Вернулся, – объяснил отец.

– Почему? Забыл что-нибудь? Такой веселый дяденька! – улыбнулся он, вспоминая пассажира. – А что же он позабыл?

– Совесть, – буркнул отец. – Да забудь ты о нем, ну его к лешему! – почти весело добавил он и прикрикнул на Ворона: – Но, но, милый, торопись! Сейчас отдыхать будем!

Лес кончился, вдали заблестели огни районного центра. Ярче всех сияли окна ближайшего к реке двухэтажного здания.

– Интернат, папа! – радостно крикнул Леня и схватил отца за руку. – Видишь внизу свет? Это наша комната! Ждут!

– Конечно, ждут, – подтвердил отец. – А ну-ка сам!

Эх, и любил Леня такие минуты! Встав на колени, он лихо, как взрослые, гикнул, встряхнул вожжами, и сани понеслись навстречу сияющим огням. Сердце мальчика билось так радостно, что он не мог удержать рвущейся наружу песни. Ее подхватил отец.

Альманах № 3, 1936 год

Михаил Скороходов
Родная земля

***

Оленье стадо чутко спит в долине.
Плывет луна над цепью дальних гор,
На ветках мха поблескивает иней,
Повис туман над чашами озер.

Под ледяным полярным небосводом
Застыла тундра – необъятный край.
А у костра сидят оленеводы
И пьют китайский ароматный чай.

***

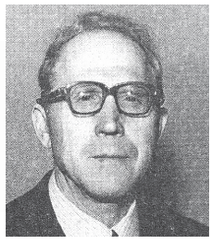
Над белой тундрой море света,
Но крепко-крепко спит она.
Озера в ожиданьи лета,
Наверно, вымерзли до дна.

Морозом высушены ветры,
Покрыты льдами берега.
На десять тысяч километров
Легли полярные снега.

Сурова здешняя природа,
Здесь под ногами вечный лед,
Но сердце на любых широтах
Родную землю узнает.

И всюду радостно трудиться,
Одна семья у нас в стране –
И в Заполярье, и в столице,
И на алтайской целине.

Альманах № 3, 1936 год



Александр Тунгусов
С почтой

Из Черной в Носовую почта приходит через два дня на третий. Если это случается засветло – мелькнут в окне оленьи упряжки, слышно, как скользнут вниз с сугроба легкие нарты, и кто-нибудь из работников отделения связи, сорвавшись с места, объявит обрадовано:

– Почта с Черной!..

Ждали ее с нетерпением и сегодня. Погода с утра выдалась на редкость хорошая. Но к полудню все кругом – и розовато-золотистый горизонт на юго-востоке, и далеко видимые очертания берегов Болванской губы, и стаи чаек на льду залива, и сам поселок – все скрылось в сплошной снежной мгле. За стенами небольшого почтового дома дико завыл, заходил ветер. «Не весело очутиться в такую пору в тундре», – подумал я, дожидаясь здесь упряжек с Чёрной.

– Если так зарядит на сутки, оленей сегодня и ждать нечего, – словно продолжаю мою мысль, беспокойно сказал начальник отделения.

Но пурга к вечеру улеглась также неожиданно, как и началась. Лишь лениво падали сверху редкие снежинки. А спустя час-другой, когда во всех домах рыбацкого поселка уже горели яркие электрические огни, приехала и долгожданная почта.

Привезли ее оленеводы большеземельского колхоза имени Сталина, почтовые чумы которого раскиданы по побережью от Варандея до Носовой, километров на триста. У каждого из них свое стадо по семьдесят-восемьдесят оленей-быков. Стада эти – их называют здесь меня нянойными, или иначе транспортными – не находятся на одном месте. Во главе каждого стоит бригадир. Он организует и выпас оленей на пастбище, и доставку почты до соседних стад.

... Сегодня приехали на трех упряжках работники первого почтового чума Надежда Фёдоровна Ледкова, невысокая, с широким скуластым лицом женщина, ее восемнадцатилетний сын Петр и Александра Явтысая, молоденькая, полнолицая, чуть застенчивая девушка с длинными косами и милым голоском. Все тепло и нарядно одеты. На женщинах – красиво отделанные национальным орнаментом паницы. Из оригинально подобранных кусочков оленьей шкуры – камусов – сделана и обувь. На головах – черные пыжиковые шапки.

Сдав почту и получив обратную корреспонденцию, упакованную в прочные мешки, прибывшие не стали долго задерживаться в поселке, а, едва управив свои дела, заторопились в обратный путь. Видно, такие поездки на ночь глядючи были для них обычными. Поехал с ними и я: надоело сидеть в ожидании летной погоды и поэтому решил добираться до оседлой базы колхоза имени Сталина по побережью.

По совету людей бывалых я достал, собираясь в дорогу, малицу, совик, меховые чулки-липты и меховые сапоги-тобоки. Облачившись ещё в Нарьян-Маре в непривычную одежду и обувь, я вскоре чувствовал себя настоящим тундровиком и несколько свысока смотрел на своих друзей из нашей редакции. Не смущала меня и сама поездка, хотя ехал в тундру впервые. Наоборот, хотелось скорее увидеть ее своими глазами. Развернув оленей, мы спустились у самых домов на лёд Болванской губы. Петр или Петра, как звали парня спутницы, держа в одной руке вожжу от передового, а другой ловко орудуя хореем, пустил свою упряжку в сторону Фарихи – рыбацкого становища на противоположном берегу залива. За ним рванулись и две другие.

Сани легко скользят по ровному снегу, а местами и по открытому льду. Временами их подбрасывает, кидает в стороны, и чтобы усидеть, приходится одной рукой крепко держаться за веревку, стягивающую амдюр – оленью шкуру под ногами, а другой – за край нарт. Тут уж не уснешь, не задремлешь, как в наших розвальнях или кошовке.

Чем дальше удалялись мы по снежной целине от поселка, тем больше темнело. Пошел снег. Его подхватывал усиливающийся ветер и порой резко бил в лицо. Это случалось каждый раз, когда Петр начинал забирать слишком вправо. Тогда Александра, следовавшая за ним, кричала что-то сердитым голосом, и тот послушно брал левее.

Для меня все здесь было новым, интересным: и езда напрямик, без дороги, и то, как управляет проводник упряжкой в четыре-пять оленей. В голову лезли самые разнообразные вопросы. Я попытался было заговорить об этом с сидевшей по другую сторону нарт девушкой, но та не удостоила меня даже ответом. Время от времени, чуть повернув голову влево и оттянув от уха шапку с повязанным поверх платком, она настороженно прислушивалась, скачут ли олени сзади. Убедившись, что все в порядке, моя проводница, тонко присвистывая, гнала подсаночных за мелькавшей впереди упряжкой. Мне хотелось помочь ей, самому смотреть назад, но в моей одежде трудно было даже оглянуться.

Но вот Петр остановился. Остановились, подъехав к нему, и мать, и Александра. «Неужели сбились?» – мелькнула тревожная мысль. Но они не долго посовещались между собой, оглядывая закрытую темнотой и снегом даль, прислушиваясь к шуму разгулявшегося на просторах залива ветра, затем – снова разворот, снова стремительный бег оленей, снова короткие остановки. Теперь впереди ехала сама Надежда Федоровна, а её сын следовал за нами. Как оленеводы выбирали путь, по чему ориентировались, для меня оставалось загадкой.

Ветер между тем усилился. Резкий, порывистый, он гнал снег такой густоты, что передняя упряжка лишь угадывалась впереди неясным пятном. Снег, мелкий-мелкий, больно резал лицо, слепил глаза, таял, растекаясь по лицу, льдинками намерзал на ресницах, мешал смотреть. Неожиданно пропал Петр. Впрочем, ничего неожиданного в этом, пожалуй, не было. Александра и сама несколько раз теряла из вида переднюю упряжку, хотя ехала следом и, казалось, только случайно находила ее в дикой снежной кутерьме.

– Петра!.. Петра!...– остановившись, звали мы с минуту парня. Но нам никто не ответил. Да и трудно было рассчитывать, что он отзовется, когда ветер тут же обрывал наши голоса, когда и в трёх шагах ничего не было видно.

Сколько мы отъехали от Носовой, далеко ли до противоположного берега, да и где он – трудно было сказать. Одно было ясно: с пути мы сбились. Ветер дул то справа, то в спину, то слева. Олени бежали уже тяжело, как ни поторапливали их проводники и хореем, и голосом.

Пурга усилилась. Казалось, останови оленей, ветер все равно погонит их вперед. Наконец, мелкий сплошной снег закрыл все. Временами не было видно даже подсаночных. Ехать дальше было невозможно.

Упряжки остановились. Женщины подвязали оленей вожжами у нарт, поставив их навстречу ветру, отвязали амдюр и, придерживая руками, чтобы не вырвал ветер, быстро опустились на него с правой стороны других нарт, груженных почтой. Через несколько минут моих спутниц наполовину занесло снегом.

Оставшись наедине с ветром, который едва не сбивал с ног, я мучительно думал, где и как лечь? Не стоять же всю ночь истуканом среди этой разбушевавшейся стихии! Наконец, я более или менее удобно устроился в передке нарт, вытянув ноги в сторону оленей, и понемногу успокоился, полагаясь во всем на своих проводниц. Чтобы снег не порошил лицо, пришлось закрыться руками, а вскоре снег совсем занес меня. В тобоках и липтах на ногах, в малице и совике под снегом было тепло. Но уснул я не сразу. Рядом у самого уха шумел и гудел бешеный ветер, шуршал снег. Беспокойно дергались олени. Тревожила к тому же мысль о Петре: «Где он блуждает сейчас? Или, может, как и мы, заночевал в снегу?»

Проснулся я от скрипа снега под чьими-то ногами. Потом тревожный голос спросил:

– А товарищ-то наш где?

Речь шла, видимо, обо мне. Спрашивала мать Петра. Я попытался приподняться, освободиться из-под снега, но не смог. Пришлось звать на помощь женщин.

Рассвет только начинался. Падал негустой снег. Сквозь тонкую завесу его и утренний сумрак справа можно было различить очертания берега. До него оставалось двести-триста метров. Подосадовав, мы принялись освобождать оленей, а затем и нарты из-под снега, утрамбованного ветром.

Оглядывая горизонт, женщины погнали оленей с берега залива прямиком по тундре, едва покрытой снежным покровом, а местами и вовсе обнаженной. Кругом – ни деревца, ни кустика, только отдельные травинки. Не видно нигде и упряжки Петра.

Делаем поверду. Так называются короткие остановки оленей. Их делают обычно через каждые восемь-десять километров. Животные бьют сильными копытами по насту, нетерпеливо тянутся ртом к земле. Но под снегом ничего нет – ни мха, ни лишайника. Надо ехать дальше. Олени снова скачут, широко выбрасывая вперед задние ноги, то сходятся вместе, бок о бок, то расходятся в обе стороны. Они широко разевают пасть, хватают снег, не сбавляя бега. Где кончается тундра, где начинается горизонт, сказать трудно. Только далеко-далеко справа проступает сквозь облака красноватый диск солнца.

Еще несколько часов такой езды – и вот уже чернеют впереди два чума. Над одним вьется дымок. В отдалении виднеется стадо, в поисках корма рассыпавшееся по тундре.

Первыми нас встречают громким лаем шустрые собаки. Услыхав лай, вынырнули из чума, одетые в малицы любопытные ребятишки. Надежда Федоровна и Александра, остановив упряжки, о чем-то громко спрашивают их, неоднократно упоминая при этом имя Петра. Вижу, как облегченно вздохнули обе и стали освобождать оленей от постромок.

Петр, оказывается, уже здесь. Отстав от нас на льду, он тоже блуждал, пока не наткнулся на берег, а затем на поселок, и к утру добрался до чума. Сейчас он вместе с бригадиром Василием Егоровичем Тайбареем пас оленей. Пока женщины распрягали животных, чтобы затем пустить их в стадо, я с интересом разглядывал стойбище.

Конусообразные чумы (один из них оказался охотничий) залепило снегом, и только вверху, где торчат концы шестов, снег отступил под напором тепла и дыма. Перед чумами – полукругом нарты. Тут и грузовые с крашеными ларями под продукты и поклажу, с дровами и для перевозки чума (эти длиннее других), и легковые – мужские с низкими стенками спереди и сзади, женские – с тремя стенками, обтянутые шитым из оленьих шкур покрывалом. Когда перекочевывают, женщины, обычно кутают в таких нартах своих малых детей. А у бригадира здешнего почтового чума их было трое.

Вскоре после нашего приезда подошел Василий Егорович. Он оказался невысоким, плотным мужчиной со смуглым подвижным лицом. В почтовом чуме Василий Егорович – уже второй год, а раньше работал пастухом. С ним – жена, Анна Сергеевна Явтысая, живая, расторопная женщина, мать Александра. На второй половине чума живет с сыном Надежда Федоровна.

…Нет, это был не тот дымный чум, о котором мы знали из книг. Некогда печки можно было встретить лишь у богатых оленеводов-ижевцев. В чумах ненцев с утра до вечера горел на земле костер, застилая все своим дымом, выедая глаза.

В чуме, куда я вошел – просторно. Пол его устилали крашеные половицы – латы, а между ними в центре возвышалась железная печка с трубой, выходящей в верхнее отверстие, называемое макоданом. На печке попыхивали чайник, большая кастрюля с супом и маленький котел, где таял снег. Печь весело потрескивала, а вокруг восседали разрумянившиеся малыши.

Около стенки чума лежат постели, многочисленные цветастые подушки. Передний угол, где хранилось посуда, аккуратно занавешен. Такие же занавески спускаются и по обе стороны у выхода. Тут же на столбике умывальник...

Оленеводы встретили меня гостеприимно, пригласили за стол. Я вошел с чемоданом. Но Анна Сергеевна предупреждающе замахала руками:

– Нет, нет, ты наш гость, отнеси обратно: дорога у тебя еще длинная.

Но от конфет малышам не отказалась. Все уселись на шкурах вокруг низенького, покрытого клеенкой столика: мужчины – скрестив ноги, женщины – став на одно колено. Хозяйка налила мне чашку мясного бульона, в общую тарелку наложила оленьего мяса, радушно придвинула белый хлеб, чашку с маслом, колотый сахар.

Мы пили крепкий чай, от которого по всему телу разливалась теплота, толковали о прошедшей пурге, какой, по общему мнению, не было давно. Хозяева обращались ко мне по-русски, а между собой вели разговор на родном языке. Но как я не вслушивался в непонятную для меня речь, стараясь уловить что-нибудь знакомое, разобрать так ничего и не мог. А мне хотелось знать все: и о чем они оживленно беседуют с малышами, и что вызвало у всех дружный смех, и почему покраснел Петр, когда его спросила о чем-то Александра, или Саня, как ее тут звали.

«Нет, видимо, не обойтись без учебника ненецкого языка», – делаю для себя вывод, а сам при случае спрашивая собеседников, как будет по-ненецки то или иное слово.

Во второй почтовый чум уже с самим бригадирам мы попадаем только поздним вечером. И здесь почта не залеживается долго. Спустя часдва олени снова мчат нас вперед. Со мной едут два молодых ненца – оба Иванка, оба Ледковы. В малицах и пимах, перетянутых ниже колен красными подвязками, круглолицые, розовощекие, чернобровые, они кажутся мне похожими. Один из них – Гаврилович из здешнего чума, а другой Алексеевич – из соседнего, который возвращается домой, доставив почту из Черной.

Мы мчались по побережью весь вечер и добрую половину ночи. Слева темнело море, справа тянулась освещаемая лунным светом то ровная, то чуть всхолмленная тундра. Над нами в темно-голубом небе ярко мерцали звезды, полыхало северное сияние. И от того, что все это казалось слишком близким, чудилось, что земля здесь несколько притянута к небу, приподнята над всем остальным миром. Среди этой суровой природы одинокими выглядели, должно быть, и наши упряжки. Но мы-то уже никак не чувствовали себя затерянными в ней. От стремительного бега оленей захватывало дух.

– Как же вы узнаете дорогу в метель? – спросил я проводников, когда мы сделали очередную остановку на каком-то высоком холме.

– Направление-то знаем, куда ехать, – живо ответил, дымя папиросой, Иванко, в чум которого мы ехали.

– Знакомо ведь, сколько раз тут ездили! – добавил второй и пояснил: – по звездам можно узнать, где север; ветер замечаем, сугробы смотрим, как идут, – да всяко...

– Да и олень запах чума и стада слышит, – вставил его товарищ. Папироса летит в сторону, снова в руках хорей, снова раздается в воздухе громкий возглас, снова дружно рванулись вперед олени. Кончилась одна «оленья верста», началась другая… А сколько их еще будет впереди!

Третий почтовый чум одиноко стоит невдалеке от моря. Бригадирствует здесь Михаил Осипович Тайбарей. Я познакомился с его семьей только утром, хорошо выспавшись впервые за всю дорогу. Сон был тоже не совсем обычным. Печка уже не топилась, в чуме было больше чем прохладно. Через макодан виднелось темное небо, заглядывала какая-то одинокая звезда, изредка залетали крупинки снега. Снаружи слышались шаги оленей, лай собак, голос пастуха.

Утром меня привлекла необычная сцена. Навалившись на стол, дети бригадира Петя, Ира и Вера что-то разглядывали, звонко щебеча по-своему. Это был букварь на ненецком языке. Верховодил мальчик. Он то и дело показывал с гордостью то на одну, то на другую буквы, выжидающе поглядывая на сестренок. А на него смотрели довольные родители. В чуме нашлись и другие книги. Ими заинтересовался Иванко, мой проводник из соседнего чума. Отобрав одну, он погрузился в чтение.

– Это все Аня, моя младшая сестра, не без гордости сказала жена бригадира Мария Степановна и пояснила: в Черной она учится, на каникулах в январе была, книжек привезла, буквам ребят учила, газеты нам читала, Пете и Ире сама пимы сшила, а себе – бурки...

Потом Петя с сестренками показывает мне свои игрушки. Некоторые из них сделал сам отец, сделал с любовью, мастерски, как и все, за что берется ненец. Вот красивый деревянный олешек. Сделан он из обыкновенной палочки, но есть у него и похожие на настоящие ноги, и ветвистые рога, и маленький, еле приметный хвостик, и точно живые глаза. Таких олешков у ребят – целое стадо!

В завтрак хозяйка угостила нас вкусными щами, вызвав одобрение у всех мужчин. Для меня же появление здесь на столе щей со свежей капустой было полной неожиданностью. Но все объяснилось просто. Бригадира, возвращаясь вчера с почтой, завернул в рыбацкий поселок Алексеевка. Там его и наградили капустой.

– А дрова где берете? – поинтересовался я у Михаила Осиповича. – У вас ведь тут ничего не растёт!

– А в море?! Плавника тут сколько хочешь.

До Черной мы ехали вместе с Иванком. Олени оказались не из добрых, и он то и дело ударял их хореем. Но вот из серой мглы выплыл поселок с домами, занесенными снегом чуть ли не до самых крыш. Иванко гикнул на оленей. Те рванулись и вскоре вынесли нас на широкую улицу с многочисленными сугробами.

Сегодня оленьи упряжки в Черную пришли сразу с трех направлений: из Нарьян-Мара, Варандея и Хоседа-Харда.

Начальник отделения связи Вера Ипполитовна Карманова, приняв от Ледкова мешки с почтой, принялась тут же распаковывать их. А мой проводник отправился в магазин. Я поинтересовался, кому привезли мы письма. Тут была корреспонденция колхозу и кооперативу, начальной школе и пушному приемному пункту, зооветучастку, больнице, тундровому Совету – организациям, о которых раньше ненцы и понятия не имели. В четвертую оленеводческую бригаду пишет своему брату из окружной сельскохозяйственной школы Парасковья Тайбарей. Из Салехарда шлет письмо подруге в родную тундру студентка медицинского училища Мария Тайбарей. Прислал домой весточку из Ленинграда студент Василий Ледков.

Обыденно? Да. Но как много говорят одни только обратные адреса этих писем!

Когда-то ненцы не умели ни читать, не писать. Никто не регистрировал ни их рождения, ни их смерти. А ныне дети и внуки тех ненцев учатся в Москве и Ленинграде, Салехарде и Архангельске, Омске и Нарьян-Мара. Сын пастуха Василий Ледков дружит со студентом из Германской Демократической Республики, сам пишет стихи на родном языке.

На улице между тем снова поднимается ветер, снова начинает мести. Надо ехать обратно. Иванко крепко привязывает мешки к саням – почты сегодня много – и поднимает оленей. Потом он развертывает их и на запад и с гиком бросается на нарты. Проходит минута – другая, и упряжка скрывается в снежной мгле.

«Счастливого пути, Иванко!»

Альманах № 3, 1959 год

Владимир Михайловский
Посёлок Полярный

На северо-восточном побережье Югорского полуострова, там, где летом студеные воды Карского моря ласкают кварцевый песок, а зимой небольшая бухта заковывается торосистыми льдами, высится безлесная и безымянная сопка, сложенная материковыми породами гранитов и известняков. На северном склоне сопки разбросаны капитальные строения и двухэтажные жилые дома наиболее крупного в Ненецком национальном округе поселка Амдерма, а вершину заняла старейшая на советском Крайнем Севере полярная станция. Ее многочисленные сооружения и здания издавна стали называть поселком Полярный. Этого поселка нет на географических картах, но знает о нем вся наша необъятная страна, да и не только страна, но и мореплаватели многих зарубежных государств. Круглые сутки бодрствует коллектив станции, ведя наблюдения за погодой, радируя в эфир метеорологические сводки и бюллетени.

Огромный район суши в радиусе Нарьян-Мар — Воркута — мыс Диксон — Дудинка — Игарка, не менее солидный участок Северного морского пути от острова Колгуева до острова Белый обслуживает Амдерминская полярная станция. Ее прогнозы погоды и метеосводки слышат суда, начинающие навигацию по северным рекам, зверобойные шхуны, промышляющие в районе Новой Земли, самолеты гражданской и полярной авиации, связывающие специальными и регулярными рейсами сердце Родины Москву с отдаленными уголками советской Арктики...

Все моряки Заполярья знают, как беспокойны Баренцево и Карское моря, но, пожалуй, каждый знает, что самым сложным участком многотысячного Северного морского пути является ко¬роткий отрезок от пролива Югорский шар до острова Белый.

Провести суда по этому участку без аварий и происшествий можно лишь при большом опыте и сноровке мореплавателей, глубоком знании капризов и неожиданных каверз Северного Ледовитого океана, а главное, при наличии оперативных метео-рологических сводок и прогнозов погоды. Глубокое чувство законной гордости и удовлетворенности испытывает каждый член коллектива Амдерминской полярной станции, когда скупые фразы телеграммы сообщают, что суда на участке пролив Югорский шар — остров Белый (или обратно) проследовали благополучно. Это звучит словно награда за скромный, но ответственный и почетный труд аэрологу, синопти¬ку, гидрологу, радисту и телеграфисту.

...В светлом просторном кабинете, пахнущем еще свежей краской, нас встретил начальник Амдерминской полярной станции Михаил Владимирович Попов — немолодой, седеющий, но худощавый и удивительно подвижный для своих лет человек. Уверенный пристальный взгляд, особая манера держаться, стро¬го, но ладно скроенный темный костюм Попова — все говорило, что хозяин кабинета не новичок в Арктике и чувствует себя здесь как дома. Мы познакомились.

Началась непринужденная беседа, но я вновь и вновь перебирал в памяти все рассказываемое ранее о Попове.

Уроженец Сыктывкара, Михаил Владимирович двадцати¬двухлетним пареньком по комсомольской путевке попал в Арктику. Боевое крещение полярника он получил на острове Белый. Затем мыс Диксон, полярная станция в Тикси, бухта Проведения, Нордвик, мыс Шмидта и вот Амдерма. С тех пор прошло почти четверть века. Теперь, пожалуй, не встретишь полярника, которому бы не было известно имя коммуниста Попова.

Михаил Владимирович вдохновенно и красочно рассказывал о своем коллективе и его делах. Он говорил о том, с какой активностью участвовали сотрудники станции в подготовке к зиме, а потом к навигации; о том, как после ремонта и переоборудования выглядит библиотека и кают-компания; и даже о детском са¬дике станции, который по праву является лучшим в Амдерме.

— Если бы вы меня спросили, чем характерны наши будни,— продолжал Попов, — то я бы ответил — мы учимся... Да, да... учимся. В вечерней школе рабочей молодежи, в техникумах и вузах учится каждый пятый член нашего коллектива, а вообще учимся все. Даже я не отстаю от молодежи — вновь в институт электротехники пошел. Чувствую — здесь у меня прореха небольшая...

Михаил Владимирович раскрывает папку с бумагами и извлекает из нее два тетрадных листочка. В них администрация вечерней школы рабочей молодежи не без радости сообщает об успешной учебе сотрудников станции Григория Кучеренко, Павла Томилина, Анатолия Яковлева, Шагена Саркисова, Лидии Сидоровой и многих других.

—Знаете, — словно подтверждая наши мысли, навеянные отличными отметками учащихся вечерней школы, продолжает Михаил Владимирович, — по призыву Коммунистической партии и комсомола на Крайний Север хорошая смена двинула... С таким народом не только арктические льды крошить, а горами ворочать можно!

Лицо Попова еще пуще оживляется, а глаза загораются молодым задорным огоньком, когда он говорит о своих подчиненных. И Попова нетрудно понять — на станции работает целая плеяда ветеранов Арктики: начальник приемной станции член КПСС Михаил Игнатьевич Журко, проведший в Заполярье почти двадцать лет, и его супруга Ольга Николаевна, родившая и воспитывающая на Крайнем Севере троих ребят, старший механик Иван Иванович Дорофеев, старший метеоролог Андрей Владимирович Никитенко, начальник службы погоды коммунист Роза Фроловна Александрова и другие, отдавшие труду у студеных вод Северного Ледовитого океана не один год своей жизни. А рядом с ними, обобщая и перенимая опыт старших, трудится любознательная молодежь: старший радиотехник Марат Сухарев, метеоролог Майя Кучеренко, начальник смены Михаил Стрелков, механик Сергей Сидоров и десятки других воспитанников Ленинского комсомола.

— А впрочем, стоит ли перебирать анкетные данные в кабинете, — встает Михаил Владимирович. Пойдемте в цехи и службы, там вы все своими глазами увидите...

И вот мы вместе с Поповым не торопясь переходим из кабинета в кабинет, из здания в здание. Веселым щебетом встречают нас жизнерадостные розовощекие малыши в детском саду. Он занимает пять просторных комнат. В распоряжении самых крохотных полярников чудесная кухня, отделанная кафелем, с естественным ледником-погребом в вечно замерзшем грунте и новейшим электрохолодильником «ЗИС», столовая, раздевалка, комната игр и спальная, новое пианино, более дюжины велосипедов и бесчисленное множество игрушек.

— У нас воспитывается двадцать пять малышей, — расска¬зывает заведующая Людмила Ефимовна Малькова. — Ребята в саду находятся почти полный день. В нашем трехразовом пита¬нии достаточно свежих овощей и фруктов. Целую зиму не переводятся яблоки. В полярную ночь наши воспитанники проходят кварцевое облучение... — Людмиле Ефимовне нельзя не пове¬рить — до чего бойки и подвижны эти хозяева детского сада.

Время близится к обеду. Михаил Владимирович приглашает зайти в кают-компанию, библиотеку. И тут нетрудно заметить уют, порядок, наведенный чьей-то заботливой рукой. В огромных шкафах библиотеки, занявших от пола до потолка все стены комнаты, отчего она стала будто тесноватой, но еще более по-домашнему уютной, несколько сот книг, много новинок художественной литературы. В чистенькой столовой уже немало обедающих. Сегодня в меню: уха из свежей пеляди, котлеты с отварным рисом, компот из сухофруктов.

— Милости прошу к столу, — приглашает Попов. — Нет!.. нет!.. И не возражайте. Если кто-либо из полярников узнает, что вы не отведали нашего харча, мне прохода не будет...

Приходится сдаваться. Обед на славу — вкусный и сытный. Михаил Владимирович сообщает, что полярники питаются бес¬платно, в рационе кроме мяса и рыбы нередки овощи и фрукты. О качестве и разнообразии пищи красноречиво говорит и такой пример: на станции работает много семейных специалистов, им разрешено брать «сухой паек» на дом, но мало кто пользуется этой возможностью.

...Комната, где помещается бюро погоды полярной станции, сплошь заставлена огромными столами, даже пройти между ними трудно. Это сердце полярной станции или, как в шутку называют бюро погоды сами полярники, «центр научной мысли». Сюда поступают метеосводки из Москвы, Архангельска, Диксона и Омска, результаты круглосуточных наблюдений за состоянием погоды, т. е. изменения барометрического давления, температуры и влажности воздуха, а также видимость и атмосферные явления

не только в районе Амдермы, но и в районе поселка Хабарово и Югорского Шара. Три раза в сутки в бюро погоды поступают сведения от аэрологов. Методом радиозондирования воздуха в зим¬нее время до высоты в 12—14, а в летнее время до 18—20 километров они «добывают» сведения о состоянии различных слоев атмосферы.

Вот и сейчас аэрологи, воспитанник Ленинградского арктического училища Сергей Федоров и выпускница Московского гидрометеорологического техникума Людмила Федорова, доста¬вили в бюро результаты своих наблюдений. Поступили сюда телеграммы и сводки от других полярных станций и метеорологических пунктов.

За многочисленными столами бюро спорится работа. Над обширными графиками, схемами и синоптическими картами склонились техники-наносители Раиса Сидорова и Александра Тетушкина, синоптики Майя Никитенко и Серафима Бородина. Не успевают они обработать одну телеграмму, как поступают все новые и новые. На картах одни за другими появляются красные и черные цифры, бесформенные кружочки и бесконечные завитки линий. Позже, используя все новейшие методы прогнозирования, специалисты станции скажут, какая погода есть в том или ином районе Советского Союза и какая будет завтра, послезавтра, через неделю и даже месяц.

Мы сидим с начальником службы погоды инженером-синоптиком Розой Фроловной Александровой у обширного стола. Не торопясь, останавливаясь на мельчайших подробностях, рассказывает она о характере и принципах работы своих товарищей, о новейшей аппаратуре, которой снабжают «пророков арктической погоды» советские научно-исследовательские институты и заводы, о приборах, которые дают возможность синоптикам наблюдать за изменениями в атмосфере, не выходя из помещения. Скромно улыбаясь, Роза Фроловна говорит о том, что все синоптики станции участвуют в разработке научной темы «Климатосиноптическая характеристика района Амдермы», которая для многих отраслей хозяйства Заполярья представляет огромный практический интерес.

— Михаил Игнатьевич, — обращаясь к высокому плотному мужчине, вошедшему в комнату, прерывает свой рассказ Александрова,— знакомьтесь — товарищи из газеты...

Знакомимся. Это Журко — начальник приемной станции. И наша беседа не прерывается. Уже несколько минут спустя ею завладевает Михаил Игнатьевич. Он с охотой повествует о скромном и незаметном труде радистов и телеграфистов, начальников смен и радиотехников. Подобно Михаилу Владимировичу Попову, он называет фамилии начальников смен Владимира Шихалева и Гаврила Вылко, радиотехников Григория Лыжакова, Анатолия Коврова, Александры Бородиной, Николая Митрофанова и многих других, рассказывает о их работе, положительных качествах и недостатках.

Как-то незаметно Журко пригласил и повел нас к себе. В просторной светлой комнате приемной станции все говорило о напряженном и сосредоточенном труде. Как и в бюро погоды, здесь не было видно суеты и спешки, хотя и находилось десятка два людей, размеренно работали многочисленные аппараты, попискивали передающие ключи, ровный свет разливали лампы дневного света.

— Объем работы у нас очень велик, — говорит Михаил Игнатьевич. — Кроме наших синоптических сводок, прогнозов и бюллетеней мы ведем прием служебных телеграмм, различной телеграфной корреспонденции и даже частной переписки. Откровенно говоря, мы бы давно запарились, если бы не наша золотая техника. Все рабочие столы оснащены быстродействующей автоматической аппаратурой приема и передачи, на станции установлены всеволновые современные радиоприемники. Они-то нам и помогают без задержки обработать всю корреспонденцию.

Вечереет. Будто со старыми и добрыми знакомыми мы прощаемся с синоптиками, радистами, техниками, Александровой, Журко, Поповым, и нас не покидает мысль, что этот дружный коллектив даже под семидесятой параллелью живет единым дыханием со всей нашей необъятной страной.

Альманах № 3, 1959 год

Тарас Курьянов
Будущие капитаны

Еще их море не качало,
Но вдаль восторженно глядя,
Стоят мальчишки на причале,
По часу с места не сходя.

Им видно всё как на картинке:
Уходят в море корабли,
И перед ними в синей дымке
Родной раскинулся залив.

Вот так и я, моряк бывалый,
С мечтою детскою в груди,
Давно ли к этому причалу
Со школьной сумкой подходил?!

…Я малышей пугать не стану
Сторонкой обойду скорей.
Из этих выйдут капитаны
Больших и малых кораблей.

Альманах № 3, 1959 год

Александра Корепанова

Большая земля

На много километров на юг от Баренцева моря и на восток от реки Печоры протянулся Большеземельский район, самый крупный в Ненецком округе. Площадь его 70 тысяч квадратных километров.

Почти вся территория района занята тундрой, и только на юге она переходит в лесотундру. Много лет назад в лесотундре росли густые леса: ель, береза, ива, сосна. Сейчас большие пространства лесотундры вырублены, особенно там, где выросли селения, – около поселка Хоседа-Хард. Однако около поселков Сявта и Хорей-Вер лесотундра мало изменилась, хотя леса и поредели.

Тундра и лесотундра покрыты очень ценным для оленеводства лишайником-ягелем.

Оленеводство является основной отраслью хозяйства района и хорошо развито. Этому способствуют благоприятные природ¬ные условия. По всей территории района имеется корм для оле¬ней. Северные хребты и хребет Пай-Хой на востоке защищают стада от холодных северных ветров.

Район очень богат пушными зверями. Каждый год охотники сдают государству сотни шкурок песцов, красных лисиц, росомах и других хищных зверей. Ни зимой, ни летом не покидает обжитой территории белая куропатка. В благоприятные годы охотники добывают ее до сотни за один день. А за сезон их ловят до 50–70 тысяч. В лесах живут тетерева, рябчики.

Характерной особенностью тундры является отсутствие в ней выходов на поверхность коренных пород и нет резко выраженных больших возвышенностей, хотя местность холмистая. Имеются, конечно, моренные гряды, мусюры, следы бывшего здесь когда-то ледника. Морены тянутся иногда на несколько десятков километров и достигают 180–200 метров высоты над уровнем моря. Так, примерно на 58 градусе восточной долготы, южнее реки Яней, впадающей в пролив Варандейский Шар, расположен хребет Яней-мусюр, с которого и берет начало река Яней. Южнее Яней-мусюра с запада на восток, примерно на 40–50 километров, тянется самый длинный Большеземельский или Земляной хребет. На юго-востоке от него расположен хребет Табров-мусюр, продолжением которого служит кряж Чернышева. Он тянется до самой границы района.

В центре Большеземелья тоже много таких гряд. Наиболее крупные из них Тарь-Яга-мусюр, Ломбай-мусюр, Юнко-мусюр.

Еще одной характерной особенностью тундры является наличие огромного количества озер и болот. Некоторые озера тянутся на несколько километров, так что даже в ясный день от одного берега не видно другого. Целая система Вашуткинских озер расположена около 38 градуса северной широты и 61–62 градуса восточной долготы.

Из Вашуткинских озер берет начало самая большая река района Адзьва, приток Усы. Длина Адзьвы около 500 километ¬ров. Здесь же, из озера Хоседа-то, берет начало река Хоседа-ю, впадающая в Адзьву. На берегу реки расположен поселок Хоседа-Хард. В переводе на русский язык это означает «домик у березовой сопки». Река небольшая, узкая. Пароходы к поселку подходят лишь весной, во время разлива рек. Летом, когда река мелеет, даже моторные лодки не могут подойти к поселку. Поэтому все необходимое завозится весной или осенью на моторных лодках, когда вода в реке немного поднимается.

Озера и реки, вытекающие из озер, богаты рыбой. Особенно ценны такие породы рыб, как пелядь, сиг, чир, хариус. В водоемах района много также щук, карасей, окуней. Круглый год колхозники ловят рыбу ставными сетями и неводами. Запасы рыбы очень огромны, особенно в озерах. В Вашуткинских озерах, например, в одну тоню попадает иногда до 10 центнеров рыбы.

Около озер и рек весной гнездятся стаи перелетных птиц: гусей, лебедей, уток. Тогда берега оживают от многоголосых птичьих песен.

Летом реки района являются основными путями сообщения, хотя ездить можно только на лодках. Рек в районе, как и озер, очень много. Берега их – чудесные естественные сенокосы.

На большом протяжении по Большеземельской тундре протекает длинная, неширокая, но очень извилистая река Колва с многочисленными притоками. Правый берег реки в некоторых местах очень высокий и крутой. На высоком берегу реки расположен поселок Хорей-Вер.

Наиболее важной рекой в западной части района является Шапкина, а на юго-востоке – река Роговая.

На востоке Большеземелья в бассейнах рек Хальмер-Ю, Силова, Сыр-Яга, Воргашор найдены большие залежи высококачественного каменного угля. Здесь выстроены рабочие поселки Хальмер-Ю и Цементно-заводский, в 1957 году пущена в эксплуатацию первая шахта.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 августа 1957 года районный центр Большеземельского района перенесен из села Хоседа-Хард в Хальмер-Ю. С каждым годом растет хозяйство района, увеличиваются колхозные стада оленей. Колхозы все больше и больше дают государству мяса, рыбы, птицы и пушнины, а новый угольный район, выдав в начале августа на-гора первые сотни тонн угля, с каждым днем наращивает темпы добычи.

Пусть это будет пу¬тешествие не по горам Кавказа или Сихотэ-Алиньскому хребту, а хотя бы обычный туристский поход по своему району. Зато насколько расширит он детские представления о природе родного края, сколько даст он нового и полезного!

...В серый пасмурный день группа учащихся Нарьян-Марской средней школы отправилась в Сульский туристский поход. Весь путь предстояло совершить на лодке против течения. Целью похода было изучение природы верхнего течения реки Сулы, левобережного притока Печоры, выше деревни Коткино вплоть до Сульского водопада.

Малоизученная геоморфология этой части бассейна реки Сулы очень интересна тем, что река проложила себе русло через сильно разрушенные извержения пород остатков древнего Тиманского кряжа. Пройдя сквозь базальтовые скалы, она образо¬вала небольшой по высоте в 5–6 метров, но очень красивый, живописный трехступенчатый водопад «падун», полого срывающийся с верхнего уступа и поднимающий на каждой ступени столб водяных брызг. Правда, отсутствие секундомера и лодки, которую из-за мелководья пришлось оставить ниже, не позволило участникам похода произвести необходимые замеры глубины и ширины реки ниже водопада для определения энергети-ческой мощности, но можно с уверенностью сказать, что Сульский водопад представляет несомненный интерес как источник энергии.

Очень жалели участники похода и о том, что им не удалось побывать еще у одного водопада – на реке Щучьей, который, по словам местных жителей, гораздо больше Сульского.

Прежде чем достичь конечного пункта – водопада, участникам пришлось встретить на пути немало трудностей. Но разве не трудности закаляют? И не в преодолении ли трудностей вырастают настоящие волевые советские юноши и девушки?

Вот выдержки из дневника, который ученики вели во время похода:

31 июля. «Через десять километров у Сиговых река задержала нас своими мелями. Пришлось раздеться, брести по холодной воде и протаскивать лодку с грузом...»

1 августа. «Продолжали подъем вверх по реке. Сильно мешали продвижению многочисленные перекаты. Тащили лодку раздевшись».

2 августа. «...Позавтракав, двинулись дальше. Впервые встретили каменистый порог, но, подготовленные на многочисленных предыдущих перекатах, уже закаленные, мы смело и удачно форсировали его...»

Да, они заслужили право называть себя закаленными, так как не только в перетаскивании лодки через мели заключались их трудности. Читаем еще несколько записей:

23 июля. «...Погода к вечеру испортилась. Под проливным дождем и потому, что шли против течения, десять километров до устья Сулы прошли только за 5 часов...»

24 июля. «Всю ночь ехали под холодным дождем».

28 июля. «Из расспросов местных охотников и рыбаков выяснилось, что на большой лодке добраться до верховьев реки Сулы невозможно, и что необходима еще маленькая лодка для раз¬грузки большой на порогах и перекатах...»

Да мало ли что довелось перенести! Безжалостно кусали комары, болели натруженные ноги, истрепалась обувь. Но все это бесследно исчезало и растворялось в том хорошем и радостном, что удавалось им увидеть своими глазами, начиная от белемнита, и кончая живым медведем, которого сначала боялись, а затем охотились на него: по-детски восторженно радовались тому, что удалось достать своими руками, и, конечно, в эти минуты они с гордостью чувствовали себя настоящими исследователями.

А увидеть и собрать им удалось многое. Об этом говорят факты.

В районе Сульского водопада и ниже его, на порогах, участники похода наблюдали отклонение магнитной стрелки компаса что, несомненно, говорило о наличии в недрах железистых руд. В обрывах и песках реки Сулы, ниже водопада, участники нашли много палеонтологических остатков древней фауны Палеозоя.

Всего было собрано за время похода свыше 200 образцов окаменелостей и отпечатков древних морских беспозвоночных, мор¬ских лилий, морских кораллов, белемнитов и аммонитов. Около «Папанькина песка» Володя Карпов обнаружил многочисленные выходы небольших скоплений самородной охры.

Собрано около 60 образцов горных пород и минералов: базальт, кремний, доломитизированный известняк, кальцедон, доломит, кварц, полевой шпат, яшма, мергель, охра и другие.

В обрыве у деревни Коткино под слоем почвы сделаны интересные археологические находки: кремневые наконечники копий, черепки глиняной посуды, кремневые скребки, принадлежавшие, по-видимому, первобытному человеку, который обитал в Заполярье много тысяч лет назад. Об этом же, кстати, говорят и исследования известного советского геолога, профессора Чернова, который еще ранее обнаружил много аналогичных археологических находок в Большеземельской тундре.

За время похода собран интересный гербарий растительности – свыше 200 видов растений. Лишайников собрано 19 видов, мхов – 28, папоротникообразных – два вида (папоротник, сравнительно редкое в Заполярье растение, ученики впервые увидели его в лесу на Харьюозовской гриве), цветочных – 140 видов, в том числе значительное количество лекарственных растений: валерианы, шиповника, черемухи, рябины и других.

Верховье реки Сулы богато ягодниками. Здесь часто встречаются непроходимые заросли красной и черной смородины.Участники похода с увлечением наблюдали за повадками уток, гусей, лебедей, медведей, лосей, диких оленей,

зайцев, лисиц в естественных условиях, учились распознавать следы птиц и зверей на песке, подкарауливали зверей на водопое, наблюдали линьку у водоплавающей дичи.

2 августа туристы добрались на лодке до первого каменисто¬го порога и сделали там привал. Пока дежурный готовил ужин, остальные занялись различными наблюдениями. Вдруг один из туристов, стоявший в воде, крикнул остальным, чтобы они шли к нему. Когда все собрались, он указал им в воду.

– Смотрите, что делается!

Ребятам удалось увидеть незабываемое зрелище: сотни хариусов продвигались вверх по реке, стараясь одолеть стремительное течение порога. Крупные рыбины вырывались из воды и, блеснув серебристой чешуей, проносились почти метр по воздуху, чтобы шлепнуться снова в воду, которая старалась умчать их обратно. Но хариусы не сдавались и, делая удивительное сальто в воздухе, сантиметр за сантиметром продвигались вперед, преодолевая порог.

За время похода у ребят выработалась острая наблюдательность, умение находить причины явлений, давать им нужные объяснения. Горизонт учащихся расширился и углубился, стали более прочными знания по биологии. Общение с природой по-новому осветило и конкретизировало знания, полученные за партой.

Туристский поход, совершавшийся в основном по воде, развил участников физически и закалил их здоровье. Хорошо поставленная А.Я. Екимовским спортивная работа обогатила ребят рядом ценных навыков. Они научились делать глазомерную топографическую съемку, метко стрелять, разбивать палатки, разводить костры.

Именно после похода некоторые учащиеся определили свой дальнейший жизненный путь. Владимир Карпов, тот самый, что нашел во время похода выходы самородной охры и постоянно был занят изучением горных пород, окончил Ленинградский горный институт. Василий Корельский, любитель водного спорта, упрямо перетаскивавший лодку через мели, окончил высшую Военно-Морскую академию.

Каждый из участников и сейчас законно гордится совершенным в юности Сульским походом. Все его участники награждены Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, а сам поход по протяженности маршрута и по трудностям занял второе место по Советскому Союзу.

Альманах № 3, 1959 год

Михаил Истомин
Десять дней в тундре

Кто из молодежи не мечтает о путешествиях? Наверное, каждый. И не случайно учащиеся нашей Нарьян-Марской средней школы проявили большой интерес к предстоящему туристическому походу по родному краю.

4 июля. Последние приготовления. Вещи уложены на нижней палубе парохода «Жданов». Второй гудок, а за ним третий, и мимо нас поплыла панорама родного города: морской причал с портальными кранами, многочисленные бота и пароходы на рейде, баржи, нагруженные печорским углем, а вдали поселки Качгорт и Сахалин, лесопильный завод имени Хатанзейского.

За кормой поселки Захребетный и Угольный. Погода на сла¬ву. Небо безоблачное, только на востоке скопились тонкие пери¬стые облака. Термометр нашего метеоролога Кати Чупровой показывает 16 градусов тепла.

Невысокой зеленой стеной кустарников окаймлены берега многочисленных печорских островов, встречающихся на пути. Кое-где река нанесла песчаные, еще не заросшие растительностью островки и мели. Вскоре позади остается и деревня Макарово. Еще час ходу, и мы у деревни Сопки, расположенной на левом берегу Печоры и отделенной от пристани широкой, в один километр песчаной косой. Здесь река разветвляется на Большую и Малую Печору.

Идем на юг. Справа крутые, высотой 40–30 метров коренные берега, изрезанные многочисленными оврагами. Тундра подступила к самому берегу, а слева, насколько хватает глаз, море зеленых волн. Здесь долина настолько широка, что даже с верхней палубы не видны противоположные берега. Часто низко над водой пролетают то стаями, то в одиночку утки.

Час стоянки в Оксино. Впереди наша база. Ветер крепчает. Теперь уже не рябь, а довольно крутая волна бьет борта парохода, который под лучами низкого незаходящего солнца приобрел розовый оттенок.

За полночь. Легкий, едва ощутимый толчок – и пароход носом врезался в мягкую прибрежную глину. Выгружаемся. Хонгурей. Нас встречают полчища назойливых комаров, которых мы потом не раз проклинали в тундре.

5 июля. Поселяемся в помещении школы. Для каждого нашлась работа. Одни занялись мытьем полов, другие размещением снаряжения, а дежурные – приготовлением ужина. Засыпаем в приподнятом настроении и с ясными планами.

После здорового сна на одном из недостроенных домов оборудуем стационарную метеоплощадку с двумя основными приборами – термометром и самодельным флюгером. Здесь же начинаем вести дневник погоды.

Сегодня первое знакомство с природой Хонгурея. По узкой тропинке поднимаемся на берег. Высота внушительная. Впереди под нами, в широкой расщелине, поросшей ивняком и березой, беспорядочно разбросаны дома поселка. На дне расщелины, деля село на две части, протекает маленькая речка Хонгурей. В переводе с ненецкого это означает «ручеек в ляге».

Хонгурей впадает в Печору, которая лежит перед нами широкой блестящей лентой. Другая половина долины с зелеными островами и с бесчисленными озерами, протоками и висками теряется в сизой дымке. Неповторимая красота надолго прико¬вывает наше внимание.

Идем на северо-запад. Перед нами цветущая тундра. Своими яркими красками она влекла нас все дальше и дальше. Больши¬ми белыми пятнами тут и там пестреет цветущая морошка. Воздух напоен ароматом пахучего багульника. По низинам мно¬го торфа, достигающего местами мощности в несколько метров. Торфянисто-болотная почва изредка оголена. Здесь на поверхность выходит материнская порода, состоящая из мелкозерни¬стого песка с многочисленным включением различной величины валунов из кремния, сланца, гранита, песчаника. Позднее такой состав материнской породы мы наблюдали и на склонах самого коренного берега Печоры и в глубине тундры. Мы убедились, что вся толща подстилающей породы района ледникового происхождения.

В то время как наши ботаники Галя Пищухина и Рая Соколова наполняли ботанирку растениями, зоологи Вова Савельев и Владилен Филиппов успели для препаратов подстрелить поморника, кулика, утку, поймать ящерицу и лягушек.

К вечеру, пройдя мимо группы небольших озер, мы достигли вершины, довольно выделяющейся на общем фоне тундры, сопки Большая Хонгурейская, на которой оставили записку о своем посещении. С богатыми трофеями, бодрые, полные ярких впечатлений вернулись мы в лагерь. Завтра трудный, но интересный план.

6 июля. На этот раз наш путь лежал на восток, но начавшийся вскоре дождь заставил всех вернуться в лагерь. В банку с формалином были опущены несколько ящериц и лягушек, а в другой банке появились бабочки. Геологи принесли камни с отпечатками морских раковин – свидетелей некогда бывшего здесь морского залива.

Вечером мы вновь были на вершине Большой Хонгурейской сопки. Более темными красками встретила нас тундра, но такая же приветливая и влекущая своими далями.

Впереди еще семь километров пути до Сигового озера, куда мы направляемся на рыбную ловлю. Перевалив через Малую Хонгурейскую сопку, идем по слабопересеченной тундре. То пересекаем несколько полусухих висок, которые поросли густым, в человеческий рост, ивняком, то поднимаемся на пологие холмы, поросшие карликовой березкой, то спускаемся в низины, где под ногами хлюпает вода.

Невольно вздрагиваешь от внезапно вылетающих из-под ног куропаток – чисто серых самок и серых с белыми крыльями самцов. Небольшими усилиями поймали двух маленьких птен¬цов. Познакомив их с объективом фотоаппарата, отпустили «на все четыре стороны».

Сильно тревожат комары. Против них придумываем различные приемы уничтожения, но это мало помогает.

Недалеко от Сигового озера на вершине холма, словно часовые, высились два чума пятого стада колхоза «Нярьяна ты». Громким лаем нас встречают пушистые ненецкие собаки – верные помощники пастухов. Приветливы хозяева чумов. Небольшая беседа заканчивается несколькими снимками. Хозяйка приглашает в чум. Обращает внимание его внутренняя чистота. На 43 шестах натянут брезент. Пол крашен яркокрасной краской. Посредине на алюминиевой подставке стоит железная печка с трубой, выходящей прямо у соединения шестов. На сложенной постели лежат свежие газеты, окружная и центральные, журналы. Здесь же можно послушать радиоприемник.

Поблагодарив за прием и получив разрешение на лодку и невод, мы вскоре достигаем берега Сигового озера. Оно расположено в 10 километрах северо-западней Хонгурея. Площадь его примерно составляет 1000 квадратных метров и с помощью висок реки Тянюй соединяется с Голодной губой.

Сделав несколько тонь, ознакомившись с процессом рыбной ловли неводом, мы сварили свежую уху. На воздухе она была очень вкусной.

Когда после обеда мы обогнули озеро, были очень рады встрече большого оленьего стада в 700 голов. Все стадо находилось в непрерывном движении: сказывалась назойливость комаров и оводов. На выделяющейся сопке застыл пастух, а рядом лежала собака, которая то и дело возвращала в стадо «оторвавшихся» оленей. Наша обратная дорога взяла много сил и вре¬мени.

7 июля. День отдыха. Приводим в порядок гербарии, препарируем дичь. Художники делают ряд эскизов. На импровизированных площадках целый день идет упорная борьба в теннис и волейбол, а потом купание в Печоре. Вечером колхозники прослушали наш концерт.

8 июля. Дует теплый юго-восточный ветер. Наш маршрут лежал на юго-запад, вдоль Печоры. Расщелины крутых берегов поразили богатствам и красотой растительного мира, пионы – своими крупными ярко-красно-розовыми лепестками, высокие березы – своей нежной зеленью. Там, где берега были особенно крутыми, растительность отсутствовала и только ромашка, цепляясь за глинистые выступы своими крепкими корнями, белела то тут, то там.

Всюду россыпи из песка, глины и камня, песчаные конусы выноса, сухие русла временных протоков. Активный процесс разрушения берегов продолжается. Местами на крутых берегах нередки выходы очень жирной, толщиной в метр и более пепельного цвета глины, по запасу

и качеству вполне удовлетворившей бы производство кирпича.

Этот день был особенно богат трофеями. В формалин были опущены рыбы, два гагарьих яйца вместе с лягушками и ящерицами. Была препарирована чайка. В ящике важно похаживали два прожорливых чаячьих птенца.

9–10 июля. Медленно, сначала на юго-запад, а затем, повернув на юг, наша группа продвигалась вглубь тундры. Вся местность напоминала гигантские застывшие волны. Гребни их за¬канчивались то остроконечными сопками, то пологими, то плоскими равнинами. Равнины эти заболочены, в кочках. В низинах – многочисленные озера самых различных форм и размеров. Берега у одних озер крутые торфянистые, лишенные растительности, у других – пологие, поросли густой труднопроходимой чащей из ивняка. Вода большинства озер черного цвета, дно вяз¬кое и илистое. Местами встречались такие кустарники, что мы с большим трудом выбирались из них. Часто приходилось делать привалы. Один из них закончился спортивными соревнованиями по стрельбе из малокалиберной винтовки.

Сделав громадный полукруг по водораздельным хребтам, наша небольшая группа поздно вечером подошла к реке Дураково, левому притоку Седуихи. Река образовала довольно широ¬кую, местами достигающую 100 метров долину, проросшую ивняком и березой. Коренные берега реки круты и изрезаны поперечными оврагами. В них, обращенных на север, к нашему удивлению, все еще лежал снег, несмотря на необычно жаркое лето.

Дневная жара сменилась прохладой тихой белой ночи. Огромное красное солнце висело сравнительно высоко над горизонтом и неплохо напревало внутренность раскинутой палатки. Гул поднявшихся тучей комаров долго не давал уснуть. В зарослях карликовой березы порхали яркие бабочки, тут же носилась стрекоза, не умолкало пение птиц. Высоко в воздухе над рекой проплыла белая чайка. Жужжа, пронеслась пчела.

11июля. С утра сушим одежду и обувь, приводим в порядок собранные трофеи. Погода стоит обычная для этих дней: жара, с утра теплый ветер, который стихает только к вечеру. Пока В. Филиппов и В. Хатанзейский занимались сборкой конных граблей для колхоза, остальные ушли по бровке левого берега Печоры.

Вечером в сельском клубе мы просмотрели кинофильм, повествующий о жизни простых людей далекой Индии.

12 июля. Целый день убирали сено на сенокосных участках колхоза. Нагребли 40 куч. Загорели. Как награду мы все приняли благодарность председателя за оказанную колхозу помощь. Поздно вечером просмотрели кинофильм о героических защитниках Брестской крепости.

13 июля. Настроение приподнято тем, что завтра встретимся с родными и друзьями, которым есть о чем рассказать. Немало радуемся и тому, что нам завтра не будет больше надоедать отвратительнейшее создание на земле – комар. А пока с угломером и самодельным нивелиром в руках стоим на берегу Печоры. Сзади лениво лижет прибрежный песок легкая волна, а перед нами высокая стена коренного берега. Какова же высота его и крутизна?

Медленно, метр за метром, сменяя друг друга, с приборами поднимаемся вверх. Вот и бровка коренного берега... 47 метров над уровнем реки! Внушительной оказалась и крутизна берега – 75 градусов.

В четвертом часу мы в гостях у председателя колхоза Федора Даниловича Сметанина. Перед нами сравнительно молодой человек с голубыми глазами, с добрым лицом, с белыми слегка курчавыми волосами. Нам хотелось поближе распознать человека, управляющего столь сложным хозяйством. А хозяйство действительно сложное.

Колхоз «Нарьяна ты», что в переводе с ненецкого означает «Красный олень», был образован в 1955 году в результате объединения с артелью имени Горького. До объединения колхоз «Нарьяна ты» был чисто оленеводческим, второй – многоотраслевым.

Сейчас в объединенном колхозе 63 хозяйства и 183 колхозника. С каждым годом повышается жизненный уровень тружеников села. Постановления партии и правительства по вопросам сельского хозяйства создали большую заинтересованность в коллективном хозяйстве. Наблюдается постоянный приток в колхоз рабочей силы. На высокольготных условиях колхозники строят свои дома.

С 1956 года колхоз «Нарьяна ты» стал миллионером. Объединение сказалось и на стоимости трудодня. Вместо 16 рублей 45 копеек, получаемых на трудодень до объединения, в 1956 году на трудодень было выдано: 21 рубль деньгами, 0,4 килограмма молока, 0,5 килограмма мяса и других продуктов, всего на 25 рублей 50 копеек.

Такое увеличение стоимости трудодня было достигнуто в результате повышения продуктивности животноводства и других отраслей хозяйства. Высокие доходы обеспечили возможность приступить к широкому строительству. В 1956 году было построено десять домов. Предполагается возвести еще столько же, клуб на 80 мест, электростанцию, медпункт, мост через реку Хонгурей, будет организовано производство кирпича.

Ведущая отрасль в колхозе оленеводство. Оно дает 60–70 процентов дохода. Колхоз имеет 7700 голов оленей. Все поголовье разделено на шесть стад, каждое стадо обслуживают пять-шесть пастухов.

Стадо крупного рогатого скота насчитывает 78 голов. Надой молока на одну фуражную корову непрерывно растет, достиг¬нув двух с половиной тысяч килограммов.

Высокодоходной отраслью хозяйства является звероводство. Немало дохода дает и рыбодобыча.

Рыбаки колхоза успешно промышляют летом на Каменской косе, а в осенне-зимний период в Фарихе и Каратайке. Осваиваются колхозом и богатые рыбой тундровые озера.

Из года в год повышается культура жизни колхозников. Только правление артели ежегодно выписывает газет и журналов более чем на 3 тысячи рублей. Любит читать газеты и журналы плотник колхоза П.В. Канев. Ежегодно он выписывает книг, журналов и газет на 400 рублей. Появились у колхозников и радиоприемники.

Поблагодарив за теплую интересную беседу, мы пошли осматривать хозяйство колхоза.

...И вот наш поход по родному краю закончился. Пешком пройдено более 100 километров. Как много интересного, запомнившегося навсегда увидели мы за десять дней. Стал ближе, краше и богаче казаться наш родной край.

«Все, что мы раньше рассматривали на картинках, сейчас увидели своими глазами. Мы очень хорошо отдохнули. И я думаю, кто отправится в поход по тундре, тот не скажет о том, что время провел зря», – пишет в дневнике участница похода Роза Парахина.

«Этот поход на долгое время останется в нашей памяти, – пишут Рена Хабарова, Люба Хатанзейская, Валентин Паутов. – Мы по-другому стали смотреть на природу родного края, на изменения, которые произошли в жизни населения округа за годы Советской власти».

Альманах № 3, 1959 год

Ким Вэркойд (Хатанзейский)
Тайна старика Ледкова

I

В жаркие безветренные дни, когда на небе нет ни облачка и солнце стоит высоко, жители тундры, привычные к суровым условиям северной природы, чувствуют вялость и утомление. Но человек всегда себя защитит. Труднее оленям. Спасаясь от гнуса, они собираются вместе и бегают по кругу. Но и это мало помогает. Животные ничего не едят, теряют быстро в весе.

В один из таких августовских дней бригадир Гаврила Явтысый пригнал стадо на торфяник возле небольшого озера. Вместе с пастухами и ребятишками он опрыскал оленей препаратом ДДТ. Когда стадо успокоилось, бригадир, сдав дежурство старому оленеводу Алексею Ледкову, ушел в чум завтракать.

II

Пока стадо паслось, Алексей Ледков поужинал и накормил собак. Ему предстояло еще перед наступлением темноты сменить подсаночных оленей, предназначенных для упряжки. Пастуху пошел уже седьмой десяток и ходить стало затруднительно. «Надо бы перейти на оседлую жизнь», – всё чаще размышлял он, но поддаваться наступающей старческой слабости всё же не хотел.

Усталость давала себя знать. «Сменю подсаночных, направлю стадо поперек реки – пусть переходит, а сам отдохну», – думал он, объезжая стадо. Так и сделал.

…Разбудила его собака, залаявшая на теленка. Тот, испугавшись лая, отбежал к сопкам. Алексей прислушался. Вот беда, олени ушли не за реку, а за хребет. Значит, со стадом до палатки к утру не добраться.

Ледков развязал собак и поехал. Кочки и кусты цеплялись за сани и упряжь. Доехав до стада, пастух пустил собак. Они быстро собрали стадо. Но к речке олени не шли. Как и днем, они стали бегать по кругу. Алексей рассердился. Он не хотел уступать заупрямившимся животным и постепенно прижимал стадо к речке. Вот уже половина оленей спустилась в кустарник. А в это время группа оленей откололась и побежала в сторону. Собаки на них не обратили внимания. Алексей схватил собаку за уши, потряс в воздухе и с криком пустил за ушедшими оленями. Тем временем стадо успокоилось, но в воду снова не шло. Старик хотел было повернуть его обратно, как вдруг из-за сопки появились отколовшиеся олени и сходу влились в стадо. Обозленные собаки бросились на оленей. Стадо в полторы тысячи голов всей массой ринулось к речке. Слышался хруст, треск, бульканье воды...

Старика бросило в дрожь, и он не сразу догадался остановить собак, которые все еще продолжали хватать крайних оленей за ноги и за бока. Опомнившись, Ледков с хореем в руке подался за стадом. Но оно было уже на той стороне. У Алексея учащенно билось сердце, виски горели, в горле пересохло. Он круто повернул, возвратился к саням и поехал в сумраке к другому переходу. Смотреть место, где только что переходили олени, не хотелось. «Завтра утром проверю», – сказал он себе, уже спускаясь к речке. Но и тут ему не повезло. При переезде передовой замешкался и упал в воду. На него свалился пристяжной олень. Старик соскочил с саней и с трудом вытащил упавших животных.

«Что делать? – размышлял он, подъезжая от речки к стаду. – Сменю передового». Обошел стадо со стороны реки и убедился, что важенки к реке не бегают, не беспокоятся. Правда, было несколько отколовшихся телят, но старик их пугнул собаками, и телята ушли в стадо. «Ну, кажется, все благополучно обошлось», – подумал Ледков. Перед рассветом стадо приблизилось к палатке. Старик поднялся на высокую сопку и огляделся кругом.

Отсюда виднелась вся губа, вдали чернел кустарник, окаймлявший Печору. Раньше он всегда подолгу любовался открывающимся отсюда видом. Но сегодня ничто его не привлекало. Мысли снова и снова возвращались к прошедшей ночи.

«Бригадир говорил, – размышлял Ледков, – что скоро отсюда переедем. Значит, эти места останутся позади. И стадо больше сюда не вернется. Не лучше ли промолчать? Ведь ничего особенного не было. А в случае чего, скажу, что ничего не видел...»

III

Утром Алексей Ледков привел стадо к палатке. Гаврила вышел на улицу, посмотрел на губу и сказал:

– Стоит ли сразу забивать? Возможно, дорка сегодня не придет...

– По-моему, нужно подождать, а то мясо испортится, – поспешно вставил Иван, юноша-допризывник, и пошел к саням за арканом.

Начали ловить подсаночных. Гавриле сразу бросилась в глаза важенка с поломанными рогами. Он подошел к старику.

– Как прошла ночь?

– Ничего не видел, — поспешно ответил старик.

Ответ не удовлетворил бригадира. Поломанных рогов в стаде оказалось немало. Их решили обрезывать. Иван делал пометки на палочке. Когда все закончили, он сказал:

– Двадцать семь...

Бригадир встревожился. Решил проверить место перехода.

– Этого передового ночью не держал? – спросил бригадир, ведя на поводу испачканного в глине и окровавленного вожака, отпущенного Алексеем ночью.

Старик вздохнул, глотнул слюну и ответил:

– Нет... Ночью я жёнкиного передового держал...

– Интересно, почему у него этава сломалась, – отпуская быка, буркнул Гаврила.

Хлынул проливной дождь. Все забежали в палатку. Только Ледков надел совик и остался па улице. В голову лезли невесёлые мысли.

Дождь перестал только к вечеру, и проверить реку не удалось. На вопросы товарищей Ледков по-прежнему отвечал, что ничего не видел, что все было спокойно. Гаврила же до утра не смыкал глаз, пытаясь угадать, что же произошло.

Следующий день выдался солнечный. До двенадцати ждали дорку, но она не пришла. После обеда поехали проверить речку. На вопрос бригадира, где проходило стадо, старик показал километра на два ниже. «Опять соврал», – с горечью сказал он себе.

Понапрасну осматривали кустарники, где даже не ступала нога оленя. Бригадир решил ехать вдоль речки, пока не встретятся тропы, выходящие из воды. Заметив, наконец, помятый кустарник, он остановился, подождал товарищей и пешком направился к речке.

– Надо арканы взять, – услышал он сзади дрожащий голос Ледкова.

– Раз надо, то возьмем, – ответил жестко Гаврила, и все вернулись к саням за арканами.

Бригадир подошел к берегу и оцепенел. Его поразили торчащие из речки и помятого кустарника рога, головы и ноги жи¬вотных. Остановились и другие...

– Вот где каша-то!– с горечью проговорил Гаврила. Пастухи молчали.

– Это видел?! – очнувшись, крикнул, наконец, Илья Ледкову. Старик ничего не ответил. Губы его шевелились, но слов не было слышно. Бригадир тоже хотел крикнуть на Алексея, но сдержался. Он отправил Ивана к стаду, а с остальными принялись вытаскивать оленей. Верхнего возьмут, а на место его выплывает другой. У многих оленей были поломаны шеи, позвоночники, ноги и ободрана шерсть. Когда стащили всех в одно место, бригадир послал старика в чум позвать женщин, а сам с Ильей принялся считать. Погибло около сорока оленей.

– Сегодня ночью, – сказал строго Гаврила, – со всех оле¬ней шкуры снимем, а завтра сообщим в правление. Пусть он отвечает. Ведь ничего не сказал, старый чёрт!..

Ледков приехал с тремя женщинами и несколькими ребятишками. Женщины стали снимать шкуры, ворча и зло поглядывая на старика. А он, перешагивая через трупы оленей, осматривал клейма. Убедившись, что Гаврила и Илья сосчитали правильно, он подошел к ним. Те сидели на кочке и нервно курили.

– Я тогда вечером...

– Я... Я... Спасай лучше шкуры, а мясо уже пропало, – обрезал его Илья и пошел помогать женщинам.

К утру со всех оленей шкуры были сняты.

Немного отдохнув, женщины и дети принялись снимать камус. Жена Алексея сушила шкуры. Только старик бродил между возами и не находил себе места. Руки и ноги не слушались, глаза слезились, шея устала держать седую голову. Он чувствовал одиночество. Жена и та ворчала, отворачиваясь от него. Вечером узнали, что приехал Гаврила и с ним еще двое.

«Пусть что хотят, делают со мной», – решил Ледков и лег спать, не раздеваясь.

На следующее утро всей бригадой отправились к месту происшествия. Председатель тундрового Совета, видимо, уже встречавшийся с подобными случаями, сразу начал измерять ширину и глубину речки, высоту берегов и просматривать трупы.

– Я возмещу убыток своими оленями, – говорил в это время старик парторгу. – У меня около ста тридцати голов. Хватит...

– Это-то ясно, – отвечал парторг,– но как ты мог не заметить, когда при твоем дежурстве погибло столько оленей, а?

Видя замешательство старика, парторг добавил:

– Ладно! Пока осматриваем место, ты обдумай и вспомни, как было.

Они,– он указал на Гаврилу, Илью и Ивана, которые просматривали следы в кустах, – они все равно потребуют ответа. Ведь ты сам был бригадиром, должен бы молодежь учить, пример ей во всем показывать...

Когда все было измерено, взвешено и зафиксировано в акте, парторг прилег рядом с председателем Совета на землю и спросил:

– Как, по-твоему, поступить?!

– Я думаю, провести совещание в бригаде, и пусть он сам расскажет всю правду, – ответил председатель.– Но зло, по-моему, кроется в обмане.

– Да, – о чем-то думая, сказал парторг. – Передового, говорит, не держал, стадо собаками не гнал, на дежурстве не спал и в то же время ничего не видел. Отчего тогда погибло столько оленей?.. Как видишь, тут олени не затонули, стадо их растоптало...

Вечером у костра собрались на производственное совещание. Первым выступил председатель Совета. Он говорил о трудовой дисциплине, о честности пастуха перед остальными членами бригады.

– Оленей забрать, а самого судить! – выкрикнул Иван.

– Не горячись! – остановил его пастух постарше, – пусть сам скажет... Мы подумаем...

Наступило молчание. Старик придвинулся к костру.

– Я... я не знал, что столько оленей погибло, – начал Алексей, заикаясь и запинаясь. – Но стадо я погнал собаками...

– А почему на другой день обманул или хотел все на нас свалить? – спросил молчавший до этого Илья.

– Думал, что никто не узнает, на новое место уйдем... Про¬стите меня, старика. У меня, наверно, голова уже неладно работает,– сказал Ледков и, вытирая слезящиеся глаза, вышел из чума...

Акт был передан в правление. Только что приехавший председатель колхоза сразу созвал заседание.

Пока члены правления и приглашенные собирались, председатель зашел к парторгу.

– Я думаю, – поздоровавшись, начал он,– судить бы его следовало, да ведь старик... Убыток общественному хозяйству он возместит...

– Да, – согласился парторг. – Притом он сам, наконец, все признал и очень сильно переживает. Как бы не заболел.

Альманах № 3, 1959 год

Андрей Кокшаров
Улицы города рассказывают

Неласковая природа редко балует жителей Нарьян-Мара теплыми днями. Почти все время дуют холодные северные ветры, идут дожди. И вдвойне приятно бывает пройтись после работы по его улицам, когда выдастся тихий, солнечный вечер.

Наш город – детище первых пятилеток. Он, как и другие заполярные города – Кировск, Норильск, Игарка, – рожден дыханием Великого Октября. Среди нарьянмарцев немало людей, которые хорошо помнят, как на месте нынешних улиц, кварталов и площадей простирались заросли низкорослого ивняка. Живут здесь и первые строители, которые своими трудолюбивыми руками выкорчевывали кустарники, осушали болота, строили дома. Да и сейчас город продолжает расти и расширяться. Улицы его украшаются новыми жилыми и культурно-бытовыми зданиями.

Вот центральная улица. Она носит имя видного деятеля партии и государства Петра Гермогеновича Смидовича. С юношеских лет активный участник марксистских студенческих кружков и пропагандист марксизма, агент ленинской «Искры», участник декабрьского вооруженного восстания в Москве и февральской буржуазно-демократической революции – такова краткая дореволюционная биография этого замечательного человека.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в подготовке и проведении которой П. Г. Смидович принимал активное участие, он – член правительства. В 1921 году на X съезде партии избирается членом ЦКК, начиная с 1924, более десяти лет, возглавлял Комитет содействия народностям северных окраин. Будучи на этом посту, Петр Гермогенович отдал много сил и знаний расцвету Крайнего Севера, в том числе и Ненецкого национального округа.

Центральная улица нашего города, носящая его имя, с каждым годом становится все благоустроеннее. В 1955 году она украсилась таким хорошим зданием, как Дом связи. Еще совсем недавно между отделением Госбанка, ненецкой семилетней школой и домом (рыбозавода было голое место. Теперь тут построены три жилых восьмиквартирных дома и закончено строительство четвертого. Многие старые здания оштукатурены и покрашены. Улица гудронирована. В палисадниках высажено много деревьев.

...В Ленинграде, в одном из отделов Музея Арктики есть небольшой снимок человека в шляпе, с волевым энергичным лицом. Под снимком коротенькая подпись: «Григорий Васильевич Хатанзейскнй – участник борьбы за установление Советской власти на Печоре».

Ненец Григорий Хатанзейский с ранних лет связал свою жизнь и судьбу с делом борьбы за освобождение родного народа от пеней царизма.

На улице имени Хатанзейского находится городской Дом культуры, кинотеатр «Арктика» и музыкальная школа. Напротив трудолюбивыми нарьянмарцами разбит сквер. В нем установлен памятник основателю Коммунистической партии и советского государства Владимиру Ильичу Ленину. Это великий Ленин и созданная им Коммунистическая партия принесли всем народам нашей многонациональной Родины счастье и радость, возродили к жизни холодные тундры Заполярья – вот о чем говорит этот памятник каждому, кто проходит здесь мимо.

Параллельно улице Смидовича идет улица, носящая имя талантливого сына ненецкого народа Ивана Павловича Выучейского. Выучейский – выходец из бедной ненецкой семьи. Оставшись без родителей, он с юных лет познал нужду, голод и холод. Только советская власть открыла перед ненецким юношей широкую дорогу в жизнь. Выучейский прошел большой путь от батрака до председателя Ненецкого окрисполкома.

Иван Павлович – активный борец за процветание своей родной тундры, за приобщение ненецкого народа к строительству социализма, к культуре. Он погиб летом 1936 года в расцвете сил и энергии от руки врага.

Как и во всем городе, на улице имени И.П. Выучейского за последние годы произошло много перемен. Напротив универмага и средней школы вырос целый квартал жилых домов. На бывшем пустыре выстроено восемь восьмиквартирных зданий. Десятки семей нарьянмарских портовиков живут здесь в благоустроенных квартирах.

На этой же улице находится окружная сельскохозяйственная школа. В стенах ее учатся оленеводы-колхозники не только Не¬нецкого национального округа, но и из Коми АССР, Мурманской области, далекой Якутии. В 1957 году школа реорганизована в среднее сельскохозяйственное учебное заведение. Выпускникам школы будет присваиваться квалификация зоотехника. Кроме того, при школе открыты постоянно действующие курсы по по¬вышению квалификации председателей оленеводческих колхозов, бригадиров и заведующих оленеводческими товарными фермами. Нее это говорит об огромной заботе, которую неустанно проявляет Коммунистическая партия и Советское правительство о малых народностях Севера, о воспитании местных национальных кадров.

Тундровая улица. В послевоенные годы здесь выросло несколько жилых домов и здание окружной библиотеки. В этом же здании разместилась городская детская библиотека.

Вот здание редакции и типографии газеты «Нарьяна вындер». До революции газету па Печоре получали только купец, поп и урядник. Коренное население тундры было сплошь неграмотным. Теперь в округе выходят три печатных газеты. Кроме того, трудящиеся получают тысячи экземпляров областных и централь¬ных газет и журналов.

По другую сторону стоят два двухэтажных здания. Одно из них появилось только в прошлом году. Это первая в округе школа-интернат. Здесь учатся дети оленеводов-колхозников Малоземельной тундры. На углу Тундровой и улицы Выучейского расположено большое здание Нарьян-Марского педагогического училища. Оно готовит учителей для ненецких школ. Не-нецких юношей и девушек, окончивших педучилище, можно встретить в институтах Москвы, Ленинграда, Архангельска...

Ненецкая, Полярная, Октябрьская, Пионерская, Оленная, Партизанская, Первомайская... Сами названия улиц говорят об особенностях заполярного города. Эти названия как бы олицетворяют те огромные перемены, которые произошли за сорок лет Советской власти в любом уголке нашей необъятной Родины.

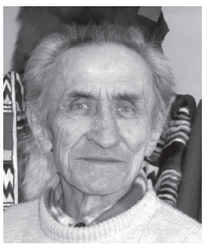
Альманах № 3, 1959 год

Василий Журавлёв
Романтики

Мы хотели на фронт – возмужать запоздали,
Мы на полюс рвались – не попали туда.
Снились нам голубые таежные дали,
Где блестит по ручьям золотая руда.
А потом захотелось на палубе шаткой
Штормовыми ночами стоять у руля...
Но однажды в брезентовой старой палатке
Мы узнали, как дышит родная земля.
Стала эта земля океанов дороже,
Где не просто романтик – рабочий любим.
Может быть, потому все ревнивей и строже
Мы относимся, сверстник, к поступкам своим?!

Альманах № 3, 1959 год

Алексей Пичков
Моей заветной



***

Пимы покрыты легкой пылью снежной,
Играет луч на лезвии ножа.
Снимаю шкурку с белым мехом нежным,
Снимаю осторожно, не спеша,
Играет ворсом ветер духовитый...
Я рад добыче, сердцу горячо.
Песец мой, синим бисером обшитый,
Красиво ляжет на её плечо.

Альманах № 3, 1959 год

***

Ручей, как парнишка, скатился с горы.
Рассыпался светлым серебряным смехом.
Забыли мы все с той желанной поры,
Как пахнет метелью и колется снегом.
Я понял, - с весны начинается год,
Весною я сам обновляюсь, не скрою.
Я вижу, как соки весенние пьёт
Берёзка с игрушечной звонкой листвою.
Пока она пьёт этот солнечный свет,
Что спрятан в земле, как источник рожденья,
В душе ни метелей, ни холода нет, -
Есть мир и земля в настроенье весеннем.

***

Летят олени, словно стрелы.
Красив их бег, как птичий лёт.
А по равнинам белым, белым,
Луна, как девушка, плывёт.
В панице светлой, сшитой мудро
Из синевы и ярких звёзд.
Кто говорит, что нынче в тундре
Горит и властвует мороз?
Я много видел, много знаю.
Махни, метель, своим крылом.
Я только здесь и оживаю,
Твоим, земля, живу теплом.

Альманах № 4, 2004 год

***

Уходят в ночь морозную олени,
Копытами в кустарниках звеня.
На крыльях туч приходит вдохновенье
И согревает в эту ночь меня.
И я пишу про звезды ночью синей,
Про горы, что туманятся вдали.
Окраина немеряной России –
Снега моей излюбленной земли.
А дальше море – смерзшаяся пена,
Застывшие не катятся валы.
А я себе не требую замены –
Я как валун у матери-скалы.
Я ни за что на свете не оставлю
ни гор, ни звезд, мерцающих вдали.
Я здесь родился –
Здесь мне жить и славить России Север,
Дальний край земли.

***

Я вырос на твердой земле,
мял жесткие тонкие травы.
На чаячьем белом крыле
закат угасает кровавый.
Плохого он мне не сулит,
смягчаются мрачные краски.
День завтрашний что-то таит, –
наверно, и были и сказки.
Цвети же, родная моя
земля, отогретая летом,
цветок голубой у ручья,
еще не воспетый поэтом.
Плыви же, листок, по реке –
зеленый желанный кораблик.
На солнце блестят вдалеке
осоки зеленые сабли.
Я сын этой хмурой земли,
чьи блеклые тусклые краски
во мне, как цветы, расцвели
и лучше и чище, чем в сказках.

Альманах № 8, 2008 год

***

Не верьте слухам... Быстрые олени
Меня домчали ровно в полчаса,
Туда, где скалы в белой рыхлой пене,
Где зеленеет моря полоса.
Здесь снег еще, дороги только нартам,
В сугробах редок человечий след.
Меня, друзья, вам не найти по карте,
Моих дорог еще на картах нет.
Тут в каждой капле синева и небо,
И рыба в каждой пригоршне воды,
А к чаю — ломоть городского хлеба
И сахар тонким пластиком слюды.
Не верьте слухам... Я и жив и счастлив,
Привык к ветрам и утеплил шалаш,
И рыбаки все повторяют чаще: —
А, видно, парень и взаправду наш.

***

Выстроились гуси, как солдаты,
В добрый путь по предвечерней мгле.
Остаюсь я на бугре покатом
Верным сыном матери-земле...
Мне лететь искать тепла не надо:
Пусть над тундрой снова вьюги шум.
Не разгонит он оленье стадо,
Не снесет мой новый легкий чум.
Улетайте, гуси. Ропот вьюги
На земле моей вас испугал.
Я ж ей отдал трудовые руки,
Сердце ей горячее отдал.

Альманах № 11, 2011 год

Прокопий Явтысый
Корни

***

Не блуждай в пурге раздумий,
льды тоски не громозди,
прочь гони химер безумий,
прочь гони печаль.
И жди.

Не кочуй бродячим ветром,
не зови в друзья дожди,
прочь гони все сны с рассветом,
день встречай мечтой.
И жди.

Жди таинственного зова,
чтоб с души мученье снять.
И к тебе вернется Слово,
что способно окрылять.

***

Отыщу олений камень,
Хоть на ивах – иней сед,
И пурга пуховиками
застилает в тундре след.

Отыщу олений камень
Посреди озер-сестер,
где в ночи, взметая пламень,
обозначен твой костер.

Отыщу олений камень –
драгоценный амулет!
Вот тогда, как в бездну, канет
вся печаль минувших лет.

Отыщу олений камень…
Не хотелось бы мне лишь
с побелевшими висками
выйти к пеплу чумовищ.

Альманах № 7, 2007 год

***

Березка на сопке,
как чум невеликий.
Над сопкою –
птичий галдёж стоязыкий.
За ветви цепляются
тучи, – а в дёрне
сплелись и сцепились,
как мускулы, корни.

Березка под ветром
качается, гнётся,
а ветер утихнет –
вновь тянется к солнцу.

Не в силах березку
сломить непогода –
становятся корни
сильней год от года.

Мне эта березка
приходит на память,
когда я стараюсь
под ветром не падать,
когда натыкаюсь
на грубую силу, –
чтоб грязное слово
меня не скосило!

Всё вижу березку
на самой вершине –
уже у ней робости
нет и в помине.
И я становлюсь
всё прямей и упорней:
в земле моей отчей
сплелись мои корни.

Удаль-Печора

Удаль-Печора,
проделав свой путь,
морю седому
плещет на грудь
смех серебристый
и золото зорь,
мол, с голосистой
со мною
не спорь.
Кто из нас краше
и кто посильней?
Ты испокон
пьешь из чаши
моей.
Ты мои песни
ветрам раздаешь,
ты моим голосом
звонким
поешь
и, подражая
моей быстрине,
небо качаешь
на синей волне.

Альманах № 8, 2008 год

Переводы Владимира Гордеева

Василий Ледков
России начало

* * *

Варандей...
Варандей...
Варандей...
С этим словом повсюду мне детство звучало.
Наш поселок был крайним для тысяч людей.
Для меня он – России начало.

Там срывались закаты с обветренных скал,
Чайка счастье полета впервой познавала.
И заря, разливаясь по дымным пескам,
Лебедями в туман выплывала.

Перевод с ненецкого Л. Васильевой

***

Смотрю я налево – там волны играют,
Смотрю я направо – зазубрины скал,
И парус небесный ветра распирают!
А ниже – дома Варандей раскидал.

А лапки у чайки, как веточки елки,
А след у крикливой, как оттиск звезды.
Я в этом, хлебнувшем буранов, поселке
Искал босоногого детства следы.

Ветра между тощих кустов завывают,
Дожди обложные идут напролет.
Над тундрою зябко звезда замерцает –
Мороз затрещит и осоку пожжет.

Как будто глядишь на него сквозь ладошку –
За дымкою бледное солнце встает.
И месяц, заблудшею с неба рыбешкой,
И нерпу дурачит и мимо плывет.

А нынче! – залив не проехала мимо,
Сковала прозрачными снами зима.
И небо столбами застывшего дыма
Сегодня надежно подперли дома.

И выстрел раздался над тихой низиной!
Осела земля, покачнулось жилье.
Как будто подброшенный
мощной пружиной,
Охотник схватился рукой за ружье.

А день ото дня – и дороже и строже.
Охотник, смотри, как бы ты не отстал!
Надел он обувку из нерпичьей кожи
И мигом повязки плотней замотал.

И тронулись с хода повозки оленьи –
Отрогами гор и долинами рек.
В глухом Варандее – прибрежном селенье
С землею в согласье живет человек.

Перевод с ненецкого В. Бояринова
Альманах № 11, 2011 год

«Розовое утро», фрагмент повести

Лютуй, мороз!
Реви, пурга!
А солнцу –
быть!
Оно – сильней!
И внук мой
рано не умрет:
он нынче –
Василей,
живучий
Василей!

— пела бабушка, округляя свое и без того круглое лицо, которое от песни светлело. Бабушка держала меня под мышки, счастливый, я прыгал у неё на коленях.

Так запомнился мне миг, когда проснулось сознание. Это, видимо, было в то лето, когда привязывали меня к шесту, чтобы я не убежал на улицу, где небо и земля гудели от комаров.

Привязывали меня часто — это и понятно. Чум есть чум. Если часто открывать полог, то чум, в котором и так много всяких дыр, набьется комарьем. А комары... Всякий знает, что такое комары!

Потом, когда отвязывали меня, я у всех спрашивал, мол, где взяли меня, зачем — я, может, и сейчас бегал бы на воле? А они улыбались, переглядывались долго. Отец, мать и бабушка говорили, что нашли меня в яре — в кустах ивняка — среди лягушек на равнине Надер, что на самой солнечной стороне Большой земли. Говорят, поначалу бабушка и мама мне имя хотели дать Тям-дэ — Лягушка, но отец так им сказал:

— Нет. Человек — не лягушка! Сын мой Василеем будет. В посёлке Хо Седа Харад сына моего русского друга так зовут. Хороший он парень.

Так я и стал Василеем.Но я-то знал, что вовсе не в яре среди лягушек нашли меня: я сам родился. И родился в тот год, когда самые сильные морозы были. В месяц Большой темноты — в декабре — я родился. Месяцами Малой и Большой темноты у нас называют ноябрь и декабрь, потому что в это время года до середины Орлиного месяца — января — солнце над тундрой вообще не показывается: как говорит бабушка, оно спит за синим поясом земли и неба в своем золотом чуме.

Альманах № 18, 2018 год

Лукерия Валей
Встреча с родиной

Отцовский урок

Седой, как лунь, откинув капюшон,
Отец мой снова нарты мастерит
И ничего не замечает он,
Когда копылья бережно стружит.

Отцовы нарты лёгкие, как пух,
Стремительнее ветра – эй-е-хэй!
И крепче камня их смолистый дух,
Я чую до сих пор сквозь много дней.

Учусь, как нарты создавать стихи,
Обтёсывая каждую строку.
И будут ли громки или тихи,
Им надо проложить свою тропу!

С пробуждением!

На лицо курносой тундры,
На проталины-веснушки
Сыплет, сыплет снегом-пудрой
Запоздалый ветер вьюжный.

Но снегов тускнеют стрелы,
И сквозь вьюги завыванье
Голос слышится несмелый,
То весеннее дыханье.

И проснулась тундра, брызжет
Синева из глаз раскосых.
Солнце над холмами выше,
Ярче огненные косы!

Знать, пришла пора цветенья
К моему родному краю:
С добрым утром!
С пробужденьем!
С пробужденьем поздравляю!

Альманах № 5, 2005 год

***

И снова море Карское, маня,
Навстречу тянет свои руки-волны,
Чтобы приветить, обласкать меня
И сердце вдохновением наполнить.

Я провожу у моря вечера,
Ловлю улыбку белолицей ночи,
Рыбацкие встречаю катера,
Что с гребней волн срывают пены клочья.

Пусть повторится море и волна,
Пусть у камней пушится пена снова,
Шумит прибой, но в сердце тишина.
А в тишине – рождаться песней новой.

Альманах № 7, 2007 год

Моя тучейка

Я возьму свою тучейку,
Расписную мехом белым,
Мехом чёрным расписную
В руки я свои возьму.

Сукна разные играют
В том орнаменте искусном.
В ней красоты тундры милой
Отражение нашли.

Я встряхну её легонько
И услышу звон копытцев,
Понашитых к той тучейке,
С песней звонкою сравню.

А в тучейке моей много
Всевозможных лоскуточков
Из сукна и мех олений,
Что угодно для души.

Я придумаю узоры,
Понашью я их для паниц,
О труде своём любимом
Песню светлую спою!

Альманах № 8, 2008 год

Встреча с родиной

Полусон, полуявь – по Усть-Каре иду,
Мне не верится в то, что по снегу бреду,
Прикасаясь к домам, почерневшим давно, –
В этом видится мне дорогое одно:

Детство, юность свои направляют шаги
В лучезарную даль… Вспомнить мне помоги,
О, Усть-Кара моя, неземную красу
Твоих вздыбленных волн и на травах росу.

Здесь морошковый цвет, вся морошка в цвету…
Колокольчиков звон, будь со мною в ладу,
Потому что за дальние сопки ушло
То, что сердце покой в дальней дали нашло.

Я пытаюсь войти в твою новую жизнь,
И в ответ осторожно мне шепчешь:
«Держись! Я тебя по-отцовски, как прежде
люблю!» –
И в ответ я сородичей взгляды ловлю.

В них – любовь и участье, и радостный свет,
За все годы мои, расставанья ответ.
Не старей же, Усть-Кара, а лишь молодей!
Богом создана ты для отважных людей!

Альманах № 18, 2018 год

Инэль Яшина
Серый снег

Вот и ночь ускорила свой бег,
День весенний и длинен и светел.
А на город сыплет серый снег.
То ли снег идёт, а то ли пепел?

Отчего, к земле не долетев,
Он, растаяв, грязной каплей будет?
То ли небеса теперь не те?
То ли не такими стали люди?

Всюду серо, знобко, хоть кричи,
Воздевая руки ко святыням!
Почему и днесь мы, как в ночи,
На родной Руси, стеная, стынем?

И доколе, Господи, доколь,
(неужель Тебе до нас нет дела?)
Лишь отрава, горечь, кровь и боль
Будут милой родины уделом?

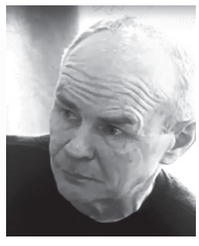
Где мужи, широкие в кости,
С праведно густыми голосами,
Что способны мой народ вести
Меж столбов с бесстыжими глазами?

Или лучше – прямо на столбы!
Ведь жива же в душах правды сила!
Под напором русичей толпы
Станут брёвна гатьевым настилом.

В это верю! К этому зову!
Кровоточит
Родина
Мятежно…

Альманах № 4, 2004 год

Андрей Чуклин
Во тьме



***

Мрак напирает непролазной мутью.
На улицах не встретишь даже псов.
По лужам перекатываясь ртутью,
Ночь растеклась на миллион часов.
Мне кажется, я не дождусь рассвета,
Не добежать мне до него, не доползти.
Палит во тьму бессонница дуплетом
И страх безбрежный съежился в горсти.
Дышу как есть – в себя, а выдох в ворот,
И через раз – у смерти слух остер.
А рядом спит самодовольный город,
Не сознающий собственный позор.
Он позабыл, что у него под спудом
Повсюду залежи талантливой руды.
Я продолжаю свято верить в чудо
Кипящих родников живой воды.
Но как найти ее и не разбиться
О грязный череп полусгнивших дней,
Чтоб хоть однажды чистоты напиться
Из глубины, от страсти, от корней.
Густеют ночь и страх, и нет молитвы
Дух поддержать над пропастью тоски.
Поверхность луж сверкает сталью бритвы
И тишина гарротой на виски.
И сохнет век чаинками в стакане.
Наверно, этим начинается запой.
Душа – как два червонца на кармане.
Как форточка – в полметра глубиной!

***

Океан бесконечен.
Толку нет постигать мастерство
чемпиона-пловца
или ныряльщика за жемчугами,
если понял, что Суша
может быть только маленьким
затопляемым островом,
что, впрочем, тоже не больше, чем миф
для усталого корабля.

И наверное, бесполезно
напрягаться для поисков веры в себя
или в Бога,
потому как Вера и Ты, и Бог –
изначально едины в Природе.

Доверься ж Природе, которой ты подчинён
и к которой стремишься, сам не зная того!
Не мешай ей застигнуть себя
и накрыть с головою
толщей чистой зеленой воды,
на невиданном небе которой
иное дыханье,
и нет ни одной звезды.

Черное молоко

Понагнал пустоты вид погасшего дня.
Ночи черное пью молоко.
Все подружки мои пережили меня,
А друзья, как всегда, далеко.

Каждый вечер сажусь я за кухонный стол,
Сам себе черный кофе варю.
И подолгу, как смертник – в невидимый дол,
На огонь бледно-синий смотрю.

Газ течет равнодушно. Горит и парит...
Потолка рыжевеют углы.
Почему же, когда ничего не болит,
Ум страдает и просит иглы?

Этот бледный цветок –
иммартель иль жасмин?
Не ответят ни друг, ни жена.
Засыпаю и вижу: над грудой руин
Золотая висит тишина.

***

Легкомысленно позабыв о времени:
о варварских его привычках,
совершаешь в конечном пространстве
какие-то перемещения:
ищешь пересечений с людьми
и касаний с природой
(насколько это возможно),
делаешь круги и зигзаги,
точно стараясь запутать свой след,
грязный от осенних дорог,
невзначай оставленный в чьей-то
наивной душе.
Забираешься в лабиринты беспросветных
потёмок,
чтоб случайно выйти из них невредимым.
Двигаешься под гипнозом
молчаливого зова жизни,
как фанатик или сомнамбула,
словно навек обречен существовать во сне,
цель которого – поиск неизвестно чего:
магического знака Единства,
знака,
за которым бессмысленные линии
твоего неустроенного бытия
обязательно должны совпасть
с неведомой тебе структурой,
той, что выше и значимее
всего человеческого «эго».
И ты уверен,
что когда-нибудь, случайно,
тронув усталой ногой придорожный
камень,
или подняв с земли сорвавшийся
трилистник каштана,
произойдет это магическое наложение.
И вспыхнет звезда!
И придут волхвы.
И звери, и люди,
Склонятся над светлым младенцем.

* * *

Я один из тех, кто разрушен таяньем
вечных снегов.
Во мне, опустив голову на руки,
сидит обворованный юный старик
И двадцатилетняя старуха,
Ведущая счет абортам последнего года.

Я – это даже не два и не три,
это шесть или девять.
И у каждого из них,
свои – чужие глаза.

Любящая женщина пишет в письме –
Ты теряешь себя…
А я спрашиваю – которого из девяти?..
Хорошо, если всех потеряю.

***

Александру Роскову

Щелкну зажигалкой, закурю.
Сам с собой опять заговорю:
О судьбе, о правилах игры,
Механизме дыма и искры.

Попытаю будущность в стихах.
Все сомненья – псу под хвост и в прах!
Все догадки в сердце глубоко.
Вот и стало просто и легко.

Ветер где-то гонит облака.
Где-то есть друзья, и есть река,
По которой, если не свихнусь,
К ним по полноводию примчусь.

Вот, – скажу, – привет вам от земли,
Где зимой не ходят корабли,
Но, куда бы ангел залети,
Спился б напрочь, сидя взаперти.

Я не ангел – вот и уцелел,
Хоть две тонны спирта тоже съел.
Съел бы три, да грех себе желать
Роз букет с циррозом рифмовать.

А еще скажу – давайте жить,
Чаще видеться и с тьмою не дружить.
Все мы только ноты у Земли.
Только буквы в азбуке Любви.

Скоро фильтр. И пальцы обожгло.
Белый лист исчерчен, как стекло,
Серебром морозного письма...
Хоть чернила черные весьма.

Авторская подборка

Инга Артеева
Правда

***

Время жизни клонится к ночлегу,
Так всегда в предчувствии весны.
Снова в сводках мокрый дождь со снегом,
И от человека – к человеку –
Как от подземелья до луны.

Каждый сам в себе. Давно истрачен
Весь запас улыбок и тепла.
Видимо, усталость, не иначе.
Непосильной кажется задача,
Догорая, не сгореть дотла.

Мысль, что скоро лето – неуместна.
В доме неуютно и темно.
Всё, что раньше было интересно –
Вовсе не цепляет, если честно.
Вероятно, авитаминоз.

Не взлететь – нет места для разбега.
Ночи – удушающе длинны.
Время жизни клонится к ночлегу,
В сводках снова – мокрый дождь со снегом.
Так всегда в предчувствии весны.

***

Расскажи, чем болеть будет сердце, если
Вместо крови стихов - просто слов вода?
Раз в дыханье твоём не найдётся песен –
Что ещё остаётся тебе предать?

Захлебнутся звёзды в облачной пене,
Далеко до луны и дороги нет…
Я пойду долиною смертной тени –
Музыка моя, неси мне свет!

Все могло быть спокойнее и надёжней,
Наша доля с тобой – пресно-горький хлеб,
Только тот, кто летал, никогда не сможет
Оставаться верным одной земле.

Нам узнать друг друга – куда как просто:
Группа крови – на порванном рукаве.
Мы никто на Земле. Где наш звёздный остров?
Музыка моя, неси мне свет!

Знойный май приготовил для солнца вертел,
Репетируя марши, капель звенит.
Жаль, но добрая память придёт посмертно,
А от злого забвения – бог храни.

Пусть невнятен исход этой странной битвы,
Но пульсирует рифма на сломе вен,
Моя власть, моя сила, моя молитва:
Музыка моя, неси мне свет!

***

Знай, что весь твой оптимизм ничего не стоит,
Шей себе шубу из розовой мягкой лжи.
Правда - в горбатых скелетах больничных коек.
Хочешь - бери. Там довольно её лежит.

Правда - в осклизлых от мая мощах деревьев,
В злобном унынии волчьих косых ветров.
Ты мне солжешь о надежде.
Жаль – тех, кто верит
Схватит однажды за горло петля дорог.

Да, ты ж не знаешь: дороги идут по кругу –
Бег от себя – ровно то же, что путь к себе.
Если найдётся ответ – кто мы есть друг другу,
То всё равно непонятно: кто я – тебе?

Дни – это ложь. Правда прячется в сердце ночи.
Ночи – для всех. Что не факт в отношенье дня.
Можно ещё – верить в утро. И между прочим –
Этот рассвет обещал мне чуть-чуть огня.

Я разжигаю костры. Что за славный запах!
Где твоя шуба? В огонь! Я должна успеть!
...Птица-весна на кривых тонкокостных лапах –
Всё, что хоть как-то меня заставляет петь.

***

Допустим, вот этот вот грязный комок ледяной – я.
А тот, что несёт мне зачем-то тепло – ты.
Ты зря меня слушаешь. Всё, что скажу – яд.
Мне не к чему греться. Я больше люблю стыть.

Допустим, мы сблизимся. Смел за шажком – шаг.
Дыханью свечи всё равно не попасть в цель.
Такие не стОят тепла. Это твой шанс.
Ты лучше оставь всё как есть. Пока сам цел.

Допустим, я знаю – не всё, что во мне – снег…
Допустим, я верю в тепло, и родство душ…
Но ты, что ли, вправду решил, что пора мне
Исчезнуть в безвременье тёплых слепых луж?

Не надо тепла, я прошу, не смотри так,
Оставь меня мёртвым, тяжёлым, густым льдом.
Ты – самый хороший. Ты самый родной… враг.
Зачем ты запомнил, какой я была «до»?!

…Допустим, я помню, когда не была льдом,
Допустим, тепло близких глаз не всегда врёт,
Допустим. Пока не замрёт на губах вдох,
Я буду любить. Как способен один лёд.

Авторская подборка

Ирина Ханзерова
Память – песня моя

Сказка о времени

По дорожкам пурпурного цвета
Бродит Лето.
В паутинки и росы одето
Наше Лето.
Трели птиц в обрамленье рассвета
Слышит Лето,
И купается в солнечном свете
Лето!

По дорожкам из ягод морошки,
Средь лесов из берёзок и сосен,
Паутиной дождинок накрывшись,
Бродит Осень.

Подпевает печально гагаре,
Взглядом клин провожает гусиный,
Примеряет багряное платье
Из рябины.

С ветром кружит в прощальном камланье
И пощады у времени просит;
Покрывает сединами иней
Нашу Осень…

Новый лист открывает природа,
И Полярной звездою хранимы,
На просторы из лунного света
Выйдут Зимы.

В мир большой темноты погружаясь,
Замирает бурление жизни,
На палитре холодного неба
Звёзды-брызги.

Вновь к хозяйке подлунного мира,
Повинуясь законам природы,
Духи тьмы собираются дружно
В хороводы…

Отрывок из поэмы «Саля ерв»
(по мотивам самодийского эпоса)

Во льдах полярных морей
Разводило костер
Солнце грустное, снегом прикрытое.
Пусть от Белого моря до каменных гор
Ненец ненцу напомнит забытое.

Вьюга песню тоскливо над тундрой поёт,
Снегом сыплет, следы заметая глубокие,
Память сердца по тропке забвенья ведет,
За собой оставляя пространства широкие.

Память-песня моя
От огня и тепла
Разогреется, птицей живой встрепенется,
От тех давних веков и до этого дня
Перед взором твоим пронесется.

Бубен бьет, приглашая всех в дальний поход.
В мой аргиш запрягу самых быстрых оленей,
Бубен бьет...
Ускоряется времени ход,
С песней-сюдбабц кочую по жизням
Иных поколений.

Вижу свет белых звезд:
Роем в небе кружат,
Свет огня
Прорывается искрами в небо.
Над скалистым обрывом
Наши боги лежат,
Смотрят в небо
И участи ждут сиротливо.

На теперь уж давно догоревшем огне,
Где ни крошки золы не оставило время,
Духи предков опять прилетели ко мне,
Чтоб поведать, как жило великое племя.

У прибрежной косы,
Где волна за волной
Злой волчицей кидалась на берег,
Город был удивительный, дивной красы,
Но сейчас мне, наверно, никто не поверит.
Жил народ там лихой,
Каждый воином был,
Каждый метко стрелял,
Каждый землю любил.
Всякий был из породы хороших людей.
Добрый – дарит добро,
Злом карает злодей.
Но добро беззащитно...
Не знающий страх, обречен беззащитный,
Путь земной его краток.
Над тундровым простором в седых небесах
Жаждет крови Лимбя,
Льется кровь куропаток.
Да, всегда говорят,
Правду, друг, говорят:
Зло приходит само ниоткуда,
Где стоял Белый город,
Руины лежат.
Этой страшной беды
Никогда не забуду...

Альманах № 8, 2008 год

Матрёна Талеева

Учёба в стойбище

Фрагмент рассказа

…Вот настал первый день работы. Мы уже позавтракали, строгая Нина Ивановна достала учебные принадлежности: ручки, цветные карандаши, ненецкий и русский буквари. У меня всё, что надо для работы, готово – сложила в пакет, вышла из чума, направилась к чуму моих учеников. Стала прислушиваться, слышны ли голоса из соседнего чума. Тишина. На улице идёт мелкий дождь-морось. Вдруг из-под горки со стороны озера появилась Степанида, несёт в чайниках воду.

Я к ней, спросила: «Мят' тер'' ңамгэм' пэрңа''? Сяйнзяда''»? – «Встали или нет в вашем чуме? Пили ли чай?» Степанида поставила большие чайники на землю, тихо ответила: «Тамна хоны'', мань теда' тум' пятаңгудм'. Мят' тю''. – «Спят ещё. Теперь растоплю печку. Заходи в наш чум».

Я растерялась, что делать? Неприлично в чужом чуме сидеть, когда люди спят, неизвестно, когда встанут. Вспомнила вчерашний разговор Устины Егоровны, решила лучше не заходить. У молчаливой Степаниды спросила тихо: «Небяр ни тэдорт''? Тедари пуня' хантадм'. Нид'' сидеид'', хонран'', тохолкодара'' тохолкованзь турңась». – «Матушка не будет ругаться? Пока пойду в свой чум. Ты разбуди братьев, передай, что учительница ждет учить их». Зашла обратно в свой чум. За низеньким столом сидят Марина, Костя, Вера, Николай, внимательно слушают учителя, идёт первый урок.

Когда я зашла в чум, все посмотрели на меня. Вера не удивилась моему быстрому приходу обратно, уверенно сказала мне: «Тикид'' ёльце пон'' хонё мэнедо'. Небядо' нюта' пуд юркорта. Пэвсюмб' ңани' пон' сырцеты'', илева' ямбан тарця''. Нисяхан' хусоран». – «Они любители поспать. Мать позже детей встаёт. А вечером допоздна будут смотреть, всю жизнь так живут. Тебе надо отцу пожаловаться».

Проснулся и заплакал Яша, я стала качать люльку, чтобы дать возможность Вере учиться. Все заняты делом. Вдруг дверь чума медленно открывается, заходит наш Коля, ненецкое имя Папако. Теперь он живёт в соседнем чуме, так как на одной половине чума им тесно. Ему предложила бабушка Устина пожить у них, он её любимый внук. Сонный Коля сказал, что в их чуме все проснулись, уже пьют чай, до прихода стада оленей все будут учиться, так велел передать дедушка. Я обрадовалась его словам, мигом взяла свой школьный пакет, вышла вместе с Колей…

…Мы с ним зашли в чум. В чуме жарко, но темно. Так как отверстие макодана – верхнее отверстие чума – закрыто тюсером – специальной шкурой от дождя и снега. Все сидели за столом, пили чай. Степанида вежливо предложила мне чай. Я не отказалась, – прошло много времени, как мы завтракали в своём чуме. Устина Егоровна приветливо улыбнулась и подала мне стул – пластиковый ящик с мягкой оленьей шкуркой. Она была сонная, но спокойная, сказала строго своим сыновьям: «Тохолкодара''то, ты'' това ңэсонд' тоходанңгуда''». – «Пришла ваша учительница, до прихода стада оленей будете учиться». Степанида убрала посуду, повернула клеёнку сухой стороной, все вновь уселись за стол, чтобы учиться. А сама вышла, чтобы снять тюсер'', ей не надо учиться, она училась шесть лет в школе-интернате. Все взгляды учеников направлены на меня, в чуме тишина. От пристального взгляда их отца стала волноваться, видно, болтливая Вера успела когда-то сообщить наш разговор о шамане. Заметив моё волнение, мудрый отец семейства отвёл взгляд, сказал сыну Егору: «Тына'' ни'' ңадю'', нин сырт''». – «Не подошли ли олени, посмотри».

Слово отца – закон, грамотный Егор вышел из чума, чтобы посмотреть. Я раздала всем буквари, ручки, тетради, карандаши с ластиком, цветные карандаши. С интересом ученики стали разглядывать учебные принадлежности, листать букварь, вертеть в руках тетрадь, боясь запачкать.

Вот первый урок! Да не в городе, не на селе, а в чуме, на просторах тундры! Как жаль, что у нас тогда не было фотоаппарата и видеокамеры. Такие бы были кадры для истории! Объяснила ученикам для чего ручка, карандаш с ластиком, тетрадь. Разрешила ученикам пописать, чтобы рука привыкла к карандашу. Нарисовать свой чум, нарты, озеро, сопки, оленей, собак. Одним словом, своё стойбище, кто что желает и сможет. Ведь для них школьные принадлежности – это диво! Они никогда не держали в руках тоненький карандаш, ручку.

Не заметила, как время пролетело, слышим спокойный голос Егора: «Тедари'' ңэвадэйдов'', тына'' тоңов». – «На время сделайте перерыв, олени подошли к чуму». Учеников как ветром сдуло, осталась около меня одна усидчивая Егоровна. Виновато улыбаясь (наверно, чувствовала себя неловко от вчерашнего разговора» сказала: «Манзьван я''амгодванңгабяв, ңудин' тарка'' ни'' выяңг'', паднабцм' ня''амба я''мадм'». – «Я-то, наверно, не смогу учиться, пальцы рук не сгибаются, не могу держать карандаш». Мне была приятна её откровенность, я решила её успокоить и похвалить, что она направила сыновей на работу: «Янамбоковна тоходанэй'', пили'' вунин паднаңгу'', лаханакодани', ханяңэ''на хынотани'». – «Потихонечку научишься, ведь не всё время будешь писать, будем читать, даже петь». Мои слова ей понравились.

Мы вместе вышли из чума, она предложила прогуляться до загона для ездовых быков. Моя ученица весело рассказала о том, как она на вездеходе кочевала на новое место. Я удивлена: очень забавная картина, вездеход тянет за собой аргиш Егоровны. Олени даже не нужны. Просто как в сказке «По щучьему веленью». Первый раз я от души смеюсь, вот бы сфотографировать да в журнал фотографию поместить, пусть люди гадают: где это было, что значит?

Я с гордостью шла около своей развеселившейся ученицы в сторону загона, где уже собрались жители двух чумов. Все с восхищением смотрели на приближающееся многочисленное стадо оленей. Пастухом дежурил средний сын хозяина Степан. Как нравится их семье это имя: дочь зовут Степанида и сына зовут Степан. А в нашем чуме у Ламдо: сам Николай и второго сына назвал своим именем.

К нам подошли Нина Ивановна, Вера, Марина, Степанида. Хмурая коллега спросила, что такого веселого рассказала моя ученица? Та с удовольствием стала снова рассказывать, все внимательно слушали, улыбались. А догадливая Вера и говорит матери: «Харт хонёвакэнда?» – «Наверно, сама спала?» Всех развеселил её вопрос, у наших учеников появились улыбки на обветренных лицах. Покорные сыновья и молчаливый зять взяли в руки хореи. И побежали впереди стада оленей, стали пропускать оленей между собой. При этом пронзительно кричали, если какого-то оленя не надо пропускать, а надо его загнать в загон. Значит оленя приучали к стоянке в загоне. Всех громче слышен крик тихони Алексея, на уроках тише комариного писка его голос. А тут родная стихия, знает своё дело. Учить оленей стоять в загоне – это очень долгая процедура. Да и олени были непослушны, ведь они из разных стойбищ, ещё не привыкли к чужим голосам, к новому месту. Мы замёрзли, пошли в свой чум, но и там было прохладно. Мы стали разглядывать свой чум: наша половина чума была покрыта только стареньким брезентом, сшитым из палаток, которые, видно, остались от воинских частей, наверно, променяли на мясо. До кочёвки чум был покрыт оленьей покрышкой, поэтому было тепло. Может, от тяжести оставили их на старом чумовище или для надежного покрытия продуктов. А соседний чум покрыт двойными покрышками, внутри чума меховая покрышка, а поверх брезентовая. Вот и ответ, почему там всегда жарко, когда топится печка, и чум всегда тёплый, не остывает.

Альманах № 16, 2016 год

Дети-сироты

Детишки-сироты весёлой гурьбой
Меня обгоняют сторонкой,
Затеяв по ходу игру меж собой,
И смех их разносится звонкий!

Гляжу я на этих весёлых ребят, –
Их жизнь будет в будущем трудной.
Они мне напомнили вдруг оленят,
Потерянных мамами в тундре…
Я с болью в душе не могу не смотреть
На игры и шалости детства.
О, как бы хотелось мне всех их согреть
Теплом материнского сердца.

Перевод Владимира Гордеева
Альманах № 5, 2005 год

Варандэйхана

Яв′ вархана ӈэда ӈэсыхына″
Хусувэй ӈэрёй ма″ласьтына″
Сякна сырп″ – маймбцова″ яӈгусь.
Тоходанварим′ майбцоӈаваць.
Ханяӈы″ тарця″ хой′ няю сырць
Сёнзядо′ вомб″ тале ярцеты″.
Нарэй хаер″ товам′ ӈатесетыва″.
Яв′ вар нямна, хоё′ някумна ядэрцетыва″.
Хар″на″ мя″на нямна ина″ ядэрцеты″.
Тохолкодина″ сидна″ сянзьты″.
Пыдо′ ӈо″ ӈани′ харто′ яха″то′.
Нарэй яля′ пуд хэвам′ ӈатесеты″.
Нина″ хамадамба тарем′ илеваць,
Ненэй ӈацекы″ тэри′ нюдяко′.
Сеӈга′пумна парамбасьтыва″
Ӈэсы′ вархана ӈэда хардакон′
Тохолкодина″ сахарамбась,
Пыдо′ вадаха″то инзелесьтыва″.
Тоходанвава″ – саць ӈарка серць!
Несэй ялякон′ маймбасьтыва″.

В Варандее

Только задуют холодные ветры,
Осень промозглая вновь настает.
Волны в белесую пену одеты,
Море холодное плачет, ревет.
Каждую осень сюда привозили
С тундры детишек, - учиться пора!
Наши родители нам говорили:
«Будьте хорошими, дети, с утра!
Будьте послушны, с усердьем учитесь,
Грамота в тундре как воздух нужна.
За горизонты всегда вы стремитесь,
Жизнь с этим знаньем трудна, но важна».
Но постоянно за сопки манило,
Мы уходили туда погулять.
Чумов не видно. Светило садилось,
И приглашало ребяток поспать.
Слезы, они были частые гости,
Мы тосковали о мамах своих,
Все ж поступали к нам редкие вести.
Слезы печали, гоните вы их!
Ждали весну, чтоб весною, как птицам,
Нам разлететься по чумам родным.
У педагогов грустнели вдруг лица:
Жили мы дружно домом одним.
Но предстоит нам на время расстаться,
Чтоб отдохнуть до осенней поры.
Чтоб повзрослевшими снова встречаться,
Жизнь постигать до вечерней зари.

Перевод с ненецкого Л. Валей
Альманах № 11, 2011 год

Александр Чупров

Спортивное счастье Бориса Бородкина

«Нельзя навязать любовь к Родине… Надо просто создавать условия для возникновения и развития «восторженного духа», – писал русский философ Н. Бердяев. Удивительным образом содействуют процессу контакты с благородными, порядочными людьми, способными на уникальные жизненные показатели, а таковые персоны всегда в дефиците.

Вот уже более тридцати лет, каждый день с семи часов утра, жители Нового посёлка лесозавода наблюдают за бегом небольшого, седого, сухопарого человека в направлении Комсомольского озера. Никакая погода не может изменить график спортсмена. Многие знакомые считают это прихотью и напрямую спрашивают: «Борис Павлович, зачем тебе это надо?» Бросит в ответ короткую реплику или кивнет головой в приветствии наш герой и бежит себе дальше. А в памяти его, как на страницах хорошего романа, оживают воспоминания о детстве.

Рассказывали родственники, что дед Бориса служил урядником в нижнепечорском селе Оксино. Уважаемый был человек, всех жителей ближайших деревень знал по имени и отчеству, аккуратно вел документацию, всем пришедшим к нему помогал добрым словом и советом. Родители предпочли жить в Тельвиске. Отец Павел Павлович Бородкин был человек грамотный. В эпоху революционных потрясений он оказался востребованным для больших дел и трудился в Тельвисочной избе-читальне; секретарем Пустозерского Совета; переписчиком; продавцом и руководителем ПНОК (первый ненецкий оленеводческий колхоз); десятником по заготовке древесины на Екушанском кирпичном заводе; бригадиром рыбаков. В мае 1935 года успешно окончил курсы судоводителей при Нарьян-Марском порте. Стал рулевым, а как только набрался опыта, был назначен капитаном парохода «Комилес», который вместе с буксиром «Комсомолец» оказался под трагическим обстрелом немецкой подводной лодки 17 августа 1942 года около острова Матвеев. Остался жив, видел всю эту бойню своими глазами, но никогда об этом не рассказывал.

В 1933 году семья переехала жить из деревни на лесозавод. Мама, Бородкина (Истомина) Елизавета Васильевна, была до¬мохозяйкой и воспитывала троих сыновей – Бориса, Василия, Юру. Да только не сложилось что-то у родителей, ушел отец к другой женщине, и пришлось старшему сыну Борису в 11 лет (родился он 1 апреля 1932 года) стать взрослым. Мама работала на лесозаво¬де, а сын после учебы пилил, рубил, носил дрова для русской печки, что обогревала их комнату. Хлеб в военные годы стали отпускать только по карточкам.

Однажды зимой 1943 года карточки закончились. Семья голодает. Мама решилась отправить Бориса к папе, который жил тогда в деревне Никитцы, что в двенадцати километрах от города. Стоял сильный мороз. Мальчик облачился во всевозможные теплые вещи и пошел по реке. Дошел до деревни, постучался в отцовский дом. Павел Павлович встретил сына ласково – накормил, согрел, дал 3,5 буханки хлеба (невообразимое богатство по тем временам) и с попутным обозом отправил в город. Это было время светлого наивного детства.

День Победы запомнился на всю жизнь. На дворе стояла солнечная погода. Уже в четыре часа утра люди стали собираться на заводской мостовой и направлялись в сторону проходной, к футбольному полю. Некоторые мужчины играли на гармошке. Большинство было женщин, которые несли в себе не только радостные, но и печальные эмоции. Почти в каждой семье кто-нибудь погиб или пропал без вести на этой жестокой войне. Беда всех сблизила, всех объединила одной целью выжить и сохранить детей. Надежда на счастливую жизнь после долгожданной победы теплилась в душе каждого человека, с нетерпением ожидали возвращения солдат с фронта.

В 1946 году в поселок вернулся офицер-фронтовик Вениамин Фомич Носов и пришел преподавать физкультуру в лесозаводской школе № 2. Самоучка, без образования, но обладающий божьим даром влюблять в спорт детей. Лыжи, гимнастика, акробатика, волейбол не отпускали ребят из школы. Девочки и мальчики учились танцевать под гармошку, на которой их фронтовик наигрывал удивительные вариации на темы военных песен. Духовно и нравственно чистый человек делал неприметное доброе просветительное дело. На каждой большой перемене старшеклассники играли в волейбол. Если получали двойки, на секцию В. Ф. Носов не пускал. Итог такой работы отразился на первенстве школы по спорту.

Ритмично бегут ноги Бориса Павловича по извилистым тропочкам, а в голове мелькают новые сюжеты воспоминаний. В 1950 году окончил 7 классов и поступил рабочим лесопильного цеха лесозавода. Хотел быть капитаном парохода, как отец, но пришлось потрудиться разнорабочим, плотником. Мечта сбылась только в 1955 году, после окончания судоводительских курсов в Нарьян-Маре. Стал капитаном лесозаводского буксира «Красный Октябрь».

Временами удавалось на своем пароходе привозить букеты черемухи для своей любимой. В 1954 году на танцах познакомился с романтической девушкой Валей Клочковой. Два года ухаживал за ней, и только 3 марта 1956 года сыграли свадьбу.

Вскоре дом наполнился детскими голосами Танечки и Сережи. Семейное счастье требовало большого внимания, а жизнь продолжала вносить поправки в судьбу капитана. В декабре 1956 года по решению комитета комсомола лесозавода Бориса Бородкина перевели на должность заведующего клубом.

В те времена люди с удовольствием посещали очаги культуры, познавая нотную грамоту в духовом оркестре, красоту движений в танцевальном коллективе и, конечно, удовлетворяя свой азарт в партии бильярда. На танцах частенько сам с удовольствием играл на гармошке. И все-таки дворовая спортивная прививка и уроки физкультуры в школе вырастили в душе огромную любовь к спорту, заложили основы великого мастерства. Без участия нашего легкоатлета нельзя было представить ни одного лесозаводского соревнования по футболу, волейболу и другим играм. В марте 1959 года Б.П. Бородкина выбирают на должность председателя Совета союза спортивных общественных организаций Нарьян-Марского горсовета, а далее переводят инструктором окрспорткомитета. С головой ушел в новое дело, но душа требовала общения с детьми, жаждала обучать их, хотела видеть результат своей работы в победах учеников. Сегодня говорить об этом легко, а в те времена уйти из окрисполкома в школу был мужественный поступок.

Жизнь продолжалась, желание совершенствоваться в спорте было безграничным. И в 1961 году труженик спорта поступил в Ленинградский техникум физкультуры «Трудовые резервы», а затем окончил факультет физического воспитания института им. Герцена. Работе Борис Павлович всегда отдавался полностью, всеми флюидами души. Среди лыжников школ округа лесозаводские ребята заметно выделялись, да и в других видах спорта постоянно занимали призовые места. Хороший учитель – это всегда исследователь своего предмета, источник настройки ребят на труд, на успех. Какие были планы!

Господин случай продолжал делать крутые виражи в судьбе нашего учителя. В 1965 году Бородкина рекомендуют на должность инструктора идеологического отдела ОК КПСС (Окружного комитета коммунистической партии Советского Союза), ответственного за развитие куль¬туры и спорта. Благодаря этой работе наш уполномоченный по спорту побывал почти во всех населенных пунктах Ненецкого округа. Он во всех подробностях изучил проблемы спорта. Как всегда настойчиво, кропотливо стал помогать оживлять массовое спортивное движение в деревенских школах, в меру своих возможностей выполнял заявки спортсменов. Проработав два года в ОК КПСС, Борис Павлович чувствовал свою теоретическую неподготовленность для деятельности в таком органе власти, да и возникли разногласия с коллегами в решении практических вопросов. Инструктор выразил желание вернуться работать учителем физкультуры в школу № 2.

Время быстро вымывает из памяти многочисленные подробности прожитых лет, но остаются характеры, лица, поступки, победы ребят после длительных тренировок. Так уж получалось, что лучших успехов добивались трудные подростки, которые видели в своем тренере мастера по воспитанию, выращиванию азартных, выносливых спортсменов. Борис Павлович гордится своими учениками: Николаем Александровичем Чеснейшиным, Олегом Михайловичем Поздеевым, Борисом Леонидовичем Спиридоновым – все они окончили факультеты физической культуры и продолжают дело учителя в различных учебных заведениях округа.

Творческий подход Б.П. Бородкина к спорту вновь отметили окружные власти и в июле 1977 года пригласили возглавить спорткомитет окрисполкома. Новое дело воодушевляло спортсмена. В контексте подготовки страны к московской олимпиаде 1980 года стали выделяться значительные средства для стимулирования спорта на местах. В Ненецком округе строятся спортзалы в: школе № 1, зооветтехникуме, педучилище, Искателях; населенных пунктах – Красном, Коткино, Виске, Варандее, Амдерме.

Особенно красиво проходил ежегодный массовый спортивный праздник «Северное сияние». Оргкомитет под руководством Михаила Михайловича Истомина, состоявший из представителей окроно, культуры, СМИ, администрации детально разрабатывал план мероприятия и назначал ответственных за различные участки большого события. Всё начиналось с массового шествия колонн детей, школьников, производственников, известных спортсменов по улице Смидовича от морского порта к трибуне на городском стадионе. При большом скоплении народных масс проходило открытие игр, а закрытие и награждение отмечалось в городском Доме культуре.

Кроме этого события регулярно проводились сельские и производственные спартакиады – учителей, медиков и других производственных коллективов. Постепенно выросло поколение сильных лыжников в Оме, Харуте, Тельвиске, Красном. Рочев Николай Константинович стал мастером спорта СССР по лыжам, председатель колхоза имени Выучейского из Нельмина-Носа Сметанин Илья Петрович – мастером спорта по национальным видам спорта. Можно назвать прекрасную коллекцию спортивных имен в окру¬ге. Работа наладилась. Массовое спортивное движение в округе стало выдавать чемпионов.

Но как всегда оказалось, что жизнь значительно богаче всевозможных прогнозов. В 1987 году Борис Павлович вновь вынужден выстраивать линию своей спортивной судьбы. В те времена КПСС поставила в повестку дня вопросы омолаживания кадров. Нашему герою как раз подошел пенсионный возраст, и его с почетом провожают на отдых. Не желая понимать человека, время которого наполнено совершенно новыми смыслами, обогащено спортивными удачами и измеряется не годами, а состоянием души.

Родной лесозавод с удовольствием принял в свой коллектив Б.П. Бородкина уже в качестве методиста по производственной физкультуре и секретаря партийной организации. Проблема трудных детей, организации досуга молодежи волнует и беспокоит Б. П. Бородкина. Используя свой авторитет он приступает к реализации многочисленных замыслов.

В Новом поселке под его руководством в 1993 году построили детский клуб «Труд». Находят средства на закупку спортивного оборудования: тренажеров на различные группы мышц – 10 штук, 20 пар лыж, городки, настольный теннис – 5 комплектов, 2 штанги с полным набором блинов, 12 штук гирь разного веса, 8 гантелей. В 1994 году своими силами подготовили футбольное поле, изготовили трибуны на 200 мест, сделали хоккейную коробку. В 2001 году администрация округа закупила для клуба агрегат по очистке хоккейной коробки, хоккейную форму. Сегодня учреждение дошкольного образования детско-подросткового клуб «Труд» – источник гордости Бориса Павловича, его материализованный смысл жизни, но планов впереди множество: построить стадион, лыжную базу, крытую хоккейную коробку. Люди откликаются на постоянные просьбы Бориса Павловича помочь клубу в решении ребячьих проблем на общественных началах. Отказов никогда не было. Спасибо Вам, многочисленные спонсоры детского счастья!

Бежит, бежит по Нарьян-Мару наш спортсмен и дарит свое счастье и радость окружающим через улыбку, доброе слово и совет. В трудные минуты его неразлучный баян выводит любимую мелодию «Песни о заводской проходной», а неизменный девиз «Сердце людям, душу богу, а честь и достоинство оставить себе» помогает каждое утро бодро начинать рабочий день. Много личных наград бережно хранится в семейном архиве Б.П. Бородкина, а в 2004 году к ним добавился знак «Отличник физической культуры и спорта РФ». И все-таки, главное в жизни – это чувство, что тебя никто не может упрекнуть в подлости. Любимая жена с радостью добавляет: «Очень легко жить с таким мужем».

Альманах № 5, 2005 год

Любовь Царькова
Поэтесса Мария Аввакумова

«Странница русской поэзии…» – это о ней.… Десятое поколение после Аввакума, его кровь и наследница по духу, Мария Аввакумова – необычайно самобытное явление в современной русской поэзии. Горделивой статью, ликом, словом, она будто бы вышла из пространства Древней Руси и древнего благочестия. Ее поэтическое творчество – из самой глубины народной души.

Мария Николаевна Аввакумова – поэт, автор шести поэтических книг, изданных в Москве. Родилась в Архангельской области. Училась в Казанском государственном университете. Журналист, член Союза писателей России. Живет и работает в Москве. Стихи Марии Аввакумовой включены во многие сборники, в том числе, в антологию «Русская поэзия XX век». Их часто публикуют в архангельском литературно-художественном журнале «Двина»:

Прислониться к луне
1
Я не знаю уже,
хорошо или плохо:
пролетела Судьба,
пролетела Эпоха,
пролетел караван,
клин, шеренга, цепочка...

Жизнь вцепилась в меня,
как болотная кочка...

2
Дай мне, земля... дай поглядеть
тайну твою хоть бы на треть:
терпишь ли нас?
скоро ль пробьет
крайний наш час?

Люди страшны. Нелюдей час.
Мучишь ли нас?
Учишь ли нас?
Гарью полно утро Земли.
Матерь моя, определи.

Новую книгу стихов, написанных на переломе веков, она назвала «Ночные годы». В стихотворении «Закличка», открывающем сборник, читаем: «…поддержи мя, Вседержитель, я немножко тоже Русь». Поэтесса просит у Бога сил, зная, что творчество невозможно без одобрения Свыше. В старину любой труд, всякое хорошее дело начинали, благословясь, с молитвы, со смирением и мудростью. Обращаясь к высшей силе, поэтесса слагает стихи необычайно глубокие по содержанию. Нередко слова могут показаться нарочито простецкими: «Мамке Волге поклонюсь, батьке Дону помолюсь». Ощущается тот строй стихосложения, чуждый декоративности, свободный от штампов, который в начале XX века показал Велимир Хлебников. Раскованность, практически полное отсутствие «иностранных», заимствованных в последние три столетия слов…

Мария Аввакумова со своим слогом стоит в ряду тех немногих, кто радеет о жизни родного языка и выводит русскую поэзию на широкий простор. Мария Аввакумова – из хлебниковского семени «будетлян», которых гениальный поэт ждал в будущем как продолжателей своего дела. Ритмически и синтаксически сродные стихи поэтесса пишет почти столетие после него. Пишет о жизни, о смерти, о судьбах мира, о России, о себе… Ее голос смел и горько правдив. Пока «язык творит речи», Мария Аввакумова стремится из нескладности окружающей жизни – к гармонии, к вечному свету: «Все выгорит под солнцем этим, все – кроме света одного».

Состояние души в переломное время («Ночные годы» - стихи 90-х годов) поэтесса изображает с помощью поэтических картинок русского пейзажа. Русская природа холодна, она «… на грядки море выльет в огород./ А то закрутит больно ивьи руки/ да по щелям как бес заверещит…». Природа сурова. «Арктика» – называет ее поэтесса, когда проводит недолгие дни под солнцем Италии.

Русская душа под стать суровым стихиям, привыкшая выживать, делая невозможное в невыносимых условиях. Это, пожалуй, основная тема книги «Ночные годы». Нужен недюжинный талант, чтобы с большой степенью обобщения выразить современность, находясь непосредственно в ней: «…все можно заложить, продать, купить./ А то, чего нельзя, – того не стало…».

Тяготам настоящего, которое она называет «темное царство вербовщиков зла», Мария Аввакумова противопоставляет память о былинных героях Святой Руси… Она пытается поэтическим методом отыскать истину.

Воды и сады Венеции и Рима она называет райскими. И одновременно поэтесса сознает, что русскому художнику силу творить дают только родные места. Оторвавшись от них, «живой росток» превращается в «солому». Эта метафора точно отражает состояние поэтической души без животворной энергии родимой земли.

Парадоксально, но русский дух, все непокорное, свободное и сильное столетия подряд от тепла юга устремлялось на Север. Здесь люди до последнего времени сохраняют неповторимую самобытность русского. Мария Аввакумова, рожденная русским Севером, из их числа. В своем творчестве она не только воплощает народность в современной русской поэзии, но и с новым словом выходит в третье тысячелетие. Чтение таких стихов – это сотворчество с автором, обновление читательской души. Основная идея ее стихов – есть в мире то, чего нельзя купить! Сила в добре, правде и ни в чем ином. Недаром они звучат как заклинание: «Ничего у мучителей наших не выйдет!» Придет конец затяжной непогоде под «сирой российской звездой», когда «дрожат губы от обиды за народ и страну». Вера в это у русской поэтессы неколебима.

Альманах № 5, 2005 год

Ольга Пашун
В глубине души моей

***

Платье украшаю и пою,
Бусинку за бусинкой нанизывая.
Я слова из воздуха ловлю
И дарю тебе их, не прилизывая.
Отзвенев, они зажглись в тиши
Звёздочками на небесном блюде.
Это состояние души
С давних пор любовью звали люди.

Альманах № 4, 2004 год

***

Отпусти его, не мучай,
Пусть летит листком осенним.
Это только частный случай,
Не всемирное крушенье.
Ты умна, красива, лучше
Многих девушек на свете.
Отпусти его, не мучай,
Он – цветок в чужом букете.
Отпусти его, не мучай,
Может быть, на расстоянье
Солнца отблески сквозь тучи
Он заметит. И сиянье
Осветит ему дорогу,
Возвращая горной кручей
По сыпучему отрогу...
А сейчас пусти, не мучай.

***

Этот город солнцем соткан:
Яркий луч, упав с небес,
Пробежит по перекресткам
И нырнет в ближайший лес.
Двери – настежь спозаранку!
Потянувшись ото сна,
Окнами скрипят, зевают
Деревянные дома.
Стены выдохнут волною
Аромат душистых смол,
Раскрывает над главою
Небо царственный престол.
С ветерком небесный ладан
Прилетит через ручей –
Этот город Богом создан
В глубине души моей.

Альманах № 10, 2009 год

***

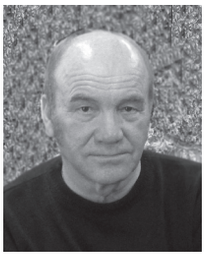
По переулкам в нудный дождь гуляя,
по каплям собирая новый стих,
я благодарна тем, кто свет включает,
мне помогая в поисках ночных.
Фонарь моргнет устало и печально,
взорвется перегретая спираль.
Чтоб в лужу не попала я случайно,
распятья окон лягут на асфальт.

***

Как рассказать о буре чувств,
подняв над лодкой парус
или услышать, как хрустит
на вышивке стеклярус.

Как мне поведать о лучах,
что посылает солнце,
О любознательных грачах,
влетевших к нам в оконце.
О растянувшемся коте
на тепленьком крылечке,
и о березовых дровах,
горящих в русской печке.
Как заплести в узоры фраз
обломки острых слов
и увидать в глубинах глаз
спасенную любовь.

Альманах № 17, 2017 год



Сергей Тарабукин
Жизнь есть сон

Луга начинались за протокой, и сенокосчикам приходилось каждый день переправляться туда на большой деревянной лодке. Перевозил их мальчик, которому за это начисляли трудодни. Работа была не тяжёлая, но ответственная: лодка должна была каждый день в определённое время стоять у берега, чтобы люди могли утром попасть на сенокос, а вечером – домой. Да и днём чтобы была на подхвате: мало ли?

Но однажды вечером, когда колхозники после работы подошли к протоке, лодки на месте не оказалось: ее кто-то перегнал на противоположный берег. И мальчику поневоле пришлось сплавать за ней.

Через много лет он, будучи уже в годах, рассказал мне про этот случай и поведал, как побывал между жизнью и смертью.

– Видно, хранил меня Бог, раз не дал тогда утонуть, но зато потом не раз подавал мне какие-то знаки, чтобы, значит, помнил и не забывал о тонкой грани между жизнью и смертью.

– Сама протока, – продолжал он, – или полой, как мы его называли, была не очень широкая, но я ее никогда до этого не переплывал, так как плавать почти не умел. Глубина, хотя и была небольшая, но взрослого человека вода с головой закрывала, а уж пацана, с моим-то ростиком, подавно. Сейчас уже не помню, куда я отлучался, но к берегу вечером подошёл одновременно с сенокосчиками.

– Тебя зачем сюда поставили? – завозмущались сразу все, – плыви, давай, за лодкой, тебе за это деньги платят. Не ночевать же нам здесь.

Нет, они меня на смерть не посылали, просто само собой подразумевалось, что все мальчишки хорошо плавают. По той же причине, наверно, и мужики не полезли в воду. Пацаны постарше с радостью сплавали бы на тот берег, милое дело перед зрителями, но они на лошадях в другом месте переправлялись.

Поплыл я, но на поверхности недолго продержался: стало тянуть ко дну. Но, то ли со страху, то ли, действительно, кто-то хранил меня, я, набрав в лёгкие побольше воздуха, сам нырнул вниз и там, цепляясь за дно пальцами, стал продвигаться к противоположному берегу. Когда начинал задыхаться, выныривал, набирал в себя воздух и опять опускался на дно. И так несколько раз, пока не выбрался на берег. Да, чуть не утонул, но, веришь, даже не испугался. И, вот, однажды в этой же протоке тонет взрослый мужик-односельчанин. Когда его нашли и вытащили на берег, у него скрюченные пальцы были в иле: дно там илистое. Видно, тонул и, ещё живой, хватался пальцами за дно, цеплялся за жизнь.

А ведь и у меня тоже все пальцы тогда были в иле и сейчас, на берегу, глядя на утопленника, я как бы себя видел со стороны. Вот тогда мне стало страшно: запоздало, но всё же догнал меня страх. Ночью заснуть не мог: думал, кондрашка хватит.

Со временем, конечно, отпустило, только сны странные начали сниться. Не то чтобы часто, но периодически.

Представляешь, в каждом сне – вода. Без конца и края. И, главное, никогда не помню, каким образом я оказываюсь на этой бескрайней водной глади. Только фрагменты. Выхожу я будто из метро или из подземного перехода на поверхность, а наверху до горизонта – вода. Хочу обратно вниз, но уже нет ни метро, ни перехода: кругом вода. Иногда уже плыву куда-то в этом море воды, но опять же без страха. И всегда – в полный штиль, даже ряби не бывает. Случается, правда, катит на меня по зеркальной глади высокая-высокая волна, и я с каким-то даже удовольствием стремительно взмываю на ее вершину, но даже оттуда ничего, отдалённо напоминающее берег, не вижу. Куда потом всё это девается, не знаю. А, ведь, не просыпаюсь.

Просыпаются обычно от страха, но страха-то у меня нет. В общем, странно всё это! К чему на попе бантик? То ли напоминание, то ли предостережение.

– А ты в сонник не заглядывал? Да и полно сейчас всяких, гадателей, предсказателей, поинтересовался бы.

– Не хочу. Скажут – утонешь, а потом думай, переживай… Мнительный я очень.

Как-то днём забылся я в коротком сне перед телевизором и, как наяву, увидел своего товарища. Без эмоций, глядя куда-то мне за спину, он рассказывал очередной свой сон.

– Задыхаясь, лихорадочно всплывал я сегодня наверх из тёмной глубины, но страха, как всегда, не было. Наконец, вода начала светлеть, и я вынырнул на поверхность. Увидел берег, не очень далеко. На берегу сидели люди, исходил от них какой-то особый дух доброжелательства и спокойствия, всё дышало радостью и любовью. В кустах пели птицы. Оперенье птиц и одежда на людях была небесного и ярко-красного, почти бордового цвета необыкновенной красоты. Таких красок я при жизни не видел…

Октябрь 2018 года

Игорь Лавриненко
Где полярная ночь укрывала снега

Нарьян-марский апрель

Вот уже потянуло теплом с берегов,
Где я в детстве мальцом обретался,
И неслышною поступью
лёгких шагов
Через тундру апрель пробежался.
Он бежал, не касаясь домов и дорог,
По изгибам буранного следа,
Он промок по дороге и сильно продрог,
И тепло растерял своё где-то.

Он оставил его в Ярославских холмах,
На далёких излучинах Волги,
Он был щедрым для всех,
да забыл впопыхах,
Что на Север бежать ещё долго.

А когда добежал – оказалось, нет сил,
Оказалось, здесь снег и не таял,
До него тут с метелями март колесил,
А потом всё, как было, оставил.

Тут апрель приуныл, и была, ни была
Что осталось – отдал раньше срока:
Каплю света для тундры и каплю тепла,
И растаял над Куйской протокой.

Но слегка покачнулась зимы колыбель
После капли апрельского света,
Знать, не зря куролесил усталый апрель
На изгибах буранного следа.

Альманах № 5, 2005 год

***

Где полярная ночь укрывала снега,
И ложился туман, словно серый кафтан,
Там в июле цветут на Печоре луга,
И колышется в тундре цветов океан.

Синевою наполнен небесный шатер,
Мир, как белый песец, изменяет окрас –
Превращая снежинки
в цветочный ковер,
Может сам по себе, а быть может для нас.
Чтобы мы оставались на этой земле,
Несмотря на полярных ночей холода,
Дарит нам красоту и купает в тепле,
От которых уже не уйти никуда.

Альманах № 10, 2010 год

Пахнет дымом далеких дорог…

Пахнет дымом далеких дорог,
Мы с тобою счастливая пара,
Нам охотничий старый балок,
Как кому-то дворец на Канарах.
Шум винтов и короткий полет,
Север Крайний опять околдует,
Нас как прежде к себе позовет
Старый друг – добрый остров Колгуев.
Как бесхитростный теплый мотив
Расплескались зеленые дали,
И гагар заунывный призыв,
Как вокал в переполненном зале.
День за днем уходили в маршрут,
Каждый раз чудеса открывая,
Ведь не зря понимается тут,
Что Земля, как и люди, живая.
Здесь ты чувствуешь вечную связь
И ответственность всех поколений,
Не купить, не продать, не украсть
Красоту этих дивных мгновений.
Мы расстанемся на рубеже –
Осень летние краски задует,
Но навек сохранится в душе
Этот сказочный остров Колгуев.

Альманах № 17, 2017 год

Ирина Коткина
Истории из ЧУМотеки

Рыбология на страже семьи

Семейная жизнь НАОпланетян не омрачена скандалами на тему ухода главы ячейки общества на рыбалку, потому что по данному адресу глава отправляется со всеми звеньями ячейки – женой, детьми, котами, собаками и хомячками. Рыба в НАО – не только ценный продукт, но и оплот семейного благополучия.

Истинность этой аксиомы можно воочию наблюдать на традиционных турнирах по рыбной ловле в честь Дня рыбака, которые проводят на реке с кратким посылом – Куя.

Когда ЧУМработница упоминала главу семьи, она была не точна в формулировках. В НАО двигателями прогресса и локомотивами истории зачастую становятся дамы.

Они не уступают сильной половине в жизненной хватке, навыках добывания хлеба насущного и выстраивания отношений на базе совместного времяпровождения и сумасхождения.

При этом мужчины не теряют первенство и не переваливают ответственность на милых подруг. Как истинные джентльмены принимают, понимают и снисходительно позволяют любимым сумасбродкам порулить и почувствовать себя центром вселенной.

Всем от этой негласной договорённости – счастье. Дети растут спокойными, неревучими, плавучими, а компьютеру предпочитают удочку, червячка с опарышем, водное созерцание и умиротворение вкупе с доброй порцией адреналина и первобытного счастья.

Замечено: если рыбачке в интересном положении всё больше попадаются язи да лещи – будет мальчик; если сорога или, тем паче, щука – жди девчонку; если те и другие в примерно одинаковой пропорции – двойня!

В обстановке полного семейного взаимопонимания и коллективного сопереживания даже лайки начинают музыкально лаять, таксы – доходно таксовать, а спаниэли по утрам подают эль в постель.

Даже обитатели приюта для бездомных кошек и собак от такой рыбной политики получают регулярные дивиденды в виде свежевыловленных приятностей на обед.

Можете вообразить, дорогие друзья, насколько отработана технология укрепления семейных уз в тех уголках НАО, где рыба сама выпрыгивает из рек, морей и тундровых озёр прямиком на сковородки и в бочки для засолки!

В далёкой Усть-Каре, к примеру, младенцы ходят на рыбалку, ещё не умея ходить, школьники учат таблицу умножения на собственном улове, а взрослые перепоручают чтение сказок Пушкина на ночь Золотой рыбке.

Пусть всегда будет Рыба! Пусть всегда будет НАО! Пусть всегда будет Клёв!

Как ЧУМработница апельсины в тундре собирала

Можете не верить, дорогие друзья, но за много-много лет жизни в НАО ЧУМработница впервые сходила в тундру по морошку, которую за божественный вкус и многоформатную пользу уважительно называют то царской ягодой, то северным апельсином, то болотным янтарём.

Обычно хозяйка ЧУМотеки составляла список тех, у кого эта ягода априори водилась, то есть тех, кто летом не на заморских пляжах попу грел, а на тундровых плантациях спину гнул. Списочек, значит, составляла, а потом в гости приходила, скромно усаживалась поближе к мисочке с заветным лакомством и мгновенно содержимое в одиночку уничтожала.

Нынешнее лето в НАО чуть подзадержалось, так что и морошка созрела попозже –настолько, что ЧУМработница успела лично ей поклониться. А может, просто друзьям надоело кормить любительницу дармовщинки, вот они и взяли её с собой, чтобы на себе почувствовала, почём фунт ягод.

По обеим сторонам Лая-Вожской дороги в сторону Коми республики на многие километры – согнутые спины старателей-морошечников. В одиночку и целыми семьями, с вёдрами и набирушками наперевес, в едином порыве заготовить солнечную ягоду впрок, чтобы грела долгой полярной ночью.

Идеальная для сбора погода – когда солнце и ветер, а значит, мошка и комары не замучают. Как раз такое августовское счастье и стояло на момент визита ЧУМработницы в морошковые плантации.

В поездку собрала всё необходимое – дезодорант для случайных вампиров, обеденный перекус, без которого в тундру ни ногой, маленькое ведёрко и два больших ведра, чтобы потом не жалеть, что тары не хватило.

Уже через полчаса брожения по мягкому мху в форме буквы ЗЮ стало понятно, что два ведра – утопия, а морошка любит не только ножки, но и другие части тела, в особенности спину и однокоренные с ягодой части тела. Не менее сложным оказался сам факт донесения ягоды до искомой тары, минуя рот! Вспомнились стихи любимого поэта Алексея Пичкова.

По тропинке, по дорожке
Собирать идём морошку.
У речушек,
у озер

Выткан розовый узор.
Этих вкусных спелых ягод
Нам не съесть, наверно,
за год.
Брызжет,
брызжет алый сок,
Две морошки в туесок.
Ну, а третью –
эх, народ,
Собираем прямо в рот!

Пусть не третью, но пятую ягодку ЧУМработница точно в рот отправляла, ибо самое вкусное в морошке – это морошка с куста.

Добрая знакомая ЧУМработницы, Юлия Ледкова, рассказывала, что на острове Колгуев, где морошки страсть сколько много, её собирают лёжа, поворачиваясь по кругу на ягодной поляне.

ЧУМработнице такое злачное место найти не удалось, поэтому к концу третьего часа она мечтала лишь о том, как бы поскорей вернуться к машине и принять более органичную позу. Лично сознаться в малодушии не хватало сил, поэтому призыв подруги попить чаю она восприняла как избавление от мук. Такого божественного обеда из бутербродов с сёмгой, домашних огурцов и оладьев она давно не припомнит.

Собранные литры ЧУМработница с гордостью продемонстрировала домашним, угостила, не забывая контролировать количество съеденного, остальное упаковала и заморозила «на лучший день».

Когда же ягодный пост появился в ЧУМотеке, запоздало подумала: «Зачем похвасталась? Набегут сейчас дармоеды на мою дорогую морошечку!» А потом ещё немножко подумала и заменила в названии поста морошку на апельсины – авось не догадаются?

Авторская подборка

Валентина Горчакова
Край любимый

***

Край любимый стал мне сниться,
В сердце изморось и мгла,
Дней прошедших вереница
Робко в памяти всплыла.

Снег скрипит, простору много,
Коль зима расстелет шаль.
Лаявожская дорога
За собою манит в даль.

Подойду к берёзке хрупкой,
Нежно трону снег с ветвей.
Потревоженной голубкой
Боль слетит с души моей.

И, разнежившись лениво,
В небе полная луна
Вдруг прошепчет шаловливо:
«Не грусти, и я одна!»

***

Зимушка-подружка
Рассказала сказку ночью мне зима,
Как в лесу блуждала, прятала дома.
Утомилась всюду вешать серебро,
Раздавая щедро всё своё добро.
Подлетев к окошку, улеглась в сугроб,
Постучав немножко, подошла я чтоб.
Я с улыбкой грустной говорила ей:
– Облачком пушистым ты меня согрей,
Чтоб могла лететь я через белый лес…
Путь мой освещала звёздочка с небес.
Я снежинкой малой на плече твоём
Притаилась, зная, что с тобой вдвоём.
Тех часов волшебных больше не вернуть,
Я ж зимы подружка – мне в обратный путь.
Чтоб весна-шалунья не сожгла меня,
Полечу на Север на исходе дня.
К вечеру вернувшись, стану я опять
Вновь с зимой-подругой ночи коротать.
А весна захочет подружить со мной,
– Полечу я к югу с тучкой дождевой.
Капелькой-дождинкой съеду по щеке,
Влажный след оставлю на твоей руке.
Ты нахмуришь брови,
спрятав смех в усах,
Искорки запляшут у тебя в глазах!
Зацветёт весною сад в чужом краю –
Снова мне напомнит зимушку мою.

Альманах № 5, 2005 год

***

Лунный свет проникнет легкой дымкой,
Разгоняя сны, лелея грусть.
Ночь пройдет лукавой невидимкой
Только ей известный вечный путь.

Вслед за ней струится шлейф лиловый,
В переливах радужных искрясь.
Ветер в небе шарфик бирюзовый
Спрятал в тучи, явно веселясь.

Украшая звездами прическу,
Ночь глядится в зеркало реки,
Отодвинет берега полоску,
Сбросит с ног усталых башмаки.

По росе пройдет она босая,
Сохранив душевное тепло,
И, внезапно крылья распуская,
Спрячет всех влюбленных под крыло.

Альманах № 7, 2007 год

Валерий Ледков
Живём мы дружно

Бабушкины шаньги

Сушки, вафли и печенье,
Мама, в вазу не клади!
Ты забыла? Воскресенье,
Воскресенье впереди.
Отложив дела до буден,
Затопив пораньше печь,
Шаньги бабушка нам будет,
Будет шанежки нам печь.
Печка топится, дымится,
Весело трещат дрова.
А у нас опять творится
Что-то вроде волшебства.
Просто всё. Куда яснее?!
Каждый сможет также, но
Чем у бабушки вкуснее
Шанег нету всё равно.
То смеясь, то пререкаясь:
«Чур, я первый!», «Я первей!»
Чистим, пальцы обжигая,
Мы картошку для пюре.
Керосинка освещает
Печки жаркое нутро,
Где, румянясь, дозревает
Кругляшей неровный строй.
Из печи лопаткой вынуть,
Масла крылышком мазнуть...
Ешь, не жди, когда остынут,
Да о гостях не позабудь!
А гости будут непременно.
Разговор не о делах...
Воздух детских воскресений
Духом шанежным пропах.
Что сегодня воскресенье? -
День как день, один из дней…
На столе опять печенье,
И немного грустно мне.
Что жизнь радостей лишает
Грех мне жаловаться, но...
Только бабушкиных шанег
Я не пробовал давно.

Носовая

На картах не найти её названья
И в кассах не купить туда билет.
И всё же, несмотря на расстоянья,
Для нас дороже места в мире нет.
И до сих пор она ночами снится,
Деревня - та, которой больше нет.
И молоды опять родные лица,
Как будто не прошло десятков лет.
Мы снова, в море камешки бросая,
В губе Болванской «блинчики печём».
Живём мы здесь, в деревне Носовая.
А вот и дом наш рядом, за ручьём.
Живём мы дружно, пусть и не богато -
Ведь лишь недавно кончилась война.
Мы победили в ней фашистских гадов.
Мы - самая великая страна!
У мамок наших - вечная работа.
(Колхозный труд не знает выходных)
А папки не у всех вернулись с фронта.
И мы, как можем, заменяем их.
И мы горды, что наша Носовая -
Такая очень нужная стране.
Мы - рыбаки! И, рыбу добывая,
Мы делаем страну ещё сильней.
Мы здесь живём одной большой семьёю,
Где все - за одного, один - за всех.
Рекордные уловы и надои
Нас радуют, как личный наш успех.
А в трудный час: ведь всякое бывает,
И штормы здесь такие, что держись!
Мы знаем - с нами будет Носовая!..
А впереди у нас ещё вся жизнь!..
Как вышло так, что наша Носовая
Вдруг оказалась не нужна стране?
И камешки здесь больше не бросают...
И дома за ручьём давно уж нет...
Жизнь изменилась, и страна другая...
Все нынче как-то сами по себе…
Но только всем нам снится Носовая,
Деревня на Болванской на губе.

День оленя

Лето. Августа рожденье.
Тундра. Стойбище. Простор.
Объявляет День оленя
Всем оленеводам сбор.
Этот праздник, без сомненья,
Ждёт любой оленевод,
Ведь венчает День оленя
Трудных будней целый год.
Пролито немало пота.
Полон каждый день забот.
Нелегка твоя работа,
Тундровик-оленевод!
Велико твое терпенье –
Кто был в тундре, знает тот.
Но сегодня – День оленя,
Праздник твой, оленевод!
Покажи свои уменья:
Силу рук и зоркость глаз.
Ведь сегодня – День оленя,
Он в году всего лишь раз.
Нарты мчи - не трать мгновенья,
И точней бросай тынзей.
Это праздник – День оленя,
Это праздник тундры всей!

Звон струны и бубна рокот,
Звуки песни рвутся ввысь…
Стол накрыт, чтоб – к локтю локоть –
Вновь за ним все собрались.

Лето. Августа рожденье.
Тундра. Стойбище. Простор.
Отмечают День оленя
Люди тундры с давних пор.

Авторская подборка

Елизавета Выучейская
Дерево

На занятиях воспитательница дала задание изобразить родовое дерево.

Егорка быстро сообразил, как и что ему нужно рисовать. У ствола дерева должны были стоять два дедушки и две бабушки – это родители мамы и папы. Папиных родителей Егорка не видел давно, потому что они живут далеко. Туда надо лететь на самолёте, а потом долго ехать на поезде. Егорка съездил бы к ним в гости, но мама почему-то ехать туда не хочет. Жили бы они неподалёку, как родители мамы, Егорка встречался бы с ними хоть каждый день.

Изобразив родовой ствол, мальчик собрался рисовать ветки дерева. Их должно было быть много: мама и папа, дяди и тёти. Егорка старательно нарисовал мамину ветвь, хотел приступить к папиной ветке и в нерешительности остановился. Заглянул в рисунок своей соседки Насти, она уже справилась с рисованием веточек и рисовала своего папу, он у неё получился красивым, с большими пушистыми усами и в шляпе.

Папа у Егорки есть, и мальчик часто видит его, но как его рисовать на дереве, если он с ними давно не живёт?

Почему ушёл папа, Егор не помнит. Поначалу он скучал и часто спрашивал маму:

— А где папа? Он когда придёт?

И мама говорила всегда одно и то же:

— Папа уехал на работу. Придёт, когда приедет.

Но шёл день за днём, а папа не приезжал.

Однажды Егор смотрел в окно и увидел, как у соседнего дома остановился чёрный автомобиль. Это была папина машина.

— Папа! Папка приехал!!! — радостно закричал малыш.

Мальчик сорвался со стула, вскочил на стол, попробовал открыть окно, но мамины руки подхватили его сзади.

— Нельзя на столе стоять, — спокойно произнесла мама, — и окно нельзя открывать, простудишься или выпадешь, ты этого хочешь?

— Мама! Но там же папа! Папка с работы приехал!

Мальчик снова метнулся к окну, увидел, как открылась дверца машины. Из неё действительно вышел папа, поставил машину на сигнализацию, небрежно положил ключи в карман. Егорке каждый жест папы был хорошо знаком. Наблюдая за движениями отца, мальчика охватывала необъяснимая радость. Сомнений не было – это был он. Ещё мгновение, и папа повернёт к знакомому крыльцу, легко взбежит на него, и раздастся долгожданный звонок в дверь…

Но папа направился к подъезду соседнего дома.

Вечером из разговора мамы и дедушки, который Егорка нечаянно подслушал, он узнал, что у папы в соседнем доме появилась девушка, которую он любил. Что это значило? Папа полюбил девушку, а Егорку, маму и сестрёнку перестал любить?

«Неужели мы такие плохие, что нас любить нельзя?» — с горечью думал мальчик.

Однажды вечером, когда всех детей забирали из детского сада, за Егором пришла мама. Егор уже был одет, оставалось только зашнуровать ботинки. Он был поглощён этим нелёгким занятием, когда услышал прямо над собой звонкий вскрик Насти:

— Папа!!! Папа пришёл!!!

Егорка от неожиданности вздрогнул, встрепенулся и хотел уже рвануться навстречу папе, упасть в его объятия, задохнуться от радости и очутиться в родных крепких папиных руках. И опять мамины руки мягко удержали Егорку.

— Егорушка, это Настин папа пришёл.

И в самом деле, Настя уже сидела на руках своего папы, смеялась и обнимала его, а он щекотал её щёки своими пушистыми усами.

Что-то дрогнуло в душе Егора, и он горько заплакал.

Вечером мама долго разговаривала по телефону с дедом и бабушкой, потом набрала новый номер и тихо сказала в трубку:

— Алло! Привет, Андрей!

— Мама, это папа?! Можно, я с папой поговорю по телефону?!

—На, поговори, — неожиданно быстро согласилась мама и приставила к его уху телефон.

— Папа!!! – закричал что есть силы в трубку Егорка.

— Ну, привет, сын, — услышал мальчик знакомый голос. – Чего молчишь? Рассказывай, как дела?

«Какие дела? Что дальше говорить?» — растерялся малыш. Он помолчал немного, а потом выдохнул:

— Папа! Приходи за мной в садик! Завтра приходи!

— Лады, сын, договорились. Приду завтра.

— Ура! — закричал Егор и запрыгал от радости так, что чуть не уронил телефон на пол.

Мама ещё долго разговаривала с папой по телефону, а Егор наблюдал за выражением её лица, радовался каждой маминой улыбке. Жизнь налаживалась. Раз мама улыбается, когда разговаривает с папой, значит, он её снова любит. А завтра папа придёт за ним в садик, и Егорка точно так же, нет, даже сильнее, чем Настя закричит:

— Папа пришёл!

Его радостный крик услышат все воспитатели, нянечки и ребята. И все будут знать, что и у Егора есть папа, и он его любит. А потом папа возьмёт Егорку за руку, и они пойдут домой. И по дороге Егор попросит, чтобы папа больше никуда не уходил. Только надо как-то по-особенному и очень старательно попросить, чтобы папа сразу согласился.

На другой день Егорка долго ждал в садике папу. А папа всё не шёл и не шёл. Уже всех ребят по домам разобрали, и остался Егор в садике один. Он грустно смотрел в окно и ждал, когда же появится папина машина. Но её всё не было. Невообразимое одиночество охватило Егорку, и он заплакал. Плакал тихо и незаметно, чтобы не узнали о его слезах ни воспитательница, ни нянечка.

Тем временем воспитательница позвонила куда-то, и за Егором пришёл дед – мамин папа.

И тут Егорка почувствовал непонятно откуда взявшуюся досаду и горечь, такую, что слёзы сами собой выкатывались из глаз. И он понял, что папа никогда не вернётся в их дом, и уже неизвестно, есть ли у него папа? Потому что папа почему-то стал чужим, а чужие люди папами не бывают…

Родовое дерево Егор нарисовал, только веточка на дереве была одна, под ней он поместил маму. На веточке висели два яблока, которые обозначали старшую сестрёнку Яну и его, небольшого ещё по сути человека – Егора.

18.04.2012
Авторская подборка

Александр Салов
Уходила Осень

***

Мы заменяем
суетою счастье,
живём не по любви,
а по понятьям.
Мы заменяем
небо на ПК,
«До скорой встречи» –
на небрежное «Пока».
Мы заменяем тех,
единственно нам нужных,
на многих, но дешёвых
и услужливых.
Мы заменяем
разум на расчёт…
Но отчего же
сердце ночью жжёт?
И отчего
забыть я не могу
Её?
Незаменимую...
Одну

***

Облака покидали леса,
Уходили они в небеса.
Но цеплялись за облако кроны:
– Вы куда так спешите, гулёны?
Неужели так плохо вам с нами?
Осуждая, качали ветвями,
– Вы сидели бы лучше бы дома,
Где царила зелёная дрёма,
И в болотах застыла истома.
Заворчали угрюмые ели:
– На иголках туманом висели
Облака утром ранним;
Мы их больше нянчить
не станем….
Но, умывшись хрустальным
ручьём,
Так легки облака на подъём.

Облака покидали леса,
Уходили они в небеса...

***

Приходила Осень,
Приходила в гости,
Плакалась родимая:
«Что-то ломит кости,
Что ж я не счастливая?
Истопил бы баньку,
Да дубовым веничком
Блажь мою осеннюю –
С пяточек до темечка…
Да из печки шанежек,
Клюковки настоечку,
Зеленух поджаренных,
На растирку водочки.
И побольше к водочке
Квашеной капустки,
Яблочек мочёных,
Куропаток грудки.
Да соседку Дашку
Пригласи, на пару
С нею мы попаримся
У тебя на славу»…
И с морозцем ранним,
Нежная, красивая,
Уходила Осень –
Женщина счастливая.

***

Ещё веселия набат
По венам кровь галопом гонит,
Но уж веселию не рад,
Ведь сердце боле не тревожит
Любимых глаз прощальный
взгляд.
Пусть ты уходишь навсегда
В печальный полумрак забвенья,
Где незабытые года
Оставят в памяти влеченья –
Страстей сердечных маята.

Там, беспросветный взгляд у края –
Застрявший в горле тихий крик,
Судьбы прошедшей боль большая,
Что в безнадёжности возник –
Мне тихо вымолвит, прощая…

И сердце вдруг сожмёт до слёз –
Златая Осень поседеет,
Когда непрошеный мороз
Деревья инеем оденет –
Предутренней вуалью грёз.

Авторская подборка

Галина Тайбарей
Хад пухуцяко – Старушка Пурга

Пихина вэва нум′ выварңа. Сата мерця сюдарць мя″на″ хэвувна сюра посарңа, еяна″ ңадпи″.

Нюдяконэ ив таңга
Лате″э мякэйнанов″,
Сядэй сюдбабцамэй
Ңари″ ханабатов.
Сейковэй, сейхавав
Ңод″ нянаңэй″ мэю.

Тарця вадаха″на сёнзяков хыно″ңов, ихинан мань ңани′, хад пухуцякоход пинвав тарця сёхона ңаха″, хэвня' ңэдарамбив.

Хад сюдармахана мя″на ңу″ харто′ хынабцамдо′ мэ″ңа″, теневана музыкантна″ ңуда″ сибицювна рояль′ клавиш″мана хад пухуця′ ңарка хынабцм′ сянакутнарха. Мяканана″ иба, ихинана″ ңо″ нянов″ сава. Ея тодабцова″ ңарка тухуна паны, пякуцида сававна лэйна″, ңарка ңамзасавэй едва″ пина, сяйникна″ ңод″ сюдарць хыно″ңов″. Мань пинвав ңули″ яңгу, мякан′ енадм′. Хуркари″ нумгад сидна″ ңэдаңгу.

– Нуңгов, пили″ тарем′ ңахат ңась, – вэсакорка″ ирин сюдбабцан′ инзеле″, ма″.

Ңоликари″ макудан′ ңэвана″ илсетына″, луца′ вадавна масьтыва″:

– Господи, благослови. Ехэрана вадам′ школан′ хэ″мяхадан тохолаңгув. Мя″на″ ңацекы″ каникулха′ тобто′ луца′ вадавна мал′ лахана″. Ёнеко тидекав Малнана ңэ нюмдембив, саць сававна тикы вадахана лахана.

– Хад пухуцява″ няна″ сацей нены ню″. Няна″ пон ненвамда парпи! – Меретава″ ма. Мунзилабт Ульяна хакэва″ тяха ханада:

– Харвабта мяканана″ ида вэва нява″ танядакы, харвабта хибякохова няханд а нендакы? Маня″, ңацекэңэ, сэв″ ялкадарць, няхана» сырць ңобкана манзь ханава″:

– Яңгов! Яңгов! – тарцяна″ мякнана″ яңгу″. Ванеработё ңарка нина″ мунзи″ вадава″ няда″, вэтла″. Хадакэна″ ихина вадава″ сейханда сававна теба:

– Хад пухуцяр сидна″ нёя хонарку″! Вы′ява″ нерняри′ нубта, тына″ седа″мана хадырма таняб″, нядэйкодо′ сэр″ тоңгана лехэбтёва′ ңэсонд′, тарем′ ңобнзер″ тяха′ илеңгува″. Янамбовна вадамда ңани′ сер″мана ханада.

– Тюсам′ тю″уку илаб″ сава ңэдараха? Мерцямда несэйвана нэкалтархада, хувыкохона хадкова″ хасерты″. Нянов″! Нянов″! Сёнзякодов Хад пухуцяконов″ нянов″ вэбтый, мэю. Си″ив яля, си″ив пи′ ямбан юндарма ваданда малм′ ңатевы.

– Теда′ ңацекэку″, теневада″ ненвам′, вэва им′ мэць ни′ тара″, валакада нясъюмба, нина″ сахарамба ныхытава″, мэюва″ ңэңгува″, – ибета хадакэва″ ма.

Пухуко Хад хасертаны″, ея″ мале ни′ ңадпю″, вэнеко″ мад″ хахая со″, тикы сава Нум′ пэрңа″. Мякна″ мэнаха″ тэ″на мэна товам′ хонра″.

На улице, слышно,
разыгралась непогода. Сильный ветер со свистом кружит вокруг нашего чума, рвет нюки.

Мне, малышке, спокойно
В чуме нашем широком,
Если Сядэй – сказитель
Песню споет сюдбабц.
Сердце моё окрепнет
Подвигом сильных и смелых.

Такими словами поёт моя душа, я в мыслях отгоняю страх перед стихией Старушки Пурги.

Под вой пурги шесты нашего чума поют свою песню, будто музыкант известный, легко касаясь клавиш рояля, играет симфонию Хад пухуци-Пурги. В чуме тепло, уютно. Печка-буржуйка охвачена пламенем яркого огня, весело трещат поленца, бурлит котел с ароматным мясом, мелодично свистят чайники на плите. Мне совсем не страшно, я доверяю чуму. Он защитит от любой непогоды.

– Выстоит. Так было всегда, – переговариваются старики, слушая сюдбабц в исполнении моего дяди.

Изредка поднимаем головы к макодану:

– Господи, благослови! – Это слова из другого языка, русского. Неизвестный мне язык выучу, когда пойду в школу. Все дети нашего стойбища, приехав на каникулы, говорят на чужом языке. Двоюродного брата, шутника и весельчака, называли Малнана Нинека. Он лучше всех освоил русский язык.

– Рассердилась Старушка Пурга. Разыгралась не на шутку! – слушая сказителя, сказал Мерета. Немногословная бабушка Ульяна продолжила:

– Может, в чуме есть обиженный? Может, кто-то на кого-то сердится?

Мы, дети, сверкая глазками, переглянулись и хором отвечаем:

– Нет! Нет! Таких в чуме нет.

Взрослые с улыбкой поддержали нас. Бабушке пришёлся по душе наш ответ:

– Незачем Старушке Пурге нас проверять. Так дружно жить будем всегда, пока стоит наша земля, пока пасутся на отлогих сопках олени, и ягель на ней лежит белым одеялом.

Незаметно разговор перевела:

– Не поднять ли повыше тюс? Ветер переменился, к утру непогода утихнет. Ох! Ох! Характер и нрав нашей Бабушки Пурги строг и крут, семь дней и ночей ждала ответ на свой вопрос.

– Теперь, дети, вы знаете, сердиться и обижаться нам нельзя. Только в дружбе и заботе мы будем сильны, – сказала наша мудрая бабушка.

Старушка Хад воет уже тише, нюки не рвёт, лай собак слышен близко и отчётливо. Это к хорошей погоде. Они первые оповещают о приезде пастуха-оленевода.

Владимир Орлов

Берег надежды

Фрагмент рассказа

Тёплым июльским утром, когда багровый диск солнца поднялся над горизонтом, красно-белая яхта тихо причалила к пирсу яхт-клуба Архангельска. На борту яхты красовалась чёткая надпись «Грей». Уставшие, обросшие щетиной яхтсмены пришвартовали яхту к пирсу и скрылись в кубрике.

– Ну, что, мужики! Половину пути, считай, одолели, с чем и поздравляю. Осталось совсем немного: горло Белого моря пройти, Чёшскую губу пересечь и в Баренцевом море не сгинуть, – сказал, улыбаясь, капитан яхты. – Фёдорыч, надо бы карты найти! Одно дело – с Петрозаводска по рекам да каналам шли без них, а вот в море выходить без карт – это чистая авантюра. Хоть географическую купи, тогда, может, и не сгинем, – предложил капитану черноволосый голубоглазый штурман.

– Точно, без карты мы будем плутать, как без компаса, – поддержал штурмана механик. Всего на борту яхты «Грей» было три человека, и каждый выполнял свои обязанности. Капитан Валерий Фёдорович. Механик – Борис Семёныч, отвечал за исправность подвесного мотора и за кухню, а штурман Андрей – за точность маршрута. Он должен знать, где находится яхта и в любую минуту вычислить её координаты. Валерий Фёдорович верил в штурмана, как в самого себя, поэтому никогда не проверял расчёты. Он разлил по металлическим кружкам чай и, посмотрев на Бориса, сказал: «Тогда так! Мы с Андреем пойдём в киоск за картой, зайдём к пограничникам, чтоб маяки нанести, а ты готовишь обед и заправляешь баки топливом». Механик кивнул головой и улыбнулся.

– Чего улыбаешься? Плавать так и не научился, а если за борт волной смоет? Так что – хочешь или не хочешь, а в спасательном жилете ты у меня будешь ходить днём и ночью. Я надеюсь, ты меня понял? Заодно поднимешь шверт.

Федорыч! Вода в море плюс четыре градуса, если смоет, то и жилет не поможет. Пока разворачиваетесь да вылавливаете, любой окоченеет.

– Надо жить надеждой, а то может произойти всякое, – напомнил капитан. – В этом году весна запоздалая, льда в море много. Корабли до сих пор в Нарьян-Мар пробиться не могут. Нам придётся идти вдоль береговой линии по ледовым лабиринтам. Конечно, это опасно, но другого пути нет. В кубрике воцарилась тишина. Через два узких иллюминатора пробивался дневной свет, в лучах которого покачивался почерневший примус, издавая с постоянным интервалом слабые металлические звуки.

– Ну, вот и хорошо, тогда за дело, – сказал Фёдорыч. Он надел капитанскую фуражку и вышел на палубу…

– Лето. Какое прекрасное и тёплое лето в Архангельске! Комаров и оводов почти нет, облака в небе гораздо выше, деревья высокие – не то, что в Нарьян-Маре. Разумеется, в таких условиях и жить легче, – рассуждал капитан, рассматривая набережную, по которой к городскому пляжу стекался народ…

Прошло несколько часов, и команда в полном составе снова собралась в кубрике.

– Ну, чем порадуешь, кормилец ты наш? – спросил капитан, вытирая руки.

– Супчиком из говядины, а на второе – картошечка на сале с лучком и малосольным огурчиком, – незамедлительно ответил Борис.

– Картошечка – это хорошо! В море некогда будет варить да жарить. В сильный ветер придётся управлять яхтой вдвоём. Капитан достал из пакета три бутылки пива.

– Это для снятия внутреннего напряжения, – сказал он.

– А что с картой? – поинтересовался Борис, – купили?

– Да, осталось дождаться утреннего тумана и проскользнуть мимо пограничников, которые стоят у правого берега, – ответил капитан, – у нас официального разрешения на переход нет, но командир обещал помощь оказать.

В это время Андрей, который был выше всех ростом, укладывал купленный провиант, проверяя его по списку. Он часто стукался головой о низкий потолок рубки, выкрикивая при этом единственное слово «Блин!»

– Штурман! Давай за стол. Без тебя в рот ничего не лезет, – поторопил Андрея Борис и, постучав ложкой по столу, принялся открывать пиво. Светловолосый механик был небольшого роста, коренастый и спокойный. Он доверял в морском деле товарищам больше, чем себе, и никогда не кричал, не приказывал, а только просил:

– Андрей! Надо бы посуду помочь помыть.

– Андрей! На палубе румпель по тебе скучает...

– Может, в баню сходим? – обтерев руки и пристроившись к столу, предложил Андрей.

– Нет. В баню пойдём, когда до Неси доберёмся, – и капитан улыбнулся, – там у меня знакомый врач работает. У него своя банька и в больнице места много, есть где переночевать. А сейчас лучше всего нам отдохнуть хорошенько, выспаться. Утром рано отчалим. А тебе, штурман, задание – сделать трафарет и нанести надпись с обеих сторон яхты: «Петрозаводск – Архангельск – Нарьян-Мар. 50 лет округу». Я звонил в редакцию нашей газеты и сказал, что мы завтра выходим в море. Обещал, по возможности, сообщать им наше местонахождение.

– Хорошая идея, сделаю, – ответил Андрей.

Рано утром яхта, набирая скорость, легла на заданный курс. Фёдорыч спокойно и уверенно управлял парусом, подтягивая или ослабляя шкоты. В это время Андрей закрепил стаксель, и капитан, поймав всеми парусами ветерок, опустил шверт до упора. Из рубки появился механик. Он передал капитану кружку крепкого горячего чая и бутерброд, потом сделал сэндвич и для Андрея.

– Просто и вкусно! Спасибо, Боря. Такими специалистами в море не бросаются, Фёдорыч! Пусть до Нарьян-Мара бутерброды делает, у него здорово получается.

– Весь фокус в умелом сочетании толщины компонентов, – откусив бутерброд, ответил Фёдорыч.

– Какой плотный туман, мы, как морские призраки, – Андрей отпустил немного шкот стакселя. – Может, взять чуть-чуть левее, а то наткнёмся на пограничников, и тогда – приехали.

Длинный путь от Петрозаводска до Архангельска был лишь лёгкой тренировкой перед опасным морским переходом, и это капитан понимал. Он также знал, что времени на отдых нет, и поэтому торопился выйти в море. Яхта шла вдоль левого берега Северной Двины и своими плавными обводами корпуса тянула за собой небольшую волну, на которой оставался извилистый фарватерный след. Вдруг впереди по курсу из тумана появилось что-то тёмное и большое, похожее на корабль. Это был пограничный серого цвета катер.

– Приплыли! – вырвалось из уст Федорыча.

На палубе катера стоял лейтенант и худенький молодой матрос. Бросив недокуренную сигарету за борт, офицер подал рукой знак, чтоб причаливали яхту. Фёдорыч послушно выполнил манёвр и ветер, вырвавшись из плена, принялся трепать паруса.

– Куда и с какой целью идёте? Приготовьте документы, – спросил очень серьёзно пограничник и ловко спрыгнул на яхту.

– Идём домой, а цель наша на борту написана, – ответил, чуть заикаясь, капитан яхты и постучал по рубке.

– Матрос! Что там написано, прочитай! – приказал офицер.

– «Петрозаводск – Архангельск – Нарьян-Мар. 50 лет округу», – ответил тот. На стук открылся передний люк рубки и из кубрика появился механик, он передал офицеру толстую, красного цвета, кожаную папку. Пограничник долго изучал документы, после чего закрыл папку и отдал капитану.

– Ясно, значит домой. Вы хоть знаете, куда идёте? – покачав головой, спросил он. – Там же кругом лёд. Подождали бы недельки две и тогда в путь. В общем, так, яхтсмены! Ваше передвижение по морю будут отслеживать пограничники и, если потребуется, они вам обязательно помогут. В Несь зайдёте, капитану Матвееву передайте от меня – Кочеткова Виктора – привет. Это мой товарищ, вместе учились. Потом офицер заглянул в кубрик, поморщился, увидев закопчённый примус, потрогал руками старый морской компас и поднялся на свой катер.

– Счастливого пути! Идите правым берегом, так безопасней, – крикнул лейтенант, и матрос, по команде, сбросил швартовые концы в яхту. Её медленно понесло по течению. Боря спустился в кубрик, но через минуту его испуганное лицо, появилось снова.

– Фёдорыч, спичек нет?!

Забегали шкоты по блокам, натягивая паруса, потом яхта резко развернулась и снова причалила к катеру.

– Виктор, спичками не выручишь? Всё вроде бы взяли, а вот про них забыли, – озадачил офицера Федорыч. Лейтенант посмотрел на голубоглазого матроса, тот рысью сбегал в каюту и принёс несколько коробков спичек.

Пришедший с запада влажный, но тёплый ветер гнал яхту к таинственному Белому морю. Плотные светлые облака затянули небо, волны на реке стали выше и стрелка компаса, покачиваясь вправо и влево, показывала не очень точное направление курса.

– Странно, ветер хороший, а туман не разносит, – задумчиво произнёс Андрей, – берега не видно, одна надежда на компас.

– Ты у нас штурман, тебе-то чего волноваться, – поддержал начатый разговор капитан.

– Как чего, вы тут такой маршрут мне нарисуете, потом разбирайся, куда нас занесло. Вы же скорость на глаз определяете, так и ошибиться можно.

– Андрей, смотри на вещи проще: идём на север, пока во льды не упрёмся, а там уже по обстоятельствам будем действовать...

Альманах № 11, 2011 год

***

Я люблю весенний ветер,
что кудрявит облака
От его прикосновенья разливается река.
Снег от теплой встречи тает,
ручейками вдаль бежит,
И широкою рекою к морю Баренца спешит.

Я люблю весною ветер, что над тундрою поёт,
И волнистые узоры в небе кистью создаёт.
По холмам, лаская травы, птичий пух
разносит он,
И на северных просторах,
прогоняет зимний сон.

Я люблю бродягу-ветер за тепло и силу гроз,
За свободу, что он в мае к нам,
как солнца луч, принёс.
Над озёрами колдует,
на сосульки крошит лед,
Приглашая птиц к гнездовью,
в край лечебных, талых вод.

Альманах № 14, 2014 год

Олег Ягель
За полночь

***

Часто за полночь с полной кружкою
Чая крепкого, дымя сигаретою,
Я беседую со своею подружкою,
Луною грустною, всегда безответною...

Замолкает тогда монотонное цирканье
Беспощадных часов, лишь тревожно едкое
Воронья за окном моим темным карканье
Обрекает в них кинуть слово редкое...

Я делюсь со своею подругою
Дум сплетеньем, и часто случается,
Что она мне, как верному другу,
С пониманием улыбается...

Но иногда я сжимаю в руках худых
Свои мысли и глазами закрытыми
Обвожу я долины надежд моих,
Неудачами поперек изрытыми, –

И становится грустно, порою больно,
И всегда обидно, что где-то там
В безмятежном детстве играет вольно
Моя жизнь на флейте и бьет в там-там!

Но когда из сердца по скрипящей лестнице
Поднимаются слезы к моим глазам,
Я безмолвно прошу немую кудесницу
Подарить мне жизненных сил бальзам...

Ночь царит! И я знаю, что кажется
Это мне, но в чернеющем небе вдруг
Солнца лучик на миг покажется,
И хрустальный раздастся звук!

И ладонью невидимой, но я знаю – нежною,
Сквозь мерцанье звезд поднесет Луна
Мне частицу Завтра с теплом Надежды,
И тревог моих холод развеет она...

Часто за полночь, с полной кружкою
Чая крепкого, в молчании, с сигаретою,
Я советуюсь со своею подружкою, –
Луною верною. Жаль, безответною...

Альманах № 6, 2006 год

* * *

Родила меня мама утром в марте.
Подумала над именем, расписалась в медкарте.
С нежностью обвязала лентой синей
И вынесла в жизнь, сдув с одеяльца иней.
Не сомкнула мама надо мной ночью глаз,
Гладила по головке, когда свет погас.
Поспешила в садик за мной с работы,
Ласково вытерла носик, подтянула колготы.
Подарила мама мне паровозик,
Нарисованное солнце
приколотила на гвоздик,
Купила кубики в красивой коробке,
Открыла сок с Чебурашкой на пробке.
Проводила мама меня утром в школу
Сходила на собрание, взяла талон на уколы.
С улыбкой поругала за порванную штанину,
Показала дорогу к книжному магазину.
Радовалась мама, когда я женился.
Переживала больше меня, когда разводился…

Альманах № 15, 2015 год

Алексей Канев
Звёзды с неба

***

Когда звёзды старательно падают с неба,
Разрезая собой паранджу темноты,
Не касаясь Земли исчезают мгновенно,
В те мгновенья желанья кристально чисты.
Из веков глубины и по час наступивший
Люди веруют в магию маленьких звёзд –
Что упавшей звезды волшебство совершится,
И желанье покинет обитель их грёз.
Может быть, это детской наивностью веет,
Может быть, но без грёз этот мир –
чёрный дым,
И от копоти души людские черствеют,
И желание выжить – законом одним
Значит – сказка, и, пусть, фантазёров чем больше,
Тем цветнее картина везде вокруг нас.
Пусть наивность в глазах не исчезнет подольше,
Чтобы дым не разъел полумрак наших глаз!

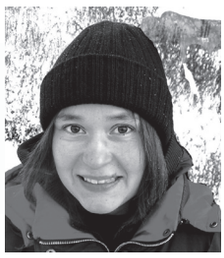
***

Вот уже темнеет скоро за окном,
Осень к нам приходит ветром и дождём
Пожелтевших листьев клочьями ковёр,
Паром дышат лица тундровых озёр.

В потемневшем небе хмурился закат,
Северным сиянием озарился мрак.
Месяц полукругом наблюдал за ней,
Улыбались звёзды, вместе веселей.

В ночь Земля остыла, иней поутру,
В инее рябина, в собственном соку.
Можно ль не влюбиться в чудеса чудес,
В этот моложавый и тундровый лес!

Авторская подборка



Этне
ONA

Я вижу, как она сидит почти на самой земле, находясь у самого подножия этого мира, почти у стоп Гиганта, вращающего колесо эпохи. Золото волос струится водопадом грез из других миров, она дышит иным небом, слышит отзвуки песен и слов, смех и радость существ из других реальностей. Иногда накатываются белые волны Непроявленного, и она ищет в нём свое, близкое к себе, хотя просто смотреть ей тоже нравится. Чудные существа вращают своими разноцветными глазами и тянутся к ней. Притягивает к себе и глубина Непознанного нитями неотвратимого, порой холодного ужаса, черные складки миров и вселенных темных богов являют себя зеркалом душ, стремящихся к ним или вовлеченных туда их силой.

Глаза ее слепы, задернуты беловатой дымкой, если присмотреться, то через них можно увидеть нездешнее белое солнце. Не качается ветвь того мира на волнах, застыла, а Гиганты тех миров, когда-то вращающих колесо событий, глубоко спят, в сердцах же уснула и надежда обрести вновь пульсацию жизни. Кто-то должен прийти и разбудить. Осыпались их статуи в мире людей и превратились в пустыню незримой сути. Лишь ветер одиноко напевает и помнит о вас и очень грустит, перебирая песок в своих нежных ладонях.

Там, в самом низу она слышит людей, их поток проносится мимо нее шумом улиц, гулом машин, обрывками разговоров. Иногда они останавливаются и бросают ей монетку, другую. Для многих из них она и сама стала как статуя, ибо она приходит сюда каждый день и молча, неподвижно сидит весь день. Она как будто слышит дыханье этого мира, прислушивается к нему, тянется душой к людям и чутко реагирует на всполохи их энергий. Она видит как искры, осколки отлетают от людей, колышется поле их ожиданий, видит, куда они стремятся, откуда и куда идут. Остро реагирует на те осколки, которые ранят их души, очень сожалеет, когда души, связанные узами любви разрывают этот круг, или когда осколки злобы и агрессии разрушают всё вокруг, что было создано. Она собирает эти осколки внутри себя и качает, качает их на ветру, успокаивая. Тогда они меняют свой цвет, и она отпускает их. Осколки возвращаются к целому. Видит, как переплетаются судьбы людей, их чаяния и поступки постоянно меняют рисунок бытия, создавая все новые и новые узоры. Иногда она плачет, стекают слезы с её лица и падают на землю. Несмотря на то, что она слышит ритм этого мира и живет им, тем, чем он кормится, порой ей все-таки одиноко и оттого становится грустно. Иногда поддерживают её в этом мире случайные прохожие, которые обогревают брошенным на неё взглядом, наполненным оттенком любви. Ещё ее душу греет старый бродячий пес, который постоянно сидит рядом с ней и провожает до дома, охраняя от злых людей. Он даже предупреждает лаем, если кто-то пытается её обмануть.

Где-то там, за пределом явленного мира, Гусеница сжирает время, все пережевывая, перевариваю, и оставляет крупицу того, что называется опытом, хранилищем души, и где-то там Хранительница времени ведет счет её жизни. Медленно перекатывается песок на Её часах. Еще медленнее течёт оно у видящей слепой. Плетет Богиня Судьбы ткань жизни, там отнимет, тут прибавит, вплетает новые нити, если старая рвётся.

Перебирает кости Мать и кидает жребий. Волчицы в её стае дружно раздирают Зверя. Что приберегла она для тебя в этот раз?

Соразмерен шаг Отца мира, и Мать бережет Начало. Спокойны сны детей эпохи, и глаза Отца смотрят на них звездами путей, куда они так стремятся. Гигант мира крепок и мудр. Неустанно льёт воду на колесо жизни. Глаза устремлены вперёд, и путь его мира соразмерен с путём Отца.

К альманаху № 19, 2019 год

Иван Печерских
Сонет об орхидее

***

В тропических джунглях цветёт орхидея:
Причудлива форма, безумна окраска.
В тропических джунглях разбужена сказка,
Но там меня нет, и не ведомо, где я…

Вокруг меня сосны проходят, редея.
Вокруг меня зимняя вьюга забилась.
Вокруг меня Север, но ныне мне снилось:
В тропических джунглях цветёт орхидея.

И глядя в густые небесные сини,
Гуляя в сверкающей снежной пустыни,
Я думал о тёплых и ласковых странах…

Я думал, и мысль моя бредом взорвалась,
И мне, сумасшедшему, вдруг показалось,
Что я в африканских шагаю саваннах…

Альманах № 6, 2006 год

Николай Миловский
Маленькая оптимизация

– Сейчас поплутаем.

Внедорожник накренился и страховочные ремни удержали подавшиеся вперед тела. Подвеска упруго заиграла на бугристой местности. Замелькали редкие деревца с изогнутыми стволами. Наезженные колеи петляли так близко к ним, что ветки касались чёрной поверхности кузова.

– Лабиринт, прям.

– Я и говорю.

Пассажир снова попытался дозвониться, но все три номера оказались не в зоне. Тяжёлая машина неслась достаточно быстро, чтобы подскакивание на кочках напоминало полёт с редким касанием земли.

И это нервировало.

Казалось, они сейчас проскочат ожидающих с мангалом друзей и окажутся за незримой чертой в мире, где все летают на черных тачилах между кривых берез. Вдруг у водителя зазвонил телефон.

– Поговори ты. – Сняв с руля руку, он достал мобильник и передал своему соседу.

– Да! – пассажир начал оглядываться с утроенным вниманием. – Вы где?.. За рулем сидит... Мы с дороги уже съехали, ищем вас…

Водитель снизил скорость, плавным движением выхватил у пассажира телефон и продолжил разговор.

–Метров на двести запилились, почти перпендикулярно, где вас искать? А?! Нафига там?! Ладно!

Машина совершила поворот и вновь ускорилась, теперь сидевший за рулем чётко знал, куда ехать. Толстый ковер мха сползал с трёх холмов, переходя в песчаный выдув, поросший клочками травы. С четвертой стороны редкие порывы ветра морщили маленькое озерцо. На песке располагались объекты материальной культуры: горка сухих деревяшек, прошедших уроки труда, мешки с древесным углем, раскладные столы, а также не менее раскладные стулья, многочисленные пакеты, пищевые контейнеры, просто упаковки, скрывающие вкусное содержимое, и, похожий на обгоревший БТР, самодельный мангал.

Из раскрывших багажники машин изливалась радостная музыка, хотя некоторые композиции выбивались из общего фона своей слащавостью.

Пятеро человек сновали среди этого расклада. Действо называлось «шашлыки».

Сильный мужчина по имени Витек сидел на складном кресле. Рюмка, сжатая тремя пальцами, сверкала на солнце полированной сталью.

– Ну что сказать… пять лет мы творим дела… Бывало, конечно, расходились… Но сейчас упряжка у нас одна, так? – сильный мужчина посмотрел в глаза человека, недавно сидевшего за рулем внедорожника. – В общем, наш бизнес живет поэтому – движение руки вознесло рюмку вверх – БУДЕМ!!

Собравшиеся встали, чтобы соприкоснуться краями своей посуды.

Справа от Витька расположился стройный человек с рыжеватой эспаньолкой. На доведенных работой дизайнера до полного сходства с гладким браслетом часах редко мигал синий огонек.

– И давайте выпьем за основной капитал нашего бизнеса! – чёрные часы съехали на запястье потянувшейся к столу руке, пальцы охватили стопку, словно шахматную фигуру перед решающим ходом. – За то, что объединяет и помогает пройти через штормы разногласий, именно это свело нас вместе со школьных времен… За нашу дружбу.

Опять поднялись друзья по бизнесу, и снова кромки держательниц огненной воды сошлись вместе.

По левую руку сильного мужчины находился лысеющий дядька с губами, вытянувшимися в удивительно ровную линию. Лучи солнца настолько хитро преломлялись в стеклах его очков, что разглядеть глаза было совершенно невозможно.

– Пожелаем себе, чтобы бизнес и дружба сходились без недостач и потерь!

Одобрительно хмыкнув, нетерпимые к потерям бизнесмены поднялись над столом, и зазвенел металл столкнувшихся сосудов. Недавний водитель внедорожника с хитрым прищуром посмотрел на Витька и наклонился к накрытому столу, при движении тела ощетинившийся острыми углами рисунок на толстовке прогнулся.

– Вот если поговорить с нашими ребятами-продавцами, то они сейчас ждут с нетерпением открытия нового магазина. Они видят проект, видят, что будем продавать, и им нравится, да! Идея оформления торгового пространства вызывает у них восторг! И знаете, в чем тут дело? Наша команда втянула их на свою орбиту, теперь они работают не только за деньги, но и за совесть! Так пусть наш командный дух будет сильнее всех!

Пока водитель говорил, его лицо становилось все серьёзней, а чокался он уже с выражением роденовского мыслителя.

Витек перевел взгляд на спутника предыдущего оратора и улыбнулся.

– Один зарубежный товарищ, – подхватил тот посудинку, – сказал, что времена не выбирают, в них живут и помирают. Может это и так, но успех зависит больше от нашего выбора. За наш правильный выбор!

Пошло движение рук навстречу, закончившееся соприкосновением маленьких стаканчиков.

Витек убрал единственную бутылку со стола.

– Ладно, хватит, пока жёны с ребятнёй не подъехали, поговорим о делах, – он перевёл взгляд с говорившего на водителя джипа, – немного.

Его звали Никита. Это он сидел на пассажирском сиденье лихо мчавшегося среди березок внедорожника. Он произнес последний тост о временах, которые не выбирают...

Сейчас вокруг него простирался дом, милый дом… Он сидел на кухне, где салатовая мебель тянулась к молочно-белому потолку и любовался плавными движениями жены, хлопочущей у плиты.

Его мозг вырабатывал лучший вариант повествования о разговоре серьёзных мужчин. Вторая половина знала, что, готовя место отдыха, мужики посоветуются о делах, Никита сам ей об этом рассказал. И стрельнув светло-голубыми очами, Рита потребовала удовлетворения своего любопытства.

Медленная речь Никиты была щедро усыпана паузами, достойными МХАТа. Так он сообщал плохие новости. Рита быстро поняла, в чём дело и, развернувшись лицом к мужу, вытянулась в напряжённом внимании.

Он подобрался к сути решения, имеющего все данные, чтобы изменить их жизнь, а она скрестила на груди руки и посмотрела вверх. Никита подошел и обнял её, сказал, что всё будет хорошо, он справится ради любви, женщина улыбнулась и кивнула.

Сведенная к одной фразе, новость звучала так: скоро Никита останется без работы…

– Рыба-меч! Рыба-меч! – прокричал громкий голос.

Маленький человек вклинился между папой и мамой. Энергично пихаясь локтями и давя светлой головой, мальчик занимал своё место в объятиях семейного круга.

«Рыбка моя», – подумала мама.

«Как он вообще додумался до такой игры?» – озадачился папа.

«Я несусь из глубин так, что вода бурлит, пробиваю днище яхты, торпедой проношусь мимо кока с отвисшей челюстью, разношу доски палубы в щепки», – воображал пятилетка.

Руки отца подхватили его, вознесли, теперь он был в объятиях родителей. Радостно смеясь, малыш прижался одной щекой к маминому лицу, другой к папиному.

Это было здорово!

– Рыба-меч, – тихонько прошептал он.

– Ну что скажешь? – спросил отец.

– Папа, а ты с дядей Витей всегда дружил? – спросила кроха.

«Ну и этот туда же!» – подумал отец.

– Пойдем сынок, расскажу.

Когда её мужчины вышли, мама закрыла лицо руками и медленно села на пол.

– А давай ты будешь папой-пандой, а я маленьким пандиком.

«Сквозь бамбуковые заросли пробивается солнце, которое изредка застилают тысячи крыльев, это воробьи летят в сторону рисовых полей».

– И чем же мы займемся? – прогудел отец густым басом.

«Действительно надо что-то придумать»

– Папа! Ты же обещал рассказать, как дружил с дядей Витей!

«И как такое можно забыть? Вчера папа-панда весь вечер говорил, что если обещал убрать кубики, то слово надо держать».

– Ну, слушай, сынок…

«Изображая панду, говорю словно Дед Мороз», – подумал он.

– Мы еще в садике познакомились, но там не очень сильно дружили.

«Целый год разницы – серьезная преграда в глазах детсадовца».

– А почему, не сильно дружили?

«А как измерить силу дружбы? Интересно…».

– Да потому что разные вещи были в голове.

«Три стула, шкаф и пять свернутых валиками ковров распирают голову изнутри – вещи в голове!» – малыш засмеялся.

– Мы и… Так может папе-панде уйти, раз ты решил хохотать?

– Нет!

– Мы и знали друг друга только потому, что жили рядом.

«В соседних подъездах».

– А когда вы стали сильно дружить? («Как мы с Артемом, например»).

– Ну…

«Вспомнил! Девятый класс».

– В школе уже, причем, в конце, по крайней мере, для Витька это был последний год, а вот я проучился ещё три.

«Я тоже хочу в школу».

– А почему, папа-панда учился еще три года?

«Ну, это объяснить просто».

– Я тогда учился в восьмом, он в девятом. После девятого дядя Витя пошёл в ПТУ, а я остался до одиннадцатого, одиннадцать минус восемь, сколько будет?

– Три!

– Ну вот!

«Девятый класс! Когда это будет?»

– Папа-панда, а я попаду в девятый класс?

– Нет, это девятый класс попадет, когда в него влетит рыба-меч! Дай расскажу, как было, раз уж начал. Мы тогда любили мяч погонять во дворе, вот и начали общаться, а там выяснилось, что оба тащимся от рыбалки, начали гонять на велосипедах в рань-раньскую, чтобы поудить.

«А потом весь день на ногах и ложился, бывало, в двенадцатом часу, и как организм такое выдерживал?»

– И тогда вы стали заниматься бизнесом?

«Вот если папа с дядей Витей занимались рыбалкой, зачем бизнес понадобился?»

– Тогда мы только мечтали стать крутыми, а бизнесом занялись значительно позже, лет семь спустя.

«И движуху начал не Витек».

– А почему позже?

– По качану! Тут куче всего надо сойтись: и деньгам на раскрутку, и светлым идеям, что и как продавать, а главное, как обойти при этом конкурентов, и ещё нужны люди, которым доверяешь.

«Огромная куча из денег, пылающих светом идей, конкурентов, а наверху держатся за руки, люди, которым доверяешь», – мальчик улыбнулся выдуманной картинке.

– И как ваша куча… это… сошлась?

– Ну, пересекались, общались, тусовались и сошлись. По-другому не бывает.

– Нет, а вся куча… ну… как вы бизнесом стали заниматься?

«Ишь как до сути любит докапываться».

–Так деньги скинули, кто мог, у меня, правда, тогда, не нашлось…

«Да, поговорили тогда душевно, хоть кино снимай. Я такой: пацаны реально бабок в обрез, но если че, за наше дело жилы буду рвать! А они: нормально все, братуха, друзья на то и нужны!»

–…ещё дядя Леша и дядя Саша материальную помощь выбили для поддержки молодых предпринимателей, грантов тогда не было…

«Вернее помощь выбила мать Толяна, через свои связи в администрации, без неё умненькие-благоразумненькие Леша и Саша могли придумывать бизнес-планы исключительно для развития ума, хотя тогда бизнес-планы тоже по-другому называлось, не помню как».

–…они же продумали саму идею бизнеса…

«как получать прибыль, а расходы гасить из бюджета под предлогом социальной важности нашего дела».

–…то есть, что и как продавать, ну а с надежными людьми ты познакомился на шашлыках.

«Вот бы ещё съездить на шашлыки!»

– Папа, а что делал Толик, ну дядя Толик?

– Дядя Толик был нашей витриной, то есть у него всегда хорошо получалась болтать и нравиться людям. Это очень важно, когда надо получить грант, который называется по-другому.

«Ну и мать у него открывала ногой половину дверей в администрации».

– А что же делал дядя Витя?

– Он… он умел всех организовать, а ещё решал всякие проблемы.

– А какие проблемы?

– Да разные… В бизнесе часто возникают разные проблемы.

«Он не просто сильный и волевой, вокруг него клубилась опасность... Жену его старшего брата нашли мертвой со следами побоев. По мнению органов, случилось обычное самоубийство, но слухи пошли. Это всегда помогало ему остудить пыл всяких любителей кинуть на бабки. Незаменимое качество для бизнеса».

– А ты, папа, самый важный?

«Хотелось бы».

– Ну, у меня тоже есть своя зона ответственности…

– Папа-панда! Давай погуляем!

– А давай!

Жена заходит в спальню. Снимает белую кофточку с обнимающимися инопланетянами цвета индиго и юбку, собранную в складки понизу, надевает ночную рубашку. Устроившись на кровати рядом с мужем, начинает говорить.

– Знаешь, я сейчас думала насчет твоей плохой новости.

– Угу.

– И вот скажу тебе так: надо было уходить раньше, гораздо раньше.

– Уууу?

– Да просто всё, Никита, ты никогда не задумывался о месте, которое занимаешь среди этой компании?

– Нуууу…

– Любимый, я не хочу тебя обидеть, совсем не хочу, но ты работаешь просто хорошим человеком и другом шефа, ты можешь совсем не ходить на работу, и никаких проблем у фирмы не возникнет.

– У-у.

– Ты ведь жаловался, что у тебя половина рабочего дня уходит на поиски занятия, поэтому из Контакта и не вылезаешь. Вот смотри: Витек у вас капитан команды, при этом своих денег в бизнес не вносил, по сути, он работник на зарплате, но это устраивает всех. Толик в своё время вложился финансами и связями, для него главное – карьера в политике, остальное важно, но постольку - поскольку. Саша с Лешей – классные спецы, один работает в нефтянке, другой на госслужбе и генерируют светлые идеи, но воплощать их не особо любят…

– Ууу…

– Не перебивай, а то с мысли собьешь, свою долю в уставной капитал они внесли, кроме дивидендов им особо ничего не нужно. Понимаешь, да? Каждый выполняет свою роль, а ты вроде как зам Витька, только не нужен ему зам, так как контора слишком маленькая. Можно тебя сделать каким-нибудь старшим продавцом, только ты ведь обидишься?

– Угу.

– Страшно обидишься, начинали вместе, они все устроились в жизни, а ты старший продавец! Прям плевок в душу.

– Гм.

– Поэтому тебя проще выставить за дверь, чем унижать. Тем более что кризис на дворе и, как назло, перед самым его началом вложились хорошо так в новый магазин. Оптимизируют тебя, короче.

– Ну…

– Оптимизируют как миленького! Дело не только в кризисе, Витька уже давно достало, что Толик его контролирует через тебя, так ведь? – Никита кивнул. – Сам говорил мне, что Витек давно уламывает Сашу с Лешей выступить за твоё увольнение! Напомни три или четыре раза в этот год Толик устраивал ему разнос после твоих откровений? Хотя неважно! Важно, что Витек их наконец уломал!

– Н-даа..

– Вот именно что «н-даа». – Рита вздохнула, – если ты помнишь, я начала с того, что уходить

– Уууууу.

– Целый день вы делите с Витьком работу, с которой и один легко справится, за это получаешь нехилую зарплату. А большую часть рабочего времени ты бездельничаешь! Валяешь дурака! Помнишь, как жаловался, что скука тебя достала и так хочется уйти, но не уходил. И я скажу почему: на интересной работе начинать надо будет сначала и – прощай оклад зама. Так?

– Угу.

– Только вот теперь, когда время ушло, представь, что будет, когда работать придется по-настоящему… Тебе уже сложно сделать то, что раньше было лень… Уходил бы ты раньше, Никита!

Муж встал, подошел к двери, подумал и лег обратно.

– Знаешь, что Рита, давай потом об этом поговорим.

Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек. Для ясности над простым рисунком появилась надпись: «Никита». С левой стороны от человечка нарисовался домик – прямоугольник с треугольником – его осенила надпись «бывшая работа». «Пусть будет так».

По правую руку от нарисованного Никитой рука вывела полуовал, ещё полуовал, ещё, ещё, ещё – получилось облако «новая работа», нет, «будущее», нет, просто «?».

«И стоило этим заниматься? Полная туфта получилась».

«Администрация». Под этой надписью нарисовалось здание со шпилем, немного кривоватым, но зато очень большим.

«Уже поздно ходить на цыпочках перед начальником».

Две косые линии сошлись крестом на вытянутом домике администрации. Прямоугольник, а в нём три ряда квадратиков – похожи на новый корпус школы в поселке Искателей, где он учился.

«А почему нет? Даром я что ли в педке конспекты писал? Как же давно это было».

Раздвоенные зубцы, острые навершия башен, кружочек циферблата часов, Кремль получились узнаваемыми.

«Москва, конечно, не резиновая, но возможностей там больше. Сгодится для начала новой жизни».

Точка, от неё три линии на конце каждой, из которых маленький квадрат.

«Надо все это обдумать завтра на свежую голову».

Никита размашисто написал внизу листа: «У меня все получится!»

Рита засыпала. Прикосновение тела любимого успокаивало, она чувствовала его от лодыжек до плеча. Вдох-выдох, рядом лежал Никита, всё будет хорошо-хорошо. Главное – любовь, остальное – дело житейское. Главное – поддерживать того, с кем переходишь поле жизни… Главное – сохранять осанку, уверенно скромное выражение лица и величавую походку на пути к алтарю. Стоявший спиной к ней жених обернулся. Вдох-выдох. Это был Витек, она выходила за него. Вот это брак.

Рита проснулась от собственного крика.

–Ты чего? – Никита встрепенулся и обнял её за плечи.

–Дурь всякая снилась, – сказала она и поцеловала мужа в губы.

Альманах № 17, 2017 год

Сергей Митькин
Ветра прикосновение

***

Ветра прикосновение,
Дождя неритмичный стук,
Танцующее движение
Рук.
Город вокруг увидишь
Похожим на дивный сад
Камней, и спокойно дышишь.
Над
Опытом и над чувствами
Сияющей тишиной
Голос простой, задумчивый
Твой.

***

Он самый быстрый пловец на свете.
Его задача на жизнь проста.
Вокруг синоптики ставят сети,
Внутри – священная пустота.

Среди меняющейся природы
Шаги и мысли его легки.
Он словно дома,
Он пьет из Омы.
Знакомый вкус этой реки.

***

На своём пути домой я помню только хорошие дни.
Enya

С той дороги сойти позволь.
Устать позволь
В том течении.
Китель мой
Пожирает моль.
Один китель за жизнь
В течение.
Один китель –
Одна роль.
Пара фраз
В ней неуверенно:
– Лодкой быть
Несчастной позволь.
И ещё
– Позволь мне плыть к берегу.

Авторская подборка

Ксения Муравьёва
Где-то вдалеке

Полярный круг

В потёмках задыхается рассвет:
Ему слепое солнце не поможет.
Полярный круг... Тебя на свете нет!
И не было вовек! И быть не может!

Полярный круг. Заманчивый мираж.
Рождественская пряничная сказка.
Иллюзия. Надуманная блажь.
Расшитая морозом полумаска.

Полярный круг. Удушливый туман.
Седая пыль старинных фолиантов.
Иезуитски вычурный обман
Самолюбивых выскочек-педантов.

Полярный круг. Усталый старый клерк.
Ученых кабинетов сумрак стылый.
Небесного сиянья фейерверк –
Блистательный, холодный и постылый.

Полярный круг. Изысканный наряд
По зимней моде вновь переиначен.
Стены Китайской ты страшней стократ,
Поскольку лишь на картах обозначен.

Полярный круг. Стремительный пунктир.
Неровная пурги кардиограмма.
Дешевый полузвёздочный трактир.
Метелями заученная гамма.

Бездарное творение невежд.
Бессилия людского оправданье.
Полярный круг... предательство надежд,
Когда-то возведённое в преданье.

Макарово

С прошлой жизни ни письма, ни фото
Я себе на память не взяла.
За крутым изломом поворота –
Семь домов Макарова села.

Золото полярного загара
Тронуло слегка моё лицо.
Важная, степенная гагара
Ставит на крыло своих птенцов.

Слева берег лёг румяным блином,
Справа он – слоёный, как пирог.
Вслед за птичьим говорливым клином
Тает шлейф ошибок и тревог.

Кружево кофейно-белой пены
Катерок выводит по реке.
Горести, сомнения, измены
Остаются где-то вдалеке.

Без обиды, не смеясь, не плача,
На прощанье им рукой махну.
В будущее, в сущую удачу
Брошу разноцветную блесну.

Благостного этого простора
Я всю жизнь, наверное, ждала.
Только небо. Небо да Печора.
Семь домов Макарова села...

***

Луковая маковка посреди села...
Бабушка рассказами в прошлое вела,
И котенок серый с пряжею играл,
Что-то там мурлыкал, что-то напевал.

Петелька за петелькой, за стежком стежок.
Землю греет бережно ласковый снежок.
Бабушкины сказки, ясная пора.
Просится поземка в гости к нам с утра.

Петелька за петелькой – и готов носок.
Вот уже проталины, вытаял мысок.
Корочка прозрачная на изгибах рек.
Первые подснежники пробивают снег.

Луковая маковка – память прошлых лет.
Звон пасхальный... горестей будто бы и нет.
Бабушка заботливо кутает внучат.
Люди рады празднику, праздник людям рад.

Кручинушка

Над рекой Кручинушкой
Плакала рябинушка:
Вот и осень... долго до весны.
Холодно родимой ей,
И тоской рябиновой
Берега Кручинушки полны.

Ласковое солнышко
Выпито до донышка:
Вот и осень... злые холода.
Вкруг болота топкие,
Стынут слезы робкие,
Как в реке Кручинушке вода.

Альманах № 6, 2016 год

Виктор Матвеев
Спаси и сохрани

По несчастью или счастью истина проста –
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне…
Г. Шпаликов

Сейчас уже и не вспомню, сколько мне тогда было лет. Пять или шесть, где-то так. Но в школу я ещё не ходил – это точно. Мы пошли с дедом Григорием Павловичем в общую поселковую баню. И дело даже не в том, куда мы пошли. Просто в тот день я понял для себя раз и навсегда, что такое старость. Понял так пронзительно и беспощадно ясно, что это воспоминание до сих пор живет во мне. А дело было так. Когда мы уже помылись по полной программе, с парилкой, веником и обработкой дедом меня жёсткой мочалкой по всему моему ещё тщедушному детскому телу, и стали одеваться, когда дед стал надевать на своё мокрое от пота тело майку, а она задралась сзади на его спине у самой шеи, и он никак не мог её достать руками. Только и сказал, после нескольких безуспешных попыток одернуть её самому:

– Внучек, помоги, а то никак не достану. Вот тут-то меня, сопляка, и пробило: а ведь старость-то – это тогда, когда уже и майку сам на спине одернуть не можешь! И сейчас, когда уже самому под пятьдесят, каждый раз, одеваясь в бане, ловлю себя на том, что майку я одергиваю пока сам и вспоминаю покойного деда, царство ему небесное.

Хороший был у меня дед. Участвовал при высадке Папанинской четверки на паковый лед в районе Земли Франца Иосифа. Спасал экипажи полярных конвоев. В сороковых-пятидесятых годах ходил капитаном на судах типа «Кавасаки», ловил рыбу. Их – со всей командой – даже на войну не взяли, хотя они и рвались туда. В военкомате Архангельска им сказали: «Нет, ребята, ваш фронт – это обеспечение фронта рыбой, а кто её, родимую, будет ловить, если не вы?» Вот так – волею судьбы, дед и остался в тылу, хотя этот тыл мало чем отличался от фронта. Баренцево море не озеро для прогулок даже в мирное время. Памятью о тех годах у меня осталась Почетная грамота деда от наркома рыбной промышленности. Он никогда не сидел без дела. Постоянно что-то прилаживал, подправлял, не дай Бог увидит пустое ведро, тут же отправлялся на колодец за водой. Однажды он сказал: «Любую работу, внучек, надо делать хорошо, чтобы потом не было стыдно. Любую работу. Даже если просто копаешь яму. И не надо чураться самой грязной работы!»

Это правило я усвоил на всю жизнь.

Вообще, дед умел зацепить за живое. Вот почему его слова, сказанные когда-то, до сих пор живут во мне. Наверное потому, что все они были сказаны по делу.

Внешне дед вроде бы никогда и никуда не спешил. Движения его были скупы и размерены. Он зря не суетился, но всегда все успевал. Когда он умер, я не был на его похоронах. Сейчас уже и не вспомню, почему. То ли в командировке был, то ли болел, хоть убей – не вспомню. Поэтому у меня так и осталось ощущение вины перед ним, что не приехал на похороны и не попрощался с ним по-людски.

С моей покойной бабушкой Людмилой Андреевной у них было семеро детей. Из семерых живы только двое. Дядя Саша и моя мать. Самое примечательное, что они самые старшие в семье. Казалось бы, хватили всего: и голодного детства, и войны, и работы невпроворот, а ведь оказались самые живучие. Я давно уже заметил, что то поколение – военное – самое крепкое, не чета нынешнему. Бабушка, как никто другой, умела создать в доме уют, и веяло от неё такой душевной спокойностью и пониманием всего происходящего, что в её присутствии всё как-то само собой налаживалось и казалось, что так будет всегда, и она будет всегда с нами, и что ничего с ней не может случиться.

Они с дедом жили в своем доме и каждый, практически, год вся родня летом собиралась у них. Никакого юга не надо. Порой и места-то на ночлег всем не хватало. Спали – кто где. Кто на полу, кто на чердаке – в дедовом парусиновом балагане на перине. Это было мое любимое место. Лежишь в нем – воздух свежий, дождь стучит по крыше. Пахнет вениками, и на душе так покойно и легко, как никогда уже не будет. Все живы и счастливы. Работы хватало всем: кто за морошкой в тундру, кто к морю, кто за грибами, кто рыбу ловить. В деревне летом без дела никто не сидел. Летний день год кормит!

Далекие, милые были! И дед, и бабушка давно уже отошли в мир иной, дом сгорел, осталось одно пепелище и воспоминания о далеком беззаботном детстве. Никогда ничего не вернуть. Осталась только щемящая грустью память, старые черно-белые фотографии и бабушкин крестик, когда-то давно подаренный мне. Где бы я ни был, он всегда со мной. В какие бы ситуации не попадал, он всегда со мной – мой Ангел-хранитель. Этот крестик ей достался от её бабушки еще в Койде, где когда-то они жили. Когда я крестился, уже в зрелых годах, взял его с собой в церковь, и отец Владимир, посмотрев на него, сказал: «Старинный, сейчас таких и не найдешь вовсе. Откуда он у Вас?» «Бабушкин», – только и ответил я. В нем и крестился. Пока живой, он всегда будет со мной.

Придет время, Бог даст, передам его своим внукам, и пусть они помнят нас, так как мы помним своих бабушек и дедушек. А какие пироги пекла бабушка! До сих пор все вспоминают. Когда я женился, помню, на второй год повез свою жену к бабушке на смотрины и вообще – родные места показать. Общий язык они нашли сразу, и бабушка научила её печь пироги. По всем правилам, в печке, а не как сейчас – в городе – в газовых да в электрических духовках. Что ни говори, а вкус не тот и ощущения не те.

Давно уже я не был в своем родном поселке. Образованный в 39 году, он пережил свой расцвет в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого уже века, когда была большая рыба, и был большой рыбзавод с холодильником, и работы хватало всем. Летом – сельдь беломорская , наше поколение еще помнит её вкус: под картошечку, с лучком, да черным хлебом, да непременно 100 грамм холодненькой водочки со слезой! Сейчас такой не найдешь и днем с огнем! Зимой – навага, да сайка – кормовая рыба. Все жили на рыбе, да от рыбы. И белуху ловили, и камбалу, и семга с гольцом попадалась. А сколько морских судов заходило в устье реки. Иной раз напротив поселка их стояло до десятка и более. Вся река в огнях! А сейчас?! Все пришло в запустение. Работы не стало. Люди разъехались, кто куда. Считай, умер поселок. Сколько их уже умерло по России… Больно от этого на душе, да что поделать. Свою роль он сыграл, а то, что ничто не вечно под луной, так это ещё древние знали. Но в природе ничего не проходит бесследно. Жива память, и щемит сердце до слез о том далеком ушедшем времени, которое, кажется нам по сравнению с нынешним, было и добрее и светлее. Или это только кажется. Всем нам кажется, что вот, раньше-то, было лучше. Где-то я это уже слышал. И не раз. А скорее всего, мы просто повзрослели, и восприятие жизни стало совсем другим, нежели в детстве и юности. Произошла переоценка жизненных ценностей – как материальных, так и духовных. И ритм жизни убыстрился многократно. Раньше и простое радио было в диковинку, помню, в детстве все хотел его разобрать и посмотреть, где там спрятались человечки, а сейчас – чего только и нет! Компьютеры, Интернет, телевидение, мобильные телефоны! Поток получаемой информации огромен – успевай выбирать нужное и отсекать лишнее. Раньше письмо написал и жди ответа месяц-другой. Проще было и спокойнее.

Прощай, былое время! Мир стал другим, и мы стали другими. Только вспомнятся иногда ушедшие, дорогие лица, переберешь старые пожелтевшие фотографии, вспомнишь вкус бабушкиных пирогов и машинально потрогаешь крестик на груди. Спаси и сохрани!

Альманах № 15, 2015 год

Елена Алёшина
Судьбе благодарна

***

Бесконечно судьбе благодарна я!
Посчастливилось мне повидать
Лес берёзовый с шалью янтарною
И полей изумрудную гладь…
Нежных яблонь наряды жемчужные,
Гор вершины в седых кружевах
И рассветы рубиново-южные
С бриллиантом росы на цветах.
Восхищаюсь пейзажами летними!
Отчего только сердце щемит?
И пусть северный край неприметнее,
Всё же он и зовёт, и пьянит!
Тянет к людям холодным, завьюженным,
К тундре в ситцевом платье простом!
И к метелям охрипшим, простуженным,
К рекам, скованным ласковым льдом.
Тундра-матушка! Песнями снежными
Согреваешь меня, бережёшь!
А глазами миндальными, нежными
Ты мне веры и сил придаёшь…
Я люблю тебя! Слепо! Отчаянно!
Жить с тобой посчастливилось мне! …
И за этот подарок нечаянный
Я судьбе благодарна вдвойне!

Альманах № 8, 2008 год

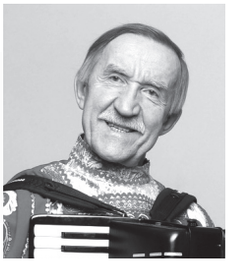
В царстве Морфея

За горизонтом спит весна.
Уснули льдинки на ресницах.
Дорожкой алая луна
Сквозь сладкий сон во льдах искрится.
С улыбкой лёгкой света нить
Щекочет снежную пустыню.
И сказку не сумев забыть,
Вновь ветер от печали стынет.
Слегка добавив черноты,
Полярной ночи шлейф ложится.
Сознание в плену мечты.
И мне Ваш нежный голос снится.

Учитель

Как много несёт миру слово «Учитель»:
Мечтатель… Актёр… Созидатель! Воитель!
Судья и палач? Или просто – поэт?
Увы, объяснения точного нет.
И попусту вы в словарях не ищите!
Мечтайте, боритесь, мгновенья цените,
Дарите любовь и с улыбкой творите…
Быть может, и вы для кого-то учитель.

Альманах № 12, 2012 год



Николай Епифановский
Золотые вечера

В Нарьян-Маре зима

Удивленно застыли лужи,
Глядя пристально прямо в небо.
Вот и снег временами вьюжит,
Год прошел, словно был и не был.
Что-то времечко быстро мчится,
Я едва успеваю листать.
Календарь мой, как быстрая птица
Норовит от меня убежать.
Вот и мой Нарьян-Мар укрывается
Белоснежною зимней фатой,
И все реже с небес улыбается
Солнце нам, словно шар золотой.
Но, уйдя чуть подальше, за город,
Можно видеть красу небывалую,
Ощутить, что и ты еще молод,
Вспомнить юности пору удалую.
Что ж, назад ничего не воротится,
Да и нужно ль жалеть годы прошлые?
Только что-то сердечко колотится
Оттого, что с тобой стали взрослыми.

***
Догорала заката полоска
И роса потускнела у ног,
Словно кто-то лишил тундру лоска,
Но величья убавить не смог.

Нам неведомо, как и откуда
Наполняется силой она.
Ветерок набежит ниоткуда,
И уже побежала волна.

Надо брать у нее ровно столько,
Сколько сможем с собой унести,
Чтоб у нас были мысли не только,
Как нам брать, но и тундру спасти.

Пусть и вышки вздымаются гордо,
Не пугая лису и песца,
На оленях пастух едет бодро.
Нужно жить, не теряя лица.

Так же будут туманы под утро,
И оленей неслаженный хор,
И в костер бросив хворост попутно,
Пастухи заведут разговор.

***
Ижма - речка, Ижма – речка,
Синие озера.
Ты бежишь ветрам навстречу
К берегам Печоры.
Ты в старинных сарафанах
Цвет свой отражала.
В звуках звонкого баяна
Снова юной стала.

Праздник Луд, праздник Луд,
Яркое цветение.
Сарафаны нам рисуют
Радуги сплетение.
И звучит на все село
Ижемское пение.
Праздник Луд, праздник Луд
Ижмы украшение.

Пусть дождинки падали,
И трава в росе.
Все равно нас радует
Луд во всей красе.
Из старинных сарафанов
Заплетается узор
И кадриль, что помнят мамы,
Пляшут в Ижме до сих пор.

И ромашковое поле,
Теплый ижемский закат
Рассказали мне про этот
Чудо-праздник на лугах.
Я навеки всей душою
Этот праздник полюбил,
Я всегда теперь с тобою,
Где б я ни был, где б ни жил.

Жаль, что надо расставаться
С этой древнею красой.
Где еще увидеть можно
Разноцветный луг такой?
Здесь живет такое чудо,
Как картины из пера.
Ты навек не позабудешь
Золотые вечера!

***
Туман качается над тихой речкою,
Где в сонной заводи блестит луна.
Ох, синеокая, любовь глубокая,
Зачем же ты меня свела с ума?

А речка катится, а волны плещутся,
И не торопится уйти луна.
Не уходи луна, побудь со мной одна,
тебе признаюсь я, что влюблена.

А в речке камушки блестят и светятся,
Дорожка лунная уходит вдаль.
Глаза любимые сегодня встретятся,
И в речке скроется моя печаль.

Все в жизни вертится: то радость с горечью,
Любовь с разлукою, зима с весной.
Но, синеокая любовь глубокая,
Она останется всегда со мной.

Авторская подборка

Татьяна Окладникова
Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь

Эту экскурсию я планировала посетить ещё несколько лет назад, не получилось. Годы моей учёбы в школе, период взросления и начало учительства прошли в период жесточайшего атеизма. Последнее время медленно, осторожно, не просто, но прихожу к пониманию и принятию церкви. Этот мир остаётся для меня притягательным и таинственным. Верили же в Бога Достоевский, Пушкин, Толстой, Менделеев, Ньютон. Может и мне поискать тропинку к нему?

Поэтому я с особым трепетом отправилась на экскурсию в Псково-Печерский монастырь, который всегда был действующим и непрерывно «ковал кадры» для русской православной церкви.

Небольшое волнение и учащённое сердцебиение! Скорее в путь, впереди – долгожданная встреча с Печерами (от древнерусского слова «печера» – пещера).

Печоры – примонастырский город, с 19 века Печоры – пригород Пскова. «Как встарь, так и ныне главной достопримечательностью Печор является Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь – одна из старейших и самых крупных мужских обителей с непрерывной многовековой историей и замечательным архитектурным ансамблем». В нём в советские 1950-е годы было возрождено старчество – одно из самых прекрасных сокровищ Русской церкви. Монастырь, расположенный около пещер, дал имя городу Печоры.

Для себя и читателей выясним: не путать с нашим соседом, городом Печора в Коми АССР и чётко знать, когда пишется О, когда Ё. Оказывается, всё, что касается города пишется с О, монастыря – с Ё.

История пещер такова: много-много лет назад в этих краях валили лес, иногда слышалось «как будто из-под земли» прекрасное, неземное, душераздирающее пение. Однажды одно поваленное дерево, падая, увлекло за собой другие. Под корнями одного из них открылся вход в пещеру, а над входом надпись: «Богом зданныя (т.е. созданные) пещеры». Это – чудо Божие. «Этот захолустный монастырь избран Богом, чтобы нести своё особое великое служение». В нём похоронено более 14 тысяч человек – монахи, жители, воины. Гробы не закапывали, а просто складывали один на другой в нишах и гротах. Простираются пещеры на многие километры, и там, глубоко под землёй благоухают цветы. Поражает свежесть и чистота пещерного воздуха. Многие пытаются хоть как-то объяснить загадочное качество печерских пещер: не издавать свойственный мёртвому телу запах. Посетители перестают верить собственному обонянию. Но успокаиваются, когда узнают, что «Если Богу угодно, побеждаются законы природы», – так гласит церковное песнопение.

«Оттого-то, быть может, туда, в эти пещеры, непрестанной лентой льётся народ, чтобы благоговейно, с маленькими, едва освещающими своды пещер свечками испытать необыкновенное чувство, почти непередаваемое словами», - писал профессор Василий Синайский в 20-е годы XX века.

Вот и мне удалось со знающим проводником из монашеской братии испытать это неземное чувство и пройти по подземным улочкам, пещерам, галереям. Каждое слово, произнесённое этим молодым человеком, было настолько убедительным, правдивым, вдохновлённым, что не поверить во всё то, что он говорил, было невозможно. Ярче речей о Боге я ещё не слышала. Хотелось безоговорочно верить ему. Ну что ж, пожалуй, тропинку к Богу протоптать и он мне помог тоже.

Авторская подборка

Светлана Опарина
На зорьке

***

Расплескалась зорька алая
По речной волне крутой,
Поднялась туманом сизым,
Села на траву росой.
Воспарилась лёгкой дымкой,
Солнцем жарким обожглась,
Белым облачком по небушку
В край далекий понеслась.
Заигралась с ветром в салочки,
Закружилась голова.
И грибным дождём растаяла
Утра белая заря…

Лидия Сядейская
Суровый Север – родина моя

Сонная речка

Загрустила, речка, загрустила,
Принакрывшись белым одеялом,
Воды говорливые стыдливо
Спрятала во льдах и задремала.
Лишь гуляет ветер по просторам,
Разгоняя хрупкие снежинки,
Вырастают белые сугробы,
Заметая все следы-тропинки.
Ждет весны заснувшая природа,
И мечтает, как и я, о лете,
Слышно лишь, как речка шепчет что-то,
Наполняя рыбой наши сети.
Солнышко заглянет в рыбье царство,
Заблестит стекло речной долины,
Засверкает серебристый панцирь,
И проснется речка, сдвинет льдины.

Альманах № 12, 2012 год

Родина любимая моя

Здесь родина любимая моя,
Люблю её холодные объятья,
Пургу и снег, и реки, и моря,
Её никак не вправе забывать я.

Её просторы очень велики –
И нет лесов, лишь сопки и болота,
Глаза озёр как в поле васильки,
Глядеться в них мне каждый день охота.

Суровый Север – родина моя!
Тундровый край – и всех ветров стихия,
Любимая с рождения земля,
Оленный край! Хранит оленей Вы'я !

Альманах № 14, 2014 год

Дом

Есть дом с мезонином, купеческий дом,
Есть дом дворянина, изба, где живём,
И всё это славно и можно понять,
Но тундра – мой дом, нелегко осознать.

Бескрайни просторы любимой земли,
Где тропы оленьи у сопок прошли,
Где вольные птицы находят приют
И гнёзда весною на севере вьют.

Идут аргиши на летовку к морям,
И чумы стоят, как божественный храм,
И нет ограждений и чётких границ,
И тундра наполнена пением птиц.

И всё это – дом и родная земля,
Всё это воочию видела я,
Красивые женщины царствуют здесь,
Хозяева тундры на Севере есть.

Альманах № 16, 2016 год

Глубокая осень

Ступила на твёрдую землю глубокая осень,
И листья, упавшие с веток уж ветер уносит,
И медленно кружатся первые в небе снежинки,
По речке плывут долгожданные серые льдинки.
Заснули деревья и сняли свои одеянья,
Природа как будто застыла в немом ожидании,
Полярное солнце закрылось лохматою тенью,
Сквозь тучи глядит с высоты на остывшую землю.
Уже улетели на юг перелётные птицы,
И только луне в небесах, почему-то не спится,
Серебряной рыбкой средь звёзд
во Вселенной ныряет,
Сквозь тучи седые просторы земли освещает.
Ступила на твёрдую землю глубокая осень,
И мысли печальные ветер надежды уносит,
И радостью светлой ложатся
мне в руки снежинки,
Уходят из сердца студёные острые льдинки.

Альманах № 17, 2017 год

***

Поднималось солнышко из-за гор,
Разгоралась и заря вместе с ним,
Осветила заревом горизонт,
Показало солнышко яркий нимб.

Заиграли лучики по листве,
Заалела и заря над землёй,
Улыбнулось солнышко только мне:
«Не пора ли просыпаться, друг мой!»

Переливчато запел соловей,
Трели песен подхватил ветерок,
И проснулся под горою ручей,
Зарёй алой разгорался восток.

Расступился и растаял туман,
Лёгкой дымкой растворился, уплыл,
Только ветер всё играл тут и там,
И деревья, и траву шевелил.

И блаженно отдыхала земля,
Наслаждаясь пеньем птиц целый день,
Принимая всё тепло на себя,
И деревья создавали мне тень.

Опускалось солнышко за моря,
В море прятало волшебный свой нимб.
И вставала над землёю заря,
Чтобы вечером уйти вслед за ним.

Из неопубликованного

Елена Галимова

«Я как валун у матери-скалы...»

Художественный мир Алексея Пичкова

Лирике Алексея Пичкова в высшей степени свойственно то, что является отличительной чертой, главным признаком истинной поэзии, – то, что Борис Шергин называл словом «самородность», то есть естественность, органичность. Стихи Пичкова из тех творений искусства, что кажутся не «сделанными», а рождёнными, выросшими, словно «цветок голубой у ручья», или «берёзка с игрушечной звонкой листвою», или «тонконогий оленёнок, тонкорогий, быстроногий», на земле родной тундры. Не случайно сам поэт сравнивал возникновение стихотворения, рождение слова с рождением новой жизни в природе:

Вот так рождаются слова:
как из земли растёт трава,
как из гнезда во все концы
взлетают робкие птенцы.

А в другом стихотворении он сказал об этом так:

…есть сторонка такая
у озёр и у рек,
у далёких увалов,
где живут пастухи,
где цветами на скалах
распустились стихи.

Не случайно и то, что эта новая жизнь рождается не где-нибудь, а на просторах тундры. В поэтическом мире Алексея Пичкова тундра – родительница всего сущего, та Мать-Земля, которая даёт жизнь и оленям, и людям, и стихам. Так, в стихотворениях цикла «Из песен ненецких женщин» портрет героини создаётся с помощью природных образов, при этом соединяются воедино природное и человеческое и невозможно провести границу между тундрой и её дочерью:

Родилась я на Печоре,
как ольха, росла и крепла,
ветерок качал упруго
голубые мои ветки.
Я глядела в глубь Печоры,
на листах блестели росы,
как поток воды журчащей,
по плечам струились косы.

Можно с уверенностью говорить о том, что тундра – главная тема поэзии Пичкова, а точнее – главный её герой. Но при этом нужно уточнить, что речь идёт о самом широком и глубинном, поэтико-мифологическом смысле, которым наделяется эта заполярная земля в художественном мире поэта, о смысле, соединяющем воедино все отдельные конкретные значения. Тундра у Пичкова – образ универсальный и всеобъемлющий, включающий в себя и географическое понятие, и природное пространство, и образ жизни, и мироощущение народа, и песню-сказку.

Рассмотрим некоторые черты этого единого цельного образа, некоторые особенности поэтического мира Алексея Пичкова.

Одна из таких ярких особенностей – олицетворение природы, равно живой и неживой. Впрочем, неживой природы в художественном мире Пичкова нет совсем. Здесь «танцует вьюга на горе, поют метели в январе», «ручей, как парнишка, скатился с горы,/ рассыпался светлым, серебряным смехом…»; «бьёт кустарник рыжий по щеке,/словно плётка у него в руке»; здесь своенравный ветер, «аркан набросив на туманы», тянет их, как оленей, «луна, как девушка, плывёт/в панице светлой, сшитой мудро/из синевы и ярких звёзд», а «ночь черно-бурой крадётся лисицей». Здесь «белой песцовою шумною стаей/ волны на берег весной налетают», «гонит к морю белые метели/ветер по-хозяйски, не спеша», «пляшет пламя зверем рыжим» и «стреляет осень из тугого лука». Здесь «как светлые копья, дрожат на морозе/у дальней звезды золотые ресницы», а «ветер нож свой об осоку точит».

Олицетворяется и вся земля, вся родная тундра со всеми её природными явлениями. Она предстаёт живым и любящим существом, воистину Матерью-Землёй: «Ах, дороги – синие прожилки/на руках обветренной земли,/как меня вы взяли, закружили –/прямо к сердцу тундры привели!»

Стихи Пичкова наполнены ощущением простора, тем неповторимым ощущением, которым одаривает человека тундра, кажущаяся её детям бескрайней: «где конец её – не знаю,/где начало – неизвестно». Это, видимо, и есть основа национального ощущения кочевого народа: зов воли, манящий в бескрайние просторы. Только степь и тундра (да ещё море), где пространство распахнуто до горизонта и ничто не заслоняет неба, образуют зримый пространственный космос, неохватный взглядом. Поэтому главное в тундровом пейзаже Пичкова – именно простор, заснеженный или цветущий, освещённой звёздами и северным сиянием или незакатным летним солнцем тундры. В центре одного из самых известных стихотворений поэта, открывающего сборник его избранных стихотворений («Куда бегут мои олени»), – именно такой пространственный образ:

Тундра – снежные дали без края,
серебристый песцовый мех.
Без меня проживёшь ты, знаю,
без тропинок моих и вех.
У тебя их, тропинок, – без меры,
словно косы, сплелись на снегу.

Только я вот без тундры, наверно,
вдалеке прожить не смогу.

В этом стихотворении нет никаких конкретных пейзажных деталей (кроме тропинок, которые не ограничивают, не конкретизируют пространство, а напротив, подчёркивают распахнутость тундры во все стороны света); важен поэту именно цельный идеальный образ бескрайних снежных далей, красота которых раскрывается с помощью метафорического уподобления – снег как «серебристый песцовый мех». Во многих других стихотворениях также создаётся образ огромного пространства, и само слово «простор»

(«просторы») нередко встречается в поэзии Алексея Пичкова: «Полюбил я родные просторы,/где родиться и жить довелось»; «к родным просторам отыскал ключи».

Поэт стремится передать сказочную безграничность, беспредельность родного края, где прямо в небо, «в голубое поднебесье/убегает тропкой тундра./Где конец её – не знаю,/ где начало – неизвестно…». В то же время возникает ощущение, что лирический герой способен увидеть родную тундру сразу на многие сотни километров, охватить взглядом её всю – и землю, и озёра, и берег моря, покрытый льдом. Несколькими яркими штрихами, насыщенными цветовыми, световыми, звуковыми, осязательными деталями и образами Пичков рисует воистину прекрасный мир, бесконечно дорогой поэту:

На морях в алмазных бликах
лёд горит и тихо тает.
Это гуси с звонким криком
надо мною пролетают.
Это жёсткою травою
у озёр играет ветер…

Та же всеохватность взгляда, стремление увидеть и запечатлеть разом всю тундру возникает и в других стихотворениях. Так, например, в стихотворении «Ты уедешь на Канин» лирический герой с вершины Камня, взлетев, «словно птица к голубым облакам», видит сразу два моря – Белое и Баренцево. А в другом стихотворении бесконечным предстаёт путь лирического героя по родным просторам: «Через снег и пургу,/через звёзд вековое сиянье,/через горы крутые/иду я вперёд и вперёд».

Но эти бескрайние и беспредельные просторы – одновременно земля обжитая и знакомая до мельчайших подробностей. «Не тревожься, я здесь без карты/знаю каждый изгиб земли», – говорит лирический герой, для которого вся тундра, весь этот «заповедный и тихий край» – родина. Здесь всюду «привольно и птице и зверю/и под каждой берёзкой жильё».

Собирательный мифопоэтический образ преображённой, сказочно прекрасной тундры, увиденный любящим взглядом её сына-поэта сквозь магический кристалл древних мифов и легенд, страны, где живёт любимая, возникает в лирическом стихотворении «Далеко Сэрне моя живёт…»:

Далеко Сэрне моя живёт,
там, где месяц лебедем плывёт,
там, где зорька рыбой краснопёрой
плавает и плещется в озёрах.
В бусах там у девушек горят
тридцать радуг, тридцать солнц подряд.

Увидеть такой тундру, прозреть её внутреннюю сущность и волшебную красоту может лишь тот, кто, подобно поэту, «к родным просторам отыскал ключи», не убоявшись того, что дорога, ведущая к сердцу тундры, – «из одних преград,/одна гора другой страшней и выше».

Интенсивность лирического переживания красоты родной земли передаётся поэтом с помощью различных художественных средств, в том числе – с помощью выразительных цветовых, звуковых образов. Тундра Алексея Пичкова – не мертвенно белая безмолвная пустыня, а яркий, многоцветный, сияющий, звенящий и поющий мир.

«Мне шум волны, как музыка, звучит/и песня чайки – как привет любимой», – так слышит и воспринимает поэт голоса природы. Поют у него и птицы, и ветра, и небо: «кличет лебедь лебедиху,/песнь свою поёт с любовью» «и над ними песню небо/напевает тихо-тихо». Птичьи голоса – это голос самой тундры, которая вовсе не безмолвна: «разговором шальным куропачьим/просыпается утром яра». И весь окрестный простор, особенно зимой, наполнен чистым серебряным звоном: снежная «крупка сыплется, звеня», «льдинки звенят на ветру,/как железки», дома «звенят, как струны, на ветру».

В цветовой гамме поэтического мира Алексея Пичкова преобладают чистые, светлые, яркие цвета. Неожиданное сочетание в летнем пейзаже белого и голубого придаёт ему особую чистоту и хрупкость: «Здесь камни от инея/летом белы. Притронешься к ним –/и морозом прихватит,/а рядом трава, голубые цветы». «Цветок голубой у ручья» как символ нежной и ранимой красоты короткого полярного лета встречается и в другом стихотворении поэта; чистым голубым цветом сияет и весь окружающий мир, вся убегающая «в голубое поднебесье» тундра; олени бегут по мартовскому снегу «в безграничном море синевы», а летом «на дальних голубых озёрах/гаснет солнце в ледяной воде». Яркие мазки красного контрастируют с холодной синевой и белизной, как на картинах Тыко Вылки: «на чаечьем белом крыле/закат угасает кровавый», обнимает землю «алый круг заката и восхода», и «заря, словно алый платочек, полыхает над морем вдали».

Но чаще цветовые характеристики заменяются у Пичкова световыми, точнее – свет и цвет сливаются в едином образе. Тёмной, мрачной тундра в его поэзии не бывает. Летом она залита светом незакатного солнца: Но за синей грядой у болот, у озёр солнце вновь разожгло негасимый костёр. Свет явился такой – прямо режет глаза.

И лирический герой оказывается внутри торжествующего яркого мира, его путь сквозь лето проходит «там, где жёлтое солнце пылает, там, где зори опять из огней собирают большой хоровод».

А зимой над тундрой – «звёзд вековое сиянье», «яркие, как искорки, летят/и ложатся под ноги снежинки», «здесь не гаснут звёзды до апреля,/луны ярче медного ковша»; поэт видит даже «в глазах оленьих блеск звезды».

Весной, когда сердце раскрывается навстречу пробуждающейся природе, поёт радостную песню «инею берёз и светлому сияющему насту», а «на собачьих пёстрых спинах скачет солнце целый день», белизна мартовского снега под лучами весеннего солнца расцветает всеми цветами спектра, феерической зимней радугой:

Рожденье солнца – первый крик весны,
когда ещё метели не утихли,
когда они ещё звенеть должны,
вздымать по насту ледяные вихри.
Но всё уже наполнено весной,
слабее взмахи белых-белых крыльев.
Всё чаще кольца радуг под окном
сияют вместе с ледяною пылью.

Нередко световые, цветовые и звуковые образы соединяются в метафоры, и поэт создаёт цельную живописную и звучащую «живую картину». Так, характеристикой предельной чистоты морозного воздуха становится его звучание – звон, смех:

Воздух чист и звонок до предела:
тронь – и рассмеётся, как шальной.
Над землёю, над равниной белой
всходит солнце яркою звездой.

А льдинки под лучами солнца и звенят, и загораются, сливаясь в единый звонко-сияющий образ:

Пусть на одежде загорятся льдинки,
Пусть зазвенят, а я им подпою.

Одним из главных мотивов, характеризующих состояние поэтического мира Алексея Пичкова, является мотив движения. В пути находится и лирический герой («как выстрел/ огромного ружья/рванула нарта быстрая/в родимые края»; «позабыл давно я о покое,/ отправляясь в свой далёкий путь»), и олени («летят олени, словно стрелы,/красив их бег, как птичий лёт»), и вьюги-метели («обогретые мартовским солнцем,/улетают куда-то метели –/на растаявших крыльях им уже не вернуться назад»), и даже дома, что «выбегают к студёному морю».

Это непрестанное движение – метафора жизни как таковой и в то же время художественное воплощение зова предков, потребности в кочевье. Стремительное, похожее на полёт движение – символ полноты и насыщенности существования человека и мира.

И при этом в своих главных основах мир, воспетый Алексеем Пичковым, остаётся неизменным. Сегодня, как и вчера, как и века назад «далеко, за дымный синий Камень/из озёр уносится вода», «вдали, по гребням гор, берёзы/стоят, одевшись в совики», а в небе всё так же светится Нгэрм Нумгы. Вечно, пока будет жить человек на этой «окраине милой России», будет ему «хлябь родных болот дороже/крутых утоптанных дорог» и будут близки – так близки, будто спеты самим – лирические стихи-песни Алексея Пичкова.

А я себе не требую
замены –
Я как валун
у матери-скалы, –
Я ни за что на свете
не оставлю
Ни гор, ни звёзд
мерцающих вдали.
Я здесь родился,
Здесь мне жить
и славить
России Север,
Дальний край земли,

– сказал о себе поэт. И замены ему не будет. Будут ученики, продолжатели. Будет много хороших поэтов. Но в основании ненецкой поэзии в числе нескольких камней, которые «быть во главу угла», всегда будет этот удивительный поэтический мир, созданный Алексеем Пичковым, – поющий и звенящий, яркий и чистый, добрый и, несмотря на заполярную стужу, тёплый.

Альманах № 9, 2009 год

Ангелина Прудникова
Морошка

Ягода-морошина,
Ты ли не в чести? –
Ты на Север брошена
Из святой горсти…
Темными болотами
Вдруг поманит глаз
Грань твоя золотная,
Моховой алмаз.
Сторона унылая
Свету не страшна:
Солнечною силою
Ты напоена.
Сладкая да вкусная? –
Не могу сказать.
Жизненная, хрусткая –
Хлебушку под стать!
Потому-то загодя
Люд из года в год
Золотую ягоду
Про запас берет.
И не зря красуется
В золотом меду –
С ней перезимуется
Веселей в дому!
А вольна морошина
От тоски спасти –
Потому что брошена
Из святой горсти.

Альманах № 11, 2011 год

Владимир Фомин
Литобъединение «Заполярье»

О литобъединении «Заполярье» я узнал больше с того дня, когда пришел работать в окружную газету «Няръяна вындер». А было это ни много ни мало, а лет сорок назад, если точнее, то в 1970-м году.

Мне, начинающему тогда журналисту, очень интересно и важно было знать не только то, о чем писала газета, как работали журналисты – насколько грамотно, красочно, толково, – но и прочувствовать ритмы, дела того далекого времени: коллективизацию, индустриализацию, словом, эпоху великих строек, замыслов, идей и т.д.

Листая старые подшивки газеты, я был приятно удивлен, что не только, оказывается, «хлебом единым» жили журналисты 30-х годов. Именно тогда, в январе 1934 года при ненецкой окружной газете «Няръяна вындер» и было организовано литобъединение «Заполярье», у истоков которого стояли писатели-северяне Георгий Суфтин, Иван Меньшиков, впоследствии – Валентин Левчаткин, Владимир Михайловский, Георгий Вокуев, позже – Василий Ледков, Алексей Пичков и другие сподвижники, не лишенные творческой жилки. А еще много раньше, с октября 1931 года, в «Няръяна вындер» стали выпускать литературные страницы. О ЛитО «Заполярье», годах его становления рассказывает ветеран журналистики округа, краевед, писатель Александр Тунгусов в сборнике «Ненецкий край. Сквозь вьюги лет» под редакцией Виктора Толкачева. Организационное оформление литературной группы ускорила подготовка к Первому съезду Советских писателей.

Многим известно и то, что «Заполярье», помимо творческих взлетов, к сожалению, имело и падения. И это не относится только к периоду Великой Отечественной войны, на которую ушли и мужчины редакции «Няръянки», члены литобъединения «Заполярье». Но, как отмечал Александр Александрович в сборнике Виктора Федоровича, со временем этот пробел был устранен: в 50-е годы даже «Александр Михайлов из Москвы был в числе тех, кто проводил с нами занятия... приезжая на родину, не забывал навестить и редакцию».

В Нарьян-Маре побывали писатель Павел Лысков и журналистка Тамара Скороходова. На собрании литобъединения они рассказали о жизни архангельской писательской организации. На собрании присутствовали и представители окружного комитета партии, поскольку газета была в те годы органом окружкома КПСС.

Мне до сих пор хорошо помнится, как работающие в те годы в редакции члены литобъединения: Александр Канюков, Алексей Пичков, Алексей Коткин (живущий тогда в деревне Коткино и частенько бывавший в нашей редакции), очень трепетно относились к молодой творческой поросли. Не могу сейчас назвать по именам-фамилиям ребят, которые были постоянными гостями нашего коллектива, времени после того дня прошло достаточно много. Но однозначно скажу одно – желающих поупражняться в поэтическом творчестве да и в прозе, было немало. Конечно, своими произведениями делились с редакцией, с ЛитО «Заполярье» (поскольку «Заполярье» и «Няръянка» были тогда неотделимы друг от друга) и маститые авторы, люди старшего поколения – Василий и Василий Митрофанович Ледковы, конечно же, Алеша Пичков, Андрей Филиппов, Георгий Вокуев, Николай Контиевский, Александр Канюков, Прокопий Явтысый, Виктор Толкачев. Когда в агропромышленный отдел редакции поступала поэзия или проза наших авторов на имя Алексея Ильича (а он работал у меня в отделе), то он обязательно давал прочесть написанное своим коллегам-газетчикам. И, как правило, он всегда прислушивался к их мнению. Такое сотрудничество было очень даже кстати и шло только на пользу литературному объединению в его творческом бытии.

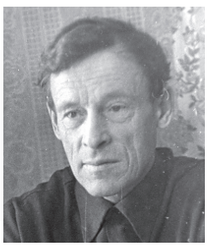
Альманах № 11, 2011 год

Роман Киселёв
Лебёдушка

С криками печальными,
Грусти не тая,
Пролетели лебеди
В тёплые края.
Подгонял лебёдушек
Ветер-ветерок –
Нынче с моря Белого
Дует сиверок.

Мчатся тучи по небу
И несут снега.
Опустели к осени
Речки берега.
На прощанье хочется
Птицей прокричать:
Прилетай, лебёдушка,
Буду очень ждать.

Наконец, закончились
Вьюги-холода.
В речке забуянила
Вешняя вода.
Стало по-весеннему
Солнышко сиять.
Скоро мы с лебёдушкой
Встретимся опять.



Алексей Коткин

Сульская мозаика

Фрагмент повести

Фёдор Андреевич – это, пожалуй, одна из наиболее ярких и противоречивых по складу характера личностей среди сверстников не только в Коткино, но и вообще в Присулье. Прежде всего, конечно, это был добрый семьянин, умевший на любой работе не тлеть, а гореть. По трезвости он не уступал почти никому, в том числе и брату своему Акиму. А в рыбной ловле, в наладке сетей, мереж, фетелей, неводов умением и страстью значительно его превосходил.

– Ха! Стану я ноги бить двенадцать вёрст туда да обратно за одной щукой! Я, бат, щуку-то и в Грязной луже добуду! – говорил как-то Фёдор брату Акиму, предложившему выставить уды в Сорожьи озёра. Такое заявление, конечно, коекем, плохо знавшим Федю-Бата, было воспринято как бахвальство, поскольку в существовавшем тогда в нижнем конце деревни озере, которое весьма пренебрежительно именовалось Грязной лужей, и из которого брал начало ныне пересохший, вернее, заваленный навозом Таблеихин ручей, кроме водяного клопа, не водилась ни одна живулька. Но кто бывал с Фёдором Андреевичем в деле, тот понимал, что это была всё-таки самооценивающая истина, только чуть-чуть преувеличенная. Этот человек умел ловить рыбу практически в любом водоёме, умел одним из первых закончить страду, всякий раз обеспечивая свою живность в хлевах высокосортным сеном, умел перещеголять и многих охотников в лове куропатки.

– Федя-Бат, когда на работе, ступью не ходит, всё в пробег. А уж коль на гулянку выйдет – будто плывёт, уж воды не расплещет! – говорили о нём в деревне с неизменным уважением, как к хозяину крепкому, с царьком в голове.

Очень высокого мнения о трудолюбии, сноровистости Фёдора Андреевича был и мой отец, которому доводилось рядом с ним косить, метать сено, бывать вместе на путинах и лове куропатки. Как-то зимы две они выезжали «за куроптем» в район Индиги и ловили «заодно», то есть в один котёл.

– Я мух ртом тоже не ловил, но за Фёдором в постановке сильев угнаться никак не мог. Бывало, начнём нагребать сугроб в одно время, я тороплюсь, весь в поту, руки снуют безостановочно, а Фёдор уж колонул лопаткой по лыжам, уж идёт и для нового сила место приглядывает, – рассказывал о том периоде отец. А ведь он «мух в деле не ловил» и был моложе Фёдора Андреевича годов на двадцать!

Овдовел Фёдор рано, ещё не успев стать фактическим дедом. Однако это не помешало ему в одиночку поднять на ноги, приучить к трудолюбию дочерей – Раиду, Палексену, Августу, Ирину, сыновей – Евгения, Ивана и Степана. Не могу не отдать дань памяти и не вспомнить о Степане Фёдоровиче – весельчаке, балагуре, первом продавце из сулян в госторговской лавке – погибшем вместе с таким же пареньком-весельчаком из Сулы Никодимом Степановичем Апицыным в сороковом году под Выборгом во время войны с финнами. Эти ребята первыми в Присулье отдали свои молодые жизни на поле брани, не успев ни полюбить, ни жениться. Сейчас из детей Фёдора Андреевича в живых осталась лишь Августа, проживающая в Архангельске близ дочери. Внуки и правнуки его живут в Коткино, в Виске, в Архангельске и в других поселениях необъятной России.

Однако наряду с резко выраженными положительными качествами в характере этого человека были столь же резко выражены и отрицательные – это прежде всего грубость, которую Фёдор Андреевич мог проявить к каждому в самой резкой, даже пренебрежительной форме. Как-то году в тридцать пятом на октябрьские праздники случилась страшная гололедица, доставившая истинное удовольствие нашему мокроносому племени, и множество огорчений взрослым, особенно мужикам, как и принято в праздник на Руси, подгулявшим. Бежим мы ватагой на коньках вдоль деревни и видим, напротив домика Кондратьевны, на особо скользком угорышке полулежит наш сельчанин (имени его по понятным соображениям называть не стану), и подле него в своей обычной, несколько надменной позе со всунутыми в карманы бобриковой «дожурки» руками стоит Фёдор Андреевич. К этому следует добавить, что, несмотря на свою внешнюю физическую неуклюжесть, «важничать» перед людьми Федя-Бат умел. При этом туловище Фёдора Андреевича, поддерживаемое чуть согнутыми в коленях пружинистыми ногами, совершенно не сочеталось с гордо приподнятой головой, и с выражением лица, обрамлённого окладистой, чуть рыжеватой бородищей. Голова и лицо его жили как бы отдельно от туловища или были взяты напрокат от другого человека.

– Фёдор Андреевич, подними, будь ласка! – просит мужик, протягивая руку и ожидая помощи.

«Спаситель» какое-то время стоит, покачиваясь на пружинистых ногах, поглаживая бороду.

– Ха–ха! Ты, дерьмо беззадо, бат думашь, я и правду тя подымать стану!.. На-ко, выкуси! – гремит, наконец, он, суёт к носу лежащего фигу и важно отправляется прочь.

Даже нас, ребятишек, такое отношение сельчанина к сельчанину, жильё которых отделяло друг от друга всего два дома, покоробило. Мы, освободившись от коньков, кое-как помогли подзахмелевшему человеку, помимо всего, страдающему радикулитом, добраться до родного

порога. Удивительную противоречивость чувств, охватывающих этого человека в иные моменты, можно подкрепить множеством примеров, но я ограничусь двумя. Вот первый. Как-то приходит к Фёдору Андреевичу сосед, у которого перед выездом на урочище для постановки силышек на куропатку случилась беда – сломал лопату.

– Фёдор Андреевич, выручи сильевой лопатой денька на два, пока нову вытешу, – объяснив ситуацию, сказал он.

– Ха! Лопату, говоришь? Погодь, присядь-ко на лавку, я до амбара сбегану, – живо откликнулся хозяин, накинул на себя малицу и исчез за дверью.

– Вот спасибо тебе, дедко Фёдор, выручил! – обрадовался проситель, только хозяин с лопатой в руках вернулся, и поднялся ему навстречу.

– Баска лопата-то? Уймиста? – спросил Фёдор Андреевич, поворачивая лопату так и эдак.

– Баска и уймиста! – охотно согласился проситель, не переставая угодливо улыбаться.

– Дак вот таку же вытеши и не попрошайничай! – усмешливо посоветовал хозяин и вместе с лопатой быстренько выскочил из избы.

Однако проситель, зная непостоянство в характере старика, вновь уселся на лавку, будто ничего не случилось, и завёл какой-то разговор с невесткой хозяина.

Фёдор, вернувшись, разделся, сел к столу, закурил и вдруг спросил:

– Бат, ты на меня и обиду затаил?

– Что ты, дедко Фёдор! Спасибо, что лопату показал и совет добрый дал. А я обойдусь. К дедке Акиму ли, к Мишечке ли сунусь, попопрошайничаю.

– Ха! Дак чё бегать, когда конь в упряжке? Мне ить лопату не жалко – не забрюхатет, держи хошь неделю, – вдруг сменил хозяин гнев на милость, снова отправился с просителем в амбар и вручил ему ту же самую лопату.

А вот второй. Любил приходить к Фёдору Андреевичу для вечерних бесед Василий Фёдорович Канев – человек удивительно смышлёный и смешливый, мастер на все руки, о котором основная речь впереди.

– Сёдне ходил в Носки, весь снег куропти вытоптали, – сообщил гость, которого понять, шутит он или серьёзничает, было невозможно.

– Ха! Бат, думаешь, я о том не знаю? – откликнулся хозяин, раскуривая цигарку. – В Носках ить веки куропти держались!

Спустя неделю тот же сельчанин снова приходит к старику:

– Сёдне смотрел сильё в Носках и пришёл с пустой чункой. Даже следа куропачьего не видел, – сказал он.

– Ха! Бат, думаешь, я о том не знаю? В Носках-то веки куроптей не бывало!..

Ко всему этому Фёдор Андреевич, как и брат его Аким Андреевич, был вспыльчив. Но, говорили, ежели Аким горяч до кипения, то от Фёдора можно было во время горячки прикурить. Это, конечно, преувеличение злых языков, но доля правды, причём, львиная, в этом определении есть. Как-то возвращался дед Фёдор с осмотра силышек из Заречья. По его лыжне сзади поспешает кобель Лапо, впряжённый в чунку с добычей. Достигли они спуска на речной лёд. Дед Фёдор катится, подпёхиваясь лопатой, блаженствует – всё-таки какая-никакая передышка от ходьбы. Оглянулся назад он лишь тогда, когда достиг домашнего берега. И видит, его помощник Лапо прыгает и никак не может сдвинуть с места опрокинувшуюся вверх полозьем чунку.

– Бат, леший тя за... то?! – вскрикивает охотник и, подняв лопату над головой, устремляется к месту «аварии».

Мы, наблюдавшие эту сценку с угора, затаили дыхание – сейчас дедко Фёдор прикончит собаку! Но случилось неожиданное. Охотник с размаху нанёс удар... по чунке, переломив лопату и один из полозов чунки...

– Ха! Вот ить кака блажь в голову пала! – говорил покаянно на другой день Фёдор подошедшему Мишечке. – Вчерась с горы съехал каверзно и вот навёл дела дни на два-три.

– Бывает, братан, бывает! – ухмыльнулся в стриженную бородку Мишечка, видевший, как его братан съезжал с горы...

Ушёл из жизни Фёдор Андреевич скоропостижно, от заворота кишок, как предположили местные медики, в предпоследний военный год. Человек был, конечно, с чудинкой. Но чудинка его была бесхитростной, незлобивой. Да и сам он был, как говорят, весь нараспашку. Потому и память о нём живёт среди коткинчан добрая. А некоторые из «выкрутасов» Фёдора Середнего давно превратились в доморощенные анекдоты...

Альманах № 10, 2010 год

Анна Пушкина
Маме

Как пахнут твои руки, мама!
Уткнусь лицом и пропаду…
От взрослой жизни я устала
И гнусь тростинкой на ветру.

Дай ощутить тепло ладоней,
Меня морозит от потерь.
Я так измотана погоней
За светлым будущим детей.

Дай мне забыться на мгновенье,
Меня ты знаешь лучше всех.
Там, в моей жизни, как на сцене,
Имеет цену лишь успех.

Я отдохну немного, мама…
И снова в путь, и снова в бой.
Я в этом мире не пропала
Лишь потому, что ты со мной.

Альманах № 14, 2014 год

Роберт Вылка
Птичьи острова

Острова имеют одну особенность. Расположенные посреди губы, они очень приземисты, и в осеннее непогодье вода заливает их, отчего в каждой низине застаивается морская вода, не годная в употребление.

Сильные западные ветры и частые шторма отшлифовали поверхность островов так, что взгляду открывается пустынная в своем однообразии равнина: кроме скупо зеленеющей низкой травки и бледных чахоточных цветов вряд ли что здесь может расти. Талый слой почвы и грунта, как правило, мал – двадцать-тридцать сантиметров. Глубже лопата не берет – вечная мерзлота.

Кроме птиц, на островах не встретишь ни одного живого существа. Через каждые несколько шагов попадаются сложенные из водорослей и травы гнезда чаек, белеющие пухом гнезда гусей, изредка можно найти и лебединые.

…Я все больше углублялся в восточную часть острова. Приходилось обходить многочисленные озерки, преодолевать речушки с черной непроницаемой водой. Я чувствовал себя Робинзоном, обходящим свои владения. Любопытству моему не было предела. Осматривал буквально каждую кочку, метался от одного гнезда к другому, и на каждом шагу находил новое и удивительное. Приметив у небольшой лужицы сложенную кучу травы вперемешку с сухими комьями земли, я поспешил туда. Хозяйка гнезда – огромная белая чайка, нехотя взмыла вверх. Появление непрошенного гостя, сумасшедший крик негостеприимной птицы привлекли внимание всего общества пернатых: каждую минуту можно было ожидать крепкого удара по голове. Между тем на моих глазах пробуждалась сама жизнь.

В небольшом углублении на мягкой подстилке покоилось три серых с черными крапинками яйца. И вот одно из них, в середине, вдруг качнулось. И тут же по всей скорлупе разбежались тонкие трещины – малыш явно просился на свет. Крошечное существо то ворочалось в своем тесном скорлупочном домике, то замирало, как бы привыкая и осваиваясь в новом, неведомом ему, но властно зовущем мире. А над ним металась с плачущим криком мать, словно хотела уберечь, прикрыть бельм крылом свое дитя от злых глаз.

Забавно смотреть на её тревогу.

…Я невольно вздрогнул, когда из-под самых ног с шумом взметнулась гага – так поразительно её оперение сливалось с землей. Однако взлетев, она тут же комочком свалилась в траву и, смешно взмахивая крыльями, с жалобным кряканьем забилась, незаметно уводя меня от гнезда.

Восемь зеленоватых яиц лежали в теплом гагачьем пуху. Сама же мамаша, с беспокойством вытягивая шейку, кружилась у озера, искоса поглядывая на меня своим черным глазом – заботливая птица. Улетая покормиться, она бережно укутывает яйца пухом, предохраняя их от охлаждения и маскируя гнездо. Гага обязательно делает это в то время, когда поблизости нет охотника полакомиться её будущим потомством – поморника или даже соседки-чайки, которая при случае не прочь отведать у кумушки яичек.

…А вот картина, которую не так уж часто можно встретить. Правда, эта забавная находка обошлась мне купанием в студеной воде, когда я переходил на второй остров. Вытянутый с запада на восток, он представляет небольшой участок суши – излюбленное место гнездования гаг. Чтобы туда добраться, пришлось переходить узкий пролив по колено в воде. Лёд предательски убегал из-под ног, и я даже опомниться не успел, как поскользнулся и полетел в студеную воду. Уже на берегу, стуча зубами, слил из сапог воду, выжал одежду, а так как мне больше ничего не оставалось, как продолжать свое путешествие, рысцою отправился дальше, стараясь согреться на бегу.

Вот тут-то я и наткнулся на гнезда двух гаг. Они были устроены так близко друг к другу, что половина выкладки из одного гнезда оказалась во втором. Да, есть над чем поломать голову.

…Солнце клонилось к вечеру, когда я завершал обход третьего острова. Сидя на берегу и дав отдых усталым ногам, соображал, как удачнее будет переправиться на «свой» остров, с тем, чтобы наиболее коротким путём выйти к лодке. Все это время меня не покидало ощущение, что за мной зорко наблюдают. Оглянувшись, я заметил, что обыкновенная кочка в десяти шагах от меня совсем не кочка, а сидящая на гнезде гага. Так вот кто не давал покоя!

В первую минуту мне пришла в голову шальная мысль: незаметно подкрасться сзади и поймать гагу, как это проделывал не раз, но все мое тело ныло и просило покоя, так что пришлось махнуть на замысел рукой.

...Белая ночь. Багряное солнце косматым шаром висит над морем. Смолк птичий гомон. Изредка пролетит с моря запоздалая птица, и всё опять погружается в сонную дремоту. Я сижу у костра и смотрю на далекий берег. Домики, несколько лодок у причала, блестящие в лучах незаходящего солнца черными смоляными бортами, собачонка с заливистым лаем, гоняющая по берегу куликов и кажущаяся издали доброй лошадкой. Всё это переливается и плывет, как навеянная и возникшая из воздуха волшебная картинка. Наверно, так оно и есть. Где-то на озере слышится стон гагары. Её крик похож на плач забытого ребенка. Хочется спать.

Григорий Бармич

Моя семья

В детстве мне всегда хотелось быть летчиком. Да и учиться тянуло очень сильно…

Как я полетел из тундры в село Ома в первый класс… Для меня это был самый счастливый день детской жизни. Мы стояли возле реки Табров. Тогда еще жили в пятой бригаде. Мне – шесть лет, и родители меня еще не отпускали в школу, говорили: рано. Тогда я завидовал старшему брату Василию: он учился, а я – нет.

31 августа прилетел вертолет за школьниками. Летчики после долгого полета решили чай попить, винты остановили. Все разошлись по палаткам, а двери в вертолете оставили открытыми. Я стоял и смотрел на чудо-технику. Смотрел недолго. Вижу лестницу. Забрался я не спеша, и сел. Ждал народ, когда пойдут к вертолету. Долго чай пили, родители меня звали чай пить, но я сидел и ждал. Все уже подходили к вертолету, складывали посылки. А позже стали залезать и школьники. И последними – летчики. Кажется, все собрались к взлету в небо. Винты стали быстрее и быстрее крутиться. Наконец- то оторвались от земли тундровой. А родители даже забыли, что я нахожусь в вертолете. Опомнились, а я там уже, лечу над бригадой. Помню, мама рассказывала:

– Спрашиваю папу: «Ты Гришку не видел?» А он: «Нет». Мама вспомнила, что я сидел в вертолете. А вертолет летел, поднимаясь все выше и выше. Папа говорит: «Улетел, что поделаешь…». А мама: «Ну ладно, пускай летит, будет учиться в школе». Так исполнилось мое желание учиться. Я был счастлив. Смотрел в окно и видел свою родину: много озер, извилистых рек.

Теперь я вырос, окончил 11 классов. Братья и сестры тоже выросли. В нашей семье семь человек. Отец – Василий Николаевич, мама – Раиса Михайловна. Самая младшая дочь – Ольга, постарше – Мария, старший брат – Василий, после старшего – я, за мной Елисей. Папа и мама – главные очаги семьи. Без них мы просто никто. Дети в семье есть тихие и шумные. К первым относятся Василий, Мария и я. А вот Елисей и Ольга, они в детстве были очень прихотливы. Сейчас они взрослые, требовательны к работе. Младшая еще учится в поселке Красное, а Елисей уже работает в СПК «Восход» пастухом, окончив в школе-интернате имени А. Пырерки в Нарьян-Маре семь классов. Он учился хорошо, без троек. Я тоже там учился. Мы жили в разных корпусах. Но я старался чаще заходить к нему. Бывало, что оденется смешно. Когда смотрел на него, то чувствовал жалость. Жалел очень сильно. Виделся в нем безобидный человек с хорошей душой. Да и сейчас такая симпатия есть, когда смотришь на свою семью. Хотя бывает, что ругаемся, но редко. Обида проходит быстро, держим теплый очаг в семье. Подтапливаем свой семейный очаг смешными историями.

Друг от друга не отдаляемся, стараемся быть вместе… хотя бывает, от нужды и отдаляемся. Сестры – Маша и Ольга – сейчас прилетают в тундру лишь на летние каникулы. Маша поступает в педколледж. Ей будет трудно адаптироваться к городской жизни. Я даже знаю, что она будет чувствовать – печаль и одиночество. Конечно, будет вспоминать о нас… Конечно, будет плакать и вспоминать мимолетные минуты счастья в семье.

Сестра Мария заменяет нашу маму. Помогает готовить, шить. Она очень трудолюбивая. Больше всего любит работу, старается делать ее аккуратно и добросовестно.

Однажды семьей ужинали. Я задал сестрам вопрос: что думают они о своем будущем? Пока ответ висел между небом и землей, Ольга ответила прямо: «Я буду чумработницей и жить буду в тундре». В семье у нас нет такого, чтобы насильно заставлять делать какую-нибудь работу или учиться – ехать на далекое расстояние, причем, не по своей воле. Выбираем свое будущее самостоятельно. Живем, как заблагоразумится.

* * *

Елисей, Елисей, любопытный человек. Когда стал взрослым, стал относиться серьезно к жизни своей, трудолюбив. Очень рассудителен. В разговорах – всегда идет на принцип, его трудно в чем-либо убедить. В оленеводстве стал очень рано работать, с пятнадцати лет был пастухом бригады № 4. Наш бригадир Геннадий Латышев больше всего доверяет пастуху Елисею. У Елисея есть собака Бурик, как полагается, правая рука пастуха. Какой хозяин, такая по характеру собака. Пример такой. Елисей любит много сладкого и, конечно, вкусно поесть. И Бурик тоже любит вкусно поесть да плюс конфеты.

Если хозяина тронуть или повалить, то Бурик придет на помощь, может даже укусить. Когда ловим оленей в стаде, Елисея ставят с собакой на край, чтобы олени широко не разбегались. Помню, когда Бурик не откликнулся на зов хозяина, Елисей решил проблему просто: укусил ухо у собаки Бурика. Теперь Бурик слушается отлично. Но Елисей так может не только с братьями меньшими, но и с безобидными олешками. Учил Елисей, бил нового передового олешка – трудно их научить сразу. Передовой его не слушался, все влево да влево. А Елисею надо, чтобы направо. Надо сильно работать вожжой и длинным трехметровым хореем. Это тебе, Елисей, не собака Бурик, а олень, с которым надо усердно и кропотливо работать руками, а он, как у собаки, укусил ему ухо, причем, очень сильно, даже у бедного оленя в ухе что-то хрустнуло.

При беседе Елисей всегда вежлив и любит шутить.

Не было такого, чтобы он на кого-то ругался. Вот такой братишка Елисей. Причем, он родился в тундре, даже есть место, названное в честь его – Елисейкино место на полуострове Канин на реке Табров. Он у нас истинный оленевод в нашей тундре.

Старший брат Василий немного странный и причудливый. Склонен к меланхолии, говорит не спеша, медленно и тихо. Но очень интересно рассказывает смешные истории. Долго рассказывает, его хочется слушать дальше и дальше. Ростом не ахти какой, видится в нем беспомощность. Я иногда смотрю на него с жалостью. Сейчас он не работает, хотя когда ему было 17 лет, был в тундре пастухом, но в какой-то непонятной ситуации вину свалили на него. В 19 лет пошел в армию, отслужил в Мурманске моряком, вернулся в тундру. Он не любит без дела дома сидеть и проводить день впустую. Обязательно доделывает работу до конца. Просится в стадо, но его почему-то на работу не берут. Сейчас болтается, куда ветер занесет. Бывает, что-то плохое сделает. Даже язык не поворачивается, чтобы наругать его. Нет, лучше помолчать. Читает редко.

Мама, она у нас самая любимая в семье, да и папа тоже. Всегда радуются и всегда вместе. Друг от друга на далекие расстояния не отдаляются. Любят собак очень сильно. Самая старшая в семье – это мама Раиса Михайловна. Сейчас она вышла на пенсию, но работает чумработницей в тундре. Вся семья держится на ней. Одевает, накормит, зашьет, даже даст немного денег на расходы. Смотрю на нее, но характер в ней выявить очень сложно, он какой-то даже загадочный. Все члены семьи, мы очень переживаем за маму. Но не говорим о чувствах, о том, как к кому относимся. Эти чувства выявляются в поведении. Но сказать? – нет! Такой уж народ – ненцы. Если долго не было кого-то в семье, то стараемся не прибегать к объятьям или словам «я скучал». Лишь здороваемся рукопожатием. Или на словах. Боимся больше всего близкого прикосновения: возникает неловкость, покраснение. Робкие мы, ненцы. Или другой пример – плакать. Дома мы не плачем, это не наша черта. Все это – телячьи нежности, и у нас такого нет. Наверное, кто подумает, что мы – темное царство в глуши в области чувств. Нет, ошибаетесь. Мы лишь только мысленно это все про себя говорим примерно так: «Я за тебя очень сильно переживаю». Это тоже не говорим. Лишь только передаем своим взглядом и все.

Папаша – Василий Николаевич Бармич. Смешной и забавный. Папа, когда наденет сапоги больше по размеру, рваную малицу и допотопную довоенную шапку-ушанку, проявляется в нем бедность и беспомощность. Он у нас в семье оптимист, к нам относится почти равнодушно. Но «братьям меньшим» больше всего уделяет внимание. Особенно Торику. Маленькая собачка лохматая, цвет шерсти оранжевый с белым. Торик – любимчик в нашей семье. Каждый день сидит на коленях у кого-либо.

Собак хватает, целых четыре: Торик, Моська, Бурик и Нерка – самая лохматая у нас. Цвет черный, немного белых пятнышек. Когда свет падает на Нерку, то в шерсти появляется блеск. Нерка из собак самый культурный пес. Следит за своей шерстью, всегда чистенький, аккуратный. Ходит тише мыши. В семье мы больше всего хвалим Нерку.

Есть еще Моська. Он уже старый, отработал в свои молодые годы, да и сейчас немного работает. Хозяин у него – папаша Василий Николаевич. Считай, у него две собаки – Торик и Моська. А у Нерки хозяин Василий Бобриков. Правда, только хозяин не работает, а лишь отдыхает. Скучает он по работе своей, чтоб гнать оленей или подгонять, кто отстает от стада.

У Моськи года уже подошли. Все время хрипит, когда спит, а то может и храпеть как человек. Помню такой случай. В бригаде, в своей палатке я остался один, а родители, сестра и братья уехали в деревню. Со мной остался Моська за компанию, чтобы не быть одному, чтобы не было скучно. На улице стало темнеть. Было холодно, минус тридцать, может, даже больше. Попил чаю, лампу сбавил и лег спать. Светила луна, разделила свое одиночество с нами. Моська тоже прилег возле меня. Я смотрел, как лунный свет падает на мое одеяло. Было скучно, на душе тоска. Не мог даже уснуть. Все думал: если бы не было родителей, я бы не смог жить без них. Когда они уехали, жизнь потеряла смысл. Ничего не хотел, лишь одно думал: скорее приехали бы домой. С этой мыслью я уснул. Через час проснулся и услышал: кто- то возле меня храпит как человек. Стало страшно. Когда посмотрел на Моську, у меня от души отлегло. Вот Моська может даже напугать: ходит по палатке, как смерть, медленно ноги перебирает. И тихо, не спеша, ползет. Если подозвать ближе, сказать «Таля, Моська», ждать его целую вечность. Он хорошо играет на наших нервах. Но жизнь без собак скучна, собаки в нашей семье были всегда.

Семья небольшая. Фундаментальная основа и смысл жизни – олени. Что мы без них? Олени дают нам смысл жизни, радость. Хорошо, что я родился и живу в тундре, веду кочевой образ жизни. Но необходимость учиться, только не знаю пока, на кого, отдалит от своей земли. Одиночество и тоска среди города…

…Когда смотрю на маму, папу, Елисея, Василия, Ольгу, появляется жалость. В своих мыслях говорю так: «Как хочется вам всем помочь, отдал бы все на свете, чтобы вы были счастливы и, как всегда, рады за меня, что есть я. А мне ничего не нужно, а лишь одно, самое драгоценное, дорогостоящее, на это ничего не променять – это моя драгоценная семья».

Я – Бармич Григорий Васильевич. Кто я? Интересно бы знать, и сейчас узнаем, кто я такой. Родился в деревне Снопе. Отучился лишь 11 классов. Продолжить учебу не получилось из-за социальных проблем. Семья наша не очень богато живет. Деньги почти все уходят на еду, редко покупаем вещи, денег не хватает.

Какой я? Склонен почти к меланхолии. Пожалуй, странный и даже загадочный. И нрав разный бывает, как у хамелеона. Себя трудно описать, какой я на самом деле. Люблю много читать. В жизни много чего повидал интересного. В семье отличаюсь от всех.

Рад, что живу в тундре. В глубине души чувствую полную свободу. Тундра и просторы – это все свобода и свобода. И еще раз свобода. Тяжко одному было в городе. Ночами думал лишь только о доме и о семье, спрашивая себя: как там они живут? Скорее бы летние каникулы и – домой, к себе на родину, к просторам. Потрогать оленей за уши, крепко их обнять. Да, обнять и сказать: «Как я по вам соскучился, эта встреча – не сон, а на самом деле».

Зимой, когда нахожусь в деревне, то чувство тревоги не покидает меня. Это разрывает мое сердце. Я бегу туда, где тихо, спокойно моей душе. Не выношу общество, где много людей. А так надо привыкать: куда денешься от шумного общества?..

Вот такая моя небольшая семья Бармич. Я этой фамилией горжусь.

Альманах № 10, 2010 год

Светлана Миронова
Заполярная сторона

* * *

А бывает
снег и в мае
выпадает.
Сад цветёт,
наоборот,
под Новый год,
Среди лета
птицы к югу
улетают,
Осень поздняя
откроет
ледоход!
В чём тут толки?
То мы горько
усмехнёмся.
То от счастья
плачем сладко,
не стыдясь.
То в разлуках долгих
песней душ сольёмся.
То при встречах кратких
вновь теряем связь.

***

Синеокая звезда голубель,
Черноглазая краса вороника
Окунаются на тундре в купель
Из дождей и лебединого клика.
Песней ветра в тонких струнках ручья
Заблудились серебристые ноты.
Рыжим шлейфом листьев осень-свеча
Разжигает тленье в дни непогоды.
В синей жимолости – синяя грусть.
Льются слёзы сине-горькие градом.
Почему грустит так трепетный куст?
От того, что нет рябины с ним рядом?
Голубеет на кустах голубель,
И блестит брусника пурпурным лалом.
Расплескав как по холсту акварель,
Живописно тундра краски смешала.
Вот на ягеле – во мхах, как в мехах,
Демонстрируют грибы свои шляпки.
А на лиственных душистых ветвях
Белки шишки греют в маленьких лапках.
Дремлет в сумерках озёрная гладь.
Птицы лета разлетятся по свету.
Белоснежная придёт благодать –
По морозцу в зиму с северным ветром.
Запуржится хлёсткой пеной метель,
Следом «хайпа» заметёт тундры краски,
И нахохлит свой пушок свиристель,
И песец пройдёт тропой без опаски.
«Сыра' нялпэй сэв"» укроет канвой,
Побегут по «салмуй нара» олени.
Помашу им в след рукой – «Лакамбой!»
«Лата, сэр" то' лехэбты» по селеньям.
«Яра ирий», дальше – март и апрель.
Вновь «нумда нарэйма» тундру обнимет –
И весенним счастьем брызнет капель, –
И совик ей зимний медленно снимет.
Нарядится тундра в яркий наряд.
Ото сна очнутся реки, озёра.
Птицы с юга налетят, загалдят,
Гнёзд навьют – растить свои птичьи зёрна.
А потом всё будет так, как всегда:
Зацветут цветы и мхи, пряный вереск,
Комары да мошкара, овода,
Сенокос, черники сбор, рыбий нерест.
И черёмухи ажурная тюль.
Полыхнёт по берегам рек и стариц,
И морошку зарумянит июль,
Раскраснеется смородина в август.

Раскачают нежно, как колыбель,
Волны лодки у причалов Печоры.
В ветках елей и берёз, как в свирель,
Заиграет ветерок на вечорах.

Лёгким перышком кружится луна.
Дни и ночи летом солнце не гаснет.
Заполярная моя сторона,
Нет нигде тебя родней и прекрасней!

Альманах № 15, 2015 год

Ирина Коваль
О пожелании сотворчества и продолжения жизни литературных текстов

Всё началось с победы в окружном литературном конкурсе с песней-сказкой «Девушка-радуга». Специально не ставила цель использовать жанр белого стиха, он получился сам собой. Вероятно, этнические сюжеты исподволь приводят к Слову-песне, которое потом живёт в подстрочном тексте и направляет автора. Воображению читателя представлена картина сказочной тундры, особенностей кочевой жизни, тема первой любви юного оленевода. Обобщённые образы: «мать-отец», «земля-небо», «тундра-кормилица», «птички-кулички» позволяют передать особый дух сказки.

«…Но жизнь – это загадка вечная. Трудно понять ее. Сколько живешь, столько и удивляешься: то покажется оленихой благородною, то куда-то вдруг за холмы скроется. И не успел Нарэй руки протянуть, слова найти, как вздрогнула всем телом стройным трепетным душа-девушка, обернулась, руки вскинула и превратилась в радугу разноцветную. По всему небу дугой раскинулась: красный да оранжевый, желтый да зеленый, голубой, синий, фиолетовый…

– Узнай меня, милый, разгляди в каждом дне своем, в каждой ночи. Ни у кого ничего не расспрашивай! Сам вглядись, сам заметь меня. Тогда сойду с небес девушкой круглолицей. Возьмешь меня, черноглазую, в жены…»

Действительно, жизнь кочевого ненца проходит в непрерывном труде, и только чуткое сердце и добрый нрав позволяет увидеть в этой жизни все цвета радуги: «алую полоску зари на рассвете», «солнца луч цвета золота», «ковёр зелени изумрудной», «синеву небес бесконечную». Чтобы жить счастливо, надо стремиться к согласию с самим собой и окружающим миром. А прийти к такому согласию помогает мудрость. Мудрость удивительного северного народа, его многовековой исторический опыт, нажитый в борьбе с силами суровой Заполярной природы.

«…– Разглядел ты меня в каждом дне своем, в каждой ночи. Никого ты, милый, не расспрашивал.

- Ты лучом золотым надежду мне дала, радуга! Зеленью травы, цветом жизни на пути раскинулась. Тайной заводи озерной синей влекла меня. Красным цветом очага родного согревала. Стань подругой мне верной на век, черноглазая.

- Видит бог, сердце у тебя, Нарэй, чуткое! Сурова жизнь наша северная, но лишь к тем щедра тундра – кормилица, у кого нрав добрый, кто по судьбе идет верно, кто видит красоту земли родной. Таким бог Нум счастье дает и удачу.

Да, жизнь – это загадка вечная. Трудно понять ее. Сколько живешь, столько и удивляешься: то покажется оленихой благородной, то куда-то вдруг за холмы скроется.

Быстро лето пролетело северное, а осени у нас уже снежные. Мчится по белым просторам аргиш свадебный. Впереди – путь далекий, нехоженый, длиною в целую жизнь.

Береги, Нарэй, свою душу-девушку. Пока видишь ты ее в каждом дне своем, будет тебе счастье простое, человеческое, да удача в делах твоих трудных по законам земли нашей северной…»

Я рада, что моя сказка жива! Талантливая художница из Хабаровска Диана Слипецкая, картины которой выставляются наряду с именитыми художниками в Москве и за рубежом, интересуется культурой коренных народов Севера, подготовила иллюстрации, и я думаю об издании книги-подарка, книги-сувенира, который наверняка придётся по нраву многочисленным гостям Нарьян-Мара и округа. Сотворчество разных (по возрасту, возможностям и талантам) людей всегда даёт неожиданный, но наверняка яркий положительный результат. Пока это план-мечта.

Вторая песня-сказка «Над горою свет, под горою – чум» была представлена участницей ансамбля «Илебц» на Дельфийских играх в номинации «Художественное слово». И это тоже маленькая жизнь моей сказки, её творческое продолжение. Сказка о мечте отца-оленевода иметь сына-наследника, про его обиду на жену Тунюумницу, которая верит в ненецкое божество Мать земли. Луна, звёзды, сама ночь отождествляются со злыми духами, которые превращают сына в оленёнка, как наказание за чувство обиды и гнева на близкого человека. Но вера в добро, почитание ненецких традиций и верований помогает семье справиться с трудностями кочевой жизни.

«…Наступает день – брызги алые, отступает ночь, долго длилася. Чисты небеса, высоки они, вот и солнышко показалося.

И пролился свет сквозь макоды щель. Теплый свет проник плавно – бережно. И послышался шепот бархатный: «Возвратись дитя к отцу – матери. Превратись олень в сына справного!»

Выскочила Туня босиком, мать счастливая, разметались волосы – смоль в разны стороны.

Видит – на пригорке Олень гордый, сильный он, а в рогах ветвистых солнце запуталось. Не успела и ахнуть Туня – умница, а уж стоит на том месте юноша. И приветливо так ей улыбается.

На плечо садится легкая пуночка. Легкая, как перо, да боязливая. Не вспугни ее – радость жданную, упорхнет ведь вмиг, потеряется!

За горою чум, над горою – Свет, там Олей живет, его дочери. И жена его – Туня-умница. Бережет она Мать земли своей. С ними сын растет. Ладит нарты он. Повернет полозья ровно на восход, где заря – рассвет заалеется.

Жизнь идет – течет, как в реке вода – не заговоришь, не вернешь назад. Что помыслится – то и сбудется…»

Рассказ «Белой птицей моего воображения» о жизни в родном посёлке тоже не остался невостребованным. Он виртуозно модернизировался, приукрасил себя авторскими фотографиями побережья Карского моря и предстал в блоге Ирины Коткиной «Чумотека» гостевым постом «Амдерма в подарок». Любому автору, а особенно начинающему, нужна площадка для диалога с читателем. «Чумотека» как раз и предоставляет такую возможность.

«…Есть на свете удивительные места: там начинаешь острее чувствовать, слышать и обонять. И понимаешь, что от остроты ощущений рождаются мысли, как парящий полёт поднимающие тебя над повседневной сутолокой жизни. Места эти мы считаем родными. Сродни своей душе, что ли…»

Пишется о том, о чём хочется думать и рассуждать, что по определению тебе близко. Рассказы о животных «Морж», «Пуночки», «Песцовый рай» были написаны с мечтой о книге для внеклассного чтения по предмету «Наш край» для детей НАО. У меня двойственные цели. Писать не просто о животном мире Арктики, а по особой модели: за основу берётся энциклопедический материал (некий каркас) о виде животных: внешний вид, распространение, образ жизни, питание, размножение, внутривидовые и межвидовые взаимоотношения (в том числе с человеком), экологические проблемы вида в настоящее время и т.д. Этот «каркас» облекается в литературно-художественную форму повествования, имеющего увлекательный сюжет, вызывающий чувства уважения, сострадания, сопричастности.

При поддержке Фонда дикой природы WWF мы, совместно с учениками ГБОУ г. Москвы «Школа № 384 им. Д.К. Корнеева» и ГБОУ НАО «ОШ п. Амдерма», работаем над изданием обучающей книги-альбома с детскими иллюстрациями в рамках образовательного проекта «Москва-Арктика. Учимся вместе».

В нашем регионе есть люди, увлекающиеся литературным творчеством, настоящие художники, поэты, писатели. Вот если бы предложенную идею подхватили единомышленники, образовался бы некий тандем писателей-художников, то можно было бы, создать нашу, региональную книгу о природе Севера. Рассказать о диком северном олене и его жизни, о морских млекопитающих, птицах…. Посмотреть на их жизнь как бы изнутри и одновременно донести до читателя более глубокие знания о природе Севера и её очевидных проблемах. Можно провести литературно-художественный конкурс, используя данную идею, а лучшие работы публиковать, включать в серию хорошо иллюстрированных книжек удобного формата и привлекательного дизайна, а затем использовать во внеклассной работе экологического содержания общеобразовательных организаций округа. Снова план-мечта, но часть его уже осуществилась!

«…Осенняя ночь в Арктике наступает быстро, и только огромная луна мягким светом обволакивает скалистый берег. Мороз усиливается северным ветром, но огромный океан не спешит отдавать своё тепло, сохраняя его для многочисленных северных обитателей: от маленьких, парящих в толще воды рачков, до огромных, с шумом рассекающих водную поверхность, китов. В лунном свете вздымаются и плывут вдоль берегов рваные клубы белёсого тумана, оледеневшие валуны блестят и переливаются как огромные драгоценные камни. Вряд ли медведица имела осознание первозданной красоты синеющей ночи, но сама она являлась неотвратимой частью этой дикой чарующей действительности…»

В рассказе «Да не погаснет огонь в нашем чуме» хотелось уловить характер взаимоотношений кочующего оленевода с его естественной средой жизни, показать необходимость постигать азы кочевья с самого детства. Самое важное в этой жизни – найти своё место, свою дорогу и своё дело. Для детей оленеводов этот поиск связан с особыми трудностями, которые создаёт на социум.

«…Яшка подумал, что всю жизнь стремился лишь к этим нехоженым тропам, к этим сиреневым снегам и чёрным заводям, к подножиям именно этих скал и холмов, название которым знает лишь он. Ему казалось, что он растворится сейчас в этих серых тучах до земли, и что это именно то пространство на огромной земле, которое позволяет ему увидеть самого себя, своё будущее и будущее своих детей…»

Особые отношения складываются с нашими СМИ. Как общественный корреспондент «Наръяна вындер» спешу выкладывать заметки и статьи про то, что происходит в Амдерме. Литературно-исторические эссе позволяют самой себе и читателям освежить в памяти славные события былых времён. «Заполярный вестник+» – действительно оперативный вестник: посты о школьных делах, о жизни посёлка незамедлительно публикуются в его новостной ленте. Для отдалённых посёлков – это шанс быть услышанными и одновременно увиденными.

«…И почему человеку свойственно находить для себя, для своей души, такие вот милые сердцу чёрные скалы, песчаные косы, багряные закаты, когда вокруг лёд и стужа? Да вероятно потому, что за всем этим стоит нечто более великое, более значимое, чем мимолётное настроение отдельно взятого человека. Ищу….

И, абстрагируясь от лирических текстов, звучащих почти в унисон, обращаю внимание на совершенно другие строки: «впервые в истории авиации…», «первый в мире…», «вышли на передовые рубежи научных исследований…», «мировое достижение…». Не слишком ли для маленького посёлка, находящегося более чем за четыре сотни километров от Нарьян-Мара и того дальше от Архангельска. Неужели это «пятнышко родимое» у «Карского моря на обветренной щеке» действительно имеет столь важное значение в истории России?»

Особое спасибо хочется сказать Любовь Викторовне Царьковой, которая поддержала, заметила, какое-то время даже вела со мной переписку, старалась обратить внимание на необходимость работать, развиваться. Убеждена, что умение складывать красивые, умные, порой чувственные и образные тексты – это несомненно талант, но востребован он будет лишь в сотворчестве, в содружестве, в современных перспективных проектах, среди людей разных профессий, компетенций и возможностей. И пусть мой литературный багаж не велик, но я всегда нахожу себя в новом интересном деле, это и вдохновляет.

Из неопубликованного

Светлана Коныгина
В обрывках тишины

***

Взрывной волной нежданного тепла
Разбило стёкла серой непогоды,
Природа встрепенулась, ожила
И потянула зелень к небосводу!
Прогретый воздух так и льнет к домам,
Наполненный нежнейшей птичьей трелью,
К голубоглазым поднимаясь небесам,
Вдруг замирает облачной метелью.
Широкими мазками запеклись
Волокна белые на голубой эмали...
Весна пришла! Неужто дождались?!
А удивила, будто и не ждали!

***

Если я вдруг споткнусь
На нелёгком пути,
Дай мне Господи сил
Снова встать, и идти!
Дай мне сил не сломаться,
И других не сломать,
С жизненной ношей
Упрямо шагать!
И когда, я присяду
Отдохнуть у огня,
Пусть, кто должен дождаться,
Дождётся меня …

Дождь

Сначала дождь был золотым,
Хрустальным, крупным, деликатным,
Потом звенящим, молодым
И откровенно нагловатым.
Затем он встал сплошной стеной
И утопил другие звуки,
Лишь гром гремел как заводной,
К земле тянулись молний руки!
Дождь, разбиваясь о стекло,
Стекал без сил на подоконник.
По лужам топал тяжело,
Ронял слезу в травы ладони…
Проплакался. Устал. Остыл.
И выдохнув прохладной мятой,
Угрюмость неба озарил
Полоской радуги парадной!

11.08.2011

***

Застывший крик летящих белых птиц
Упал на землю глухо, без отскока.
По нитям установленных границ
Уходит день фигуркой одинокой.
Приходит ночь – уснул уставший РА,
И ветер сокрушил дневные грани.
Осколками хрустальная жара
Утонет в самом тихом океане.
И в серой мутности давно глухого дна,
Рождаясь вновь из вихревых потоков
Чудесно появляется она –
Вся соткана из переменных токов!
Румянцем нежно-розовым заря
Жизнь начинает ежедневно снова, -
Волшебный блеск Святого алтаря
Дарить всем окружающим готова.
И новый времени закружится виток,
И будет вновь гореть торжественно закат.
И птицы, уронив на землю крик
Бесшумно к горизонту полетят.

06.07.2011

***

Чёрный полог ночи был застёгнут на звёзды,
Сверкала долька луны, было слишком поздно.
Было слишком темно и по-осеннему мокро,
Бежали капли дождя как слезинки по стёклам.
Ложились жёлтые листья на землю
чуть слышно –
Ещё одна осень уходила из жизни…

***

Раскинул крылья красные закат,
Чуть ветром перья облаков взъерошены,
И радиально в высоту летят
Янтарные бесплотные горошины.
Сползая, свет становится другим –
Оранжевым, тускнеющим, прозрачным,
Не помогает золотистый дым –
И всё довольно быстро станет мрачным.
Зефирные синеют облака,
Им шепчет ветер колыбельной строчки,
Ослабла солнца властная рука –
Лучи уходят спать по одиночке...
Уходят быстро в тишину ночей,
Натягиваясь, как от острой боли,
Как будто разом тысячи мечей
Сознание вселенной пропороли.
И натянувшись, кажется, звенят,
Пронзая тени зданий толстокожих,
Притягивая изумленный взгляд
Сражённых красотой небес прохожих.

29.07.2010

***

Смотрелась осень в зеркало реки,
Кружились листья нескончаемым дождём,
А дни всё так же чередою шли,
Но не жалела осень ни о чём.
Она не знала, что придёт зима:
Закроет пеленой всё буйство красок,
Замёрзнет жёлтый лист на ветке у окна…
Умрёт ещё одна из летних теплых сказок.
Уйдёт ещё одна картина бытия
Стареть на тихие задворки жизни прошлой,
И первым вздохом новая заря
На землю сбросит жёлтый лист замёрзший.

***

Побитый молью старый плед
Забыла на террасе тишина.
Виноградной грозди скелет,
От ягод лопнувших запах вина.
Лучи солнца коснулись крыш,
Лаванды духом округа пьяна,
Поймав ветра поток, дребезжит
Паутина на раме окна …
Дыша прохладой вечера синь,
На мягких лапах зайдёт со спины…
На плечи плед мне тоже накинь,
Одолжим его у тишины…
Всё идет пусть своим чередом:
Виноградная гроздь гниёт,
Паук плетёт свою сеть за окном,
Закатом горит небосвод…
Включать не будем искусственный свет,
Чтоб не вторгаться в событий ход…
Мы молчим, завернувшись в плед,
Пока пожаром объят горизонт.

28.05.2019
Авторская подборка

Ирина Селиверстова
Как я в стойбище ездила
Фрагмент рассказа

В путь! …

Ну и тепло же я оделась, главное, стала сразу как-то раза в три толще и добрее. Стояла у саней и удивлялась, как я на них умещусь. Сани были маленькими, узкими, как дощатая коробка с невысокими бортиками, и жутковато было представить скоростной бег саней, потряхиваемых на неровностях «буранной» дороги и спешащих за рычащим и обдающим запахом бензина «Бураном». Но потом оказалось, что ехать на них предстояло ещё и вдвоём с женщиной, хозяйкой чума, и гружёными сумками.

Тронулись, а вернее, сорвались с места и помчались мы как-то сразу. Первые минуты я от страха была готова выброситься в снег, чтобы не мучиться. В результате пробных пересадок уже в пути мы нашли терпимый способ размещения, вложившись друг в друга как двойные листы в тетради, причём второму, то есть мне, была возможность сидеть только по-турецки. Всю дорогу мы привставали на кочках, чтобы уберечь свои копчики от посинения. Но в целом такой въезд спиной в неизведанные снежные дали был очень своеобразен. Всё, что резко выплывало из-за спины, удивляло как-то особенно остро и сказочно. Вот, например, чум у дороги по левую руку стоит, поставленный хозяином то ли для зимней рыбалки, то ли для уединения на выходные, то ли для забавы туристов. А рядом совсем маленький, как игрушечный, наверно, сарайчик. А потом всё исчезло за очередным сугробом, и будто показалось.

Пересекая озеро, наши сани скрежетали по незаметённому местами льду. И вроде, жизни вокруг нет – вдруг собака по льду бежит… а, может, не собака? Заехали на горку, слева крест выплыл, второй. Тут уж не ошибёшься – мы прибыли в Пустозерск. А собака вполне может быть из Устья, что неподалёку крышами своими треугольными нарушает привычный уже взгляду мягкий овал сугробов. Там сделали остановку, нельзя же проехать незаметно такое значительное место.

Постояли у крестов, невзначай приобщились к многовековой истории, сфотографировали кресты, разбросанные по площади бывшего городка. Ещё раз удивились, как это большой и значительный городок так быстро исчез с лица земли.

Ведь ещё в середине XX века мои отец и мать возили туда на лошади почту и продукты. Наш возница вспомнил, что его родственники говорили, как камни бросали на другой берег с берега Пустозерского, такое узкое было местами водное разделение. А сейчас озеро увеличилось, раскопки засыпает песком каждый год. «Нельзя здесь копать!» – сказал на это возница, и мы поехали дальше.

Дорога вела через озёра и низкорослые лесочки: то дружески била ветками по спине, то обдавала снежным вихрем. Вдруг появлялись натоптанные тропы, пересекающие нашу дорожку. Думаю: чего это людям здесь понадобилось толпой ходить по бездорожью. Но

хозяйка, с которой я сани делила, сказала, что это зверьё разное: лисы, зайцы, песцы. Надо же, какой лес живой, оказывается, и не скажешь так с виду-то. А уж где весь снег изрытый попадался – там оленей вели стадом. Тут и мне, неопытной, понятно было.

Вдруг «Буран» остановился и затих. Остановка. Возница закурил, а мы еле выбрались, чтобы размять ноги. Вокруг ёлки такие интересные стоят, ветки у них редкие, может иголок мало, смотрятся лысо. Тут мне заодно в тиши леса поведали, что на Варандее русалку рыбаки в сетях выловили, мёртвую, пол-туловища женское, чёрное, страшное, полтуловища – хвост рыбий. Мужики фотографировать поехали, вдруг – сенсация. И как-то естественно так прозвучало в этой обстановке, будто о чём нормальном говорим.

С прибытием!

Но остановка закончилась, мы погрузились на свои места и поехали дальше. А вокруг бело, чисто, тихо, задумчиво. Еду, ёлками любуюсь, вдруг выплывает справа дерево, такое яркое, зелёное для зимы. Думаю, ёлка как-то потреугольнее будет, потемнее, а лиственница – так ведь она на зиму иголки сбрасывает. Роюсь в своей памяти, ищу ответ, и вдруг осенило – сосна! Как в награду за догадливость сзади выплывает целый сосновый борок, невысокий, словно игрушечный. Кроны как шапки, деревья кругленькие, хорошенькие, крепенькие, иголки задиристо во все стороны торчат. Ну, в первый раз в нашем краю сосны вижу, чудеса.

И тут, не успев опуститься, мои брови поднялись ещё выше и уже не опускались. Слева появился мирно пасущийся олень, потом второй, третий, а потом и чум, возле которого мы остановились. Прибыли! Внутренний оркестр сыграл марш приветствия, и такой тихий, своеобразный мирок семейного стойбища охватил нас целиком. Дальше пошла одна сплошная полоса ахов, вздохов, вопросов, ответов и жадного пожирания глазами того, что всегда, казалось, так было знакомо по картинкам и оказалось так замечательно воочию. Олени, олени вокруг бродят, мордами, копытами снег роют, пищу добывают. Некоторые стоят, голову в снежные ямы погрузив. Как страусы, – сразу подумалось мне. Собачки, лайки ненецкие, свои дела вокруг справляют: одна дремлет под нартами, другая нас обнюхивает, третья думает о чём-то, глядя на оленей. Нарты, почему-то, криво стоят, подпёртые шестом, это уж я потом узнала почему – чтобы собаки на них не устраивались на отдых. А чум такой красивый, цвет шкуры всех коричнево-рыжих тонов! И небо еле заметно засинело-заголубело к полудню, чтобы через два часа снова скрыться под пеленой серости.

Экстремальный пленэр

Стал решаться вопрос, везти ли гостью в стадо. Выяснилось, что тогда нам топлива не хватит на обратную дорогу, а я думаю, – ничего себе, далеко, наверно, так, но ведь полно оленей возле чума бродят и залегли. Это тогда кто? Оказалось, что основная часть оленей стоит километрах в семи от чума, а это стадо быков, из них потом ездовых оленей обучают, их тут штук сто.

Так не хотелось уезжать отсюда, да и времени светлого мало, порисовать хотелось. И мы остались. Устроилась я со своим альбомом у заваленных чем-то нарт, стоявших возле заборчика-ограждения из натянутых сетей для оленей – как будто в озере летом сети поставили, а на зиму снять забыли. Начала я, было, мучительно цвет никакого почти неба подбирать, как пошёл резкий сырой снег откуда-то слева от меня. Краску смывало сыростью с ветром, она совсем не сохла, да ещё ответственность – люди смотрят. Да ещё стали нарты запрягать, собираются куда-то две упряжки, а у меня фотоаппарат далеко в сумке, и ветер бумагу рвёт из рук заледеневших. Эх, зря мы в стадо не поехали. Упряжки умчались. Коекак я доделала гуашевый этюд с чумом, унесла в нарты и попробовала рисовать гелевой ручкой: она сразу замёрзла. Бросила я свои инструменты в сумку и пошла в чум греться. Взялась за край шкуры, закрывающей вход в чум, да не тутто было! Такая тяжесть, что я даже приподнять её не смогла одной рукой. От сырости набухшая толстенная шкура стала настоящей бронированной дверью. Схватившись двумя руками, из всех сил я отодвинула её и смогла только ползком пробраться внутрь, причём захлопнувшаяся шкура приветливо подтолкнула меня сзади.

После улицы в чуме ничего не было видно. Постепенно присмотревшись, я определила, куда бросить верхнюю одежду и села за стол. Хозяйка угощала рёбрышками, только что обжаренными на печке. Кусочки были обильно жирноватые, специально для гостей подобранные, а я не могу с детства есть жир, потому с трудом выщепляла зубами редкое мясцо. Остывший олений жир вязко выстелился во рту ковром, и предложенный горячий чай был очень кстати...

Альманах № 11, 2011 год

Нина Чупрова
Ничего милее нет

Холода

Холода, холода над родными домами,
Вся закована в лёд, спит Печора моя.
Холода, холода, как же тяжко жить с вами,
Убегу, убегу я в иные края!

В дальних жарких краях буду греться
под солнцем,
Пить цветов аромат, плавать в синих морях...
Отчего же опять затоскую всем сердцем
Об оставленных мною холодных ветрах!

Вспомню город родной и полярное лето:
В нежной пене цветов оживает земля.
Ночи белые радуют солнечным светом
Зреют сочной травою угодья, поля.

Надоел чуждый рай в жарком шумном угаре,
Уж не манит меня голубая вода.
Я уеду домой, буду жить на Печоре,
К вам вернусь непременно, мои холода!

Бурочки-пимы

Вновь запорошило снегом все дорожки,
Чудными коврами зимушки-зимы.
И бегут по улицам валенки, сапожки,
Только мне милее бурочки-пимы!

Руки мастерицы разошьют узоры,
Расцветят сукном, опушечку пришьют,
Ахнут в удивлении модницы Андорры:
Увидав, как бурочки по городку снуют!

Пусть трещат морозы и поют метели,
Кружатся над тундрой шалые ветра,
Греют ноги бурочки, словно я в апреле,
Мне гулять не холодно до самого утра!

Ах! Бурочки-пимочки черные, как ночки,
Серые и белые с узором расписным,
Легки, как чулочки, мягки, как носочки,
Ничего милей нет ноженькам моим!

Альманах № 10, 2010 год

Галина Торцева
Ответ из прошлого

Переболею. И сотру дотла
Тот мир, что мы с тобою не построим.
Считай, что я уже давно ушла,
Вдруг осознав, что мы любви не стоим.

Не высказана боль ушедших лет,
У каждого из нас – своя потеря,
И мой уход – как прошлого ответ
На сто шагов былого недоверия.

Неоткровенность наших редких встреч
И зной ночей, прожитых нами вместе,
Нам книгу жизни не дано прочесть,
Где боль утрат, но не должно быть мести.

К чему слова?
Зачем они – слова?
Их тихий всплеск невыразимой боли,
Той, что на плечи тяжестью легла
И не отпустит даже сквозь года,
Хотя… Уже не держит более.

Я понимаю, что слова – обман,
Где каждый сам себе противоречит,
Я понимаю, что слова – туман,
Где мало света без свечи отсвета.

Я еле постигаю ритм сердец
На расстояньи звезд одной Вселенной.
Стоит зеленый тополь, мой гордец,
Наперекор зиме, такой весенний.

Вновь ухожу, забыв терзанья лет,
И повернув судьбу на грань столетий,
Поверив, что на небе столько звезд,
Что хватит всем, чтобы начать с рождения.

Движенье жизни точно улови,
Переверни страницу новой страсти,
В полярном небе солнце отыщи
И ощути, что то, что позади,
Уже не будет ни бедой, ни счастьем.

… Во мраке лет с тобой соприкоснулись,
Во тьме веков не встретились пока,
Но помнят губы хмель земной полыни
И миг, когда забились вновь сердца.

Переболею. И сотру дотла
Тот мир, что мы с тобою не построим…

Альманах № 17, 2017 год

Константин Селиверстов
Размышлянки

1

Подумал тут немного… Сидел, скучал, смотрю – час ночи, и решил подумать, хуже-то не будет. Ну и подумал про пыль. Не звёздную, не ангельскую и не бриллиантовую, а про обычную, бытовую. Приходишь ты такой домой, а там пыль лежит. Фу, думаешь, надо бы убрать, а то некрасиво, неприятно, грязища этакая. Намачиваешь под краном тряпку, протираешь пыль, споласкиваешь тряпку: всё норм теперь.

Или нет? Ведь в той пыли целая цивилизация жила, наверное. Ведь бактерии всякие никто не отменял, и в пыли они живут тоже, я думаю. Вот и представляю: цивилизация, живущая и развивающаяся. И тут раз: огромная страшная розовая (жёлтая, синяя, красная), штуковина стирает всё подчистую, будто ничего и не было. А потом ещё несколько раз, чтоб, точно, ничего не осталось. И приходит мне в голову мысль такая: мы, человеки, в масштабах Вселенной – такая же пыль. Что, если однажды придёт некто и нас также сотрёт, как мы стираем пыль с полки? Не надо, конечно, любить и жалеть пыль, она, в общем-то, нам не полезна ни разу. Но ведь и мы, люди, никому никакой пользы не приносим, кроме самих себя.

Космос – он очень большой. Больше, чем можно себе представить. Нужно помнить об этом. Только вот, в отличие от простых бактерий, у людей имеются мозг и воля. Мне бы не хотелось, чтобы меня вытерли, а потом смыли куда-нибудь в звёздопровод. Надо бы пользу уже приносить. И быть добрее что ли. Вот такие вот размышлянки.

2

Вам случалось заходить в комнату, а через секунду забывать, зачем вы туда зашли? Думаю, что случалось. И пришла мысль: а что, если вы увидели нечто такое, что ваше сознание не готово было или не хотело воспринять?

Что, если вы просто забыли о том, что увидели? Ваше сознание стёрло этот момент, будучи не в состоянии его принять? А было у вас ощущение, что кто-то стоит за спиной? Стоит и просто смотрит? Или не просто… А когда вы разговариваете с самим собой (да-да, все так делают, когда остаются одни, вслух или про себя – с собой разговаривают все), вы уверены, что никто вас не слышит? Уверены, что говорите с собой? А что, если нет?

А приходилось вам видеть сон, что не совсем похож на сон? Вы вроде как проснулись, и всё вокруг, как и должно быть, вот только вы не можете встать с кровати, не можете даже говорить, а в самом тёмном углу комнаты, вы чувствуете, кто-то есть? Что, если мы никогда не остаёмся одни? Что ему нужно, этому некоему существу? Да и существует ли оно?

Мы живём в мире, который совершенно не понимаем, надо это признать. Человечество не знает больше, чем знать должно. Это нечто – оно существует. Пусть только в ваших мыслях, но в мыслях каждого, при этом. Кому-то из нас оно кажется призраком, кому-то пришельцем, другому – вторым «я», четвёртому – ничем и т.д. Может и так. Только вот каждый его ощущает. И тут возникает вопрос: а что, если?..

Альманах № 15, 2015 год

Сергей Косолапов
Катаклизм

Случился как-то с Иваном Петровичем Загоруйко катаклизм. Раз поутру за завтраком обнаружил он, что не чувствует, что ест. То есть он чувствует, что жует воблу и запивает ее чаем, поскольку он эту воблу видит, но вкуса ее, воблиного, не чувствует. Испугался Иван Петрович: сунул язык в солонку – не чувствует соли, обсыпал язык перцем – не жжет. Тут уж он совсем пригорюнился и через это дело в первый раз на службу опоздал, размышляя на ходу о бытии вкуса и причине отсутствия ощущения.

Надо сказать, что человеком Иван Петрович был еще не старым, хотя и лысым. До пенсии государственной ему нужно было еще годков десять, а то и поболее. На службе он числился чиновником в коем-то ведомстве, слыл человеком исполнительным и аккуратным. Начальник его в тот день сильно удивился, было, опозданию Загоруйко, но посмотрел на бледного Ивана Петровича, да ничего и не сказал, только подумал: «Заболел, поди, старик».

А Иван Петрович посидел на своем стуле, поерзал и через две минуты подался в сортир. Заперся он в кабинке и начал смотреться в карманное зеркальце. Добрых полчаса он щупал, дергал и кусал свой язык, но понять причину потери вкуса так и не смог.

«Язык, как язык. Красный. На вид здоровый, плотный»:

– Цок-цок-цок.

«Хороший язык, просто даже, замечательный язык. Язык мой, язычище. Он и вчера был таким же… Вчера, вчера… Господи, да ведь я не помню совсем – каким он был вчера…»:

– Щелк-щелк...

«А может, он и не должен быть красным? Бес его знает… Ах ты, напасть какая…».

Так и стоял Загоруйко, щелкал и цокал языком, пытаясь рассмотреть его во всем свете, и, в конце концов, ухватился двумя пальцами за основание языка, после чего его утроба издала рычащий звук и наполнила унитаз утренним чаем, в котором весело поплыла недожеванная вобла.

«Надо к фельдшеру, непременно, к фельдшеру. Идиот! Как я раньше не догадался. Ах, старый баран, ах ты, ах…»

Получив «добро» на отлучку, он рысью понесся по узким улочкам, пугая встречный народ и извозчичьих лошадей. Добежав так до больницы, он, не сбавляя хода, завернул на крыльцо и, с размаху проскочив трое дверей, остановился только перед белым халатом доктора.

– Язык… вот… нет… – дыша, как загнанный в прерии мустанг, прохрипел Загоруйко в лицо изумленному таким появлением доктора.

И уже чуть отдышавшись, добавил:

– Нет вкуса, язык испортился. Вот.

Доктор долго осматривал Ивана Петровича, крутил его голову, заставлял его высунуть язык, совал в рот ложечку и, в конце концов, озадаченно произнес:

– Ну-с, батенька мой, язык у вас в полном порядке. Это у вас, батенька мой, что-то с головой. Да-с. Надобно покопаться в ваших, так сказать, мозгах, – он сел за стол и начал писать, не глядя на Загоруйко и продолжая разговаривать. – Интересный, знаете ли, случай для медицины. Да-с, вот ежели хотите знать...

«Угробят, как пить дать, угробят», – со страхом думал Иван Петрович, не слушая доктора. Он съежился у выхода и думал о своем: «Проломят черепушку, и поминай, как звали. Ну, уж нет, не дамся я этим вурдалакам». Бочком – бочком Загоруйко подвинулся к двери и, стараясь не дышать, выдавил себя из докторского кабинета. Оглянувшись по сторонам, он с облегчением вздохнул, быстро выскочил на улицу, завернул за угол и уныло поплелся домой.

Дома он лег на старый диван и, уткнувшись лицом в подушку, горько заплакал от обиды и несостоятельности своего нынешнего положения.

Но жизнь потихоньку наладилась. Привык Иван Петрович к отсутствию вкуса и теперь уже о нем не сожалел. Стал он есть и чеснок, которого ранее терпеть не мог, и устриц, от которых всю жизнь воротило, и даже соленую мамалыгу. Жена его Аграфена Матвеевна от перемены таковой тоже заимела выгоду. Придет, бывало ранее Иван Петрович из баньки, а она ему из графинчика лафитничек водочки завсегда плеснет. А как вкус у Загоруйко испортился, так стала Аграфена Матвеевна ему заместо водочки чистую колодезную воду из графинчика наливать. «Все одно не чует, зачем зря добро переводить», – справедливо рассудила мудрая баба.

Но эту увертку Иван Петрович со временем раскусил. Засиделся он как-то раз за графинчиком да призадумался. «А пошто это я не пьянею от водки?» – подумалось ему. Ничего он не сказал супружнице своей умной, а только надел белую французскую шляпу и пошел в кабак. Выпил там Загоруйко чарку, другую, потом графин и, в конце концов, уж так набрался, что, шляпу потеряв, еле домой дополз. А наутро, как только прочухался, жене такой славный разгон устроил, что опосля того Аграфена Матвеевна завсегда самолично пробовала из графинчика перед тем, как мужу налить: «А не вода ль?»

Так и жил бы Иван Петрович до самой смерти безо всякого вкуса, да только помог ему один случай. Приснился Загоруйко сон. Будто бы достает он ухватом из печи чугунок со щами, а вместо того чугунка сидит на ухвате черт. Обомлел Иван Петрович, а черт садится на шесток, смотрит, эдак с хитрецой и говорит ему:

– Слышал я про твою беду, могу помочь, коли желаешь. Вкус я тебе полностью верну, только должон ты будешь за него половину своего ума мне отдать. Решай сию же секунду.

Подумал Иван Петрович, подумал и решил: «Возьму вкус. Пусть он, гад, моим умом бестолковым пользуется. А мне-то все одно – с целым умом жить или с половиной. Россия и дураковто всех кормит, авось и я, полудурок, не пропаду». На том обмен и состоялся. Обнялся Иван Петрович с чертом, три раза поцеловал его крепко в пятак и проснулся. Глядь – а это он во сне Агрофену Матвеевну в нос лобызает. А та уж и расплылась от радости. «До чего же, – думает, – Ваня у меня ласковый. Двадцать лет на меня не глядел, а, поди ж ты, какие чувства сохранил». Аж прослезилась на подушке.

После этого сна и появился у Загоруйко вкус. Живет он теперь и не нарадуется. А то, что ума стало меньше – не беда, никто убыток и не заметил. От ума-то ведь у нас одно горе, а прибыток небольшой: казенный дом да погребальный звон.

Альманах № 12, 2012 год

Рудольф Филиппов
Птица Счастья

С тех пор промчалось лет немало
Мы верим в счастье, есть оно!
Ведь Птица Счастья постучала
Однажды к мальчику в окно …
Ольга Заря

Когда впервые я услышал песню «Птица Счастья завтрашнего дня…» в исполнении Николая Гнатюка, на меня тогда, ещё достаточно молодого человека, она произвела какое-то необычное впечатление. Прекрасная музыка и исполнение как бы не соответствовали странным мифическим и несколько забавным словам песни.

Прошло много лет, и теперь слова этой песни уже не кажутся странными и мифическими. Вспоминаю случай, произошедший со мной в детские годы на далеком Севере, которому я не мог найти долгие годы объяснения. Жили мы тогда в старинном селе на берегу Печоры, в двухэтажном тёплом и комфортном для проживания в те далекие времена доме, построенном в XIX веке. Учился я в то время в 6 классе, учился плохо. В тот год мы переехали в село по месту работы отца. Я никак не мог приспособиться к новым условиям проживания и отчасти это влияло на учёбу. Плохая учёба портила жизнь, и меня постоянно преследовало чувство неполноценности, угнетенности. Слава Богу, хоть родители, занятые работой и воспитанием моих младших братьев, спокойно переносили мою неудачную учебу в школе.

Время шло, приближалась весна, но мартовские морозы все-таки ещё давали о себе знать, тёмная пора уступила светлым утренникам. И вот однажды ранним мартовским утром я был разбужен приятным и необычным птичьим пением, доносящимся с улицы. Выглянув в окно, расположенное прямо у изголовья своей кровати, я увидел в метре от окна птичку, сидящую на телефонном проводе, подходящем к стене нашего дома. Вид её был совершенно необычен, и я впервые видел такую птичку с оперением чёрного цвета. В это время года можно было увидеть только воробьев, спасающихся от холода и голода в коровниках и конюшнях, вот-вот должны были прилететь белые пунушки – при появлении первых проталин.

Но такую птицу я увидел впервые. Её перья имели металлические оттенки фиолетового, бронзового, зеленого цветов. И хотя я никогда не видал скворцов, я все-таки подумал, что это скворец. То ли я видел их в кино или в журналах, но по размерам она была поменьше тех скворцов, которых пришлось мне видеть в последующие годы. Стояла мартовская холодная погода. Каким образом она сумела оказаться здесь на Крайнем Севере, причем, одна? Скворцы – птицы стайные, они появляются в то время, когда устанавливается достаточно теплая погода. Посмотрев на птицу, я осторожно отстранился от окна, боясь испугать её, и когда через какое-то время я снова выглянул из окна, то её уже не было.

Случайно это или нет, но после этого я стал постепенно втягиваться в чтение книг, записавшись в две библиотеки – районную и райкома партии, в которой было много толстых журналов различных наименований. Читал я много, даже далеко за полночь. Электрического света в ночное время не было, и я умудрялся читать при свете керосиновой лампы, огораживая её, чтобы не мешать спать моим младшим братьям и сестрам. В конце концов моё чтение зачастую прерывалось приходом в нашу спальню отца. Через какое-то время я стал писать диктанты и сочинения без ошибок. Хорошо пошли у меня дела по математике. Я спокойно выполнял домашние задания и контрольные работы в классе. Этому способствовали ежедневные многочасовые игры в шахматы, и моим партнером был Лева Екимов. Учиться мне стало легко и интересно. Качественный процесс улучшения обучения происходил постепенно. Окончил семилетку я лучшим учеником, получил свидетельство с хорошими и отличными оценками, продолжил учебу в средней школе в городе Нарьян-Маре. Я много читал и старался прочитать всю литературу, рекомендуемую по школьной программе и даже больше. В середине 50-х годов появилась возможность читать Достоевского, но я не смог дочитать ни одного произведения Федора Михайловича Достоевского до конца. Для меня это были тяжёлые книги.

Повлияла ли встреча с птицей, которую можно назвать Птицей Счастья, на мою судьбу и мою дальнейшую жизнь? Думаю, что на этот вопрос можно дать положительный ответ. Но в то далекое время я совершенно не думал об этом, не думал, что мне привалило какое-то счастье. В то же время прилёт птицы в обличии скворца и чарующее пение поразило меня своей необычностью. И этот эпизод в ранней юности сохранился в моей памяти на всю жизнь.

В одном из стихотворений французского поэта Жака Превера, писавшего много о птицах, есть строчки: «Если она не поёт – это плохая примета». Думаю, что встреча с Птицей Счастья должна обязательно сопровождаться пением. И следует искателям и жаждущим счастья прислушаться к словам великого Леонардо да Винчи: «Счастье достается тому, кто много трудится». О Птице Счастья написали и пишут много авторов. Пишут в восторженных тонах, что она приносит счастье человеку, если Птица Счастья прилетит к нему, и он услышит её пение.

Пишут и о том, что никто не видел Птицу Счастья, и её образ создан воображением людей. Традиция создания образа Птицы Счастья возникла на Архангельском Севере и распространилась по другим регионам. Деревянные модели используются как обереги семейного счастья и благополучия. Подвешенная в красном углу к потолку щепная птичка была непременным атрибутом поморского дома. Оберег забирает всё отрицательное, с чем может прийти в дом человек и пропускает в дом только хорошее. В таком доме нет предрасположенности к скандалам, создаётся защита дома от порчи, сглаза, в доме – обстановка доброты друг к другу.

Пусть повезет мальчикам или девочкам, которым однажды посчастливится проснуться рано утром от прекрасного и изумительного пения Птицы Счастья.

Альманах № 18, 2018 год

Алексей Вылка
Предок с хорошим голосом

В этот день снег выдался на редкость красивым: вспыхивал в солнечных лучах тысячами желто-синих искр, словно по всей земле веселые миллионеры рассыпали бриллианты с вертолета.

Заиндевелые кусты, ели, сосны, березки застыли лучшими произведениями гениев-художников. Небо практически безоблачное. Светило лениво обкусывает лучами стройный лес, даже не пытаясь нагреть морозный воздух. Воздух чист, как родниковая вода, так и хочется дышать и дышать и ...пить.

Только в этом благолепии природы раздались хрустящие шаги и тяжкое дыхание. Кусты возмущенно задрожали, снег посыпался водопадом хлопьев. И как будто (наверное, показалось) господин Мороз скривился от появления нежданного гостя. Кто помешал холодному сну? Вначале показалось взлохмаченное бородатое лицо с коричневой кожей, сетками морщин в уголках узких глаз с прицельным взглядом, кустистые брови и большой мясистый фамильный нос. После выползло коренастое тело – метр пятьдесят с кепкой, – одетое в малицу. Кусты трещат, ворчливо гнутся. Не самый гармоничный объект в царстве снега и мороза.

– И где же это я потерял моток веревки? – прогудел под нос Гаврил.

Хоть невысок он, но голосом велик. Что сказать про характер? Обычный нрав для коренных северян. Снаружи спокоен как глыба льда, а внутри, прыгая от мозгов до сердца или от сердца до мозгов, потом к желудку, в печень, после в ноги, руки – носится клокочущая магма энергии.

***

– Тогда я рыбачил в лесу Коми, ходил искать веревку. Забыл или потерял, не помню, – расплылся в улыбке Гаврил, почесывая седую голову.

В кухне за столом молча уставились удивленными глазами три внука и четыре внучки с характерными носами-пятаками, фамильной гордостью. Оставили в няньках, а что лучше для тишины среди взбушевавшихся маленьких хулиганов, как не рассказанные воспоминания о путешествиях молодости или – шить, штопать, колоть, таскать, всем вместе чистить и солить рыбу. Неплохо рассказывать сказки, да после них голова котлом. Но на детские истории иногда не хватает выдумки, а вот что-нибудь из прошлого с приукрашиваниями в нужных местах для эффекта, это – пожалуйста.

Гаврил перевел дыхание и с прищуром продолжил:

– Заработался, отвлекли, и из головы вылетело, что да где...

– А зачем по кустам ходил? – подал голос старший Петя, смахивающий чем-то на деда.

– Почему пришел медведь? – пропищала Мариночка с куколкой в руках, которую можно назвать – Розовое облачко.

– Кушать хотел, глупая! – почти закричал в ухо сестре Сережка-хулиган и постарался с воплями отобрать игрушку.

– Сам такой! Отдай. Э! И зимой медведи спят! – Мариночка победила в короткой схватке за куклу, чья шея удлинилась на пару сантиметров и теперь болталась из стороны в сторону.

– Ты чего ударяешься! – звонко крикнул Сережка.

– Испортил, поганка!.. – сестра занесла кулачок для удара, но Петя разнял и щелчками по лбу утихомирил ребят.

– Не мешайте слушать! Вот придет ночью за вами волосатая рука и утащит! – сшиблись брови старшей сестры Маши, главной помощницы матери. Пригрозив, она сказала:

– Будете до седьмого пота воду таскать.

– Не! Я уже сегодня ходил. Это Сашкина очередь, – возмутился Сережка.

– Тихо, тихо. Рассказывать не смогу в таком шуме, – Гаврил быстро раздал по лепешке внукам, забелела посередине стола горочка соли.

– Макайте... О чем это я? А!.. Этот медведь был необычным. Его с ног до головы покрывала багровая толстая шерсть, которую не всякой пуле взять.

У внуков открылись рты, расширились глаза. Муха залетит в рот, не заметят.

Голос Гаврила упал до шепота, дети подобрали ножки:

– Это был единственный медведь с красной шерстью и тремя рогами на голове. Вот такой!

Жестикуляция толстыми дубленными от ветров пальцами – еще тот эффект, – отгадывай до первых лучей солнца, но зарождаются мысли, крутятся картинки, страх поднимается из глубин души, и три пальца – уже страшный зверь с длиннющими клыками. Ясно только – как были расположены рога на лбу.

– Таких животных не бывает! – звонко воскликнула Мариночка.

– Да! Не бывает! – повторила Маша.

– Повторюшка - хрюшка! – высунул язык Сережка.

Вновь завязалась потасовка. Две самые младшие сестренки и братик восторженно завопили, повторяя за ребятами, лепешки обслюнявленными кусками полетели по кухне. Одна лепешка попала Гаврилу в глаз. Он громогласно закашлялся и вновь заговорил, подумав: «Что-то родители не торопятся».

– Дед ваш был самым храбрым человеком в молодости! Бывало, такие расчудесные подвиги совершу, что сам себе не верю. Правда! А медведя, тьфу! – плечи расправились, подбородок вверх, лицо строже начищенной сковородки. Даже малость сам поверил в свое хвастовство, зато детвора затихла, слушая Гаврила.

Если бы на картину «В сосновом бору» Шишкина капнули чернил, то получившаяся клякса приняла бы облик Гаврила. В общем, он пошел старой дорогой к озерку, где предусмотрительно поставил сети. Только из головы вылетело, где мог затеряться моток веревки. Вчера вроде снега было меньше, кусты не такие плотные, солнце пониже и зайцы толще. Может, на какой ветке висит, поэтому пополз в дебри. Ноги проваливаются по колено, хрустит снег. На природу обращать внимание было некогда, хоть она первозданно красива. И как раз Гаврил влез туда, где не ступала нога человека, то есть к свежевырытой с лета берлоге. А погода в тот год была совсем непонятная: зима теплая, почки на ветках, лето подобно промозглой осени. Вчера мороз и вьюга, сегодня солнце и капает, а завтра непонятно чего с плясками и добрым матом. Старики устали жаловаться на кости, глотать горькие медицинские порошки и пить пахучие отвары. Вот и обычный бурый медведь мается бессонницей, соображает – сосать лапу в сладком сне или идти поедать впрок, что шевелится?

Когда теряешь нужную вещь в хозяйстве, то всегда сокрушаешься на дырявые руки, пустую голову, плохую наследственность и косые взгляды соседей: «Ведьма, черный, леший, дух нечистый, тьфу тебе в спину!» Гаврил замаялся от долгих поисков, начал гудеть, как шмель, загрызла совесть: «Где еще найдешь хорошую вещь?» Руки привычно раздвигали кусты, ноги проваливались в сугроб, небо потихоньку темнело.

– Пустоголов... ротозей, – в подобном тоне слышалось бубнение Гаврила. – Это что такое?

Мягкое и теплое.

Шершавой ладонью погрузился в серый ком размером с две добрые двухсотлитровые бочки. Оцепенение пришло, когда роящиеся мотыльками мысли в голове разбежались от осознания того, что перед ним медведь. Гора зашевелилась, голова начала поворачиваться танковой башней.

– И что ты сделал? – вырвалось у Пети.

– А! Что сделал?! – повторилась Мариночка.

– Он был страшный? – брови Маши взлетели до середины лба, косички встали, словно пришелся удар током.

– Тото тата ака ка! – вторили малыши.

– Конечно, зверь ужасный! Клыки сантиметров двадцать каждый, капает едкая слюна,

глаза светятся красным, – Гаврил, выпучив глаза, поднял руки и растопырил мозолистые пальцы, – рога метровые, лапы с вот такими когтищами. Я! Я прокричал грозный клич, и медведь размером с дом дал деру, как шелудивый щенок! А он был размером с две горы...

Медведь от прикосновений зашевелился. Гаврил хотел шевельнуться, но окоченел рыбой на льду. Зверь его даже не почуял, обгрызая кости жертвы. Сытый, живот набитый навыкат, счастье, еще чего нужно? Испортил все человек, чья луженая глотка нагадила в самую медвежью душу. После чего лохматый три дня гадил по лесу, пугливо икая от всякого шума.

Зачем детям рассказывать правду, если она не самая героическая?! Что Гаврил вцепился в шкуру медведя да так заорал на всю округу, что кроны снежных деревьев задрожали, хлынул водопад снега?!

Как рассказывал дед Гаврила, которому когда-то в старину рассказал его дед – хороший испуг может завалить наповал лесного хозяина. Сердце разорвется. Так и медведь вскочил, а Гаврил клещом висит, орет рупором. Держится и кричит на весь лес. Эх, какой голос был у Гаврила… Лепота! Ему бы выступать в Большом театре, в опере петь. Но не всегда природному таланту попасть в нужное место и в нужное время удаётся.

– Больших медведей не бывает, – прервала размышления деда Маша.

– Бывает! Еще как бывает. Я сам видел, – Сережка сверкнул глазами, соображая какую гадость сделать умной сестре.

- Тихо! Трещотки! – взревел старший брат.

В тамбуре заскрипели половицы, послышались шаги. Гаврил выдохнул облегченно. Родители пришли, роль няньки снимается. На плите засвистел чайник. Чай подоспел очень вовремя. Можно газетку почитать, , а может и вздремнуть в мягком кресле, благо, тапочки домашние купили на рынке. Завтра в больницу на прогревание, массаж.

Хорошо быть дедом, когда тебя любят и уважают дети; внуки в восторге, что смахиваешь на Деда Мороза с мешком подарков и знаешь много занимательных историй. Гаврил блаженно потянулся и полузакрыл глаза.

Альманах № 13, 2013 год

Вадако'' Ларь

Хасава сюдбя

Сколько себя помню, я все время в чуме нахожусь. Кроме меня, в чуме моя мать и моя сестра старшая, больше никого нет. Когда просыпаюсь, передо мной еда готовая, чай горячий и мясо свежее. Еду мне мать готовит, из чума выйдет, в чум войдёт, всегда с едой заходит. Пока я маленький, каждый день кушаю, каждый день засыпаю под песню мамы. Потом мама принесла маленький сверток, сказала: «Вот, нашла маленькую девочку». Старшая моя сестра спросила: «Где нашла?» Мать ответила: «На берегу ивняковой речки, вокруг кочки бегала». Сестра моя опять спрашивает: «Не убежит?» Мать наша говорит: «Нет, я ей ручки-ножки туго спеленала, теперь только кормить будем, потом к нам привыкнет, никуда не убежит». С тех пор так и живём, мама и старшая моя сестра, они нас двоих, маленьких, кормят. Недолго так жили. Как только в макодане по ночам стало темно становиться, послышался снаружи шум большой, и ещё говорили голосами разными. Кто там были, все вокруг чума ходили, а в чум не заходили. Потом слышно было, как уехали все. С той поры меня и сестрёнку маленькую старшая наша сестра кормит. Сестра из чума выйдет, в чум войдёт, тоже, как мать, с едой заходит. Так дальше живем.

Сколько времени прошло, не знаю. Сестра моя младшая уже по чуму ходит-бегает, в очаг дрова подкладывает, только я все сплю, а когда не сплю, то еду ем. Старшая моя сестра еду готовит, а младшая ей помогает. Теперь я просыпаюсь не каждый день, а только тогда, когда в макодан полная луна смотрит. Когда просыпаюсь, передо мной много еды и чайник медный горячий и целая нога оленя, задняя или с лопаткой. Старшая сестра совсем почти взрослая стала, а младшая уже сама куколки из сукна и клювиков шьёт, сама с собой играет. Однажды я не от луны проснулся, проснулся от шума большого. Смотрю, сестрёнка маленькая под балаганом прячется, а у старшей сестры две косы заплетены, в каждой косе бусы разноцветные и подвески медные. От бус в чуме словно радуга играет, от подвесок звон переливчатый. Хоть в чуме и звонко от подвесок, но слышно, как вокруг чума ходит кто-то. Вокруг чума ходит, а в чум не заходит. Сестра старшая тучейку с подушки взяла, из чума вышла. Как из чума вышла, шум поднялся, потом тихо стало. С этого времени меня младшая моя сестра кормит, младшая моя сестра мне новую одежду шьет, на меня ее одевает. Теперь вдвоем живем.

Теперь я долго сплю. Просыпаюсь, когда на меня через макодан солнце горячее прямо сверху смотрит. А другой раз просыпаюсь, когда на меня очень темная ночь смотрит. Когда просыпаюсь, целый день пока в макодан смотрю. В макодан смотрю, потом кушать начинаю. Теперь передо мной целый стол еды, чайник сестра двумя руками с очажного крюка еле снимает, а потом я целую тушу оленя ем, летом с кровью горячей, зимой мясо-строганину. Моя младшенькая сестра мне большую одежду шьет. Шьет из шкур медных, а нитки у нее железные, а иголка серебром блестит. Как она мне еду готовит, я не вижу. Вижу только, как посуду пустую со стола убирает. Как стол уберет, она рядом садится, по голове меня гладит. Когда по голове гладит, она песню поет, ту песню, которую нам мама пела, когда мы маленькие были.

У речки ивняковой чум стоит,
В речке вода сверху вниз течет,
Весной лед по речке вниз идет,
Летом по речке рыба вверх поднимается.

Спи, мой маленький мальчик,
А когда проснешься,
Не ходи ты по речке вверх,
Не ходи по речке ты вниз.

Сестра младшая песню поет, а сама плачет. А слезы такие горючие, что в моей медной малице дырки появляются. Потом я засыпаю, а когда просыпаюсь, на мне новая малица, без дырочек. Видно, пока я спал, сестра новую малицу сшила. Так живем.

Я сплю теперь так крепко, что просыпаюсь, когда сестра младшенькая меня медной колотушкой в лоб ударит. Колотушка от удара на другую сторону чума отлетает, а я только лоб чешу спросонья. Младшая моя сестра подросла, красивая выросла – высокая, стройная, наверно, имя ей будет Ябтане. Ябтане мне говорит:

– Кушай, братец, хорошо, пока еда есть. Как бы тебе потом без меня не голодать.

От таких слов у меня в глазах слезы. Хочу ей ответить, а слова сказать не могу, язык, как хвост тайменя, только вверх-вниз поднимается-опускается. Я к сестре руки протягиваю, она меня за руки поднимает, я сажусь. Сестренка мне стол готовит. Что на стол ставит, я сразу съедаю. Два чайника у сестры. Один греется, из другого я чай пью. Как попью из одного чайника, из другого пью. Пустой чайник сестра водой наполняет, опять его над очагом вешает. Пью, пока медная малица насквозь мокрая не станет от пота на спине. Потом я оленину ем. Теперь я ем мясо сушёное и вяленое. Над очагом туши оленей висят, макодана не видно. Когда мясо съем, тогда через макодан небо видно. Когда наемся, мне Ябтане новую малицу протягивает. Старую малицу сестра помогает мне снять, новую малицу сестра помогает надеть. Когда оденусь, голова сама на подушку клонится. Сестра Ябтане меня по голове гладит, я сразу засыпаю. Сплю теперь долго.

Во сне я по облакам хожу. Я такой большой, что земля меня не выдерживает. Где пройду – там озеро, где отдыхаю, лёжа, – там море. Тогда я на облака поднимаюсь, по ним хожу. По облакам ходить очень хорошо, мягко, сверху видно все. Там олени ходят, там деревья от ветра гнутся, а там, в океане, медведи с моржами за льдины борются. А вот чум стоит, маленький, меньше облака. В чуме сопит кто-то, видно крепко спит. Чум маленький, а облака большие, мешают смотреть. Я на облака дунул и из них снег выдул, снег на чум начал падать.

Тут я проснулся. На меня с макодана снежок упал. Сестры моей Ябтане не видно. В чуме темно, только в очаге маленький огонёк, да в макодане свет сквозь снег еле пробивается. Я лежу, по сторонам взглядом вожу. Никого нет. Стол пустой, над очагом ничего не висит, ни чайника, ни котла, и мясо не сушится. На мне малица заиндевела по краям да на рукавицах. Что же мне делать? Засунул я руки в рукава малицы, себя по бокам похлопал, от снега отряхнул. Снег отряхнул, стал садиться. Руку согнул, под себя подвернул. Другую руку тоже согнул, с другой стороны под себя подвернул. Воздух в грудь вдохнул, из груди выдохнул, руками толкнулся. О, я сел. Сам сел. Что дальше делать?

Сверху на меня снова снежок упал. Я руку поднял, снег с головы смахнул. Что же дальше делать? Мама моя ходила, сестры мои ходили, неужто я не смогу ходить? Руками я подтянул к себе ноги, подняв вверх колени. Дальше я оперся на постели руками и оттолкнулся-качнулся вперед. Теперь я сижу на корточках. Руками я теперь опёрся впереди себя, немного наклонился вперёд, согнув немного руки в локтях и резко оттолкнулся руками. Мои ноги распрямились, и я поднялся. Оказывается, высокий вырос, головой чуть шесты не сломал, чум немного не уронил. Стою крепко, дальше надо шаг сделать. Став крепко одной ногой, я поставил другую ногу впереди себя. Перенеся вес на выставленную ногу, я сделал первый шаг. Качнув теперь другую ногу вперед, я сделал второй шаг. Так я научился ходить.

Сначала я пошел к двери. Полог не откидывался, я только снега в чум нагреб. Отойдя от двери, я посмотрел вверх. Потом я поднял руку и дотянулся до макодана. На шестах лежал снег. Значит, чум занесло снегом. Как же выйти? Тут внизу затрещало. Я посмотрел вниз и увидел огонь. Огонь тут же успокоился. Но я услышал тихий голос. Чтобы разобрать его, я встал на четвереньки и приблизил свое ухо к очагу. На железном листе лежала зола и три горящих уголька.

– Дай мне еды, и я помогу тебе выйти из чума, – услышал я тихий, скрипучий голос.

Я огляделся. У железного листа было пусто. Посмотрел вперед, нет дров. Потом вспомнил, младшая сестра, когда была маленькая, брала дрова около двери. Оглянувшись, увидел охапку дров. Пока я оглядывался, дрова искал, в очаге затрещало. Один уголёк погас. Быстро подняв полено, я с тревогой поглядел на огонь. Если положу целое полено, огню станет плохо, и он совсем погаснет. Голодному нельзя много еды сразу давать. Пока я раздумывал, огонь опять затрещал, еще один уголёк погас. Тогда я ударил по полену ладонью. Полено рассыпалось на лучинки. Осторожно я положил к последнему угольку лучинку-щепку. Огонь тут же перешёл на лучинку. Я положил несколько лучинок, огонь разгорелся. Сверху я навалил остальные лучинки и стал выбирать среди дров тонкие поленья. Их я потом положил костром на очаг. Огонь стал молча лизать дрова, а я сел, скрестив ноги, и стал ждать. Нельзя мешать кушающему. Насытится, сам скажет свое слово.

На огонь смотрю. Огонь спокойно горит, хорошо горит, дыма вовсе нет. Я на огонь смотрю, а в глазах вдруг цветные пятна какие-то. Я глаза закрыл, цветное мельтешение не проходит. Глаза открыл, цветные пятна в картинку сложились. Вижу, стадо оленей большое. Где олени пройдут, там разрытый снег остается. Вот олени через широкую реку по льду переходят. Олени идут, а лёд, как женский платок на ветру, колышется. Оленей много, а пастух один. Пастух пешком ходит, рядом собака бегает. Пастух рукой махнёт, собачка в ту сторону побежит, всё стадо поворачивает. Тут картинка на цветные пятна распоролась. Опять огонь вижу, он спокойно горит. Я глаза на миг закрыл, открыл, новая картинка. На морском берегу, прислонившись к сопке, лежит великан. Голова на склоне сопки, тело на берегу, ноги в морской воде. Таких больших людей я не видел, мои мать и сестры про него не говорили, наверное, эта картинка от старых времен мне привиделась. Может быть, такие люди раньше были, люди были, как великаны. Картинка новая стала, наверно, из будущего картинка. Потому как на картинке я был, только старый. Все волосы белые, а спина согнутая, как сопка. Как себя увидел, старого себя увидел, рассердился. Сердитый стал, на ноги резко поднялся. В глазах темно стало, в висках кровь, как медная колотушка, стучит. На огонь грозно смотрю, резкое слово ему сказать хочу. Мой язык меня не слушает, во рту у меня по щекам изнутри стукает. Слова сказать не могу, как теленок мычу-мекаю: «Ме-ме, ме-ме», да руками на огонь махаю. Тут огонь спокойно говорит:

– Покажи мне свой язык.

Я сердитый, на огонь исподлобья смотрю. Наверное, если ему язык покажу, ничего плохого не будет. Этот огонь моя мать зажгла, можно ему свой язык показать. Я склонился, рот открыл, язык домашнему очагу показываю.

– Ну-ка, поближе. Поверни чуть голову, – огонь мне, как маленькому, говорит.

На железный лист я руками опёрся, ближе к огню склонился, рот шире открываю. Тут в очаге щёлкнуло, из очага искорка мне прямо на язык выскочила. Искра язык мне обожгла, я на ноги опять вскочил:

– Ай, больно ведь, – воскликнул я. Как только это сказал, тут же рот двумя руками закрыл, только глазами из стороны в сторону смотрю.

На огонь посмотрел.

– Теперь можешь говорить, теперь у тебя своё слово есть, – сказал огонь. Тогда я огню свое слово сказал:

– Как мне отсюда выйти?

– Сначала положи на железный лист все дрова так, чтобы, когда одно полено сгорит, ко мне другое падало.

Раз огонь говорит, дрова надо так сложить. Я все дрова поднял, на железный лист положил. Как только тонкие поленья догорят, к огню новое полено скатится. Это полено сгорит, другое следом скатится. Все дрова так положил. Огонь снова говорит:

– Поищи под подушкой.

Какая подушка? Я только одну подушку знаю, на которой сам спал. Наверно, под ней надо поискать. Я к постели подошел, руку под подушку засунул. Там лежит что-то. Я подушку убрал. Под подушкой, оказывается, пояс лежит. Я пояс поднял. Пояс поднял, к очагу отошёл. От очага свет идет, лучше видно стало. Пояс мужской оказался. На поясе пряжки, с семью запорами пряжки. На поясе семь ножей висят, как лучи солнца. На поясе семь клыков подвешены, от семи хищников клыки висят. На поясе два чехла висят. Один чехол из кожи шитый, там кремень и огниво лежат. Другой чехол железный, на чехле заклепки медные, а внутри чехла оселок – точильный камень. На поясе рубежей медных нет, на поясе, как на чехле точильного камня, медные заклёпки. Заклепок семь раз по семь. Из очага слышно:

– Подпоясывайся. В пору ли тебе пояс будет?

Я подпоясался, от семи запоров пряжек только щелкнуло. В самый раз мне пояс. Под одной рукой у меня ножи висят, под другой — чехлы, кожаный да железный.

– Слушай меня, я скажу, как из чума выйти. Но запомни, через три года вернись в чум. Эти дрова я три года есть буду. Через три года ты придёшь, новые дрова мне принесёшь. А теперь как ты из чума выйдешь? Надо тебе через макодан выпрыгнуть, только так из чума можешь выйти. Как из чума выйдешь, сам решай, что дальше тебе делать.

Ну что же, раз через макодан прыгать, значит через макодан прыгать. Я ближе к железному листу встал, прыгнуть собрался. Тут огонь говорит:

– Погоди, тебе имя надо дать. Ты взрослый стал, мужчиной стал, наверно, имя тебе будет Нярава мальтятна Хасава.

– Спасибо тебе за все, огонь моего чума. Через три года вернусь, новую еду тебе принесу. А пока прощай! – сказал я и прыгнул. Через макодан прыгнул, сквозь снег прыгнул. Как выпрыгнул, так рядом на снег и ногами стал.

Оказывается, пока я вставал, огонь кормил и с ним разговаривал, на улице темнеть стало. Ветер снег гоняет, а на небе братья-сполохи друг другу разноцветные тынзеи-арканы начали метать. Хорошо на улице, воздух свежий, а в небе звезды на меня смотрят, удивляются, откуда я такой появился, откуда выскочил.

Пусть все знают, я есть. Я есть, и у меня слово есть. Я ходить могу, говорить могу и передо мной тундра, как стол. Куда хочу, всюду могу пойти.

– Хэй, земля и все, кто по земле ходит! Я иду! Я – Нярава мальтятна Хасава!

Альманах № 14, 2014 год

Ксения Просвирнина

Я бежала по хрупкому снегу

***

Тёмная полночь молчит
в ожидании вещего сна...
Весточка вдруг прилетит,
что, как воздух, сердечку нужна...

Миллионы километров,
Между мною и тобой....
Даже в стоне диких ветров
Не услышу голос твой...

К струнам невинной души
надежда, как встарь, подкрадётся.
В этой безумной глуши
сердечко моё, слышишь, бьётся.

Миллионы километров,
Между мною и тобой....
Даже в стоне диких ветров
Не услышу голос твой...

***

Я бежала по хрупкому снегу,
В беззаботное детство спеша.
От зимней и снежной неги
Пела Муза, искрилась душа…

Кружились шальные снежинки,
Падали мне на ладони.
От ветра катились слезинки,
От счастья, конечно, они…

Салазки скрипели несмело,
Бежали на горку детишки,
Купались в сугробах умело,
Смотрелись, как белые мишки!

Я вспоминаю зимы детства
Не вьюгу, не мороз, а радость –
Картины, слишком дорогие сердцу.
Ах, зимушка-зима, ты ж моя слабость!

Альманах № 12, 2012 год

Нина Валейская

Аргиш воспоминаний

Фрагмент

..Русский мужик всегда рыбачил со своим старым другом, таким же заядлым рыбаком, как и он сам. И эти сети они тоже совсем недавно ставили вместе, потому что это трудоёмкая тяжёлая работа для опытных рыбаков, коим ненец не являлся. Сначала русский мужик с другом положили на лёд реки длинную деревянную жердину и этим отметили расстояние до первой запускной проруби или майны – до вытяжной майны. Между ними они прорубили ещё две проруби, чтобы через них продвигать и проталкивать жердь с привязанной к её концу длинной плавающей верёвкой. Русский мужик со стороны вытяжной майны вытянул жердину вместе с плавающей верёвкой. А в это время его друг, стоящий у первой запускной, подвязав к верёвке верхнюю подбору сети, запускал её в майну под лёд, а к нижней подборе сети прикрепил грузило. Оба конца плавающей верёвки мужики привязали к палкам, которые положили поперёк майн. Так сеть при помощи майн, жердины и длинной плавающей верёвки оказалась вся подо льдом.

Рыбак и ненец подошли к занесённым снегом майнам и стали их расчищать. Ненец внимательно прислушивался к словам рыбака, они отвязали сеть от палок. За противоположный конец выбрали сеть и одновременно выпутали из неё рыбу, а когда переборку сети закончили, то снова с помощью верёвки завели её под лёд на старое место. С рыбой в мешке и пешнёй рыбаки поспешили к избе. Лица их были пунцовыми от мороза, и веяло от них холодом и свежей рыбой. В избе мужики разделись и с наслаждением прошли по вышарканным добела половицам к столу, где посвистывал вычищенный до яркого блеска медный самовар с заварным чайником наверху. Была суббота, и хозяйка в этот день всегда пекла караваи на всю неделю. В избе сытно пахло ржаным хлебом, остывавшим под холщёвым полотном. Хозяйку они встретили, входя, в сенях – она спешила проверить баньку, ведь суббота – банный день. Мужики и девочки присели к столу. Дочь хозяина разлила чай в чашки, а её отец разрезал ржаной пирог с запечённой вместе с костями белой рыбой, очень вкусный и сочный.

Только мужики от души напились чаю и русский взялся, было, за махорку, как вошла его жена и стала торопить их на первый, самый крепкий пар в баньке над рекой. Кроме их баньки, были там и другие. Всегда удобно, когда вода близко. Зимой на реке обязательно делали прорубь, и она никогда не затягивалась льдом, потому что из неё брали воду для питья, а по субботам – для бань, а молодые девки в ней даже полоскали бельё.

Русский мужик стал торопливо одеваться и с готовностью подхватил узел с чистым бельём для себя и ненца. А ненец медлил, ему что-то совсем не хотелось идти в какую-то баньку, тем более, он ни разу там не был. И вообще-то он после чая собирался пойти с дочками к себе. Если бы ненец знал, что его ожидает в баньке и особенно в парилке, то сбежал бы без промедления, а так ненец оделся и покорно пошёл за русским мужиком. Вскоре они были у баньки.

Русский перекрестился, зашёл в предбанник, зажёг лампу. Позвал ненца и велел ему быстро раздеваться. Сам мгновенно скинул с себя всю одежду и юркнул в парную. Из-за закрытой двери стали до ненца доноситься странные шлепки и сильное шипение. Он с недоумением, обречённо и смиренно сидел на лавке, не зная, что и делать, а это просто русский поддавал пару: брызгал на камни-голыши печки-каменки настоянный и процеженный отвар мяты и душицы. Вдруг русский громко позвал ненца и, не дождавшись, выглянул в предбанник, увидел, что тот и не думал раздеваться. Понукаемый русским мужиком, ненец нехотя разделся и вошёл в парную, а там просто обомлел и онемел. Душистый пар заволок всю парную, и было нестерпимо жарко! Ненцу хотелось закричать и убежать, но крик застрял в его горле, а сам он, подталкиваемый русским, оказался лежащим на полке. И тут же два больших веника в руках русского, почти касаясь его тела, стали налетать на него, принося с собою душистый, жгучий, но чем-то приятный жар. Русский мужик подбросил на каменку отвара, заставил ненца перевернуться и опять стал махать над ним вениками.

Вообще-то ничего страшного не происходило. Просто русский парил ненца. Вдруг он скомандовал, чтобы тот бежал за ним, и ломанулся из бани. Неужели они побегут голыми до избы, – ужаснулся ненец. Но нет, от толчка русского он рухнул в снежный сугроб, а за ним туда же бухнулся русский и радостно заохал. От неожиданности и холода у ненца из кожи словно посыпались искры, но он не мог встать на ноги, потому что русский закидывал его снегом и радостно хохотал. Наконец ненцу удалось вырваться из снежного плена и вбежать в баню. От холода его била мелкая дрожь, стучали зубы. Он уже сам влетел в парную, а следом за ним с шумом ввалился хозяин, и всё повторилось снова... Только на этот раз ненец предусмотрительно забежал за угол бани, а русский с разбега нырнул в снег, громко звал его и хохотал. Наконец русский решил, что для первого раза четырёх заходов в парную для ненца достаточно и отпустил его в предбанник остывать, что тот с удовольствием и сделал. Он укрыл ненца старенькой чистой простынёй, от которой шёл свежий запах снега и

морозного ветра, потому что хозяйка сушила бельё на чердаке.

Приятная, ни с чем не сравнимая усталость одолевала ненца, и он тихо млел на лавке, впадая временами в дремоту, а русский продолжал то париться, то бросаться в сугроб. Наконец он умаялся и сел на лавку напротив ненца. Русский мужик был очень довольным, ярко-красным, словно его сварили в кипятке. Передохнув, мужики принялись мыться в деревянных шайках из берёзы – мочалами из лыка, окуная их в зольную воду. Тогда вместо мыла был щёлок или зольная вода. Её готовили из печной золы, просеивая через сито, и разводили для удобства водой, мылись ею и стирали бельё.

После помывки мужики неспешно вытирались холщёвыми полотенцами и лениво переговаривались. Вся одежда в узле русского мужика была, пусть, и поношенная, но крепкая и ладная, и от неё веяло чистотой и морозным ветром. Русский загасил лампу и плотно прикрыл входную дверь бани; они двинулись в сторону избы. Ненец чувствовал необыкновенную лёгкость в теле и удивительный покой на душе. Уже возле избы они столкнулись с женой русского и девочками. Ненец хотел предупредить дочек о том, что их ждёт в бане, но передумал.

Изба дышала живым теплом печи, тёплым хлебом и в ней было непривычно тихо, только старая кошка чуть слышно мурлыкала на кровати матери хозяйки избы. Старушка уехала на все зимние месяцы к младшей дочери в другую деревню. На чисто выскобленном ножом деревянном столе рядом с солонкой с серой крупной солью лежал высокий каравай свежего ржаного хлеба, а в блюде – стопкой рыбнички и шаньги. И стоял на столе старинный темно-зелёный штоф с холодной крепкой брагой. Стекло квадратной вместительной бутыли запотело, потому что она была внесена в тепло из холодной подклети. Довольный русский крякнул и пригладил свои рыжие с проседью усы. Достал из самодельного шкафчика два гранёных стакана зеленоватого стекла. Надо было бы вытянуть ухватом из печи чугунок с распаренным говяжьим рубцом с ячневой крупой. Но вместо этого он вышел к кладовке у входной двери и внёс в избу самую крупную белую рыбу из пойманных ими утром на рыбалке, уже замёрзшую, как полено, и брякнул её на деревянную доску, чтобы немного отошла. Потом аккуратно нарезал острым ножом ржаной каравай на ровные куски и чуть погодя занялся рыбой. Срезал с неё чешую и принялся не спеша, с явным удовольствием, строгать на тонкие стружки.

Не чокаясь, мужики молча выпили по первому стакану браги за помин души бедной ненки и закусили строганинкой. На столе от маленького огонька фитиля мягко светилось чистое стекло керосиновой лампы. Завздыхала и зашуршала снегом пурга, и сразу же стали постукивать ставни окошек, а в избе по-прежнему было тепло и тихо. Притихшая изба словно внимательно прислушивалась к разговору двух совершенно непохожих друг на друга мужчин. Общение людей – несравненный дар, особенно если они относятся друг к другу с полным доверием и уважением.

Пурга, посвистывая и забрасывая снегом, мягко подталкивала в спины спешивших в баньку русскую женщину и девочек. Жена рыбака обожала свою ладную баньку и очень любила, как и муж, париться. Она быстро разделась в предбаннике и споро взялась за уборку после мужиков. Помыла шайки и в одной из них замочила в кипятке два свежих веника и после этого стала подкидывать на каменку из ковшика с длинной ручкой горячий настой из мяты и душицы, потом позвала девочек. Душистый пар слоился до самого потолка, и дочери ненца робко жались друг к другу и умоляюще смотрели на мать своей русской подружки. Но видя, что той очень нравится париться, успокоились, осмелели и тоже после неё по очереди забирались на полок и терпеливо лежали под летающими над ними вениками в её руках. Им даже понравилось париться и мыться в баньке.

Наконец, хорошо напаренные и помытые девочки были отправлены в предбанник остывать и отдыхать. Русская девочка была почти на год моложе младшей Мелании, но заметно выше и полнее старшей Домны. Так что им прекрасно подошли её сарафанчики и кофточки, из которых она уже выросла. Пришло время и русской женщине заняться собой; она с удовольствием принялась париться и лишь изредка выходила в предбанник, чтобы перевести дух и вновь скрывалась за дверью парной. Остывшие и уже одетые девочки ели пресные шаньги, запивая их хлебным квасом. После бани и еды девочек неудержимо стало клонить в сон и они, привалившись друг к другу, задремали.

От души напарившись, русская женщина помылась и сноровисто принялась убираться в парной. Долила в чан с горячей водой холодную. Пусть будет больше горячей воды для стирки. Ополоснувшись, вышла из парной – вся красная, пышущая жаром, с распущенными до колен густыми русыми волосами. Уселась на скамейку и с облегчением вздохнула. В предбаннике сразу повеяло благоуханием цветущих трав летнего луга. Просто женщина, прежде чем войти в предбанник, в шайку с водой от веников вылила оставшийся настой душистых целебных трав и, сполоснув в нём волосы, вылила всю воду на себя.

Она не стала, по обыкновению, спешить и неторопливо принялась подсушивать волосы и тело полотенцем. Ей хотелось, чтобы мужики подольше побыли в избе одни и не спеша поговорили. Потом женщина накинула на себя длинную исподнюю рубаху и нижний сарафан. После этого деревянным гребнем расчесала волосы, заплела их в две тугие косы и обмотала вокруг своей головы. Закрыла косы расшитым кокошником на ситцевой подкладке. В те времена русская женщина не ходила на людях простоволосой… Поверх исподней рубахи и нижнего

сарафана надела сатиновую рубаху с воротником-стойкой и с красными оплечиями, плотный широкий сарафан с частыми складками, собранными на пояс под грудью. И дополнила свой наряд широким и длинным с чёрными кружевами внизу фартуком, который сберегал сарафан от пятен. На ноги она натянула высокие, до колен, носки из чёрной толстой шерсти, украшенные до самых лодыжек цветными узорами и сунула ноги в подшитые валенки. Поверх кокошника повязала голову тёплым платком и накинула на плечи удобную шубейку из овечьих шкурок. Девочки, готовые идти, уже стояли у двери. Старшая, Домна, держала в руках узелок с грязным бельём – их и отца. Русская женщина погасила лампу, и все шагнули за порог.

Пурга словно поджидала их за дверью баньки. Тут же принялась закидывать горстями колючих снежинок, облепила ресницы и взялась студить тёплые после баньки щёки. Девочки сразу же спрятались за широкую и надёжную спину женщины и так брели за ней гуськом, мечтая побыстрее попасть в избу и повалиться спать. Мать их русской подружки заранее приготовила им спальные места на полатях, где они так любили играть в куклы. И о ненце не забыла. Ещё днём постелила ему в светёлке под крышей. Там конечно было довольно прохладно, почти как в чуме, когда в нём гаснет костёр. И был в светёлке полог, потому что летом, в комариную пору, там любили спать бабушка с внучкой.

На крыльце избы женщина и девочки помогли друг другу вениками из голых веток ивы смахнуть снег с верхней одежды и валенок. И как только они вошли в избу и разделись, девочки сразу полезли на полати и вскоре уже безмятежно спали.

Спали, но только не мужики. До самой ночи они тянули брагу и орали, словно внезапно оглохли, а ненец порой ещё и плакал, но хозяйка избы была спокойна. С доброй улыбкой поглядывала она на хорошо подвыпивших мужиков, которые, судя по всему, видели и понимали только друг друга. Русская женщина хорошо знала, что для того, чтобы ослабить хватку тоски и боли, надо омыть надломленную душу слезами, чтобы она вновь ожила и поведать хоть кому-нибудь о своём нестерпимом горе, а не держать всё в себе.

Ещё по дороге к избе ей уже хотелось чая. Не спеша, она вскипятила самовар, заварила свежий чай и принялась его пить – чашка за чашкой – с кусочками колотого сахара. Напившись чая, хозяйка села на скамейку возле печки и принялась довязывать из шерстяной овечьей пряжи носки мужу. Спицы так и мелькали в её руках, вплетая цветные нити узоров в чёрное. Пока мужики не угомонились и не повалились спать, женщина спокойно вязала или занималась другими домашними делами. Только убрав после них со стола и загасив фитиль лампы, она отправилась спать. После баньки и под вой пурги славно спалось, но рано утром, по давней своей привычке, она уже была на ногах.

Скоро в печи потрескивали берёзовые поленья, излучая ласковое тепло и живые отблески света. Печь – сердце дома – была на редкость удачно сделана. На топку её шла всего одна охапка дров, а тепло держалось в ней долго.

На прогретом и светлом от пламени печи полу нежилась кошка. Она только что вылакала целое блюдечко молока и, вылизав себя с головы до кончика хвоста, впала в дрёму. Хозяйка избы не держала корову. Брала молоко у соседки. Зато у неё были овцы-бальки, которым она уже успела отнести тёплое пойло из остатков домашней еды и ячневой крупы и подкинуть им в кормушку сенца. Для освещения в овчарню она брала огарок свечи в глиняной плошке...

Альманах № 16, 2016 год

Серафима Дуркина

Крепкая дружба

Весть о том, что будет работать летняя кочевая школа по обучению подростков и молодежи оленеводов-единоличников общины «Ямб то» так меня заинтересовала, что я сразу написала заявление. Меня определили работать во вторую смену.

Настал час отъезда, немного волнуюсь: как там встретят, что за люди оленеводы-единоличники, и вообще – как буду жить в тундре: в чуме или в палатке? Уже давно оторвала нас оседлая жизнь от привычной нашей тундровой жизни. Но сердце рвётся к тем родным местам, к той нашей любимой земле, где родилась, где сделала первые шаги, где прошло детство.

У оленеводов-единоличников общины «Ямб то» довелось работать в семье Тимофея и Парасковьи Тайбарей. Отношение было очень доброжелательное, меня приняли как родную. Их дочь Устина уступила своё место отдыха с балаганом. То лето было холодное, старожилы не помнят такого. Не дали замерзнуть, предоставляли меховую одежду: липты, паницу.

В семье Тимофея и Парасковьи восьмеро детей: шесть дочерей и два сына. Сами родители неграмотные, в школе не учились. Взрослые дочери не обучались. Трое младших учились в Каратайской школе. Я учила грамоте девушек: Домну, Устину, Дусю. Младший сын Коля желал учиться, у Парасковьи сестра Марина из другого чума в свободное время заглядывала в школу. Огромное желание было у них научиться читать и писать.

С интересом узнавали каждую новую букву, давая им свои значения. Например: буква «Т» – это их семейное клеймо – называли «папина буква»; «а» прописная похожа на беременную женщину; «ш» – на пальцы рук и так далее. Иногда говорили: учиться, оказывается, очень сложно, мы, наверно, никогда не научимся... ещё вы приехали на несколько дней, разве можно за это время научиться?

К учёбе они относились серьёзно. Устина, когда шла пастушить, букварь брала с собой, чтобы закреплять пройденный материал. Смотря на неё, Домна и Дуся поступали также. На уроке письма буквы выводили старательно. Торопились научиться писать подпись. На переменах играли в прятки. Городки у них были. Они очень любили играть в городки, а наигравшись, снова садились за учёбу. В выходные дни ходили за морошкой, если она была. В дождливые дни сидели в чуме, пели национальные песни. По-русски они не говорили. Чтобы научить хоть чуть-чуть говорить по-русски, иду на хитрость: «Один день разговариваем только на русском языке». Так постепенно учились говорить по-русски.

Кроме учебы они выполняли свою работу. Ходили в стадо, братьям охранять оленей рано – малы ещё. Чтобы одному отцу не пасти оленей, по очереди заменяли его. Родители учили детей любой работе. Дети уже умели делать многое. Дети, родившиеся в тундре, с молоком матери впитывают трудолюбие. Им не надо по несколько раз говорить об этом.

Во время ёрковок Домна и Устина сами быстро заарканят оленя. Домна с отцом едут к морю за дровами. Там они ставят сети, кроме дров привозят морскую рыбу. Дочь Шура рубит дрова, перед сном наполняет дровами печь. Девочки никогда не сидят без дела. Шьют, шкуры, камусы выделывают. Когда оленя на мясо забьют, быстро тушу мяса разделают. Ульяна и Надежда шкуру оленя и камусы сушить приберут, их вместе сошьют. Питьевое озеро от чума бывает далеко, Устина упряжку запряжёт, за водой поедет.

Будущими хозяйками воспитывает Парасковья дочерей. В передней части чума – дочь Устина, а на другой половине чума – дочь Домна хозяйничают. Утром рано в шесть часов – стадо оленей у чума. Мать быстро разбудит детей. В чуме дочери затапливают печь по очереди. К замужеству уже лежат в пад-мешке готовые расшитые вещи. Мать научила дочерей шить паницы, малицы, совики, пимы, тучейки. Осенью запасают шкуры оленей для новых паниц и совиков.

В их семье растят животных. Надежда – младшая дочь – растила волчонка. Олененок Хорейко воспитывался у них. Около чума кормился, хлеб, суп любил есть, любимец семьи. Одно лето приехала, в их чуме растут два маленьких гусёнка. Долго жили гусята в чуме. Зимовали в тундре. На другое лето приехала, остался только один гусь. Тогда Парасковья сказала: «Куда-нибудь в гости едем, гусь летит за нами. Куда бы ни пошли, постоянно ходит за нами. Если даже останется в другом стойбище, все равно найдёт обратно дорогу и прилетит в свой чум. Однажды мы поехали в гости, гусь долго летел за нами и вдруг куда-то исчез. Нам очень жалко гуся». Много оленегонных собак вырастили. Умные помощники для пастухов. Каждый берет, когда едет пастушить в стадо, свою, выученную лично, собаку.

При кочёвке на новое чумовище все трудятся. Никто не сидит без дела. Когда ямдают, место чумовища подметают крылом птицы, ни одну соринку не оставят. В тундре так заведено – сохранять оленные пастбища для будущих поколений. Когда ямдают – у каждого свой воз, только младшие дети едут свободно, без воза.

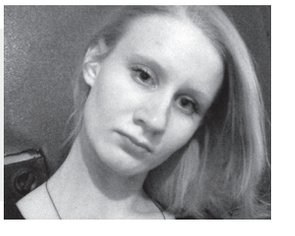
Девушки научились читать и писать, в чуме Библию читали. Мне письмо о своем житье-бытье писали... Годы прошли. Устина и Домна живут своими семьями, растят детей. Теперь у оленеводов-единоличников, как у многих других, есть мобильные телефоны. И куда бы они не поехали, обязательно позвонят, расскажут о жизни: кто женился, кто родился. Поэтому мы в курсе их тундровых дел, будто вместе с ними кочуем. А после проведения традиционного праздника День оленя обязательно спросят: «На будущий праздник День оленя приедете?» А мы им отвечаем: «Живы-здоровы будем, обязательно приедем».

У оленеводов-единоличников работала в разные годы и в других семьях. Всех их знаю. Когда приезжают в город на лечение, мне звонят, иду навещать, поддержать теплым словом. Они рады, довольны, что есть в городе у них знакомые люди. Некоторые русский язык плохо знают, что врачи им говорят, не понимают. Спешу перевести слова доктора. Если что-то хотят купить, по магазинам их вожу.

Они обязательно скажут: «Приезжайте к нам в тундру, мы вас очень ждем».

Альманах № 11, 2011 год

Елена Лыкова
Март



Весна же опять в разгуле.
И бурые лужи блестят.
Какие-то наглые гули
На чёрном сугробе сидят.
И жарко, и душно в куртке.
И хочется сбросить с плеч.
А лёд под ногами хрупкий,
И страшно в грязь улететь.
Слепящее солнце сверкает
С безоблачной синевы.
Среди серой жижи зияет
Оазис подсохшей земли.

Альманах № 16, 2016 год

Лариса Торопова
Лунный свет

***

Притихла над речкой задумчиво Виска,
В предутренней дрёме застыли дома,
Своей красотою простой и неброской
Навек покорила деревня моя.
Горбатенький мост –
место встречи влюблённых,
От ветра поющие лодок бока,
Пропахшие илом рыбацкие сети -
Всё это деревня, деревня моя.
Протяжные песни прабабушек наших,
Озёрная синь и лугов красота,
И душу волнующий крик лебединый -
Всё это деревня, деревня моя.
Горшочки с цветами застыли на окнах,
Над плёсом красавица утра – заря,
И храм деревянный, как знак возрожденья, -
Всё это деревня, деревня моя.
Дождями умытая старая Виска
Стоит над рекою строга и тиха.
Своей красотою простой и неброской
Навек покорила деревня меня.

***

От пут любви освобождаясь – бежала прочь.
Блудливой сукой возвращалась,
кралась сквозь ночь.
Волчицей серою кружилась, почуяв кровь.
Неистово вгрызаясь в губы, пила любовь.
Властитель чувств – души хозяин, а я раба,
Я каждой клеткой к тебе стремилась –
безумная!
На ложе страсти в твоей быть власти –
агония...
В цепях на горле кричала в небо:
«Люби меня!»
Угасло пламя,
не в силах больше двоих согреть.
Золой по ветру душа истлела,
а там лишь смерть.

***

Кто-то прославляет Солнце,
А мне по сердцу – Луна!
Дразнит жёлтенькое донце,
В небо звездное маня.
В лунном свете я – Снегурка!
Лунный свет к щекам приник.
Серебристые ресницы –
Серебристый воротник!
Ты меня обнимешь нежно
И к груди своей прижмёшь.
В руки тёплые, большие
Мои пальчики возьмёшь!
Мы сольёмся губы в губы
(Время будто не для нас).
Как прекрасно целоваться
Под луною в этот час!

Альманах № 15, 2015 год

Ирина Маркова
Старый дом

Человек городской, привыкший к жизни по принципу «все включено», воспринимает деревенские условия как экстремальные. Так думала я, находясь уже 10 часов в пути, добираясь с детьми к старому родительскому дому в далёкой деревне, осуществляя намеченный на лето план.

За это время можно было с комфортом прилететь на юг и удобно отдохнуть под тёплым солнцем или под кондиционером. Но мы тряслись в маленьком самолётике, с бесконечными взлётами и посадками, на машине, на пароме, а на десерт пешком.

И вот перед глазами родной старенький дом. Он встречает, подмигивая, так как не все ставни открыты. Трухлявый забор покосился в улыбке. А за ним во дворе буйство травы, дико разросшейся без хозяйского ухода. Дом тихо спал без нас, охраняя детство и целостность воспоминаний.

Мы с вещами добрались до рундука. Три ступеньки и хрупкая дверца с маленьким замочком. Открываем, попадаем на новую веранду, отремонтированную в прошлый сезон. Дальше преодолеваем тяжелую крепкую дверь, на которой висит несколько замков, хитрых и серьезных. Они едва проснулись под нашим напором. Сняв все замки, поворачиваем кольцо, и дверь тяжело открывается с возгласом «Уффф». Нас встречает коридор, заполненный кучей вещей, покрытых древней историей в виде паутины.

Ну а дальше дверь в дом! Её уже открыл домовой и спрятался за печку. Здесь всё на своих местах, порядок и покой. Пахнет чем-то старинным. Немного сыростью. И пока на улице солнце, мы по заведённому порядку выносим всё добро на просыхание. Вооружаемся тряпками, вениками и шуршим по всем углам. Дом, скрипя половицами, уже поет другую, радостную песню. Часа через три невыносимо захотелось лечь отдохнуть и покушать.

Перекусили на скорую руку, пошарив по карманам, и вновь принялись за хозяйство.

На дворе лето, а нам в доме в свитерах не жарко. Домовой виновато глядел из-за печки и чесал макушку. Мы решили согреться в муравьиной спешке: заносили поленья, бежали на колонку за питьевой водой, растапливали печку–кормилицу. Она не сразу поддалась нашему вмешательству, прокашлявшись дымом, и потушив первый маленький огонечек. Но мы не сдавались и уговорили её. Тут она зарумянилась, распыхтелась и раздобрела.

Время неумолимо бежало вперед, приближалась ночь. Мы, рано проснувшиеся, были без сил. Еда готовилась мучительно долго. Занесли высушенные перины, матрасы, подушки. Направили постели, покушали. Печь истопили, закрыли вьюшку. Можно спать.

Ночь снова обдала холодом, но мы спим в одежде под одеялом, счастливые и довольные. И дом, весь день наполняемый шумом и детским смехом, светится от счастья. Он живой!

И совсем не такой уж старый.

Альманах № 18, 2018 год

Вячеслав Воложин
Второе рождение. Водопад на Великой

Он взял с собой всё необходимое, чтобы поставить сети выше по реке Великой в районе водопада. Погода была холодной. Хоть солнышко и светило вовсю, но чувствовалось, что вскоре опять пойдут дожди, а там и до заморозков недалеко.

Оделся по погоде. Под штормовку из брезента надел теплый свитер, а сверху штормовки – меховую душегрейку. На ногах болотные сапоги. Чтобы было теплее, он расправил у них голенища и подвязал к солдатскому ремню, которым был подпоясан. До водопада около километра, добрался быстро. Выше водопада долина реки была широкой, русло мелководным и его без труда можно было перейти практически в любом месте, не расправляя сапог. В русле виднелись глыбы, которые омывала вода. В районе водопада долина резко замыкалась, с обеих сторон подступали скалы, и ширина её всего метров двадцать – двадцать пять. Днище долины было с коренными выходами светлых песчаников, в которых вода проделала желоба и по ним низвергалась вниз с высоты около пяти-шести метров.

Около водопада стоял такой шум, что он заглушал человеческую речь. От падающей воды в воздухе висело большое количество капелек воды. Иногда солнечный свет, преломляясь сквозь них, распадался на цвета радуги. Песчаники выстилали всё русло и по ним можно было ходить, как по мраморному полу.

Стенку из сеток он поставил довольно быстро. Если по правому берегу закрепить конец сетей не представляло трудности, то по левому это сделать было не просто. Берег был скалистый, небольшими выступами, по которым надо передвигаться с осторожностью, чтобы не сорваться в воду. Первый раз он перешёл реку, поднявшись для этого выше по течению метров двадцать. Глубина воды – всего-то полметра, никаких проблем.

Пока ставил стенку, несколько раз подумал о том, что наступила глубокая осень, конец полевого сезона, геологические работы, которые они планировали, почти выполнены, а ни одной рыбёшки домой он опять, очевидно, не привезёт. Целое лето как проклятый пахал с рабочим на выбросах, отрабатывая водотоки многих рек, а здесь, на базовом лагере, где все удобства, практически не был. Вот жизнь, другие как-то всё успевают, а тут ну никак не получается объять необъятное. Да и народ подобрался в партии, рыба, вроде, всем нужна, но снастей приобрести никто не подумал.

Хоть стояла прохладная погода, но пока работал, стало так жарко, что хоть душегрейку снимай. Но для этого надо отвязывать верх сапог от ремня, а осталось всего-то поправить конец сетки на том берегу. Как не заметил, что его надо привязать чуть правее? Если первый раз он подстраховался и не стал переходить реку непосредственно в районе желобов, по которым с большой скоростью неслась вода, то теперь, привыкнув к шуму, брызгам, решил перепрыгнуть несколько желобов – ширина-то всего пустяк, меньше метра. До обрыва, с которого падала вода, было метров пять, не больше.

Первый жёлоб он просто перешагнул, так как он был неширокий. Для того, чтобы преодолеть второй, ему пришлось отступить несколько метров для разбега. Прыгнул и тут его как молния ударила. Нога поскользнулась, его подсекло водой, он со всего маха упал в жёлоб, и его понесло к обрыву. Весь камень в русле был настолько отполирован водой, что на нём не было и бугорка, чтобы зацепиться. Кроме прочего, стенки жёлоба и дно были покрыты зелёной слизью. Сделав невероятное усилие, он рванулся на тот берег, перевернулся с левого бока на живот и в то же время весь подался вверх, вцепившись ногтями в камень. Ему никогда не забыть того мгновения, когда он, прикладывая все силы, пытался выползти наверх, а вода, как лютый зверь, тащила его, чтобы сбросить вниз в бурлящую бездну водопада. В эти несколько секунд, когда он силился выползти, у него промелькнула мысль, что, не выберись он, это будет верная гибель.

Как потом оказалось, потребовались несколько секунд, чтобы преодолеть сопротивление воды.

Он лежал на краю жёлоба без сил подняться, понимая, что сейчас он второй раз родился. Страшно болело всё тело, спина, особенно левый бок, на который он упал. Очевидно, он растянул какие-то мышцы. Про руки и говорить нечего. Из-под ногтей сочилась кровь. Лёжа на белой отполированной поверхности камней, он только сейчас осознал, что чудом остался жив. Дело в том, что упав с водопада в такой одежде и в сапогах, привязанных к ремню, он через несколько минут пошёл бы ко дну, так как болотные сапоги с поднятыми голенищами, набрав воды, потянули бы его вниз, как пудовые гири. Снять их он не смог бы, а плыть с такой тяжестью нереально. Тем более, что в самом низу водопада стояла стенка из сетей толстой нитки, которая преграждала путь. В этой сети легко можно было запутаться, зацепись ты лишь одной пуговицей душегрейки.

За эти мгновения в сознании у него что-то изменилось. Он понял, что вот сейчас всё могло кончиться, а мир вокруг оставался бы таким, каким был раньше.

Не торопясь, поднялся выше по реке, где переходил раньше, шёл по воде, которая была настолько прозрачная, что просматривался песок и галька на дне, но у него к ней уже не было такого радужного расположения, как прежде. В лагере он о случившемся и словом не обмолвился, зачем? В записной книжке он записал число и месяц, когда это случилось, но со временем, конечно, эта запись затерялась. То ощущение, что через мгновение наступит неминуемая гибель, и то невероятное напряжение всех сил, чтобы выжить, он не забудет никогда.

Всё так же течёт на Северном Тимане река с громким названием Великая, которая впадает в суровое Баренцево море. Искрится на солнышке её голубая вода, радуя глаз. Но не забывай, путник, что ты на Крайнем Севере, на самом краю Света, далеко за Полярным кругом, и что на каждом шагу тебя может поджидать опасность, так как суров этот край и не любит слабых духом.

Альманах № 15, 2015 год

Наталья Ардеева
Лайма бежит по тундре

Лайма бежит по тундре, радуясь пронзительно-голубому небу, шуршащему под лапами ягелю и ветру, который пытается ее обогнать. Он лохматит шерсть и приятно обдувает морду, сплошь усеянную крошками ягеля и прошлогодними травинками. Стадо благополучно перекочевало на летнюю стоянку. В этом есть и её заслуга. Позади суровая зима. Весна с загонами оленей в корали тоже позади. И вот она, летняя тундра!

Лайма резко остановилась у норки, принюхалась, но быстро потеряла интерес к пустому жилищу лемминга. Тут же повалилась на землю и, извиваясь, задрыгала всеми четырьмя лапами в воздухе. Делала она это долго и с наслаждением.

Ну, все, пора домой! Отряхнувшись, Лайма подставила резкому порыву ветра разгоряченный бок. Ещё немного постояла, принюхиваясь к привычным запахам, и уже хотела бежать во всю прыть в сторону чума, но резкий толчок где-то внутри нее заставил остановиться и заскулить. В глазах собаки было недоумение: что это со мной? Это ощущение она испытывала впервые. Лайма не могла знать, что скоро на свет появятся щенки, но инстинкт подсказывал: то, что с ней происходит, связано с красавцем псом. С ним она водила дружбу в поселке еще до того, как Хозяин взял его в тундру.

Бежать к чуму расхотелось. Лайма легла на землю, положила голову на вытянутые лапы и закрыла глаза. Ей снова захотелось в поселок. Ее сознание вихрем закружилось в водовороте воспоминаний.

…Вот она впервые покинула хозяйский двор. Ей хотелось узнать: откуда приходят оленьи упряжки, откуда доносятся пронзительные призывные крики чаек, надоедливое кудахтанье куропаток и волнующий гусиный гогот. Окружающий мир обрушился на молодую лайку новыми необычными ощущениями. День ее первой прогулки продолжался долго. Исследовав поселок, Лайма оказалась на его окраине. За мелким кустарником начиналось совсем другое пространство. Здесь не было деревянных мостков, угля и шлака. С сопки, на которую она незаметно взобралась по пологому склону, открылся замечательный вид: перед ней лежал поселок, а за ним – много-много воды. Собачье естество не могло постичь бескрайности тундры и моря. Поэтому сидела она долго, не шевелясь, ошеломленная увиденным. Затем взгляд остановился на нескольких строениях, находившихся в некотором удалении от поселка. Над одним из них возвышалось круглое сооружение, очень похожее на миску, в которой ей давали еду. Лайму разобрало любопытство. Она потрусила в сторону таинственного поселения. Дома там были не из дерева, с большим количеством окон, расположенных в два ряда. Люди отличались от поселковых: какие-то все похожие, в пятнистой одежде, одинаково перетянутые ремнями. Навстречу попался мужик в странной шапке, а рядом с ним трусил пес. Это было что-то невообразимое.

В поселке собаки были всякие:

лайки, полукровки от овчарок и дворняг, ездовые и всякая мелочь с противными визгливыми голосами. А в соседнем дворе даже сидел на цепи кавказец. Всяких видела Лайма, но такого…Такого не было точно! Он был очень-очень пятнистый, и было не понять: то ли он белый с черными пятнами, то ли наоборот. Высокий, с короткой шерстью, пестрый красавец сразил ее сразу и наповал. После их встречи долго рябило в глазах несчастной собаки.

И стала она наведываться к соседям, хоть и был не ближний свет. Завязалась между ними, совершенно разными по природе своей и образу жизни, настоящая дружба.

Лайме предстояло быть верной помощницей своему Хозяину в тундре. Он оставил ее из последнего выводка старой лайки-оленегонки. Мать должна была передать свои навыки работы в стаде. Так что впереди у Лаймы была полная трудовых будней жизнь: круглый год жить на улице, зимой питаться мороженой рыбой и беспрекословно подчиняться хозяину. Кавалер же ее был аристократом до мозга костей. Жил в доме, там же его и кормили. На прогулку ходил с хозяином или гулял один у дома два раза в день. Лайма подозревала, что его еще и чистят каждый день, потому что выходил он к ней, сияющий ослепительно-белыми пятнами, хотя накануне мог носиться по лужам, кувыркаться вместе с подругой, повторяя её немыслимые сумасшедшие трюки. А она, и в самом деле, сходила с ума от его близости. Его хозяева вряд ли были в восторге от такой дружбы, но глядя на то, как каждый день подолгу упорно сидит и ждет их аристократа ладненькая подружка, выпускали к ней своего любимца. А сам он, прежде чем выйти, несколько раз то появлялся, то исчезал в окне, давая понять, что усидеть дома – выше его сил.

Пришло время Лайме повзрослеть. Собачья природа определенным образом изменила ее жизнь. Наступил момент, когда поселковые псы, не обращавшие раньше внимания на Лайму, стали собираться возле дома. И не её это вина. Как противиться матушке-природе с её законами и циклами. Хозяин не выдержал прелестей собачьей свадьбы и запер Лайму в сарае. Что ему до того, что ей просто необходимо прямо сейчас бежать туда, где ждет нелепый, смешной, но самый-самый хороший пес на свете.

Лайма смотрит на узкую полоску света, пробивающуюся в щель между досками. Пылинки, попадая в нее, кружатся в замысловатом танце. Хозяин разогнал псов. Когда стихли его громкие крики, Лайма отползла в дальний угол сарая и стала рыть землю под нижним слоем досок. Сначала медленно, размеренно, а затем с остервенением она швыряла и швыряла комья земли передними лапами, не обращая внимания на боль. Иногда она останавливалась и начинала грызть подгнившие доски. Сможет ли она выбраться отсюда? От бессилия и безысходности Лайма завыла протяжно, призывно, повернув голову в ту сторону, где ждал ее избранник.

Постепенно на улице стихли людские голоса, шум техники и даже лай собак. Лишь шмель, тоже оказавшийся в заточении, пытался выбраться на волю через щель в стене. Он бился о доски и жужжал заунывно на одной ноте, ещё больше нагоняя тоску. Лайма прислушалась. С улицы доносилось поскуливание. Она узнала этот голос! Она узнала бы его из тысячи голосов. Он пришел, он ищет её! Радостно повизгивая, пленница вновь стала рыть землю, давая понять: я здесь! Помоги мне.

Со стороны улицы мощные лапы друга выкидывали комья земли. Он рвался навстречу звукам, доносившимся из сарая. Ближе, ближе. И вот он уже чувствует волнующий запах и видит её мордашку, перепачканную землей. Прошло еще немного времени, прежде чем лаз был увеличен настолько, чтобы в него можно было пролезть. Но Лайма не торопилась обрести свободу. Она не могла ослушаться своего Хозяина. Пес слышал призывное, и вместе с тем виноватое поскуливание. Лишь со второй попытки, с превеликим трудом ему удалось проползти под досками. Глаза подруги светились счастьем в темноте сарая.

Утром Хозяин пришел покормить свою подопечную. Открыв дверь, он не сразу увидел, что в сарае чужак. Когда глаза привыкли к темноте, его взору открылась такая картина: Лайма лежала, растянувшись во весь рост, а рядом – пятнистый дог, голова которого покоилась на загривке подружки. Первое чувство, которое он испытал – удивление от неслыханной наглости. Для него, потомственного оленевода, не существовало других собак, кроме лаек. Их он ценил и ждал от них щенков, им подобных. Его негодованию не было предела. Громко ругаясь, но все же с опаской, Хозяин приблизился к собакам. С огромным желанием вышвырнуть немедленно незваного гостя, он уже занес было ногу для пинка, но поведение пса его озадачило. В то время, как Лайма, переполошившись, зашлась истошным лаем, ее друг опрокинулся на спину, поджал лапы и лежал так в ожидании наказания. Но больше всего поразили Хозяина глаза псины. В них не было страха, они были полны мольбы. Можно было ожидать трусливого бегства, агрессии, но не этих эмоций во влажных глазах. И они просили не о пощаде, они просили о чем-то другом. Он не пнул чужака. Молча развернувшись, вышел из сарая и захлопнул дверь.

Позже бывалый оленевод и охотник устыдится того, как дрогнуло его сердце. И будет сожалеть о своей слабости, когда увидит пятнистых щенков в первом выводке подающей надежды лайки. Но этот поступок поможет ему понять: существует обратная связь между человеком и подчиненным ему существом.

Альманах № 11, 2011 год

Валентина Коскова
Родниковая Русь

***

Стихи звучат, и светлых слов поток
Сознанье вновь зачерпывает живо.
Созвучье фраз, тепло плывущих строк,
Как заклинание шепчу… красиво…

Я с ними в небо устремлюсь… полёт!
Я с ними плакальщицей с воем зарыдаю…
Расплавлюсь воском по свече… и в лёд!
За строками надолго пропадаю.

В стихах есть всё – и вера, и любовь,
В стихах легко надежды луч искрится.
Они пульсируют ритмично у висков,
Мурлычут кошкой… и опять не спится.

Приглажу их ладошкой не спеша,
Расставлю знаки препинания смело,
И успокоится к утру душа.
Вот так стихи родятся неумело

***

Мы живём в городах,
Только сердце плутает
По заброшенным тропам,
Что ведут к родникам.
Там осока по пояс,
Стрекозы летают,
И искрится вода
Неподвластно векам.

Родниковая Русь!
Запою и вернусь
В край лесов и полей
И седых журавлей.
Родниковая Русь!
Я признаться боюсь,
Что люблю эти дали,
Где радость и грусть…

Вот он, старый порог,
Деревянные стулья.
Мать стоит у окна,
Я к плечу прикоснусь
И приникну к ладоням,
Как в детстве, целуя
Родниковую душу,
Родниковую Русь!

Слышу голос отца:
«Помни дедов заветы!
На родимой сторонке
И зимы теплей.
Там прохладнее росы,
И ярче рассветы,
Веселее и звонче
Поёт соловей!»

Альманах № 16, 2016 год

Андрей Сядейский
Не зря

***

Треть столетия прожита зря,
Я прожил, как сыграл новичок.
Я-то думал, что это заря,
Оказалось – заката стежок.

Время тянется, жизнь пролетает.
Вспомни время и жить торопись.
Пусть твой путь добрый след оставляет.
Есть сомненья? назад оглянись.

Если кто-то тебя вспоминает,
Если люди приходят к тебе,
И тебя детский смех окружает,
То не стоит грустить о судьбе.

Каждый счастье своё созидает
Из осколков своих неудач.
Над потерями слабый рыдает,
И грешно тратить время на плач.

Свою жизнь ставить выше другого,
Это принцип продажной души.
Он принёс в грешный мир своё слово,
А продали Его за гроши.

Нет вины в приговоре Пилата.
Виноватых не надо искать.
На кресте наша совесть распята,
И за это нам всем отвечать.

Альманах № 15, 2015 год

Ольга Крупенье
Быть бабушкой

– Ты слишком балуешь внучек, – безнадежно возмущаются сыновья и невестки, прекрасно зная, что я им отвечу.

А отвечаю я им обычно следующее:

– Бог для того и создал бабушек, чтобы баловать внуков. И вообще, с вами я поговорю на эту тему, когда вы сами станете бабушками и дедушками.

Внучка Ладка подросла – лет этак до пяти, и я решила, что пора приобщать её к Михайловскому.

Михайловское – это место, куда я еду, когда иссякают жизненные силы и убывает оптимизм. Даже трёх-четырёх дней в Пушкинских горах мне обычно хватает, чтобы ближайшие месяцев шесть-семь улыбаться окружающему миру. То есть, пару раз в году мне надо там побывать обязательно.

– Вот уйду на пенсию и уеду жить в Михайловское, – говорю я, когда чувствую, что меня все достало.

Флегматичный старший сын на это обычно отвечает:

– Ты, мать, до пенсии не доживешь. Тебя пристрелят раньше.

– Ладка же пропадёт там со скуки за неделю, – пожалела невестка дочь, когда я сказала, что мы едем с ней в Михайловское.

– Не пропадёт, – возразила я и купила сказки Пушкина.

Как только мы сели с Ладкой в поезд и отделались от её докучливых родителей, я достала вредную еду – чипсы и пепси-колу, и спросила внучку:

– Ты хоть понимаешь, куда мы едем?

– В Михайловское, – обречённо ответила Ладка, которая, судя по всему, прониклась материнским скептицизмом и не ждала от поездки ничего хорошего.

– А ты знаешь, что такое – Михайловское?!

Я достала Пушкина:

– У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том…

– Знаю-знаю: и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом, – продолжила Ладка, сосредоточенно хрустя чипсами.

– Так вот! Мы едем туда, где Лукоморье, дуб со златой цепью и учёным котом, и где русалки на ветвях сидят!

Внучка перестала жевать и вытаращила глаза:

– А они бывают?

– Сама увидишь! – загадочно ответила я.

Мы с Ладкой стоим возле столетнего дуба в имении господ Пушкиных. У основания дуба прихотливо уложена «златая цепь». Звенья – сантиметров по тридцать, бронзовая краска отблескивает на солнце и впрямь, как золото. Внучка стоит с отвалившейся челюстью. Мы несколько раз обходим дуб в ту и другую стороны, пока она, наконец, не обретает дар речи:

– А её не украдут?

– Ты что? Она же волшебная! Если вор дотронется до неё, тут же налетят вороны, совы, нетопыри и заклюют его!

– А кто такие – нетопыри?

– Это такие гигантские летучие мыши.

– А у летучих мышей нету клювов, – возражает Ладка, дочь биологов.

– Ну, закусают и зацарапают!

– Значит, её лучше не трогать, – задумчиво утверждает внучка. И я понимаю, что ей смерть как хотелось потрогать волшебную «златую цепь». Я показываю Ладке на маленький, прихотливо вырезанный из дерева, теремок в густых ветвях дуба. Высоко-высоко над землей – не подпрыгнуть и не заглянуть.

– Кот – там!

– Но он же должен ходить и днём, и ночью! – возмущается Ладка.

– Понимаешь, днём тут слишком много туристов, а он боится людей, поэтому выходит из домика только в темноте. Но мы можем сходить и посмотреть. Заодно и русалку поищем, которая тоже должна на ветвях сидеть…

Решено! Ночью идём смотреть кота и русалку. А пока мы спускаемся к «лукоморью» – крутому изгибу Сороти, и собираем полевые цветы. Мы решили привезти из Михайловского в подарок родителям гербарий и теперь увлечённо берёмся за дело.

Вечером, поужинав и дождавшись темноты, таинственно переглядываясь, мы выскальзываем с Ладкой из гостевого домика. Возле него – пара уличных фонарей под «старинные». А дальше – в усадьбе – кромешная тьма. Как только мы выходим из зоны света и ступаем в черноту, Ладка намертво хватает меня за руку и прижимается ко мне. Я чувствую, как с каждым метром ноги её становятся всё тяжелее, шаг короче. И вот я уже почти тащу её по направлению к дубу. Слева стоит темной стеной и шумит хвойный лес, справа на лугу разливаются сверчки. Над головой – потрясающий, засыпанный звёздами, Млечный путь на густом фиолетовом фоне. Над Соротью поднимается круглая луна. Красота неописуемая.

Неожиданно в лесу, совсем близко, заухал филин. Ладка взвизгнула и моментом забралась ко мне на руки.

– Всё! Пошли обратно! Я не хочу кота! Я хочу спать!

– Ну как же так, – притворно сокрушаюсь я, тем не менее, разворачиваясь в сторону гостевого домика. – Мы же договорились.

– Я проголодалась! – применяет излюбленный приём Ладка, которая знает, что голодная внучка – это самое страшное, что может привидеться её бабушке. – Только, чур, один йогурт и одно печенье! И сладкий чай!

Кота мы увидели на следующий день.

Мы пошли смотреть на гнездовье серых цапель и решили пройти кратчайшим путём через лес. И, выйдя на одну из полян, увидели его. На большом живописном пеньке грелся матёрый серый котище. Видимо, из местных и абсолютно ручных.

– Кот ученый! – заорала не своим голосом Ладка.

А он открыл янтарные глаза, сел, театрально потянулся и замурчал.

Ладка, было, ринулась к нему, но резко остановилась и повернулась ко мне:

– А нетопыри не налетят?

– Ну, уж не знаю…

– Котик, котик… Скажи что-нибудь… – бормотала внучка, наматывая круги вокруг пенька, не решаясь однако погладить кота.

А он сладко щурился, выгибал спину, подставляя солнцу то один бок, то другой. Сытый, красивый, ухоженный зверюга… Так и не дождавшись от нас ласки, он, наконец, спрыгнул и величаво удалился, время от времени оглядываясь и помуркивая.

– А на пенёк-то сесть теперь можно? – со священным ужасом в голосе спросила Ладка и, округлив глаза, осторожно присела на краешек, явно, не уверенная, что сейчас не загремит гром, или она не провалится вместе с пеньком под землю.

Утром был дождь. Мы переждали его за «Русланом и Людмилой», перечитывая сказку уже в двадцатый, наверное, раз. А когда распогодилось, пошли гулять. На этот раз просто бродили по усадьбе. За одним из поворотов, под деревьями, показался небольшой, аккуратно сложенный из брёвен, домик. Какая-то из музейных хозслужб.

Ладка напряглась, остановилась на п личным расстоянии, долго, вытянув шею, разглядывала домик, а потом проговорила шепотом:

– Бабушка! Сходи, пожалуйста, к избушке. Посмотри, нет ли у неё, случайно, курьих

ножек?

А вечером были русалки. Забегая вперед, скажу, что на этот раз испугалась даже я. У спуска к Сороти стоит мельница. В ней, сколько я помню, всегда жили голуби-витютни. На этот раз мы с внучкой не стали ждать темноты и отправились к реке на закате. Решили выяснить, не прячутся ли русалки в заброшенной мельнице.

Около мельницы, возле спуска к реке, валялся старенький велосипед. Очевидно, его оставил кто-то из местных рыбаков, а сам пошел на Сороть зорьку коротать.

В глазах Ладки велосипед без хозяина приобрел зловещий вид.

– А где человек? – спросила внучка. – Его русалки утащили?

Она подошла к мельнице, залезла на прислоненный к стене каменный жернов и попыталась через щель в двери заглянуть внутрь.

Мы, видимо, потревожили голубей, потому что внутри мельницы вдруг послышалось хлопанье крыльев десятков заметавшихся птиц. А, главное, – их крики, похожие на человеческое стенанье. Ладка заорала не своим голосом и бросилась бежать. Признаться, у меня самой в первый миг оборвалось сердце.

– Стой! Не бойся! Это не русалки, это голуби! – закричала я.

Внучка остановилась, как вкопанная. Но не от моих слов, а что-то увидела на земле. Я подошла к ней. Через дорожку деловито ковылял ёжик.

– Бабушка, а он обыкновенный или тоже сказочный? – спросила внучка, и я почти честно ответила ей:

– Не знаю!

С тех пор прошло пятнадцать лет. Ладка выросла. В Михайловском уже несколько раз

побывала и навсегда влюбилась в него моя вторая внучка Регинка, которая мечтает окончить школу и поехать туда работать. Она тоже прошла, в своё время, и златую цепь, и учёного кота, и русалок. С той только разницей, что русалок мы ходили с ней на закате кормить – как рыбок – хлебушком.

– Вон, смотри, выпрыгнула! А вон еще одна! – визжала от восторга Регинка.

И кто знает, рыбки это на вечерней зорьке выпрыгивали из воды или маленькие серебристые русалочки баловались? В этом году я впервые повезу в Михайловское маленькую Майку. Уже куплена и положена в чемодан новая книга сказок Пушкина.

– Мам, ты там не очень-то, всё-таки двадцать первый век на дворе, – осторожно сказал сын. – Сказки – сказками, но жить-то ей в реальном мире.

– Знаешь, реального мира ей ещё предстоит хлебнуть. А вот сказки не будет, если мы её не сделаем, – ответила я.

Трудно сказать, кто из нас прав. Спорить можно до бесконечности. Но как-то двадцатилетняя Ладка, которая уже всерьез задумывается над тем, чтобы сделать меня прабабушкой, обронила:

– Бабуля, я хочу, чтобы моим детям колыбельные пела ты, у тебя прикольно получается. Ну и в Михайловское к русалкам тебе надо будет их обязательно свозить.

Значит, всё было не зря?..

Андрей Солопов
По дороге в Сказку

Так уж случилось, что в первые годы моей жизни единственное детское кафе в нашем районе называлось «Сказка». И в некоторые выходные, праздничные или особенные дни, когда я почему-то этого заслужил, папа вёл меня в кафе. Сказочного в нём вроде бы ничего и не было, если не считать сказочно вкусных молочных коктейлей с малиной, клубникой или апельсином, да эклеров с мороженым. Но для меня самым важным и интересным было не кафе, а дорога туда с папой.

Рос я любознательным, как и все мальчишки, ребёнком, и, начав задавать вопросы, не мог уже остановиться, пока не получал понятного мне ответа. Наш разговор по дороге в кафе всегда выглядел примерно так:

– Папа, а куда мы идём? – спрашивал я.

– В «Сказку». – Отвечал папа.

– А про что сказка, расскажи? – продолжал я пытать родителя.

– А ты как думаешь, про что? – уже мне задавал вопрос отец.

И вот тут я должен был придумать про кого, или про что хочу услышать рассказ. Каждый раз я называл совершенно разных героев: одуванчик, лиса, котёнок, светофор, все что угодно, но неизменно, выслушав мою просьбу, папа на минутку задумывался и говорил одну и ту же фразу:

– Сказки, пожалуй, я про это не знаю, расскажу я тебе лучше правдивую историю.

И он рассказывал, а я слушал, раскрыв рот, и узнавал, как одуванчик научился путешествовать или как дед Матвей сберёг лесных зверей и многое-многое другое.

Именно папины правдивые истории, рассказанные по дороге в «Сказку» я и, попытаюсь вам пересказать, а вы уж сами разбирайтесь, что в них сказка, а что взаправдашняя правда.

Ёжик

Случилось это давно. В давнюю Легендарную эпоху. В то время народами да зверями, морями да реками, погодой да растениями правили волшебники да колдуны. И в нашем краю жили, как и подобает, добрый волшебник и злой колдун. Имена их история не сохранила, да и неважно это для рассказа нашего.

Не было между ними мира. Бывало, посадит волшебник два куста роз вечером, утром приходит, а на их месте два чертополоха колючками торчат. Или наоборот. Хорошее настроение у колдуна, нагонит он туч, грозу подготовит, а волшебник возьмёт метлу добрую, да разгонит все тучи-облака – пусть солнышко сияет.

Был у волшебника зверёк любимый. Помощник. Умный да умелый. Глазки маленькие, красивые, словно бусинки тёмные. Лапки хоть и короткие, но мастеровые. Шёрстка мягонькая да пушистая, а какая красивая: мех тёмный, да с отливом серебряным. Не было во всём лесу шубки красивее. Звали зверька – ёжик. Да, да. Не удивляйтесь. В ту Легендарную эпоху именно таким он и был.

Не любил ёжик, когда колдун вмешивался в дела волшебника.

Бывало, задумает колдун на цыплят волшебных коршуна напустить. А ёжик тут как тут, бегает, кричит, зовёт на помощь, птицу злую лопатой отгоняет. Или накидает колдун в реку камней огромных, чтобы лодки людские о камни бились. А ёжик знаков наставит, предупредит об опасности.

А однажды посадил волшебник прекрасные ландыши. Ландыши – цветы нежные, ранимые. Уход за ними нужен. Заботу о цветках взял на себя ёжик. От солнца палящего он их прикрывал, от холода ночного укутывал, поливал точно по расписанию. Радовали бы цветы глаза ёжика да волшебника, но прознал о ландышах злой колдун.

И пришёл колдун на поляну и начал колдовать. Заклятие на ландыши стал накладывать: «Стать вам ландыши, – мол, – кактусами колючими». Услыхал такие слова ёжик, и телом своим закрыл цветки нежные. Спас цветки, да сам как кактус стал: вместо шубки мягкой весь в колючках острых.

Заплакал, закручинился ёжик. Пошёл он к волшебнику доброму.

– Спаси, – говорит, – верни шубку мою прекрасную.

– Коль верну шубку твою, – отвечал волшебник ёжику, – не будет ландышей на земле: превратятся они в кактусы на веки вечные.

Расстроился ёжик, но делать нечего. Стали они дальше жить, добро делать.

А злому колдуну всё неймётся, всё он хочет волшебника извести. И вот однажды, в солнечный день увидал колдун, как купается волшебник в водопаде. И придумал злодей хитрость злобную. Заколдовал он воду хрустально чистую, превратил её в сироп сахарный.

Обнял сироп сахарный волшебника и застыл под солнцем как леденец. И хотел бы волшебник снять заклятие, но ни слова сказать, ни пальцем пошевельнуть не в силах. Что делать? Остаётся дождя ждать – он сахар растворит и освободит волшебника.

Но колдун злой против этого. Наложил он заклятие на тучи в край наш входящие: «Коль вошли к нам, будьте без дырочек. Проливаться дождём здесь не велено»!

И не стало дождей в крае нашем, леса превратились в пустыни. Зверьё убежало и люди ушли. Только ёжик сидит у волшебника. Смотрит с грустью на тучи без дырочек.

И всё думает, думает:

– Что же сделать, чтоб дождик пролился?

И додумался. Забежал на гору высокую. Все иголки свои дыбом выставил и давай в тучах дырочки делать. Тычет, тычет, уж сил нет, задыхается. Вдруг одна тучка заплакала дождиком, вторая за ней и третья. И пролился дождь на землю.

Растаял сироп сахарный на волшебнике, и леса появились вновь в крае нашем и звери вернулись и птицы. Сказал волшебник:

– Спас меня ты ёжик, спасибо тебе. Хочешь, верну я тебе шубку мягкую, да красивую?

Отказался ёжик от милости волшебника:

– Помогли мне иголки дело доброе сделать, значит, нужен в нашем лесу такой колючий зверь.

С тех пор ёжик всегда бегает в новой, колючей шубке. Несмотря на колючки, он так и остался очень добрым внутри.

Ветерок

В одной городской квартире жарким летом в разных комнатах открыли одновременно два окна. А так как одно окно было с солнечной стороны, а другое со стороны тени, то между ними родился ветерок. Ветерок этот юный, поэтому и имя у него совсем неветряное. Зовут его Сквознячок. Обычно людям такие ветерки не нравятся. Люди боятся простыть, заболеть, поэтому бегом закрывают окна. Но нашему Сквознячку повезло. Было так жарко, что дядя Вася, открывший окна, включил ещё и вентилятор. И благодаря этому вентилятору наш Сквознячок набрался сил и вылетел из этой квартиры уже настоящим ветерком.

Вылетел ветерок Сквознячок из квартиры, пошелестел листьями на тополе, а что дальше делать, не знает. Растерялся. Хочет он полезным быть, да как стать таким? Хорошо, что город этот у моря стоял южного, и мимо Сквознячка Морской Бриз пролетал.

– О чём задумался, Сквознячок? – спросил Морской Бриз ветерка. – Полетели вместе, погоняем волны морские.

Полетел сквознячок с Бризом. Посмотрел как гонит Бриз волну к берегу. Как катаются на волне этой дети. Как яхты ловят ветер парусами. Паруса раздуваются и несут судно в море. И радуются все и смеются, подставляя лицо Бризу свежему. Смотрел Сквознячок на всё это и думал: «Стать хочу таким же сильным, приносить людям пользу да радость делом своим».

Вдруг подул другой ветер с моря. Шквалом люди его называли. Ветер сильный, ветер резкий. Привёл он с собою тучи тёмные. Тучи тёмные – грозовые. Грозовые тучи дождём полные. Закрыли тучи солнце от земли, и полился дождь. Люди многие в дома попрятались.

А растения: трава да деревья, кусты да цветки разные к дождику потянулись. Овощные да фруктовые посадки силы и вкуса набрались.

Вышли люди после Шквала на улицу и давай благодарить ветер за то, что дождь принёс, так давно растениям нужный. Слушал Сквознячок и думал: «Стать хочу таким же мощным, тучи двигать на поля да на огороды, приносить пользу да радость делом своим».

Вдруг опять запалило солнце, зажарило. И пропали все ветры с округи. Летит Сквознячок один по небу, и что делать, не знает. Вдруг слышит внизу, в доме одном говорит кто-то: «Душно-то как, сквозняка бы». Залетел Сквознячок в ту квартиру. По комнатам пронёсся. Дал чуть-чуть людям нужной им свежести. Увидел, что благодарны ему и радуются, и бегом по другим квартирам летать, своим делом заниматься: сквознячки там, где ждут, его устраивать.

Понял Сквознячок, что неважно, сколько мощи в тебе, важно дело доброе делать по силам своим. И спасибо тогда тебе каждый скажет. И будут благодарны тебе, и будут радоваться.

В альманах № 19, 2019 год

Елена Хатанзейская
К морю!

Сегодня Матвейка проснулся раньше всех. Высунул голову из балагана. Тишина. «Наверно мама, старшие братья и сестра ещё спят, а отец в стаде», – подумал Матвейка. Он неслышно выскользнул из чума, с закрытыми глазами, босиком, побежал к нерме попить воды и умыться. «День обещает быть жарким, оводов будет много, бедные олешки», – деловито подумал мальчишка. Он быстро окунул лицо в прохладное после ночи озеро, на ходу смахнул воду с лица, побежал в чум. Около саней он догнал маму и очень удивился:

– Мама, это я тебя разбудил?

– Доброе утро, сынок! А ты разве меня не видел? Я к нерме ходила, воду несу.

– Нет, не видел, – чуть обиженно ответил Матвейка, ведь он так хотел проснуться раньше мамы, истопить печь и вскипятить чайники. «Сынок, ты теперь большой, через год в школу пойдешь», – не раз говорил отец. Да, он большой: дядя сплёл ему настоящий тынзей, папа смастерил сани, подарил упряжь, у него есть красивый мужской ремень с ножнами и самодельным ножом. Он готов был и в прошлом году в школу лететь, но родители не отпустили.

– Пойдем пить чай, скоро отец стадо пригонит, день будет жаркий, олешки беспокоиться станут, надо бить оводов, – как-то необычно строго сказала мама.

Матвей заметил, что и вчера мама с отцом

серьезно вполголоса что-то очень важное обсуждали. Мальчик пытался вслушаться в их разговор, но понял только одно: «Надо к морю спешить».

А что такое море, где оно, почему к нему надо спешить? Он потом пытался спросить у отца про море, но отец очень торопился к стаду, только посмотрел на него и вскочил на сани. Сегодня мальчик опять вспомнил о море. «Может мамина строгость связана с морем, но что такое море?» – терял терпение Матвей.

В это время из-за сопки начали появляться передние олени, затем, с гулом, хорканьем поднялось всё стадо. Олени двигались как волны широкой весенней реки, а няравэи казались кусками льда, снега. Матвей по-хозяйски закинул за плечо свой тынзей, схватил шкурку и лопатку для битья оводов и поспешил навстречу к отцу. Отец как-то сухо поздоровался с сыном, был очень сосредоточен, а Матвейка ждал похвалы. «Наверно отец опять вспоминает о море», – вздохнув, подумал мальчик.

Тут подошли ребята из стойбища. Друзья распределили места вокруг стада – бить оводов. Чтобы попасть в овода, нужны быстрая рука, сноровка, терпение. Вчера всех ловчее и быстрее был Лёвушка, двоюродный брат Матвейки. Он больше всех побил оводов. Лёва уже отучился один год в школе, чем был очень горд.

В этот день удача снова была на стороне Левы. «Может Лёвушка хитрит? – почему-то подумал Матвей. – Хотя нет, зачем ему меня обманывать, просто Лёва молодец».

На следующее утро Матвей проснулся от какого-то шума, суеты вокруг чума. Мальчик выскочил на улицу. Летнее солнце буквально ослепило ему глаза.

– Матвей, готовь свои сани и упряжь, сегодня будем ямдать к морю, – почти торжественно сказал отец.

У Матвея сон как рукой сняло.

– Ура! К морю! Ура! Ямдаем! – кричал вдохновившийся мальчик, хотя из головы никак не выходил вопрос, а что такое море? К вечеру аргиши двинулись в путь. Олени тяжело тащили гружёные сани по сухой тундре. Матвейка всматривался за горизонт, но никакого моря не видел. Он тихонько погонял свою упряжку и размышлял: может он и видел море, но, наверное, был ещё мал.

Но вот аргиши остановились на отдых. Грузовые олени дышали с тяжестью, давно не

было дождя, земля высохла. Матвей подошёл к отцу.

– Чумы будем ставить вон на том высоком холме, Пудков-камень называется. Там и оводов будет меньше, олени отдохнут, – поделился мыслями отец.

Отдохнувшие упряжки снова отправились в дорогу. До высокого холма оставалось пройти ещё один переезд. Аргиши с трудом поднимались на пологий склон Пудков-камня. В воздухе чувствовалась вечерняя прохлада, начала выпадать роса.

Олени, почуяв прохладный ветерок, подняли головы.

Матвейка очень устал, руки гудели, глаза закрывались. Солнце уже успело снова подняться над горизонтом, когда отец остановил свой аргиш на стойбище.

К мальчику подошла мама. Она заметила, что сын устал, едва перебирал ногами. Мама помогла распрячь ему упряжку. Тут Матвейка бросил взгляд вдаль, и внезапно его охватило волнение.

– Мама, что это? – восторженно спросил он, показывая рукой вперед.

– Это море, сынок.

– Море? Оно такое большое, синее! Быстрее поедем к нему! А волны-то какие! – не переставал удивляться Матвей. Вдали колыхались, извивались большие воды моря. У мальчика откуда-то вдруг появились силы. Семья быстро поставила чум, затем они с аппетитом пили душистый чай.

– Это усталый чай, он очень вкусный, – говорила мама.

Мальчику не терпелось узнать всё о море. Он то и дело поглядывал на отца. Наконец-то и папа начал говорить:

– Море очень большое, солёное, холодное. В море много разных рыб, даже плоская рыба водится. Завтра погоним стадо на берег, всё сам и увидишь, а теперь надо спать.

Матвейка никак не мог уснуть, ворочался, вспоминал папины слова. Но вот глубокий сон охватил мальчика. Снились ему рыбы и маленькие, и большие, а плоская рыба громко шлепала по воде. Мальчишка отчаянно прыгал за ней по блестящим волнам моря. Холодная вода щекотала ноги, в лицо летели жгучие солёные капли.

Альманах № 18, 2018 год

Мария Агафонова
Командировка

Тундра безбрежная, белая-белая.
Покрывало из снега лежит.
Дороги сердцу просторы бескрайние,
Земля под санями бежит.

Мчит мои нарты оленья упряжка,
От снежного блеска ломит глаза,
На улице холод, а в малице жарко,
Льдинкой из глаз покатилась слеза.

Солнышко светит всё ещё низко,
Пастух, погоняя оленей, поёт,
И стойбище наше вот уже, близко,
Мчатся олени вперёд и вперёд.

Альманах № 17, 2017 год

Мария Кравченко

Шоковая терапия у подножия Северного полюса

На веранде турбазы Ханавей ся (Соколиный обрыв), что уютно расположилась почти у самой Печорской губы, сидел, изображая сторожа, старый седой пёс. Рядом с ним совершенно спокойно (конечно, при такой-то охране) устроилась чёрная упитанная кошка и внимательно наблюдала, как маленький рыжий котёнок ловит муху, прыгая и катаясь по выбеленным временем доскам. Метрах в тридцати от дома – озеро. Синее. Белый лебедь Тима лениво плыл по этой сини, не замечая яркого солнца, зелёной травы, резвящихся над ним крачек-черноголовок. Восемь лет назад у Тимы погибла подруга. Говорят, он месяц криком кричал, осенью улетел самым последним, уже когда снег падал. Думали – не вернется. Вернулся. Один. Осенью улетает, весной возвращается. Один.

Я приехала сюда работать. Два часа машиной, ещё два по Печоре на катере... устала. В проёме открытой двери появился десятилетний сын хозяина Миша и, улыбаясь каждой веснушкой, радостно заявил:

– Мария Алексеевна, через пять минут можно будет загорать!

Ага! Размечтался! А комары? Их в тундре – 20 килограмм на каждый километр. И все жаждут моей крови! Любят они меня, просто обожают! Нет, чтобы так начальство любило? Тьфу! Как что придумаю: если и оно начнет кровь пить… Ладно, пойдем загорать. А от вампиров будем «Гардексом» отбиваться.

– А комаров не будет, – видя, что я достаю из сумки заветный флакон, авторитетно добавил мальчишка. – Они, когда жарко, куда-то деваются… Градусник показывает 28, но это в тени.

– Сколько? – не поверила я, и как оказалось, правильно сделала.

– Ну-у, 29.

– Мы же сгорим!

– Не-е, мы на снег пойдем, там прохладно. Хотите в снежки поиграть?

Пока я переживала третью сногсшибательную новость, в дверь просунулась оленья морда, украшенная ветвистыми рогами. Олень внимательно осмотрел меня с ног до головы, фыркнул и, стуча копытами, прошёл прямо в гостиную, тяжело вздохнул и улёгся на ковре перед телевизором. Вообще, домашние олени – авки – равноправные члены семьи, им все можно.

– Это Хорка, ему три года, – пояснил Миша. – А вот наш малыш, Ванечка. Ему уже две недели. Ваня, поздоровайся с тётей.

Весело цокая, ко мне подбежал и прижался к ноге всем телом оленёнок. Он был такой маленький, что мне пришлось наклониться, чтобы погладить шёлковую спинку. Большие прозрачные глаза смотрели доверчиво и ласково – сердце захлебнулось нежностью. Ну надо же, какая примета хорошая, оленёнок... Иногда важенки, то есть – оленихи, отказываются от ребёнка, если тот родился перед кочевкой к северу. Дескать, всё равно – не дойдёт... Таких малышей забирают пастухи, выкармливают, лелеют и нежат.

– Ой, а я ему ничего не привезла. Надо же его угостить…

– Не, не надо. Он целую бутылку детского питания выпил только что. Следующая кормёжка через три часа. А больше ему ничего нельзя, он же олень! Ваня, пойдем на снег?

Оленёнок радостно подпрыгнул, Хорка в одну секунду вскочил с ковра и встал передо мной.

– Ладно, – я двумя ладонями погладила оленя по морде. – Раз такая компания подобралась, пошли.

И мы пошли. На ногах толстые носки и кроссовки, купальник под плащом-дождевиком. На всякий случай. Хотя… кого я могу таким нарядом шокировать, кроме себя? Здесь до Северного полюса ближе, чем до Москвы, намного ближе.

Путь предстоял неблизкий: усадьба турбазы на самой макушке сопки, так что сначала вниз по дощатым ступенькам, до пристани, потом ещё метров двести-триста по берегу речки Мохнатки, с кочки на кочку… За поворотом реки – размером с небольшое футбольное поле – белые языки снега. Если намёт снега в высоту метра два, да ещё под обрывистым берегом – ни за что не растает, он же на вечной мерзлоте лежит. Зато рядом со снегом встречаются фиалки. Кстати, вот за ними я и приехала. И вообще за всеми лютиками-цветочками, нет, не рвать. Они у нас тут все краснокнижные, снимать буду.

Великое волшебство тундры в том, что далёкое – на деле совсем рядом. Уже через пять минут я с наслаждением ухватила ком снега и швырнула его вверх, к солнцу. Если снежок только слегка примять, он разваливается в воздухе и искрящимися льдинками падает вниз.

Ой, на спину оленя!

Миша расхохотался, увидев, как Хорка жмурится от удовольствия, и запустил вверх ещё один снежный ком.

Я всегда знала, что олени умные, но чтобы настолько… Хорка успевал увидеть, куда летел очередной снежок и старался встать так, чтобы снег сыпался на него. Бедолага, комары его зажалили, а снег так приятно охлаждал места укусов…

Очень скоро поляна плотного снега превратилась в пушистую опушку, словно снег выпал только что. Ванечка собачонкой бегал то за мной, то за Мишей. Ох, ты, солнышко моё. Холодными и мокрыми ладонями я гладила спинку Ванечки, большие мохнатые уши, тонкую мордочку. Он выгибался под ладонями, подставлял то один-бок, то другой… комарам ведь всё равно, кого

кусать, больших или маленьких. А больно всем одинаково.

Хорка подошёл, удивлённо склонив голову, подумал секунду и, обдав горячим дыханием, ткнулся меховой мордой в мою щеку. По-це-ловал!

Ну, так и запишем: 25 июня. Загорала в тундре, играла в снежки. Заслужила одобрение оленя, а впечатление, будто орден Дружбы получила. День удался! Правда, впереди ещё 12 часов съёмок, но это такие мелочи….

До северного полюса рукой подать, а солнце жарит так, словно хочет доказать – все разговоры о глобальном потеплении не миф, а суровая реальность заполярного лета. Тундра от этой реальности слегка ошалела. Птицы, что транзитом летели на Новую Землю и присели здесь, на Ханавей ся, отдохнуть-перекусить, вдруг категорически отказались лететь дальше и стали вить гнезда. Вьют и удивляются сами себе. А лебеди удивляются птичьим мегаполисам, озираются, туда ли они прилетели, на своё ли озеро? Куропатки с недовольным видом тяжело кружат вокруг насиженных гнезд, фыркая на вновь прибывших – понаехали тут!

Одна я удивляюсь восторженно, словно мне пять лет, и у нас в детсаду – ёлка с Дедом Морозом и мешком подарков. Всё вокруг – волшебство: птицы эти, легкие, фарфоро-воточеные, и морошковые белоснежные россыпи, и ветер шальной, и гладь озера, где как на игральной карте по два лебедя: настоящий и отражённый в воде… А вы знаете, что на каждом озере, независимо от размера оного, только одна пара лебедей? Скандальные птички не терпят соседей, так что – каждой семье – отдельная жилплощадь! Слава Богу, тундра – сплошные озёра.

– Я больше не могу! – сердито заявил Вадик, снял со штатива видеокамеру и, обняв её, как грудного ребенка, уселся на землю. И Вы отдохните, Мария Алексеевна, – тяжело дыша, добавил парень. – Вот та тучка солнце закроет, будем работать дальше.

Я глянула в яркую синь. Тоже мне, тучка, так, облачко, размером с пять копеек.

– Сюда садитесь, в тенёк. – Вадик хлопнул ладонью по пушистой кочке. – Вы маленькая, Вам места хватит.

Ого, какая галантность! И это после того, как я его по тундре три часа гоняла под палящим солнцем, в брезентовой амуниции, резиновых сапогах… «Вадичек, ласточка, сними вон ту птичку, и этот кустик, и то растеньице…». Святой человек, не иначе, и тень от него что надо, вместительная. Это же такое блаженство – тень, тенёчек, прохлада… Только я собралась сказать «спасибо», как в тенёчек вошёл и с тяжёлым вздохом улёгся трёхгодовалый олень Хорка. От возмущения Вадик тут же забыл, что надо тяжело дышать.

– Ты чего? Чего ты за мной ходишь? Улегся тут… Ты хоть и олень, но понимать должен, она же женщина, хоть и режиссер. Уйди, дурень!

Хорка покосился на шипящего оператора и зажмурился. Дескать, «можешь и дальше ругаться, я тебя не слышу». Я же, наоборот, «сделала страшные глаза»!

– Вадик, ты что, авку обижать? Пусть лежит, ему видней, где и когда лежать. Я тут вот, рядышком устроюсь.

И улеглась на мягком ягеле, положив голову на спину оленя, как на подушку. Хорка и ухом не повёл.

– Рехнусь я с вами… – хмыкнул Вадик.

– На кого злишься?

– На штатив, – честно признался парень.

– Он шатается, я шатаюсь… Не тундра, а батут!

Я чуть не рассмеялась. Так вот в чём дело! Вадика укачало. Да-а, по настоящей тундре надо уметь ходить. Тут кочка на кочке, а сверху тридцать сантиметров мхов и лишайников. Наступишь ногой, придавишь эту мягкость, а она норовит выпрямиться и выталкивает непрошеного гостя. Вот и приходится танцевать.

Мне-то что, я же на месте не стою, а вот Вадику со штативом…

– Это из-за лишайников, – примирительно объяснила я. – Их тут видов пятьдесят будет.

Вадик выпучил глаза.

– Ой, только не говорите мне, что каждый надо снять!

– Не в этот раз. Сейчас у нас Магды ирий – месяц гнездования. Очень хорошая тема.

Правда? Ну вот. А Хорку ты зря дурнем назвал.

– А чего он за мной ходит?

– А то ты не знаешь? Кто его «Гардексом» поливал?

– Так его комары облепили…

– Вот он и сообразил, что рядом с тобой комары не кусают. Олени, знаешь, какие умные?

Хорка понял, что говорят про него, потянулся мордой к Вадику, подставил бархатные рожки, почеши, если хочешь…

И тут, наконец, облачко наползло на солнце. Мгновенно стало не так жарко, и захотелось вдохнуть глубоко-глубоко… Правда, сделать удалось всего два вдоха.

Из травы поднялось туманное марево. Ко-мары! Между прочим, чуть ли не вершина эволюции по степени организации жизни.

Мы с вами вообще на шестнадцатом месте, из девятнадцати возможных. А они, то ли наперво, то ли на втором, не помню. То есть мы – и так и сяк, а они – ого-го! Ишь, запели! Ж-ж-ж-ж… – это самцы собираются в рой. Милейшие создания: питаются нектаром и вся их забота – исполнить единственный каприз комарихи. Живут, правда, недолго, три-четыре дня. А вот – з-з-з-з… это мамашки летят на призывное ж-ж-ж-ж … Никаких ухаживаний, обязательств и раздумий. Залетела в рой на минуточку и всё, продолжение рода обеспечено! И срочно подкормить яйца кровью. То есть укусить меня! Они ещё не долетели, а я уже подскочила. За мной следом Хорка. Вадика с земли поднял крик Валюшки.

– Я мытник нашла! Идите скорее, там мытник цветет! Ва-дик!

Валюшка, девочка-неночка, (самая молодая наша журналистка, ведущая национальной программы) яркой молнией в красной паничке (между прочим, суконной с меховой опушкой). Спрашиваю: «Не жарко тебе?» Она смеется: «Нет, потому что без подкладки», несётся по тундре легко и уверенно, как по паркету. Волосы развеваются, бусины головной повязки сверкают, как корона шамаханской царицы, на лице выражение неземного счастья. А как же, мытник нашла! Есть что рассказать.

Была такая должность, сборщик налогов, то есть – мытник. И так он мытничал, что люди плакали горючими слезами. Однажды все слёзы собрались в тучу и утопили злодея. А там, где он утоп вырос цветок, его и назвали мытником. Самое удивительное в том, что правильно назвали. Растение это паразит на корневом уровне. Но тогда-то этого знать не могли? Или знали? Удивительно как…

Не добежав метров пять, Валентина остановилась, как вкопанная. Уставилась под ноги, прижала ладошки к щекам.

– Ой, а он и тут растет! Вадик, давай его снимем?

– А как же, обязательно снимем.

Вадик быстренько поставил камеру на штатив, прильнул к объективу, наводя фокус на жёлтенькую свечку невзрачного цветочка. Хорка, спасаясь от комаров, подошёл к Вадику поближе, наклонился и… съел ботаническое чудо, только розовый язык мелькнул.

– А-а-ах! – выдохнула Валентина.

– Хорка! – жалобно простонал Вадик.

– Вкусно? – рассмеялась я. – Ешь, маленький. А мы те, что Валя нашла, снимем, только давайте, чтобы кругами не бегать, сначала гнёзда поснимаем? Я пойду, их найду, а вы тут сидите.

– Только близко к обрыву не подходите, – заволновались коллеги.

– Ладно, близко не буду…

Я успела сделать всего три шага, как на меня сверху обрушился стрекочущий, режущий уши свист, в спину ударил испуганный Валин крик!

Руководствуясь инстинктом самосохранения, я должна была первым делом посмотреть вверх, но с моими инстинктами что-то не так, потому что я развернулась на сто восемьдесят, чтобы спасать Валю, но почему-то врезалась головой во что-то меховое, и тут же что-то острое впилось в темечко. В следующую секунду я оказалась сидящей на траве и, наконец, глянула вверх.

– А-а-а….

А неба не было. Я вообще ничего, кроме Хоркиного живота вверху не увидела. Олень стоял надо мной скалой и мешал смотреть. Зато я увидела Валю и Вадика. Слава Богу, целые и невредимые, только очень испуганные.

– Мария Алексеевна, у Вас лицо в крови… – испуганно всхлипывала Валя.

– Это крачка Вас атаковала… Видно Вы нашли её гнездо, – прикрывая Валю штативом, добавил Вадик. – Вы не бойтесь, Хорка вас в обиду не даст.

– А я и не боюсь, – вытирая ладонью кровь со щеки и озираясь по сторонам, успокоила я ребят. – Вот оно, гнездо! И целых три яйца!

Вадик, ставь штатив, сни-ма-ем!

– Ура! Нашли! – восторгалась Валя.

– Да, удачно всё получилось и удивительно.

Ну что, запишем:

25 июня. База «Ханавей ся» – Соколиный обрыв. 15 часов. Работали, отдыхали. Нашла гнездо крачки-черноголовки, получила по темечку.

Хорка. Удивительное дело, этот олень знает меня несколько часов, а бросился защищать, собой закрыл. Не иначе, как удочерил?

А крачка-то, молодец! Ишь, за будущих детей в атаку! Многим человеческим мамкам фору даст...

P.S. Это ж надо? Оказывается, Хорка не олень, а олениха. Хозяин турбазы сказал. Ну, тогда всё понятно...

Альманах № 15, 2015 год

Полина Акимова
Счастье в мелочах

***

Искать старайся счастье в мелочах,
В простых, казалось бы, обыденных вещах.
А погрустить всегда найдётся повод,
Не важно вовсе, стар ты или молод.
Будь яркому рад солнцу за окном
Иль туче перед проливным дождём.
Будь рад тому, что в мире нет войны,
Что можем долететь до звёзд, луны…
Одним для счастья нужен миллион,
Другим – под мирным небом тихий сон.
А для кого-то счастье – есть друзья
И осознание того, что ждут тебя…
Нигде за деньги счастья не купить,
Вторую жизнь, увы, не пережить.
Нам остаётся лишь моментом насладиться,
Ведь жизнь одна, она не повторится.

***

Любое сложно расставание,
Когда привязана душа.
Когда хранит воспоминания
Цветная нить карандаша.

Когда на улице невольно
Ты ловишь носом аромат,
Который тесно связан с домом,
И сердце просится назад.

Альманах № 18, 2018 год

Валерий Селиверстов
Из памяти тянет детство

***

Мало-помалу
Разделами документов
И визгами терминалов
Из памяти тянет детство.

Детства не стало.
Нарубленные фрагменты,
Ни выводов, ни начала.
Как мир в ежедневной прессе,
Кадры с вокзала,
Проверка, вагон, соседи,
Лапша, чуткий сон. В финале
Кричат, что уже на месте.

Вязкая жалость
Съедает грудную клетку.
Из детства один остался
Чуть теплый от тела крестик...

...и этот забег по полю
Траншеями сквозь сугробы,
Когда отменили школу
(Зима разрешила злобно).
Потом возвращалось солнце,
Река обниматься мчалась.
И дед – капитан и лоцман –
Стоял у крыльца-причала.
Затем высыхали лужи,
Пустели дома, дороги.
Мы тоже стремились в южном,
Расправившись с огородом.
И к свежей ухе, грибнице
По жёлтой дорожке листьев
К родным возвращались лицам
И вновь растворялись в быте.

На сердце остался крестик,
А все остальное – в гаджет.
Но если не вспомню детство,
Тот мальчик внутри подскажет.

***

С легким похмельем размазываю сугробы.
Прячу в рюкзак две четверти аквавлю.
Если небесье не сжали колодцев скобы,
Значит, я снова во времени свил петлю.
Значит, пространствовав, снова вернулся к дому,
Легкий мороз царапает по щекам.
Я под полярным, скучая по голубому,
В детстве учился минуты тепла считать.
Только сейчас тепломер в хрупкий лёд закован,
Чувства присыпаны снегом, и поделом.
Так бы остаться, укрывшись ночным покоем,
С легким похмельем в мягком и ледяном.

***

Покрести меня
По бессилию
И трясинами
По России
Пронеси.

Проведи
по безлюдным рощицам,
По Дворцовой площади,
Но не станет проще
Зимой цвести.

Вдоль дорог высыхает дно,
Оседают слова у ног,
Оголяется почва в ноль,
И на ней раздражитель вновь
Разгоняет нейронный штиль.

Позади
разгорание рыжее,
Снова зиму выжили.
Перемен услышанных
Ноты просвистим.

Покрести меня
Под осинами.
К морю синему
Вынеси
И спаси.

***

Я потерял тебя, нужное слово,
Под ручкой, в журналах, в фильмах.
Я так боюсь не найти тебя снова,
Боюсь обрести стабильность.
Я без тебя стал тоскливый, сонный
И начал взахлеб сдаваться.
Лезут наружу за стоном стоны,
Как будто мне сто, не двадцать.
Я сумасбродничал, рыскал всюду,
В смятении рвал страницы.
Я еще мыслю каким-то чудом
И в общем-то рад синице.
Что ж, потребитель с высоким стажем,
Наверное, даже мастер.
Линия жизни все глаже, глаже,
Без ярости и без страсти.
Пугает не быт, а безвременье быта,
Питаюсь и сплю и снова.
Все это тоскливо, давно избито,
Как сумерки в пол-второго.
Как только найду тебя, нужное слово,
И подниму руками.
Все, что есть в жизни абсурдно-злого,
Пойду я крушить словами.

Ольга Латышева
Летом в тундре

Сегодня 31 мая. Наконец наступили летние каникулы, самая долгожданная пора для детей из интерната. Школьный вертолет уже летит из Нарьян-Мара в Ому. Целых три месяца они будут жить с родителями в тундре!

Майма с подружками после завтрака уже готовы к отъезду. Нина Ивановна, их воспитатель сообщила, что вертолёт прилетит к десяти часам. Но девочкам не сидится на месте и они несколько раз выбегают на улицу. По совету старших ребят они ложатся на полянку у школьных огородов, приложив ухо к земле и прислушиваются, не слышно ли гула винтов. Каждый хочет быть первым, кто услышит этот знакомый звук. Но девочки все же прозевали его, отдав первенство братьям Илейке и Василейко со стойбища Маймы. Мальчишки, забежавшие с улицы в интернат, и с шумом бежавшие по пути в свою комнату, радостными криками оповещали других:

– Вертолёт! Вертолёт! Ребята, давайте бегом на площадку!

Воспитатель Нина Ивановна, видя суету, стала успокаивать детей: «Ребята, не переживайте, мы успеем дойти до площадки. Смотрите, не забывайте свои вещи. Летчики ещё будут обедать, так что вылет чуть позже».

К вечеру ярко-оранжевый Ми-8 благополучно выполнил свою добрую миссию и доставил ребятишек к родителям в тундру, туда, где стоят оленеводческие стойбища колхоза «Россия». В родное Маймино стойбище детей прилетело немного, возраста Маймы – Сандра – тетки Лизы дочка, Илейка и Василейко – Вани ирики* внуки. Вот эта компания и пополнила число маленьких жителей стойбища, которым ещё пока дозволено почти целый день играть и бегать стайками у соседних остроголовых сопок, которые почему-то называются «Тёняседе"» («Лисьи сопки»). Хотя Майма ни одной лисы там не видела, даже Мари паба говорит, что не видела их. Может когда-то очень давно эти сопки были пристанищем тундровых лис, а потом, когда вблизи поселились люди, они ушли.

На второй день после прилета детям разрешается почти всё, они пока ещё гости, так всегда говорит бабушка Мари. После полуденного чая приходит время любимых тундровых игр. Майма, Лизка, Василейко и Илейка с малышами стойбища ямдают кТёня седе".

Четыре длинных аргиша из разных самодельных игрушечных нарт, спустившись с угора, начали свой путь. Впереди аргишей едет Василейко, он бригадир. За ним спешит Майма, в игре она его жена. Другая семья – это Илейка и Лизка. Они кочуют следом за семьёй бригадира. Ямдают, как им кажется, по-настоящему, шумно и весело. «Мужики» возгласами подгоняют оленей, «женщины» то и дело криками, выражающими негодование на перевернувшиеся нарты. Бегущие следом маленькие соседские дети играют роль «собак», то и дело лают. По правде некоторые собаки всегда лают, когда аргиши начинают трогаться с места. Аргиши периодически останавливаются, чтобы ездоки могли подправить упряжь оленей, успокоить детей в нартах. Их дети – это уко Маймы, сшитые ею же самою из разноцветных полосок сукна. Во время остановки «родители» спускают с нарт «детей» и они резвятся на лужайке. Немного отдохнув, аргиши вновь начинают свой путь.

Размеренный порядок нарушает Лизка, немного отошедшая от маршрута, по которому двигались первые аргиши:

– Ой, ребята, смотрите, мы чуть не раздавили гнездо воробьишек!

Тут игра прервалась, и все склонились над гнездом, рассматривая вылупившихся совсем недавно птенцов. Птенцы за лето у воробьёв появляются два раза. Майме об этом рассказывала мама. Не сговариваясь, дети хором пропели:

– Хойрёв, хойрёв,
Ханяңэровнюдёв, нюдёв?
Хойрёв, хойрёв,
Ханяңэра" арков, арков?
Хойрёв, хойрёв,
Ханяңэра" няков, няков?
Хойрёв, хойрёв,
Ханяңэра" нябаков, нябаков?
– Воробушки, воробушки,
Кто из вас младше?
Воробушки, воробушки,
Кто старше, старше?
Воробушки, воробушки,
Кто из вас братик, братик?
Воробушки, воробушки,
Кто из вас сестричка, сестричка?

Услышав шорох и разговор ребят, маленькие, с едва заметным пушком птенчики стали наперебой раскрывать свои клювики. Майме всегда казалось, что они понимают слова. Василейко, вспомнив, что он бригадир, вновь вернул детей к игре:

– Вон наши сопки Тёняседе". Встанем на той вершине.

Ребята в ряд поставили свои аргиши на вершине, на которую указал Василейко, отпустили оленей и начали устанавливать чумы. Малышей понарошку отправили к ближайшей луже за водой для чая. В жизни тоже так бывает. После перекочёвки, когда стойбище встаёт на новое место, детей отправляют к нерме за водой. Если это знакомое место (как правило, чумы устанавливают на старых чумовищах), то ребята знают, где нермя. Если новое – это для ребят приключение,

водоём надо найти. В поисках нерми они бегают наперегонки, кто найдет первый.

Легкий ветерок колышет шелковистую зеленую вершину сопки. Майма, стоя около своего маленького тундрового чумика, смотрит вниз на малышей, набирающих воду в маленькую посудку. Затем её взгляд падает на родное стойбище. Вон её чум, рядом стоят чумы Лизы, Илейки с Василейко. Отец ремонтирует мамины нарты, у неё полоз во время ямданки треснул. А мама с бабушкой расстелили старый нюк и ремонтируют его. Пушистые облака медленно проплывают мимо вершин сопок, рядом летают воробьи, опекающие свои гнёздовья. Девочка, глядя на эту красоту, не скрывает восхищения. Она счастлива. Она дома. До чего же хорошо в тундре!.

Из неопубликованного

Альберт Ардеев
Род Пурпэев

Род Пурпэев – древний род, сведения о котором ещё в 1732 году подтвердили приехавшие на остров Колгуев путешественники и поморы. Потомки Пурпэев живут и в настоящее время. История Пурпэев началась с того, что давным-давно на острове поселились две семьи Хор Сюдбя. Одна – на Песчанке Бугре, а другая – на Васькином Бугре, где стал хозяином старший Хор Сюдбя. Жили-поживали, добро наживали, пастбища и стада оленей увеличивали.

Однажды хозяин Васькина Бугра заметил в горизонте моря парус. Он отвёз семью от стойбища в безопасное место. Оставил упряжку, дал жене подзорную трубу, предупредил её: если всё решится благополучно, то он махнёт рукой, а, если плохо, то пусть едут к соседям, и объяснил, как надо добираться.

На берег сошли норвежские пираты. Старший Хор Сюдбя – хозяин Васькина Бугра – направился к ним, но был убит. Вдова с детьми доехала до Песчанки. По ненецким обычаям, Хор Сюдбя принял семью брата, а вдова стала его второй женой. Так на свет появились Василий, Николай Васильевич, Иван Николаевич, братья Николай и Михаил Ивановичи, Иван Николаевич – Сей Вэско, Иван Николаевич с сыном Семёном, два брата – Ион Иванович и Григорий Иванович – пекарь и его сын Альберт.

Все Пурпэи являются потомками шаманов, некоторые получили дар предвидения, предчувствия, обладают артистичностью и выразительностью сценического языка; имеющие рентгеновское зрение занимались лечением.

Необычное в обычном от Пурпэев

Начало рода Пурпэев ведёт Василий – Василей-Хора Сюдбя. Он оказался не только великим по росту, на голову выше других жителей острова Колгуев, но и физически могучим мужчиной, словно могучий бык-олень. Василий мог сплотить трудовой коллектив и заботливо относился к каждому труженику, словно к члену большой семьи. Сам был образцом трудолюбия и находил выход из любой трудной ситуации.

В жизни Пурпэев встречались необычные явления. Кто-то после смерти оживал, кто-то после травм предчувствовал будущие события и явления природы. Предки Пурпэи почти все были самыми знатными и знаменитыми людьми на острове.

Поселение староверов

В старину группа мезенских староверов высадилась у реки Кривой. Построили свои жилища, поставили их на мысу, на стыках рек Кривая и Обчикал, названной в честь охотника на медведя по имени Обчикал, что находится (жил) на западе острова Колгуева.

Староверы не употребляли в пищу кровь и мясо оленя, в результате чего умерли от цинги. Вероятнее всего, умирали постепенно, так как захоронены непосредственно в своём поселении.

В начале семидесятых берег моря обрушался от штормов, и в море падали гробы. Тому свидетелями были тундровики-оленеводы, местные жители посёлка Бугрино, приезжавшие на заготовку дров, прибитых к берегу моря штормом, а на месте креста в это время стояла база сейсморазведки.

Череп

Это было в старые времена. По рассказу моего отца, один из Соболевых, находясь в тундре, проезжал недалеко от старинного кладбища. Самого кладбища уже не было видно, заросло травой. Заметив на краю обрыва человеческий череп, Соболев с лихостью пнул его с обрыва. Череп, пролетев, упал в реку, а Соболев поехал дальше. Проехал вниз по течению (а дело было весной, когда реки разлились и были полноводными), и тут с ним случилась беда. Зная место брода, он стал переезжать через реку, но нарты невероятным образом перевернулись, и пастуха понесло по течению. Река бурлила и несла Соболева всё дальше и дальше вместе с упряжкой и, боясь утонуть, он кое-как успел ухватиться за конец вожжи. Но вот олени, почувствовав под ногами землю, вылезли на противоположный берег. Бедный Соболев, промокший и обессиленный, лёг на землю. Вдруг он услышал с другого берега радостный крик: «И-хиый-аав-наа-ндааа!», раздавшийся ниоткуда. Перекрестившись, наспех поправив упряжь оленей, Соболев быстро убрался с этого тайного места с чувством вины.

Альманах № 18, 2018 год

Зинаида Корепанова
Наши любимые

Восславим женщин за дела святые,
Поклонимся им низко сотни раз!
Без русских женщин не было б России,
А без России не было бы нас!

В моей памяти и в сердце навсегда останутся два светлых человека – бабушка и мама. Уже давно они ушли в мир иной…

Бабушка моя по маминой линии Корепанова Акулина Николаевна из Андега была очень набожна. Она строго соблюдала посты. Была, словно ангел, спустившийся с небес. Мой ангел-хранитель! Волшебная старушка из доброй сказки, кладезь света, мудрости и тепла. Я помню её замечательный цвет волос, седой с прядью льна, помню и её грустные песни. Одна из них старинная народная «Солнце всходит и заходит». Позже я слышала эту песню в исполнении Фёдора Шаляпина.

Бабушка в молодости повредила глаз и плохо видела. Впоследствии она совсем ослепла. Но она вязала, шила красивые платья. По жизни бабушка всегда сохраняла в себе главное – человечность. И для меня она пример стойкости. Всем людям бабуля дарила только ласку, нежность и заботу, учила нас терпению.

И ты моя добрая, вечная,
В гнетущей безмолвной тиши
Ушла, попрощавшись с надрывом,
Оставив мне горечь тоски.
Но образ твой светлый, прекрасный
Храню я в сердце своем.
И с благодарным трепетом
Всегда вспоминаю о нём.
Твой ангельский лик,
Промелькнув, исчезает…
Но шелест я слышу крыла!
Бабуля меня, как всегда, сберегает,
Где я бы сама – не смогла!

Мама – Корепанова Капитолина Андреевна. На её поколение выпало немало трудных военных лет. Война прошла по ним, рано повзрослевшим. То поколение знало в лицо и горе, и страдания, познало цену военного хлеба, взрослую тяжесть забот и труда.

В 1941 году маме шёл пятнадцатый год. От колхоза их направили на путину рыбачить. Стояла осень. Было уже по - северному холодно. А им приходилось стоять в ледяной воде, мёрзнуть, добывая рыбу. Ведь был лозунг – «Всё для фронта, всё для Победы!» И они ковали Победу в тылу, наравне со взрослыми выполняли норму.

Послевоенные годы не были лёгкими. Страна залечивала раны. Люди, пережив войну, возвращались к мирным планам.

В 1956 году мама встретила свою судьбу. Затем на свет появились мы – сын и дочь. Но пришла беда, на путине утонул наш отец. Оборвалось короткое счастье нашей мамы. Маленькой, хрупкой – сколько же пришлось тебе пережить, наша милая мама! И всегда рядом с нами была наша бабуля. Помогала, как могла. Сейчас мы с братом уже дедушка и бабушка. А образ милых нашим сердцам людей всегда с нами. Ведь это они – бабушка и мама, взвалив на себя всю боль и холод, все раны и удары жизни, скорби и невзгоды – сделали нас счастливыми!

Я всегда вспоминаю наш маленький домик, скромное жильё. И пусть не повернуть время назад, и быт меняется из года в год... И глупо спорить с новшествами... В моей памяти навсегда останется наш уютный домик, где царили чистота и покой. В печи жар, трещат дрова. На столе вкусное топлёное молоко. Замёрзшие окна, прикрытые ставнями.

Дивный запах белья, внесённого домой с мороза. Кружевные накидки всюду. Это из моего детства! Вот бы оказаться там хоть на чуток…

Всё в этом мире проходяще,
Живем от лета до зимы,
Но только с возрастом всё чаще
Назад оглядываемся мы.
Когда уходишь в мир воспоминаний,
Туда, где детство, мама, старый дом…
Оттуда возвращаешься с трудом!

Альманах № 18, 2018 год

Григорий Торопов
Родителям

Они, как в жизни:
рядом, в рамке...
На фото, образ свой храня,
До слёз родные татка с мамкой
С заботой смотрят на меня.
Как будто явь
тот сон короткий:
Наш старый дом на берегу,
Где по весне смолили лодки.
Я к ним как в детстве,
всё бегу...

Из неопубликованного

Зоя Шалькова
Мамин наказ

Жил-был маленький мальчик Петя, да не где-нибудь, а в славном, ныне всем известном городе Пустозерске, который назывался просто – Городок. Места здесь удивительно красивые! Летом – зеленью и водными просторами, осенью – всеми цветами красок, пестреющими полянами и особым ароматом трав.

Год от года Петя подрастал, исследовал всё больше пространства и наблюдал, как и где гнездятся утки. Когда мальчику исполнилось 8 лет, он стал помогать матери на сенокосе. Сначала подгребал сено, а после уже и косил. По утрам мама рано будила Петю на косьбу, объясняя, что пока трава в росе, косить легче, да и сено лучше будет. А уж при хорошем да сочном корме коровушка и молочка больше даст. Однажды, наблюдая за полётом уток, Петя решил: «Сделаю-ка я для мамы что-нибудь приятное». Он попросил тятино ружьё и отправился на охоту. Вернулся довольный, с добычей. Мама осмотрела небольшую сухую уточку и спросила:

– Поди, деточки у неё остались?

– Да, – ответил Петя.

– А ты подумал о них, когда стрелял? Как они одни будут жить? Петя опустил голову и задумался. А мама укоризненно продолжала:

– Оставил деток одних, пропадут ведь.

Петя тут же побежал на болото и увидел, что осиротевшие утята сидят на воде и, собравшись «шапочкой», зябко прижимаются друг к другу.

– Ну что, одни? – спросила мама.

– Да, одни, – Петя горько вздохнул.

...В ту ночь заметно похолодало. Спали в балаганах, так как с сенокоса домой не ездили. Петя жался к матери, а она всё отодвигалась от него и приговаривала: «Вот видишь – замерз. Ко мне, небось, жмёшься, согреться хочешь. А они возле кого обогреются? Матери-то у них нет, некому их ни пожалеть, ни научить, ни защитить».

Петя проплакал всю ночь, а чуть расцвело, побежал на старое место. Утятки по-прежнему были одни. Только на пятый день их прибрала другая утка, и Петя, наконец, успокоился. Но вместе с этим мальчик дал себе слово: «Больше никогда не буду стрелять в утку-маму» и обещание свое сдержал. Урок, который преподала ему мама, Петя запомнил на всю жизнь.

Альманах № 14, 2014 год

Татьяна Зуева
От вечера до вечера

Когда живёшь на финишной прямой,
Твой каждый день как первый и последний.
Всё восхищает: лунный свет, прибой,
Цветы, деревья, солнце, дождик летний –
Весь Божий мир. Души успокоенье
Тебе приносит созерцанье
Земной природы вечного движенья
И звёзд далёкого мерцанья.
Когда живёшь на финишной прямой,
Встречаешь каждый день как самый первый,
С улыбкой радостной: «День целый – мой!
Он будет очень интересным, верно!»
И не боишься глупость совершить,
Перед глазами не дрожит купюра…
А опыт твой позволит завершить
С достоинством любую авантюру!
Когда живёшь на финишной прямой,
И каждый день твой может быть последним,
О тех скорбишь – и мысли нет иной –
Кого покинешь. В мире беспросветней
Нет участи детей, зверей, больных,
Оставшихся без ласки и заботы.
Того, кто их любил. Для них одних
На финишной прямой твои щедроты.

***

Мне ждать теперь уж нечего,
Дни жизни тихо катятся
От вечера до вечера,
От пятницы до пятницы.

Далёки горы южные,
Далёки волны пенные.
Летят такие нужные
Слова обыкновенные.

Летят - и сердце радуют,
Жизнь светом наполняется,
Словами звёзды падают –
Желанья исполняются.
Как в сказке, невозможное
Вполне возможным кажется:
Вдруг грёза осторожная
Реальностью окажется...

Альманах № 18, 2018 год

Татьяна Аймatова

На пляже

Утро выдалось отличное. Я проснулась и вышла на балкон: да, несколько последних дней в Нарьян-Маре погода балует нас жарким солнышком.

Эта мысль сразу пришла мне в голову, и я тут же начала раздумывать: что бы взять с собой на пикник? Я собиралась идти со своими детьми, поэтому сборы были долгими, суетливыми и, конечно же, не обошлось без детских слез, расстройств и разочарований по поводу того, что на пляж, оказывается, можно идти и без кукольных колясок. Самое габаритное, что мы с собой взяли – это двухместная палатка, опять же, из-за малышек, поскольку моя мама любит снаряжаться и готовиться, как она говорит, «на все случаи жизни». Собрав все необходимое, мы вышли на улицу в самое пекло, сели в машину, открыли все окна и двинулись в путь. И только тут, в машине, подумалось: как хорошо хоть иногда выезжать на природу всей семьей, несмотря на хлопоты и суматоху.

Вот и берег Печоры. Я ужаснулась от увиденного на песке: кругом валялись какие-то железки, разбитые, полупустые, допитые и недопитые бутылки, «бычки», берег светился осколками разбитого стекла, и завершила всю эту картину полузатопленная лодка, брошенная своим хозяином. Такой «пейзаж» был на протяжении всего песчаного берега. А чуть выше по берегу возвышались одинокие «сарайки» – любимые места скопления отдыхающей молодежи.

Встав на горячий песок босыми ногами и приняв к сведению все нюансы новой обстановки, мы с мужем и бабушкой принялись ставить палатку и убирать мусор в радиусе десяти метров. Наконец в наших голосах зазвенели нотки оптимизма. А детям, двум девчушкам, было все равно, что вокруг происходит. Зачем? Почему? С какой целью? Эти вопросы, обычно тут же возникающие у детей, не занимали их головы. Они уже носились по берегу, играли, что-то кричали, в общем, были в восторге.

И вот наступил долгожданный момент: я легла на покрывало под палящее солнце, о чем мечтала весь год! И никакие бутылки и «сарайки» не могли испортить моего настроения. На краю неба виднелись знойные облака, которые указывали на нескорое завершение пляжного сезона. Редкие облачка закрывали солнце, но ненадолго, – чтобы можно было передохнуть от палящего солнца. На берегу было много отдыхающих, которые, как и мы, наслаждались жарким солнцем, возможностью поваляться на песке и вообще посидеть с друзьями на берегу за баночкой пива, без чего, к сожалению, в наше время обходится редко какая компания.

Временами по «пляжу» проезжались внедорожники, при виде которых, некоторые девушки почему-то вскакивали со своих мест и прикрывались, чем попадется. Неподалеку от нас один из таких внедорожников высадил на берег мужчину с лодкой. Он долго возился с ней: она превратилась в парусник! Все с удивлением наблюдали за мужчиной. Никто и представить не мог, что из этого выйдет. Мужчина тут же спустил парусник на воду, вскочил на него и был таков. Он удалялся от нас в ту сторону, куда дул ветер и постепенно превращался в черную точку.

Откуда ни возьмись появилась большая собака, тащившая за собой чьи-то штаны. Ее преследовал взволнованный мужчина, видимо хозяин. Через некоторое время четвероногий друг носился с чьим-то полотенцем. Вот так и оставляй вещи без присмотра!

Интересно было наблюдать за мужчиной, который впервые входил в воду. Она была еще холодная, поэтому не все осмеливались это сделать. Но если в поле зрения появлялся такой храбрец, весь «пляж» с замиранием сердца наблюдал за его медленным, осторожным погружением в воду.

День удался на славу. Довольные и счастливые люди наслаждались долгожданным солнцем, не подозревая, чем может закончиться этот день.

Мы с мамой стояли у воды, наблюдая за детьми. Мама посмотрела направо – на ее лице отобразился ужас: в нашу сторону неслась песчаная стена, на ее фоне были едва заметны метавшиеся из стороны в сторону люди, пытаясь схватить летающие полотенца, покрывала, панамки, платки... Чтобы схватить детей и добежать до палатки, нам оставалось каких-то 5 секунд. Только в этот момент я поняла, как все же хорошо брать вещи «на все случаи жизни». Если бы не наша палатка, мы бы превратились в песочные статуи, на что стали похожи пожилые мужчина и женщина, отдыхавшие рядом с нами, а теперь стоявшие, вцепившись друг в друга. Они были вынуждены переждать ураган на месте по причине того, что не могли двинуться.

Мы спаслись в укрытии... Нашу палатку чуть ли не сносило, поэтому муж вышел и держал ее снаружи, а мы переодевали детей и собирали вещи. Иногда нам в палатку заносило детские игрушки, полотенца…

Это был настоящий ураган. Его загадочное появление до сих пор необъяснимо для меня и вызывает массу эмоций при воспоминании о том дне. Собравшись за семейным ужином, мы вспоминали о случившемся, как о большом приключении, которое разнообразило повседневную жизнь своей стихийностью и непредсказуемостью.

На следующий день утро снова выдалось жарким. Я проснулась и вышла на балкон…

Альманах № 9, 2009 год

Владимир Чупров
Раннею весною

***

Раннею весною, светлою порою
Северные ночи коротки.
Песни над рекою, чайки над водою,
Звонкие далёкие гудки.

Широки, как море, воды на Печоре,
Не видать далёких берегов.
В волнах блещут зори, эхо гулко вторит
Песне задушевной рыбаков.

В небе зазвенели жаворонка трели,
Мчатся гуси в дальний перелёт.
Зори заалели, ивы посветлели
И в лугах черёмуха цветёт.

Раннею весною, светлою порою
Северные ночи коротки.
Песни над рекою, чайки над водою,
Звонкие далёкие гудки.

***

Мы родились с тобой под Полярной звездой,
Ветер северный пел колыбельные песни.
Край озёр и лесов, сенокосных лугов,
Край былин и сказаний чудесных.

Вырастали в труде, не терялись в беде
И заветы отцов свято чтили.
Жизнь прожили не зря и родные края
Не покинули, не позабыли.

Мы родились с тобой под Полярной звездой,
Ветер северный пел колыбельные песни.
Край озёр и лесов, сенокосных лугов,
Край былин и сказаний чудесных.

***

Зори алые – ланиты –
Облегают нежный стан,
В праздники не позабытый
Устьцилёмский сарафан.
А точнее – древнерусский,
Гордость наша и краса,
По спине тропинкой узкой
Вьётся русая коса.

Голубые, озорные
Да лукавые глаза,
В них отсветы зоревые
И весенняя гроза.
Не найти такой на свете,
Попытайся, коль не лень.
Улыбнётся – солнце светит,
Брови хмурит – меркнет день.

Нарядилась, как царица,
Свет несбыточной мечты,
Наша юная девица –
Королева красоты.
В хороводе с песней звонкой
Выступает не спеша…
Устьцилёмская девчонка,
До чего ты хороша!

Альманах № 17, 2017 год

Марина Люблинская
О «Пунушке»

В Нарьян-Маре, в этнокультурном центре, два раза в год вылупляется, появляется на свет радостная «Пунушка», детский журнал. Чирикает Пунушка на двух языках — по-русски и по-ненецки. Значит бережно ценит свой дом, своих соседей-слушателей, чтит свои корни. Потому что у неё знаменитый предок — альманах «Заполярье».

Из истории

В конце декабря 1933 г. в Нарьян-Мар из Архангельска прилетел прозаик-романист Артем Веселый. Он был в составе бригады советских писателей, проверявших ход перестройки литературных организаций Северного края в связи с предстоящим Первым съездом советских писателей. Москвич уже знал, что в Нарьян-Маре есть пишущая братия и захотел познакомиться с местными авторами. В рабочем поселке Нарьян-Мар прошли встречи А.Веселого с коллективом редакции газеты «Няръяна вындер» и с представителями окружного партактива. Итогом этих встреч стало принятие постановление Севкрайкома ВКП(б) «О состоянии и задачах литературного движения в крае». На собрании по обсуждению постановления прозвучали слова Ефима Лабазова, ставшие девизом первых литкружковцев: «Нам не надо дожидаться, когда о ненцах будут писать люди из Москвы и Архангельска, нам надо самим учиться писать».

Было создано оргбюро литературной группы. 23 января 1934 г. оргбюро провело в редакции «Няръяна вындер» совещание, на которое были приглашены «все интересующиеся вопросами литературной работы».

Подготовка к съезду ускорила организационное оформление литературной группы. Возглавил её заместитель редактора газеты Георгий Суфтин, приехавший сюда в 1932 г. из Великого Устюга. К тому времени он уже имел литературный опыт, его рассказы и стихи публиковались в больших газетах и журналах. К нему-то и несли свои рукописи начинающие авторы… Первым авторским произведением на ненецком языке стал переводной рассказ Георгия Суфтина Ṇarjana numgь (Красная звезда/ Перевод И. Выучейского и М. Антонова. – Нарьян-Мар: Изд-во газеты «Ṇarjana winder»).

Летом 1934 - 1933 г. появился в редакции новый сотрудник — двадцатилетний комсомолец из Москвы, из заводской многотиражки, Иван Меньшиков. Он и Георгий Суфтин оказались в центре литературного движения в округе, сумели привлечь талантливую молодежь всех национальностей.

В 1935 г., к пятой годовщине округа, литкружок выпустил «Заполярье» — первый сборник произведений 15-ти местных авторов. Об этой небольшой книжке тепло отозвались «Правда», журнал «Литературная учеба» и журнал областного отделения Союза писателей «Звезда Севера» (сайт «Литературная карта Архангельской области»). Это было несомненным достижением в создании «собственной литературы» в Ненецком округе. Самая большая заслуга «Заполярья» в том, что ненцы впервые взялись за перо. Появились с рассказы первой ненки-писателя Стеши Артеевой, стихи Семена Ноготысого, Ефима Соболева и др. На Литературной странице в окружной газете были напечатаны произведения Егора Талеева, Николая Тайбарея, Ивана Хатанзейского.

В сборнике, выпущенном на следующий год, участвовало уже 20 авторов (первый и второй номер вышли из типографии Нарьян-Мара в 35-м и 36-м годах). Издание этих альманахов стало крупным событием в культурной жизни округа. Вскоре кружковцы Иван Меньшиков и Георгий Суфтин выступили с собственными книгами в Архангельске и Москве. В 1935 г. Иван Меньшиков уехал в Архангельск, и эстафету от него принял журналист и растущий поэт Николай Леонтьев. С его приездом в Нарьян-Мар началось активное изучение устного народного творчества края. Тогда же в соавторстве с самобытной поэтессой и сказительницей Маремьяной Голубковой Николаем Леонтьевым были записаны многие сказы и новины. Среди них: «Мы пошли в поход на кулацкий род», «Сила храбрая красная красноармейская» и др.

Составление и публикации «Заполярья» прервались во время Великой Отечественной войны. В боях пали Иван Меньшиков, Александр Кузнецов, Антон Пырерка. На острове Вайгач погиб Николай Вылка. Работа «Заполярья» возобновилась только после Победы. Третий номер альманаха под ред. В. Михайловского был напечатан в Архангельске (1959).

В 2004 году ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» возобновил издание альманаха «Заполярье» как ежегодного журнала. Редактор нового «Заполярья» — Любовь Викторовна Царькова. Альманах был создан как русскоязычный журнал, однако почти в каждом номере выходят стихи на ненецком с переводом на русский язык.

С 2007 года в Нарьян-Маре начинается выпуск «Пунушки» — детского журнала о ненецкой культуре на русском и ненецком языках. Этот журнал публикует произведения тех, кто ценит и чувствует слово: и признанных авторов — Прокопия Явтысого, Алексея Пичкова, Розы Канюковой, и начинающих — Марины Апицыной, Насти Канюковой, на русском Валентины Чибичик и других. Редактор русского текста — Любовь Царькова. Ненецкие тексты редактировали сперва Роза Ивановна Канюкова, потом Ольга Ефремовна Латышева.

Вот здесь хочется дать еще комментарий: сегодня, пока не приняты орфографические нормы, язык по факту остается младописьменным, не совсем пригодным для создания и широкой передачи текстов (каждый читатель отметит, что у них так не говорят). Понимание этого обеспечило редактирование в журнале текстов не только на русском, но и на ненецком языке высокими специалистами.

Сегодня песенка «Пунушки», пусть негромкая (два выпуска в год), но чистая, светлым ручейком переносит к читателям уважение и любовь к родному краю — и к земле, птицам, зверям, рекам, и к людям. В ней собраны добрые сказки, хвастливые охотничьи рассказы, народные рецепты, руководства для рукоделия от умелых мастеров и мастериц, лукавые загадки… Да чего только нет! Ей веришь, как в детстве, помнят мои сверстники, верили добрым веселым журналам «Мурзилка», «Костер», «Пионер». Если кому-нибудь из читателей захочется сообщить быличку из своей жизни, поделиться опытом, и он напишет об этом в редакцию, письмо непременно найдет поддержку, будет опубликовано.

Журнал очень радостно читать, он уверяет, что мир — важен, все живые существа — нужны в этом мире на своем месте, а дело читателя — согласиться с этим взглядом и жить с ним.

Альманах № 16, 2016 год

Татьяна Корепанова
Край милый сердцу

***

Улетают птицы на юг
С родных насиженных мест.
Как долог и труден их путь,
А гибнут в дороге – не счесть!

С небес они громко кричат
И крыльями машут с высот.
А мы, провожая их взглядом,
Таких не увидим красот!

* * *

Край милый сердцу дорог,
Я так скучаю по тебе,
Когда живу вдали от дома –
В людской толпе и суете.

Грущу по улочкам знакомым,
По снежной матушке-зиме...
Мне хочется скатиться с горки.
Побыть в тиши. Наедине.

Я встречи жду с людьми родными.
Наш край радушием богат.
Гостеприимством, добротою
Любого встретить Север рад.

Домой к любимой маме мчимся!
Мы в Заполярье все спешим!
Живём волшебными часами,
Мгновеньем каждым дорожим!

* * *

Печора. Матушка-кормилица.
Богатств твоих рыбных не счесть!
Воспета в стихах ты и в песнях,
Хвала тебе наша и честь!

Твои не измерить просторы,
Длины-ширины не объять.
И нрав твой кипучий, бурливый
Нам трудно, порою, понять.

Воспета ты в песнях, Печора,
И сложено много стихов.
Сильна – величавая, гордая,
Тебе нет преград и оков!

Альманах № 12, 2012 год

Людмила Корепанова
Русская литература: место рождения – Пустозерк

Умру за единый аз!

Не из белокаменных палат первопрестольной Москвы, не в шитом золотом вельможном платье, а из «места тундряного безлесного», из страшной земляной тюрьмы Пустозерска, в изодранном рубище огнепального протопопа Аввакума явилась она миру. «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русский природной язык, виршами философскими не обык речи красить…». И ещё: «Умру за единый аз!». Аввакум адресовал слова эти всем православным, всему миру и Богу, но почти двести лет находились они под запретом, читали их тайно лишь единоверцы протопопа, старообрядцы. Когда же в 19 веке «Житие…» открылось просвещенному русскому обществу, говорят, Лев Толстой был потрясен им до слез. Первый русский писатель, зачинатель русской исповедальной прозы, автор первой автобиографической повести — так сегодня характеризует Аввакума филологическая наука. И добавляет первостепенную (на мой взгляд) подробность: «грамотки» и «беседы», «поучения» огнепального хранили и сохранили для нас живой подлинный русский язык. Несколько веков пыталась вытеснить его учено-западная, «алманашная» традиция, и все же сломал её пушкинский гений!

Чувство слова, чувство языка

Другая литературная история, связанная с Печорой, с Пустозерьем будет к нам поближе — 1937 год. Появился в окружной газете «Няръяна вындер» щупленький парень, уроженец Матигор, что рядом с Холмогорами. Земляк, значит, Михайла Ломоносова. Звали его Николай Леонтьев. Не был он ни писателем, ни литератором — ещё не был. После лесного техникума изыскатель Леонтьев бродил там, куда посылала страна, в поисках полезных ископаемых. Иногда писал короткие рассказики в местные газеты. Волею судеб оказался он в Нарьян-Маре в качестве разъездного корреспондента (бывала в газете и такая должность).

Литературное образование получить ему не удалось, а вот чувство слова, чувство языка он впитал с молоком матери. Мысль Горького, что

начало искусства слова — в фольклоре, занимала его душу. И он прислушивался к речи печорских крестьян, записывал от них былины и сказки, старинные песни. Услышал он в одной из командировок причитания безвестной женщины. Одно из них особенно потрясло газетчика, и он опубликовал его как художественный сказ под названием «Я не жизнь жила — горе мыкала». Так родилась сегодня всем нам хорошо известная сказительница, писательница Маремьяна Голубкова, в прошлом простая печорская крестьянка, даже батрачка, обладавшая уникальным песенным даром.

Да, Леонтьев открыл её талант и щедро подарил его нам. И мы обязаны ему появлением Голубковой-писательницы. Александр Алексеевич Михайлов (тоже, кстати, уроженец Пустозерской волости, имеющий самое прямое отношение к литературе: писатель, литературный критик, вице-президент всемирной ассоциации критиков и друг Николая Леонтьева) справедливо заметил: Николай «сумел пробудить в Голубковой дремавшие подспудно возможности человека-художника, помог ей воплотить думы и замыслы в доступной форме простых и в то же время поэтических образов». Вместе они создали яркое, запоминающееся литературное произведение — трилогию «Мать Печора».

«Забираю я из тех морей слова…»

В работе над повестями Маремьяне Романовне помогали её природный ум, хорошая

память и наблюдательность. Она рассказывала о жизни, а Леонтьев внимательно слушал. Ему нужно было «из огромной груды совместных наблюдений и материалов отобрать наиболее характерное, яркое, впечатляющее». Непростая это была работа. «Для каждой думы надо найти свои слова, — писала Маремьяна. — В простой речи нашей печорской, в песнях и плачах, былинах да сказках слова живут, как в больших морях рыба плавает. Забираю я из тех морей слова, как широким неводом, а потом говорю их, будто рыбу на берег выкладываю. Вот и разбираем мы слова, как рыбаки рыбу: крупную от мелкой, ценную от нестоящей откладываем». «Мой напарник, мой учитель и ученик»,— говорила о Леонтьеве — Коле — Маремьяна Романовна. Не нужно думать, что Леонтьев, как соавтор, только записывал от Маремьяны. Нет. Он «с самого начала не пошел проторенной фольклористами дорожкой, не соблазнился их легкими находками, а выбрал трудный путь поисков новых возможностей народного творчества на основе литературы», — считал Александр Михайлов.

И потому, с какой стороны не взгляни, ясно: именно Н.П. Леонтьеву обязаны мы появлением у нас в округе литературы. Той её части, что на русском языке. Он, выражаясь официально, заложил основы литературы Ненецкого округа. Инициатива окружной библиотеки, её директора А.И. Кожуровой, заведующей отделом Севера З.С. Ивакилевой обратиться к творчеству Леонтьева в начале Года литературы — очень правильное решение. Это и своеобразный юбилейный вечер: 17 февраля исполняется 105 лет со дня его рождения.

Николай Павлович не был писателем одной книги. А «пробивать» свои творения в издательствах не умел или не хотел. Принесет книжку редактору, и ждет иногда годами редакторского соизволения: в печать. «Когда-нибудь все равно выйдет», — отмахивался он от советов быть понастойчивее. Так рассказывал А.А. Михайлов. Вот похлопотать за кого-то, подставить плечо, вывести на литературную дорогу — это было в характере великого скромника. Хотя не исключаю, что страсти в нем порою бурлили, во всяком случае, были ему знакомы — драматическая поэма Н.П. Леонтьева «Михайло Ломоносов» недвусмысленно на то указывает.

Читать, читать, читать!

Думая об ушедших от нас Н.П. Леонтьеве и А.А. Михайлове, я вспоминаю сожаления Пушкина о том, что «мы ленивы и нелюбопытны». Можно добавить: и неблагодарны. А.А. Михайлова, навещавшего свою родину почти каждый год, совсем не баловали вниманием ни пресса, ни власти. А сколько полезного можно было бы от него почерпнуть! Да и Аввакум, к большому огорчению, воспринимается в основном как деятель «раскола» и совсем забывается как писатель. Н.П. Леонтьева в округе почти предали забвению, и многое, в смысле литературы, культуры прошло мимо нас. Счастливый случай дал возможность познакомиться (заочно) с дочерью Николая Павловича, Ниной Николаевной. Кандидат филологических наук и доктор технических наук, профессор МГУ, она в определенном смысле продолжает дело отца — занимается литературой как наукой, литературой Севера. Её интересное исследование «О путях творчества Русского Севера» включено в сборник материалов последней Пустозерской конференции, который выйдет в Нарьян-Маре этой весной.

Так что давайте больше читать! Перечитаем и удивительного писателя Аввакума, и на редкость точного и правдивого писателя и критика А.Михайлова, и, разумеется, тех, кто подарил нам светлое, сочное и выразительное русское северное слово — М.Голубкову и Н.Леонтьева. И книги нашей молодой плеяды, только-только принятой в Союз писателей. Для неё напрашивается и пожелание: стремиться в творчестве к высоте, заданной их замечательными предшественниками. И тоже — читать, читать, читать!

Альманах № 16, 2016 год

Мария Бармич
История литературы ненцев

Зарождение ненецкой литературы началось в 30-е годы XX столетия. Одним из зачинателей художественной прозы ненцев считается Николай Семёнович Вылка. Н.С. Вылка – племянник известного художника и общественного деятеля Ильи Константиновича Вылка (Тыко Вылка – ненецкое имя, данное его родителями). Отец Николая и Тыко Вылки были сводными братьями. Их отцы в поисках лучшей жизни поехали на Новую Землю. Там они и остались жить.

Неизвестна точная дата рождения Н.С. Вылки. По сведениям писательницы Е.Г. Сусой («Ненецие" литература», учебник для 5-го класса, 1989) он родился на Новой Земле в 1904 году. Имеется другая версия его рождения – 1911 год («Краткая литературная энциклопедия», том 1, 1961).

Николай Семёнович окончил начальную школу на Новой Земле, затем в 1934 году поступил в Ленинградский институт народов Севера и окончил его перед Великой Отечественной войной.

Будучи студентом Ленинградского Института народов Севера, Н.С. Вылка начал пробовать свои силы в литературном творчестве: писал рассказы, стихи, повести. Его первые произведения стали появляться в печати. Уже в 1937 году в журналах «Наша страна» и «Советская Арктика» в авторских переводах были напечатаны варианты его повести «Вылка на острове» (1937). В 1938 г. отдельными изданиями (книжками) появились на ненецком и русском языках повести «Ңохона» («На острове») и «Марья». Чуть позднее появились его рассказы «На большой земле», «Рассказ ненца» (1939), «Как мы жили при царе» (1937). В повестях и рассказах повествуется о тяжёлой дореволюционной жизни ненецкого народа, беспросветной нужде и бедствиях ненцев при царизме и о том, как изменилась жизнь при советской власти, о лучшем друге ненцев В.И. Ленине.

Н.С. Вылка, кроме рассказов и повестей, сочинял стихи. Переводчиком рассказов, повестей Николая Вылки с ненецкого языка на русский язык был известный лингвист и этнограф Григорий Давыдович Вербов, сотрудник Института народов Севера и преподаватель ненецкого языка.

Произведения Н.С. Вылки насыщены метафорами и сравнениями, очень точны описания ненецкого быта, самого народа и даны красочные ландшафтные зарисовки природы.

Несколько рассказов и стихотворений Вылки были опубликованы в сборниках «На рубеже», «Север поёт» и др.

Н.С. Вылка был также талантливым скульптором и художником, занимался ваянием и живописью, он сам иллюстрировал свои произведения и книги других писателей-ненцев.

Вылка хорошо знал свой родной ненецкий язык, быт своего народа, его тяжкую, трудную жизнь, любил и знал сказки и песни. Писал свои произведения на правильном ненецком языке.

Прошлое и настоящая жизнь ненцев даётся у Вылки порой в очень своеобразной и жизненно суровой форме. В сказании «Над нашей землёй светит солнце» Николай Вылка (будучи студентом ИНС) рассказал:

«В давние - давние времена в тундру пришли неизвестные доселе её обитателям злые существа. Хитростью и силой похитили они солнце. Ледяной холод и мрак наступили тогда в тундре. Непрерывно дул холодный северный ветер, непрерывно бушевала пурга. Не стало в тундре оленей, не стало в тундре песцов. Толстым льдом покрылись озёра и реки, в них нельзя было ловить рыбу. Всевозможные несчастья стали бродить по ненецким чумам. От холода, тьмы и голода гибли люди. Стали они часто болеть. Глаза их плохо видели от дыма. Дети рождались слабыми. И многие из них умирали. Замолкли песни и смех в ненецких жилищах. Только свист ветра, только завывание волков слышалось в тундре …»

Таким образом, в формирующейся ненецкой литературе, в сочинениях Николая Вылки и в фольклоре находим красноречивые свидетельства общественно-экономического уклада, который был характерен для жизни ненцев в дореволюционный период. Вместе с тем в фольклорных и художественных произведениях отражается классовое расслоение, которое имело место в жизни ненцев в предреволюционное время.

Николай Вылка был вторым после Тэки Одулока северянином, принятым в Союз писателей СССР.

В Ленинградском Институте народов Севера Вылка проявил себя не только как талантливый литератор, но и как искусный график и скульптор, оформивший несколько книг своих товарищей по учебе. Рассказ «Ңохона» («На острове») получил третью премию на конкурсе Государственного литературного издательства за лучшее художественное произведение, созданное на языках народов Севера.

В творческой судьбе Николая Вылки исключительно важную роль сыграл крупнейший североведа первой половины двадцатого века Григорий Давыдович Вербов, осуществивший литературный перевод на русский язык его первых двух книг, позднее получивших второе рождение в 1983 году – это «Ңохона» («На острове») и «Марья». К сожалению, Г.Д. Вербов погиб в годы Великой Отечественной войны, а его архив (практически весь) пропал в блокадном Ленинграде.

По не до конца проверенным данным, Николай Вылка умер в 1942 году (так, по крайней мере, утверждается в первом томе «Краткой литературной энциклопедии», 1961). По другим источникам – он скончался в 1944 году, на чём настаивают авторы «Литературного энциклопедического словаря» (М., 1987, С. 575). По разным сведениям, писатель, поэт, художник, график и скульптор Николай Семёнович Вылка умер от голода в Малоземельской тундре Ненецкого автономного округа или на Новой Земле.

К сожалению, в Великую Отечественную войну во время налётов фашистской авиации на Москву одна из бомб угодила в писательский архив и почти все приёмные дела 1934–1941-х годов сгорели. В войну погиб и практически весь архив Ленинградского института народов Севера, в котором обучался Николай Вылка. Поэтому теперь проследить все этапы биографии и жизни этого талантливого ненецкого писателя крайне сложно. Трудно проследить год его рождения и год его смерти (о чём говорилось выше).

Альманах № 16, 2016 год

Пётр Хатанзейский
Тыко и Авка
Фрагмент. Из архива «Заполярья»

Полярный Урал. Древний, покрытый шапкой вечных снегов. Исконная земля ненца-оленевода, но всегда поражающая его, жителя плоской тундры, своим величием. Здесь кончаются летние пастбища, а зимние начинаются там, за горными хребтами.

Ненцу с его оленьим стадом надо перебраться через горы и на всю зиму затеряться в Заобской таёжной глухомани. Тундра останется одна на долгую зимнюю ночь, разве что охотники на песцов будут порой нарушать её дремоту. С апрельскими ветрами тем же путём длинной вереницей медленно будут спускаться с гор оленьи обозы обратно в тундру.

Дорога проходит по отлогим склонам, по долинам горных речушек, есть и крутые опасные спуски, и потому переход длится не менее суток. Вслед за караванами обозов идут тысячные стада оленей, подгоняемые окриками и гиканьем пастухов. На перевале в это время стоит разноголосый шум, который слышен в горах на многие вёрсты.

Всё в движении. В этом шуме и зов земли предков, и радость предстоящей встречи с ней. И вдруг раздаётся:

– Во-он она, милая!

Десятки глаз смотрят вниз, на далёкую равнину снежной ещё тундры, но уже с пятнами талой земли, и улыбки появляются на усталых лицах.

А потом придёт пора отела – пора забот о важенках и маленьких оленятах. В это время ненец – и кормилец, и страж громадного оленьего стада. О, как он щедр на ласку и как внимателен к своим маленьким питомцам! Его доброе сердце не будет знать ни сна, ни отдыха.

Пройдёт время отела, и вновь тысячное поголовье вместе с только что народившимся молодняком будет двигаться навстречу холодным ветрам Карского моря. Так ведётся испокон веков, так было и той весной.

После долгой зимы тундра нежилась под лучами солнца. За день снег заметно оттаивал, но за ночь одевался в ледяной панцирь, образуя наст. Снег блестел радужным светом и звонко трещал под полозьями ехавшей по насту нарты. На ней сидел Тыко и весело погонял оленей. Упоённый ослепительно искрящимся светом, простором, тишиной, он пел, раскачиваясь в такт песне из стороны в сторону, как это делают взрослые. Звонкий мальчишеский голос разносил окрест повесть о том, что Тыко кончил шесть классов и только сегодня приехал из далёкого интерната, что ему уже двенадцать лет и он почти взрослый, только вот отец с матерью сомневаются в этом. И олени тоже, между прочим, взяли под сомнение его важный вид и его окрики, иначе бы они бежали гораздо быстрее. А про собак и говорить нечего: путаются под ногами, заглядывают преданно ему в глаза, дружат с ним, когда им хочется есть, а в остальном Тыко для них никто. Даже куропатки, которых не счесть вокруг, не признают его за взрослого, а всё оттого, что они ни разу не видели Тыко с ружьём. О если б дали ему настоящих ездовых оленей, а не таких, как эти клячи, да ещё бы и настоящее ружьё, – он бы показал, на что способен. Только вот где и как, он ещё не придумал.

…Наконец песня иссякла, и тут мальчик увидел, что два его ездовых оленя мирно лежат, подрёмывая под лучами яркого солнца. Тыко рассердился, но, вспомнив, что ему, собственно, спешить некуда, успокоился.

Залаяла собака. Тыко обернулся: что бы это значило? Собаки не видно, но лай слышен. Мальчик побежал в сторону лая и вскоре понял, что собачий лай доносится из низины, скрытой от глаз. Поднявшись на холм, он увидел чёрное пятно на снегу. «Пустое», – подумал Тыко и хотел, было, идти обратно, но собака стала отчаянно звать его, а затем подбежала и потянула за малицу…

Чёрное пятно оказалось отставшей от стада оленихой с маленьким недавно народившимся оленёнком. Его пушистый мех, пыжик, уже был сухим.

Испуганный таким «чудищем» – собакой-

-лайкой, оленёнок пытался встать на свои трясущиеся тоненькие ножки, но они были ещё слабенькие, и он падал. Олениха с трудом приподняла голову, на мгновение скосила глаза в сторону человека и оленёнка и снова, опустив её, затихла.

Собака бегала вокруг важенки и оленёнка, обнюхивая их. Тыко громко прикрикнул на неё:

– Уймись! – И уже тише, вслух стал размышлять:

– Видишь, у оленёнка мать умирает. Она ведь что-то сказала мне, но я не понял. Может быть, она просила спасти её оленёнка. Но как же я спасу, когда он чуть живой, а до стойбища так далеко?...

Он стоял в раздумье, а важенка меж тем дёрнулась ногами, вздрогнула, и глаза её стали остывать. Схватив оленёнка на руки и не оглядываясь, Тыко побежал в сторону оленьей упряжки. Там укутал его в оленью шкуру и уложил на нарты. Взял вожжи и хорей и направил упряжку в сторону стойбища. Всю дорогу мальчик держал оленёнка на руках, прижимая его к груди и дыша ему прямо в мордочку.

В стойбище он застал отца и рассказал, где нашёл важенку и оленёнка. Мать разогрела для Тыко обед, а оленёнку сварила суп, приправленный мукой. Вечером Тыко слышал, как отец ругал пастуха Ного за падёж важенки. Ного мальчик не любил: тот всегда зол, нелюдим, груб с оленями, бьёт собак. Вон даже сейчас он, оправдываясь, грубит отцу. Но Тыко было уже безразлично, о чём там говорили взрослые. Важно, что отец похвалил его за спасение оленёнка, велел сохранить и вырастить.

Оленёнок был чёрной масти с белыми пятнышками на кончиках ушей, даже мягкие оленьи губы были белые, а запястья ног окольцованы чудным белым узором. Лежал он на подстилке, вздыхал, издавая хриплое: «а-а-вк, а-а-вк…».

Тыко сидел возле него и сокрушался:

– Ну что ты, маленький, всё «авк» да «авк»… Плохо без мамы, но что же делать? Успокойся, друг мой, всё будет хорошо. А звать я тебя буду – Авко…

Утром мать увидела Тыко, сидевшего около оленёнка.

– Ты что же, не ложился спать? – спросила она.

– Понимаешь, мама, он такой беспомощный и без мамы, – тихо ответил мальчик и нежно прижался к матери.

В это время к стойбищу подъехал отец:

– Посмотри, Тыко, что я привёз для твоего питомца, – и подал бутылочку.

– Молоко? Настоящее оленье молоко?! – с радостным удивлением воскликнул мальчик.

Так появился у Тыко друг по имени Авко.

Прошло месяца два. Отзвенели весенние паводки, и отшумели грозы. Стадо, охраняемое бригадой отца Тыко, наконец пригнали на летние пастбища, покрытые молодой сочной травой. Уставшие за долгий переход олени теперь откармливались. Бригада была довольна: сумели сохранить молодняк.

Лето обещало быть не очень жарким, потому что холодные ветры постоянно напоминали, что недалеко за горизонтом – льды Карского моря. Начиналась летняя страда оленеводов. Дел было много, хватало их и для Тыко. Кто ездовых оленей пас? Все знают – Тыко! Кто пастухам, занятым круглосуточно во время отела, еду возил? Все знают – Тыко! Кто следил за ремнями, лямками и прочей упряжью, чтобы они были пригодными? Тыко. Кто кустарник для очага заготавливал? Опять же Тыко! В общем получалось, что во всех малых и больших делах не обходилось без него.

Вот и сейчас Тыко шагал рядом с отцом, даже в походке подражая ему. С утра мальчик с нетерпением ждал, когда отец закончит свои бригадирские дела. Сегодня отец обещал показать рыбное озеро, а заодно и научить рыбацким хитростям.

Обогретая солнцем земля сладко пахла цветами и травами. Как хорошо было сейчас Тыко рядом с отцом! Как интересны его рассказы! Тыко боялся упустить что-нибудь важное из сказанного отцом. А тот говорил о повадках хариусов, обитающих в этих озёрах, о пелядках и сигах…

Так в разговоре дошли до озера. Там отец попросил Тыко помолчать. Мальчик послушался, и они тихо стали разбирать снасти.

Но что такое? Послышались всплески воды, чьё-то довольное фырканье. Рыбаки с удивлением и недовольством подняли головы, чтобы узнать, кто нарушил спокойствие. По прибрежной воде, взбрыкивая задними копытцами, игриво задирая и закидывая то влево, то вправо безрогую головёнку, носился Авко! Отец беззлобно сплюнул и весело расхохотался:

– Ну, какая уж тут рыбалка!

Конечно же, этот шалун шёл по их следам. Увлечённые разговором, отец с сыном ни разу не оглянулись, иначе, увидев оленёнка, спровадили бы обратно. Но что поделаешь, если так получилось? После всего того, что произошло, им ничего не оставалось, как смотать снасти и вернуться восвояси.

Ах, Авко, какого удовольствия лишил ты своего друга Тыко! Он даже хотел надавать тебе шлепков, но лишь погрозил пальцем. Авко стоял по колено в воде, шевелил ушами и всем видом показывал:

– Вот он и я! Вы что, не ждали меня?! Правда я хороший?!

Потом встряхнулся и, шлёпая по воде, прямиком пошёл к другу, вытягивая мордочку в ожидании ласки…

Альманах № 16, 2016 год

А. Дуркин

В куропачьем чуме

Из архива «Заполярья»

В то памятное утро погода была тихой, ничто не предвещало пурги. Тонкий слой мягкого снега-пыхи лежал вокруг. «Хорошо! Будет чем закрывать капканы, и следы зверей заметны», – удовлетворённо подумал охотник. Накормил нерпичьим мясом шестёрку ездовых псов, а сам ушёл в избушку пить чай.

Около семи утра запряг собак, сложил в нарты охотничье снаряжение и поехал на побережье. Сегодня ему предстояло сделать круг километров в пятьдесят, осмотреть семьдесят капканов.

Вот и первый. Николай лопатой потрогал на капкане снег, не омерзел ли он. Пружина легко сработала. Капкан снова насторожил, замаскировал.

Начало рассветать. Показалась узкая полоска зари. Солнца не было видно: в декабре оно не поднимается. Николай заметил следы песца, которые шли к следующему капкану. Когда подъехал, то увидел, что зверь приходил к приваде не со стороны капкана, а с противоположной, съел рыбу, оставил лишь головки, раскидал по сторонам. Приходил хитрый песец.

Вдруг собаки понеслись, что есть духу, видно, почуяли зверя. «Попался, голубчик», – радостный Николай спрыгнул с саней, связал рвущихся собак и подошёл к песцу, который метался и кусал капкан. Следующие капканы были пусты, привады – нетронуты, хотя всё чаще попадали строчки следов. На повороте с побережья в тундру попал другой песец.

До избушки оставалось километров десять, когда Николай обнаружил у очередной привады пятна крови на снегу, но капкана не оказалось, торчал лишь обрезок цепи. «Ушёл. Надо догонять по следу», – и охотник погнал упряжку. Песец бороздил капканом снег, оставляя на нём капельки крови. Следопыт с тревогой заметил, что темнеет, но поиски не бросил.

Но вот след начал кружить – признак того, что песец услышал погоню. Стало темно. Вдруг упряжка рванулась и сразу же остановилась. Под полозьями оказался песец. Николай вытащил его, положил в мешок, повернул назад по следу. С каждой минутой усиливался ветерок. След стало затягивать позёмкой. Взглянув на небо, охотник увидел, что оно быстро заволакивается тучами. Приближалась пурга. Вскоре она усилилась так, что даже собаки вперёд не пошли. Николаю ничего не оставалось, как устраиваться в куропачьем чуме. Сани поставил на бое, против ветра. Бросил мешки, улёгся на них, собаки прижались со всех сторон. В малице и тобоках среди собак охотник не боялся холода. Вскоре нанесло снег вровень с санями, человек и упряжка оказались в снежной берлоге, оставалось лишь отверстие для свежего воздуха.

Всю долгую декабрьскую ночь свирепствовала пурга. Сон не шёл. Николай думал о поездке в посёлок к семье, о том, как старший сын Вова, провожая отца в избушку, говорил: «Следующий раз возьми с собой, папа. Хочу увидеть живого песца. Возьмёшь с собой, а?», – и чёрными глазёнками жалостливо смотрел на отца. Думал о жене. Поди не спит, беспокоится. Ведь пурга. А когда она успокоится, эта затяжная полярная непогода? Заснул лишь под утро. Когда стало рассветать, вылез, осмотрелся. По-прежнему кружилась плотная стена снега, забивало рот, глаза, прерывало дыхание. Пришлось лезть обратно к собакам. Есть не хотелось, хотя с собой была мороженая навага, взятая на приваду. После полудня ветер уменьшился, Николай вылез. Решил добраться до избушки, дл которой, как он считал, было не более пятнадцати километров. Откопал сани, собак. Раздал им оставшуюся рыбу, запряг. Поехал прямо по ветру. Он знал, что никак не проедет реку, на берегу которой стоит его избушка. Доехать до берега, а потом спуститься вниз, к жилью.

Снова усилился ветер. Видимости не стало. Собаки выбились из сил. Николай пошёл пешком, ведя за собой упряжку, всё же надеясь выйти на берег реки. Но реки не было, хотя он шёл долго. «Неужели заблудился? Наверное, ветер сменился, и я потерял направление. Надвигается ночь, придётся снова в куропачьем чуме ночевать», – думал охотник. Вдруг, прорезая пургу, в небо взвилась ракета. Николай побежал на выстрел, зовя собак. Вскоре показалась упряжка оленей. «Егор»!..» Приятели радостно поздоровались. Только тот, кто бывал в тундре, кого застигала пурга, знает, насколько сердечной бывает встреча. Николай коротко рассказал, что с ним случилось.

– Да… большая пурга, в такую погоду и старый оленевод заблудиться может, – выслушав, сказал Егор. – Я ездил смотреть оленей. Поедем скорее в чум, а то ты совсем однако замёрз.

Посадив Николая к себе на нарты, Егор погнал оленей. Собаки, не отставая, бежали сзади. Вскоре показался чум, около которого стояло несколько оленьих нарт, поставленных полукругом. Это было стойбище охотничьего няпоя.

В чуме Николаю помогли раздеться. Стащили тобоки, дали тёплые валенки, усадили за столик. За едой шла оживлённая беседа об успехах, неудачах в охоте. Видя, что гостя стало клонить ко сну, постелили ему, и он сразу заснул крепким сном.

Утро выдалось морозным, чистым. Поблагодарив охотников за гостеприимство, Николай погнал упряжку к избушке. На душе было тепло, радостно.

Альманах № 17, 2017 год

Лариса Торопова

Дмитрий Свешников

Исполнилось сто лет преданному художнику ненецкого народа Дмитрию Свешникову (14 июня 1912 г. – 4 сентября 1997 г.). К этой дате в Архангельском музее изобразительных искусств приурочили выставку. Дмитрий Константинович – член-корреспондент Академии художеств, первый Почетный гражданин города Нарьян-Мара.

Вехи биографии

Он принадлежит к тем большим художникам, творчество которых отличает многообразие тем; одной из них является Крайний Север.

Дмитрий Свешников родился в селе Людиново Смоленской губернии. Это была семья, в которой, по воспоминаниям старшей сестры художника Анны Строчилиной, строго хранились обычаи предков и вера. «Не слышали дети брани, не видели скверны. Нас, детей, берегли», - писала она. А детей у Константина Ивановича и Анны Васильевны было одиннадцать…

Свои первые шаги в творчестве Дмитрий сделал в городской студии «ИЗОРАМ». С 1928 по 1931 годы он работал токарем на заводе, затем художником в заводском клубе. В 1931 году семья переехала в Ленинград, где Дмитрий Константинович работал на заводе Электросила». Затем учился на живописном отделении Ленинградского художественно-педагогического училища, после окончания которого с 1937 по 1941 годы служил на Северном военно-морском флоте в качестве художника театра.

Во время Великой Отечественной войны Дмитрий Свешников служил в штабе Северного флота художником-маскировщиком кораблей. Родина оценила его фронтовые заслуги орденом Красной Звезды и медалями. В Мурманске молодой военный встретил свою судьбу – Клавдию, женился на ней. Девушка была из семьи репрессированных, и Дмитрию, старшему лейтенанту, сказали: «Разводитесь или уходите из армии». Он предпочел демобилизоваться, свою Клавдию художник очень любил. В 1946 году семья переехала в Архангельск.

Счастливый художник

– Среди архангельских художников Дмитрий Константинович, конечно, явление, и занимает достойнейшее место, – отметила директор музейного объединения Майя Миткевич. – Дмитрий Константинович – счастливый художник, потому что он очень быстро нашел свою тему в живописи: судьба ненецкого народа, обитающего в бескрайних просторах тундры и строящего в те годы свою жизнь по новым законам. Художник знал эту жизнь не понаслышке, он много путешествовал по тундре, жил среди ненцев, делил с ними суровый быт, привозил много натурного материала, много писал и много выставлялся. В лице Дмитрия Свешникова живопись обрела очень важную тему – утверждение достоинства и красоты маленького северного народа.

Выставка построена на материалах коллекции Архангельского музея изобразительных искусств, насчитывающей около ста произведений. К сожалению, в ней нет главных работ, которые принесли ему славу и признание. В 1950-е годы архангельского музея еще не существовало. Все основные картины приобретались с всесоюзных и всероссийских выставок и расходились по всей стране. Но выставка, по мнению Майи Миткевич, дает разностороннее представление о творческой личности художника и о том богатом наследии, которое оставил он людям.

Тема ненецкого народа появилась в творчестве Дмитрия Свешникова почти случайно. Однажды в Архангельске его внимание привлекла житейская сценка: из родильного дома в сопровождении медсестры вышла молодая женщина с ребенком на руках. Ее муж бережно взял младенца. Супруги были смуглы, черноволосы, в национальных одеждах. Увиденная сценка подтолкнула молодого художника к созданию картины, но на холсте живая сцена вдруг погасла. Он понял, что не хватает ему подлинных впечатлений и знаний о жизни ненецкого народа. И весной 1951 года Дмитрий Константинович впервые отправляется в заполярную тундру…

«Немало пришлось прошагать художнику по тундре, прежде чем появились новые сюжетно-тематические картины. Он продолжал изучать жизнь народа, его характер, национальные черты, традиции, культурные достижения. В эти годы был написан ряд крупных, основополагающих произведений: «На Крайнем Севере» (1952), «Скорая помощь» (1953), «На промысловой разведке» (1954), «С Большой земли» (1954). Все эти картины – результат второй поездки Свешникова в тундру. Из этой поездки он привез более шестидесяти этюдов. В это время складывается манера художника, по которой он безошибочно узнается: пейзаж северного лета, светлая полоска неба, тщательность исполнения деталей, декоративные пятна одежды, смелый мазок. Постепенно, отходя от мелких сюжетов, Д.К. Свешников начинает разрабатывать форму эпической картины, пытается подчеркнуть неразрывную связь человека и природы», - пишет архангельский искусствовед Зоя Кулешова.

Вот он, мой герой!

1958 год принес живописцу удачу – его картина «Хозяин тундры», написанная годом раньше, получила серебряную медаль министерства культуры СССР, бронзовую – Всемирной выставки 1958 года в Брюсселе. В этом же году он становится членом-корреспондентом Академии художеств СССР. Работа «Хозяин тундры» находится в собрании Государственной Третьяковской галереи.

Дмитрий Константинович не раз рассказывал об истории создания этой картины. Вот как передает рассказ художника Зоя Кулешова: «Однажды подъезжаем к стойбищу, вывернулись из-за чума – я и ахнул: вот он – мой герой! Полулежит на нартах, и столько красоты в нем, силы… Да только миг один он нас не замечал, тут же вскочил, поспешил навстречу». Оленевод охотно согласился позировать и через несколько часов предстал перед художником. «Я как глянул на него, так за голову и схватился: нарядный пришел, выбрит до сияния… Ты же, говорю, все дело мне испортил».

И как они ни старались, восстановить ту неповторимую позу не удавалось. «Махнул я рукой на свои старания и начал писать этюды. И столько мы переговорили за это время, человек раскрылся передо мной. Тут понял я снова: не в позе главное, не в костюме – душу узнать надо. После мне в тундре уже не сиделось. Как домой вошел, холст на мольберте поставил и стал писать. И вдруг ясно увидел, как пастух на нартах сидел, как смотрел он, все вспомнил. Неделю от холста почти не отходил. Так и появился мой «Хозяин тундры».

Свой человек в Ненецком округе

Дмитрий Свешников рисовал и маслом, и акварелью. Иду по выставке. Вот несколько акварельных пейзажей – «Водопой на реке Печоре», «Морошка», «Над стойбищем». Видно по этим картинам, что художник хотел запечатлеть тундровую природу в разных ее состояниях, и это ему удалось. Много сюжетно-тематических картин – «В пути», «Василковская буровая» (1972 год), «Вечер на буровой» (это произведение написано в 1976 году), «Переход на новые пастбища» – огромное полотно эпического звучания – строгая композиция с силуэтным решением фигур оленеводов и оленьих упряжек, светлый радостный колорит. Но больше всего на выставке портретов. Среди них такие известные, как портреты пастуха шестого стада Таисьи Тайбарей, учительницы Ф.И. Лаптандер (находится в Мировой картинной галерее Альбертинум города Дрездена) и менее известные, например, портрет директора сельхозстанции Петра Рочева, портрет спецкора газеты «Няръяна вындер» Валерия Пырерки… С живописных полотен глядят на нас ненецкие дети, старики, оленеводы, геологи, глядит сама история советской эпохи.

Юрий Романов, руководивший Ненецким округом на протяжении пятнадцати лет в 70–80-е годы прошлого века, принес буклеты старых выставок Дмитрия Свешникова, и на одном из них, прямо на репродукции картины «Хозяин тундры» художник написал: «Юрию Степановичу на добрую память от Народного художника РСФСР, Почетного гражданина г. Нарьян-Мара Свешникова. 1982 год».

– Я часто встречался с Дмитрием Константиновичем. Он принимал живое, активное участие во многих событиях, происходивших в округе. В тундре не каждого признают своим, а он это по праву заслужил. Его тундровики уважали, любили, и сейчас, думаю, почитают и любят, поскольку он раскрыл и последовательно воплощал в своем творчестве тему Ненецкого округа, его природы и людей. В его работах есть знаменитая сопка Обседа, на которой пастухи-оленеводы местных хозяйств встречались в дни празднования в тундре. Поселок Нельмин-Нос он не забыл… Когда мы поздравляли его с 75-летием, он сказал: «Думаю и впредь продолжать прославлять Крайний Север и тружеников НАО». Дмитрий Свешников был честным художником своей эпохи…

2013 год

Василий Ледков-Малоземельский

Поединок

Из архива «Заполярья»

Раннее зимнее утро. На горизонте, где снеговая ширь сливается с тёмно-синим сводом неба, занимается розовая полоска зари. Её свет проник во тьму уходящей ночи и отразился на спинах дремлющих сопок. От этого тени бледнеют, меркнет холодный блеск запоздалой луны. В этот час витающая над тундрой таинственная тишина нарушается: в сторону восходящей зари в стремительном беге несётся испуганный олень; цокот его копыт частой дробью отбивается в мерзлоте накатанного морозами наста и скрипящим звоном улетает в эфир. В тишине зимнего утра этот звон отдаётся далеко вокруг. Он то утихает, удаляется, теряясь где-то в пространствах, то возникает снова, приближается, нарастает всё больше и больше, а затем опять постепенно уходит вдаль.

…Бег оленя напряжён. Он откинул голову ввысь, упругая шея выгнулась колесом.Из полуоткрытой полости рта вылетают клочья пены.

Порою олень переходит с галопа на рысь, оглядывается назад, но тут же, сердито фыркнув ноздрями, делает отчаянный прыжок и стрелою несётся дальше.

А позади его, уже видимый в сумраке утра, неотступно следует волк. Крепкие жилистые ноги легко несут его длинное туловище.

Завязавшийся поединок продолжается до последней возможной черты, отодвигая момент развязки. Побег затягивается: отсвет зари поглотил в себя тени сопок на стороне восхода, и новые тени легли уже на противоположной их стороне, где до этого таяли отблески луны.

Однако зверь настигает жертву, и расстояние между ними, хотя и медленно, но сокращается. Вот ещё несколько прыжков, и ещё последний дикий прыжок, – клыки хищника вцепятся в голень, а затем в горло оленя, и произойдёт расправа.

Остаются последние секунды. И вдруг… Величественный скачок оленя с вывертом и ярым броском обратно – волк ударяется о рога.

Но борьба не кончилась этим. В порыве буйства олень налетает на врага, ещё барахтающегося на месте падения, и начинает его топтать. Потрёсенный зверь в смятении издаёт душераздирающий визг, извивается, катается под оленьими ногами, пытаясь подняться.

Хищник живуч. Вот он изловчился, вскочил, наконец, на ноги и с оскаленными зубами встречает оленя головой к голове. Лишь теперь борьба, что называется, достигает своего апогея. Скрежет зубов и топот копыт, визги и фырканье, клочья шерсти и брызги крови – всё это смешалось, заклубилось. Один нападает, другой даёт отпор и наступает сам. И так чередуются ролями, горя в пламени страха, дрожа от ярости и дикости. Дерутся, терзаются два врага. Под ними трещит студёный наст, а над ними вихрями крутится снежная пыль. Они непримиримы до тех пор, пока один из них не окажется побеждённым, ибо это – борьба на смерть.

Волку не удаётся его обычный приём – подход к жертве сзади, и тогда он идёт напролом. Он бешено прыгает прямо на голову оленя, но опять неудачно. Олень встречает зверя, стоя на задних ногах, и дубастит копытами. Волк тоже оказывается в вертикальном положении и, упершись передними лапами на грудь оленя, пытается сквозь падающие на голову удары вонзить клыки в его горло.

Казалось, развязка наступила. Но в этот момент… Подобно смерчу, что-то необычайное проносится над их головами. Враги отскочили разом и замерли оба в странном оцепенении. Органы чувств не обманули их: огромная, страшно ревущая птица круто повернулась и пошла в их сторону на второй заход. Нервы волка и оленя не выдержали и с места недавней битвы они понеслись в разные стороны.

Через какое-то мгновение самолёт низко повис над удирающим волком. Грянул залп охотничьего ружья, и хищник, пронзённый жгучей картечью, закувыркался, присел, послал в воздушный простор свой последний вой и растянулся одиноким трупом на суровом снежном пустыре.

А олень отбежал галопом с десяток прыжков и, свободный от преследования, перешёл на рысь, на вольную размашистую рысь, при которой изумительная грациозность в гармонии с пластичностью мерных движений его гибкого стройного стана создают неописуемо очаровательную картину.

Тем временем солнце взошло. В его лучах засветился, заискрился морем алмазных бисеринок снег, озарилась суровая красота Севера, дорогая и родная для обитателей этого края. И в этой сказочной лазурной стихии проносится быстроногий, по-птичьему лёгкий олень – краса и гордость природы, этот царь тундровых равнин, необъятных, привольных и мирных.

Альманах № 15, 2015 год

Евдокия Самодурова
Охота

Приехал из города в деревню к деду с бабой паренек Данилка. Был он добрый малый, но что бы он ни делал, все получалось вкривь - вкось. Он старался помогать своим старикам как мог: то дров расколет, то в огороде поработает, то начнет что-то ремонтировать. Но после этой усердной работы старики чуть не плакали, глядя на него.

Пойдет на рыбалку – чуть в сетях не запутается, баньку будет топить – чуть ее не спалит, дрова будет колоть – чуть ногу не оттяпает. Старики с опаской наблюдали, как бы опять чего не натворил.

Бабушка очень любила своего непутевого внука и жалела его: «Отдохни, дитятко, – говорила сердобольная бабуля, – иди погуляй».

С приближением сезона охоты Данилка все чаще поглядывал на старое дедовское ружье, висевшее на гвозде, и заводил разговоры об охоте. Ведь упросил-таки деда дать ему это ружье, пообещав, что ничего с ним не случится. Соседи над ним потешались, знали, что любая Данилкина затея кончалась или плачевно, или забавно.

Увидев рано утром Данилку с котомкой за плечом и старым дедовским ружьем, женщины у колодца гадали, чем эта охота закончится.

– Ружжо-то не потеряй! – кричит ему вслед дед.

– Дитятко, хоть сам-то не потеряйся, – вторит ему бабка.

– Да будет вам! – бурчит себе Данилка и весело шагает, мурлыча под нос какую-то песенку.

А дорога вьется серой лентой, манит вдаль. Вот темный бор шумит вдалеке. Вот болото с редкими чахлыми деревьями. Чуть их тронешь, они тут же падают. Тут надо ходить очень осторожно – кругом кочки, мох, пожухлая трава, под ногами хлюпает холодная вода. Так и бойся, что провалишься.

В эту осень клюквы уродилось на радость много. Кто не ленив, с утра до самого вечера пропадает на болоте. Стараются до холодов быстрее собрать ягоду. Все кочки усыпаны крупной клюквой, как будто кто-то нарочно опрокинул ведерко на эти кочки. Красота!

А зимой делают из клюквы морсы, варят кисели, компоты или сырком натирают с сахаром – к чаю прекрасное дополнение, просто объеденье. Или же кидай в рот эту сочную ягоду и наслаждайся. Очень целебна эта ягода, вылечит от хвори, от любой простуды. Как выпьешь морс – считай, выздоровел. «Ах, хороша ягода, крупна, сочна, спела», – нахваливают ее люди. Они заготавливают ее впрок: и себе в запас, и в город на продажу. А городские люди по болотам ходить непривычны, вот и покупают себе на здоровье.

Данилка тоже сходил на болото за клюквой, набрал целое ведро да ноги промочил, простудился. А лекарство-то вон оно, рядом! Сам собрал, сам лечись!

Милая бабуля переживала за своего внука, отпоила его вкусным клюквенным киселем, попарился он в жаркой баньке да березовым веничком его дед отхлестал – вот и поправился наш молодец. Расцеловал он свою бабулю в обе щечки, какая она у него хорошая! А дед сидит на лавочке, улыбается.

Сегодня Данилка идет на самую настоящую охоту. «Настреляю зайчиков, уточек. Бабушка сварит целый котелок вкуснятины – пальчики оближешь», – мечтательно думал наш охотник.

Вот и лес дальний. «Тут людей нет, значит, и звери здесь непуганые, – думал Данилка. – Только жаль, что собачку с собой не взял. Хоть и старая она, а по следу бы пошла. Все, начинается охота! Кто не спрятался, я не виноват!»

Но его уже заметили. «Ах, эта глупая сорока, будь она неладна, опять шум подняла. Стрекочет и стрекочет, всех зверей распугает!» – думал горе-охотник. Схватил с земли еловую шишку и запустил в нее, стараясь отогнать. Она пуще прежнего застрекотала. К ней подлетело еще несколько сорок, и такой шум подняли, хоть уши затыкай. Всю дичь распугали. Вот незадача: куда он, туда и сороки. И все стрекочут и стрекочут.

«Не видать мне жареной зайчатины», – сокрушался Данилка.

Устал, проголодался. Присел отдохнуть в тени пушистой ели, огляделся.

Недалеко плескалось синее озеро, белые облака отражались в воде и плыли-плыли куда-то. Вокруг шумел-гудел лес, чуть покачивались верхушки прямоствольных сосен, красивые листья осинок трепетали на ветру. И сороки куда-то пропали. Стая уток пролетела над водой и скрылась из виду. Какая красота вокруг: небо синее над головой, а воздух чистый-пречистый! Сидел Данилка под елью, глядел на эту несравненную красоту и не заметил, как уснул.

Красные, желтые, зеленые листья рябят перед глазами, музыка чудесная звучит, нежно лаская слух. Откуда она доносится? Данилка подошел к озеру и от удивления застыл на месте. Стая уточек пролетела над ним и плавно села на воду. И начали уточки под эту прекрасную музыку, которой было наполнено все вокруг, кружиться, словно танцевали свой древний танец. Вот это да! Бывает же такое! Плавали-плавали, кружились-кружились, нырк, – и нет их! Вдруг послышался девичий смех. На том берегу, на ромашковом лугу девушки водили хоровод и песню задушевную пели. Вроде бы он уже слышал эту мелодию. Вспомнил – его бабуля иногда за работой выводила эту песню, такую родную.

А песня летит над озером. Ёкнуло у Данилки сердце: да это же мои уточки в девушек прекрасных превратились. Не может того быть! Значит, если бы начал стрелять, то случилась бы беда!

«Ох, ох! – заохал Данилка. – Вот незадача».

Девушки заметили его, засмеялись и стали звать к себе: мол, плыви к нам. А Данилке очень понравилась одна из них: чернобровая такая, ясноглазая. Ну, была, не была! И бросился в воду, только брызги в разные стороны полетели.

Сон как рукой сняло! Где это он? То же синее озеро тихо плескалось невдалеке, лес шумел вокруг, осинки трепетали, шевеля красными листочками. Солнце начало клониться к закату.

«Приснится же такое! – Удивлялся Данилка. – Рассказать кому, не поверят, только засмеют, чтобы уточки да в девушек превратились.

И хорошо, что не стал стрелять. Да ну, это ружье, отдам бабуле, пусть спрячет от глаз подальше. Не буду больше охотиться!» И пошел домой. А по дороге нашел целую семейку белых грибов, да таких крепких, прямо загляденье. Вот бабуля нажарит грибочков, они лучше зайчатины будут с луком, да картошечкой, да соленым огурчиком закушу.

До того размечтался, что слюнки потекли. Так есть захотелось, и пошел побыстрее домой. Проходил мимо клюквенного болота.

– Много дичи настрелял? – Крикнул ему сосед, осторожно выбираясь из болота с полным ведром клюквы.

– Нам хватит, – уклончиво ответил Данила и быстро зашагал к родному дому, крыша которого уже виднелась вдали.

Всё! Наохотился!

Альманах № 8, 2008 год

Наталья Чупрова
Мамины рассказы о войне

Мечта о буханке хлеба

Дня Победы ждали все. Приближать этот день помогали наравне со взрослыми и дети. Они так же самоотверженно трудились и на рыбоучастках, и на заготовке корма для скота.

Клавдия Степановна брала с собой на сенокос малых ребятишек. Сыновья её работали целый день не покладая рук.

Однажды поздним июльским вечером уставшие, голодные взрослые и дети возвращались домой. Большая деревянная лодка плавно покачивалась на волнах. Все молчали. Глядя на родную матушку – Печору, каждый думал о своём.

Молчание вдруг нарушил Рудька, старший сын Клавдии Степановны. Худенький, с тонкой шеей мальчик, неожиданно сказал: «Мамка, когда будут давать хлеб без нормы, так ты возьми себе буханку хлеба, мне буханку и Петьке тоже».

Рудька смотрел на мать и ждал ответа. Но она ничего не ответила. По её щеке текла слеза. Она мечтала не о буханке хлеба, а о том, чтобы быстрее вернулся с войны муж и отец её голодных детей.

Подвиг

Старенькая, седовласая и мудрая, самая добрая бабушка на свете и юная хрупкая красавица внучка сидели на кухонке в старом деревенском доме. Топилась печь. Трещали дрова в печи. Ворчал самовар. Бабушка неторопливо вела рассказ.

Это было в ноябре 1941 года. Рыбачили мы в Фарихе, в 120 км от Нарыги. Мне в ту пору семнадцать лет было, молоденькая, как ты сейчас, внученька. Одна из лошадей поранила ногу, надо было вести её к ветеринару в деревню. А лёд на озёрах и шарах ещё очень тонкий был, не говоря уж про Печору.

Бригадир, посовещавшись с рыбаками, решил отправить меня. Отказываться нельзя было, время военное.

Взяв немного провизии, я со Смелым отправилась в путь. День в ноябре короткий, темнеет рано. Идти в темноте опасно, лед тонкий, лошадь скользила на голом льду.

Вечером, выбившись из сил, кое – как добравшись до ближайшей пожни, я зарывалась в зарод сена, чтобы не замёрзнуть и хоть немного вздремнуть. Было темно, холодно и страшно. Смелый стоял около зарода с сеном, жевал и ждал, когда мы снова двинемся в путь.

Трое суток мы были в дороге. Но все же я справилась с этой задачей, довела раненого коня до деревни.

Когда бабушка закончила свой рассказ, внучка воскликнула: «Бабушка, да ведь ты же совершила настоящий подвиг! Будь я на твоём месте, ни за что не повела эту лошадь, я бы умерла со страха».

А бабушка спокойно ответила: «Повела бы и ты, Женюшка, время было такое».

Из неопубликованного

Содержание

Георгий Суфтин 3
Иван Меньшиков 3
Ф. Дмитриев 4
Семён Ноготысый 4
Пые Хуба 5
Егор Талеев 6
А. Кулаков 7
Тарсовей Харючи 8
Анатолий Рожин 8
Пётр Тайбарей 9
Игорь Добротворский 10
Павел Усов 11
Павел Негодяев 13
Стеша Ардеева 14
Ефим Соболев 15
М. Тетеревлёв 15
Вл. Ершов 16
Сосновский 16
Владимир Михайловский 17
Анатолий Рожин 18
Александр Канюков 20
Валентин Дод 20
Василий Журавлёв 21
Ада Рыбачук 22
Василий Скробов 23
Александр Канюков 25
Борис Котачев 26
Михаил Скороходов 28
Александр Тунгусов 29
Владимир Михайловский 32
Тарас Курьянов 34
Александра Корепанова 35
Михаил Истомин 37
Ким Вэркойд (Хатанзейский) 40
Андрей Кокшаров 42
Алексей Пичков 43
Василий Ледков 43
Алексей Пичков 44
Прокопий Явтысый 45
Василий Ледков 46
Лукерия Валей 47
Инэль Яшина 48
Андрей Чуклин 48
Инга Артеева 50
Ирина Ханзерова 51
Матрёна Талеева 52
Александр Чупров 54
Любовь Царькова 56
Ольга Пашун 57
Сергей Тарабукин 58
Игорь Лавриненко 59
Ирина Коткина 60
Валентина Горчакова 61
Валерий Ледков 62
Елизавета Выучейская 63
Александр Салов 64
Галина Тайбарей 65
Владимир Орлов 66
Олег Ягель 68
Алексей Канев 68
Этне 69
Иван Печерских 69
Николай Миловский 70
Сергей Митькин 73
Ксения Муравьёва 74
Виктор Матвеев 75
Елена Алёшина 76
Николай Епифановский 77
Татьяна Окладникова 78
Светлана Опарина 78
Лидия Сядейская 79
Елена Галимова 80
Ангелина Прудникова 82
Владимир Фомин 83
Роман Киселёв 83
Алексей Коткин 84
Анна Пушкина 85
Роберт Вылка 86
Григорий Бармич 87
Светлана Миронова 89
Ирина Коваль 90
Светлана Коныгина 92
Ирина Селиверстова 93
Нина Чупрова 95
Галина Торцева 95
Константин Селиверстов 96
Сергей Косолапов 96
Рудольф Филиппов 98
Алексей Вылка 99
Вадако'' Ларь 101
Ксения Просвирнина 103
Нина Валейская 104
Серафима Дуркина 106
Елена Лыкова 107
Лариса Торопова 108
Ирина Маркова 108
Вячеслав Воложин 109
Наталья Ардеева 110
Валентина Коскова 112
Андрей Сядейский 112
Ольга Крупенье 113
Андрей Солопов 115
Елена Хатанзейская 116
Мария Агафонова 117
Мария Кравченко 118
Полина Акимова 120
Валерий Селиверстов 121
Ольга Латышева 122
Альберт Ардеев 123
Зинаида Корепанова 124
Григорий Торопов 124
Зоя Шалькова 125
Татьяна Зуева 125
Татьяна Айматова 126
Владимир Чупров 127
Марина Люблинская 127
Татьяна Корепанова 129
Людмила Корепанова 129
Мария Бармич 131
Пётр Хатанзейский 132
А. Дуркин 134
Лариса Торопова 135
В. Ледков-Малоземельский 137
Евдокия Самодурова 138
Наталья Чупрова 139